

9
5

საქართველოს
ბიბლიოთეკა

ШОТА РУСТАВЕЛИ

ნოსტალი
ბარბოვ
აკურუ

ГРУЗИНСКАЯ ПОЭМА
XII^{го} ВѢКА

переводъ
К.Д.БАЛЬМОНТА

ИЗД. Д. ХЕЛАДЗЕ ПАРИЖЪ

1933

ШОТА РУСТАВЕЛИ

Носящій Барсову Шкуру

Грузинская поэма XII вѣка

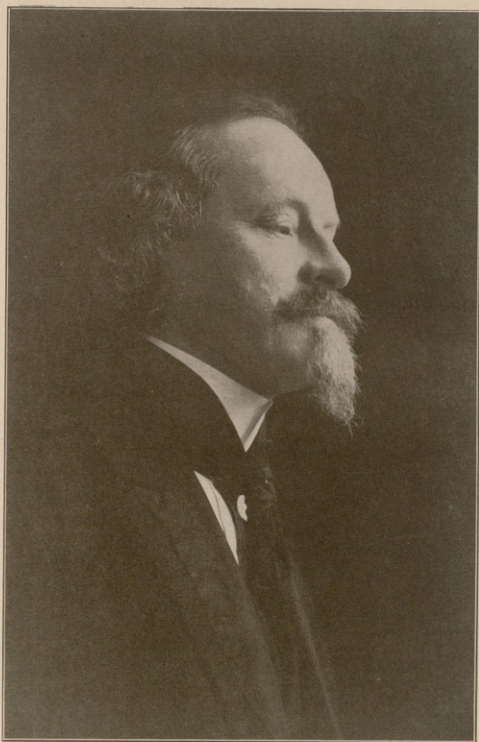
Переводъ К. Д. Бальмонта

ПАРИЖЪ
ИЗДАНИЕ Д. ХЕЛАДЗЕ

—
1933

R 9.678
509

ՀՀ ԳՆԱԿԱԿԱՆ
ՍԵՐՎԻՍ
ՊԱՍՏՈՒՄ

C. BALMONT

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

C. BALMONT

შოთა რუსთაველი

JUSTIFICATION DU TIRAGE :

IL A ÉTÉ TIRÉ DE CET OUVRAGE DIX EXEMPLAIRES SUR PUR FIL
LAFUMA NUMÉROTÉS DE 1 A 10, QUARANTE EXEMPLAIRES SUR
CHROMOTYPE NUMÉROTÉS DE 11 A 50, SEPT CENT CINQUANTE
EXEMPLAIRES SUR ALFA.

ПОЭМА РУСТАВЕЛИ.

Предисловіе къ полному переводу ея.

Плѣнный Грузіей и Кавказомъ еще въ юности, — первое путешествіе, которое я сдѣлалъ въ моей жизни, когда мнѣ было 22 года, было на Кавказъ, — углубленно очарованный Грузіей въ болѣе поздніе мои годы, во время неоднократныхъ пріѣздовъ моихъ на Кавказъ, я завлекся мыслью воспроизвести въ Русскомъ стихѣ поэму Руставели «Посяцій барсову шкуру», эту поэтическую святыню каждаго Грузина. После нѣсколькихъ лѣтъ изученія этой тѣвучей былинны Грузіи, я окончилъ полный переводъ — перепѣвъ ея. Но волею Судьбы цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ онъ ждалъ напечатанія и лишь теперь появляется цѣликомъ впервые. Да будетъ эта книга вѣстницей свободы не только для Грузіи, но и для всѣхъ народовъ, нынѣ стонущихъ въ неволю и своими духовными достиженіями давно заслуживающихъ доли иной.

Какъ Гомеръ есть Эллада, Данте — Италія, Шекспиръ — Англія, Кальдеронъ и Сервантесъ — Испанія, Руставели есть Грузія. Каждое изъ этихъ безсмертныхъ именъ не только имя поэта, вознесеннаго вѣчной славой, но и лучезарное означеніе души, которая сумѣла воплотить въ себя сокровищницу дуза цѣлаго народа, этой душой возсіявшаго, въ этой душѣ расцвѣтшаго цвѣткомъ пышнымъ и неповторяющимся.

«Дай сердце мнѣ твое нераздѣленнымъ»,
Сказала Таріэлю Нѣстанъ-Джаръ.
И столько было въ ней глубокихъ чаръ,
Что только ею онъ пребылъ замкнутымъ.

Лишь ей онъ былъ растерзаннымъ, взметеннымъ,
Лишь къ Нѣстанъ-Дарѣджанъ былъ весь пожаръ.
Лишь молнія стремитъ такой ударъ,
Что ей нельзя не быть испеленнымъ.

О, Нѣстанъ - Джаръ! О, Нѣстанъ - Дарѣджанъ!
Любовь твоя была какъ вихрь безумій.
Твой милый былъ въ огнѣ, въ жерлѣ, въ самумѣ.

Но высшей боли — блескъ сильнѣйшій данъ.
Ее прогнѣлъ, какъ никогда не пѣли,
Пронзеннымъ сердцемъ, Шота Руставели.

Океанъ, своимъ голубымъ окруженіемъ, уводитъ душу отъ малаго къ великому, напояетъ мечту восторгомъ пространства, создаетъ свѣжій дузъ

и творить въ глубинѣ жемчуга. Вѣтеръ споетъ о цвѣтущей степи и святей волну цвѣточнаго запаха. Любовь зажжется, обожжется, озаритъ и живитъ пламени. Народъ, если онъ великій, создастъ пѣсню и выноситъ въ лонѣ своемъ мiрового поэта. Такимъ вѣнецомъ же въ вѣкахъ, еще досель неузнанный Русскими, былъ избранникъ Грузии, Шота Руставели, давшій въ 12-мъ вѣкѣ своей Родинѣ знамя и зовъ — «Всплыви Ткаосанъ», «Носящій барсову шкуру». Это лучшая поэма любви, какая когда-либо была создана въ Европѣ, радуя любовь, огневой мостъ, связующій небо и землю.

Главный герой поэмы Руставели, Таріэль, облеченъ въ барсову шкуру. Вѣнчанъ знакомъ этого тоскующаго витязя — исполненъ внутренняго смысла. Барсъ и пантера — образъ страсти, лозунгъ и знакъ неукротимаго огня любви. Божественно-красивый Парисъ, подобно же, является въ леопардовой шкурѣ въ 3-ей пѣснѣ «Илады». Но, непохожій внутренними качествами на этого изнеженнаго Эллина и схожій съ нимъ лишь рабской пльненностью чарами любви, Таріэль болѣе похожъ, въ дальнѣйшемъ, на облеченнаго въ левиную шкуру Геракла, чья палица побѣдительна, или на героя рыцарской поэмы, Парсиваля, который, увидавъ на снѣгу капли крови, оброченной бѣлою птицей, раненной соколомъ, мгновенно погружается въ воспоминаніе о далекой любимой, и ничего не видитъ, никого не слышитъ, и даже сражается нападающихъ — не смотря на нихъ, продолжая быть объятъмъ лунатической страстью, грезой, оковавшей его волю и зачаровавшей всю его душу.

То, какъ развиваетъ Руставели простой рисунокъ своей поэмы, и то, что онъ умѣетъ сдѣлать съ простымъ замысломъ, показываетъ, что онъ — волшебникъ, который возьметъ обломокъ морской раковины — и пощраетъ имъ, а мы увидимъ небо и землю, и морскія глубины, и тайны сердца, и непрерывную прямиу зарницъ.

Если Таріэль и Настанъ-Джаръ являютъ ликъ любви взметенной, весь судорожный огонь страсти, доводящій, при невѣрно выбранномъ пути, до взрыва, до темныхъ чарованій Каджисъ и до пльненія прекрасной души, замкнутой въ твердынь, откуда ее могутъ освободить лишь избранные сльвачки, — Тинатинъ и Авандилъ сіяютъ радостью любви болѣе спокойной и способной на подвигъ величайшаго самопожертвованія, во имя другой любви, попавшей въ бѣду.

Три Испанскія народныя пѣсенки припоминаю я при видѣ огненнаго лика Таріэля и его милой, Настанъ.

Этотъ кинжалъ золоченый
Возьми и проищи мое сердце,
И цвѣтъ моей крови расскажетъ,
Люблю-ли тебя!

Увидать, пожелать, полюбить,
Это все такъ случилось внезапно.
Я не знаю, что раньше пришло,
Полюбили-ли тебя иль увидѣлъ.

Я видѣлъ, какъ жилъ человекъ,
Имѣвшій сто шрамовъ кинжалныхъ.
Я видѣлъ, какъ умеръ онъ вдругъ
Отъ силы единого взгляда!

Мнѣ припоминается также, часто встрѣчающееся въ Испанской поэзи, опредѣленіе любимой, опредѣленіе любви, какъ «el iman de los cozago-

нес», «магнитъ сердца». Магнитъ — неудержимое привлеченіе. Магнитъ острѣетъ своимъ всегда цупремляется къ Сѣверу, къ Полюсу, къ грани безошибочной, указываетъ на Полярную Звѣзду неподвижную, которая одна лишь не сдвинется въ небѣ, едѣ все объято движеніемъ и перемѣнами. И магнитъ привлекаетъ къ себѣ жельзо. А жельзо — металлъ свершеній и дѣланій. Сталь — бѣлый мостъ достиженій завѣтныхъ, требующихъ смѣлости и напоминающихъ о горящихъ глазахъ. Да, любовь — магнитъ сердца. Тинатинъ — магнитная стрѣлка во всѣхъ путяхъ Автандила, Нэстанъ-Дарэджанъ магнетически ведетъ Таріэля черезъ самыя страшныя испытанія къ самому лучезарному счастью. Холодъ отпалкиваетъ, пламя притягиваетъ. Въ любовномъ магнитѣ есть безмѣрное притяженіе духовнаго огня, который, притянувъ къ себѣ душу, преобразуетъ ее. Любовь — огонь.

Цѣцхли — въ Грузіи зовется
Огнелышная птица,
Веселящая сердца.
И когда она крылами
Зашуршитъ — весь воздухъ нѣженъ,
Пляшетъ свѣтъ въ чертахъ лица.

Цѣцхли — царственная птица,
Кличетъ голосомъ орлинымъ,
Манитъ нѣжнымъ соловьемъ.
Цѣлый лѣсъ былъ спрятанъ ночью,
Цѣльность ночи разорвалась,
Цѣцхли все пронзитъ лучомъ.

Цѣлый лѣсъ — зардѣвшій факель,
Цапли бѣлыя проснулись,
Міръ въ дрожаньи яркихъ струй.
Это Цѣцхли распѣваетъ,
Яръ Вселенной, пламя сердца,
Звонъ, ведущій въ погѣбу.

«Fuego es amor», говоритъ одинъ изъ лучезарныхъ Испанцевъ, Фра Діэго де Эстелья. «Любовь есть огонь. И, какъ огонь въ началѣ своемъ, когда онъ вводитъ свой ликъ въ вещество древа, нечистъ и полонъ дыма, и потомъ, начиная восходить въ свою сферу, растеть, очищаясь и дѣлаясь болѣе тонкимъ и яснымъ, такъ и любовь дѣлается все лучше и лучше, пока не взойдетъ до точки своего совершенства. Огонь по природѣ своей соединяетъ вещи однородныя, и разнородныя разъединяетъ, какъ мы это видимъ съ золотомъ: Когда жельземъ его очиститъ, бросаемъ его въ пламя, опадаютъ перегарки, отступаетъ окалина, чистое золото — вотъ, все самосъединившееся». Какъ огонь всегда близокъ къ пожару, любовь всегда близка къ смерти. Греза о соединеніи съ Христомъ, который — ея любимый, святая Тереза Испанская пропѣла свой знаменитый стихъ:

Vivo sin vivir en mí,
Y tan alta vida espero,
Que muero, porque no muero.

Живу не живя въ себѣ,
И жизни настолько высокой я чаю,
Что умираю, ибо не умираю.

Так, томясь въ плъну въ Кадисѣти, Нѣстанъ-Дарѣджанъ грезить о соединеніи съ своимъ милымъ въ смерти, въ солнечномъ блескѣ, и считаетъ это неизбежнымъ: «Безъ тебя не будетъ Солнце, ибо ты частица Солнца...» Этотъ пронзительный возгласъ Нѣстанъ-Джаръ есть звѣздно-лучистый покровъ, которымъ облекается любящая душа, зачиная свой полетъ въ мірахъ во имя любви. Полетъ, исполненный дерзанія, ибо, какъ говорить одинъ изъ героевъ Кальдерона: «Любовь — все время въ дерзновеніи». Зыблясь на грани между смертью и жизнью, любовь сильнѣе смерти, ибо смерть — лишь часть ея царства.

Но во всей Европейской поэзіи ни съ чѣмъ, быть можетъ, нельзя сравнить несравненную поэму Грузинскаго пѣвца, кромѣ лучшей Средневѣковой сказки любви и смерти, — я говорю о Бретонской повѣсти Тристана и Изольды, слагавшейся приблизительно въ одно и то же время, что и напѣанное сказаніе Руставели, въ 11-мъ — 12-мъ вѣкѣ. Два эти замысла, Бретонскій и Грузинскій, слагались, конечно, въ полной независимости одинъ отъ другого, между ними были пропасти и непроходимыя пространства. И однако напряженность душъ, прикосновеніе къ любви настоящей, пронзенность изображаемыхъ и другія условія художественнаго живописанія создаютъ странное родство двухъ этихъ произведеній. Когда, воспроизводя въ цѣльшіе обломки гениальной Бретонской повѣсти, Бедье начинаетъ: «Сеньеры, выслушайте прекрасную сказку о любви и смерти, сказку о Тристанѣ и Изольдѣ королевахъ», — мнѣ хочется переименовать: «Сказку о Таріэлѣ и царицѣ Нѣстанъ-Дарѣджанъ, сказку объ Автандилѣ и Тинатинѣ царицѣ». Когда я читаю въ Бретонской повѣсти, что оруженосецъ Горвеналь научилъ семилѣтняго Тристана дѣйствовать копьемъ, щитомъ и лукомъ, научилъ его ненавидѣть лошадь и держатъ данное имъ слово, и научилъ ребенка такъ ѣздить верхомъ, что его лошадь, оружіе и онъ самъ казались однимъ нераздѣльнымъ цѣлымъ, я не могу не вспомнить вороного коня, на которомъ проявляется въ вѣкахъ витязь въ баровой шкурѣ, такъ описывающій свое дѣтство и свою юность самъ: —

Вновь къ отцу попасть я въ руки. Въ мячъ игралъ, былъ ловецъ въ лукѣ.
Силѣнъ въ воинской наукѣ. Львовъ сражалъ я какъ котятъ.

И сообщающій далѣе, что всѣ его отрады были: «Стрѣлы, мечъ и бѣгъ коня».

Когда я читаю Бретонское увѣреніе, что Море ведетъ къ несчастью предательскіе корабли и не помогаетъ ни похищеніямъ, ни измѣнамъ, я вспоминаю, какъ Автандилъ погубилъ пиратскій корабль, и думаю, что Бретонцы и Грузины одинаково умѣли прочесть правдивую сказку морей. И хоть по разнымъ морямъ плавали Автандилъ и Тристанъ, а для осуществленія тайныхъ своихъ замысловъ и тотъ, и другой долженъ былъ принять на время ликъ купца. Когда Тристанъ и Изольда жили среди звѣрей въ Моруйскомъ лѣсу, они, какъ гласитъ Бретонская повѣсть, ѣли только дичь, съ сожале-ніемъ вспоминая вкусъ соли и хлѣба. О той трапезѣ, которая была обычной въ пещерѣ, гдѣ томилась Таріэль и наперсница Нѣстанъ Асмать, спизгъ Руставели говоритъ: —

Хорошо бы хлѣба-соли. Да въ такой живутъ здѣсь долѣ:—
Хлѣба нѣтъ, а мяса болѣ и помѣгѣ гостей.

Тристанъ устроилъ себѣ лукъ безъ промаха, — Автандилъ, берясь за лукъ, никогда не промахнулся. Изольда видитъ сонъ, какъ два льва бьются

изъ за нея, — Таризъ наяву переживаетъ сонъ, въ которомъ бьются дѣвъ и пантера. Когда Изольда показалась въ залъ среди вассаловъ, красота ея такъ сіяла, что стѣны осветились, какъ отъ восходящаго Солнца. И потомъ: «Вдвугъ осветилась дорога, какъ бы Солнце заструилось внезапно сквозь листья большихъ деревьевъ, и показалась Изольда Бьлюкурая». Не то-же-ли случается и съ Нэстанъ-Джаръ, но только болѣе ослѣпительно?

И въ красивѣйшей печали вышла дѣва какъ въ мечтѣ.
Изумрудно облаченье. Черной ткани затѣнье
Вкругъ лица. Зари явленье не сравнится въ красотѣ.

Дѣва ликъ свой повернула, молній щекъ ко мнѣ блеснула,
Свѣтомъ въ небо заглянула, въ свѣтахъ тихая гроза.
Я завѣсой дверь прикрыла, и меня невидно было,
Такъ лучей горѣла сила, — я прищурила глаза.

Это рассказываетъ Фатъма, какъ она увидѣла впервые Нэстанъ-Дарэ-дсанъ. А рабы, неожиданно увидѣвшіе ее въ пустынной мѣстности, восприняли ее какъ великій свѣтъ, идущій той равниной, и спрашивали себя и другъ друга: —

Солнце, что-ли, заблудилось? Съ неба къ праху опустилось?
Въ насъ смущеніе явилось, съ напряженною мечтой.
Кто твердить: «Звѣзда дневная». А другіе: «Золотая
Тамъ Луна».

Безполезно длить сравненія между двумя несравненными самоцвѣтами. Я хотѣлъ лишь подтвердить, что здѣсь передъ нами два дразнящие камня, рожденные грозой любви. И конечно грозы схожи во всѣхъ краяхъ. Но, когда предо мною будутъ восхвалять грозу, воспѣтую Бретонскимъ, Французскимъ или инымъ Европейскимъ поэтомъ-рыцаремъ, я скажу: «Нѣтъ. Есть грозы лучше и тѣмъ слаще. Я видѣлъ грозы на вулканической Явъ и въ горныхъ ущельяхъ Грузіи. Тамъ прекраснѣе темно-синія грозы, въ небѣ-ли, въ глазахъ-ли. Тамъ молніи вьются у ногъ твоихъ, а напѣвъ того сазандара, который зовется въ тѣхъ Руставели, звучитъ любого напѣва сіялоу страсть».

И еще. Прекрасна была волшебная собачка, которую съ острова Авалона принесла одна фея въ знакъ любви, а Тристанъ сумѣлъ завоевать и послать въ подарокъ отлученной Изольдѣ. У этой собачки на шеѣ, на золотой цѣпочкѣ, была погремучка съ такимъ веселымъ и чистымъ звономъ, что всякая печаль меновенно забывалась, и шея собачки была бѣлѣе снѣга, и одинъ бокъ у нея былъ багряно-красный, а другой изелтый какъ шафранъ, и была на ней цвѣтъ зеленый и цвѣтъ камня лазури, а кто долго на нее смотрѣлъ, въ эти зеленіи цвѣта начинали танцевать въ его глазахъ. Но эта симфонія радуги, спозицій надъ грозами, къ чему привела Тристана и Изольду? Къ соединенію въ смерти? Къ тому, что они умерли въ одинъ день! И напѣво, и напѣво отъ часовни возникли двѣ могилы. Въ халцедоновомъ гробу схоронили Изольду, въ берилловомъ гробу схоронили Тристана. И ночью изъ могилы Тристана поднялась зеленая вѣтка съ листьями и пазучими цвѣтками, протянулась надъ часовней и вошла въ могилу Изольды. Трижды ее срѣзали. Трижды она возросла. И было запрещено Королемъ срѣзать вѣтку. Она цвѣтеть. Этотъ цвѣтъ побѣдителенъ. Тристанъ и Изольда сильнѣй, какъ мечта, чѣмъ всемірно-возлюбленные золотые призраки Паоло и Франческа.

Мы всё любили любящих любимых,
Которым присудил сладчайший стихъ
Кружиться, неразлучными, двоихъ,
И въ смерти, и въ любви нераздѣлимыхъ.

Все въ снахъ земли они и въ адскихъ дымахъ,
Двѣ птицы, два крылатыхъ духа, въ чьихъ
Мечтанныхъ пламень страсти не затихъ
И тамъ, среди пространствъ необозримыхъ.

Но, если вѣчный блескъ Франческѣ данъ
Медвянымъ Данте, съ ликомъ обожженнымъ,
Желанный мнѣ Бретонскій сонъ, Тристанъ

Съ Изольдой. Пыткамъ сердца повтореннымъ
Ихъ предаль, ихъ качавшій, Океанъ,
Сумѣвшій дать слѣянье — раздѣленнымъ.

Данте, живя чету влюбленныхъ, заколдовалъ ихъ чарой смерти и озарилъ пламенами Бездны. Только такъ онъ смогъ даровать своимъ влюбленнымъ безсмертіе. Бретонская легенда, менее нуждающаяся въ подмогъ церковныхъ кошмаровъ, лишь озаряя своихъ влюбленныхъ безпредѣльностью ихъ испытаній, сумѣла дать имъ безсмертіе, все же опять опираясь на чару смерти. Смерть, какъ художественный приѣмъ, есть легкое колдованіе.

Руставели выше этихъ поэтовъ, ибо въ своихъ волшебствахъ онъ колдуетъ жизнью. Проведя своихъ любящихъ черезъ всевозможныя пытки, онъ имъ даетъ въ жизни засіять такимъ блескомъ, что умереть они уже не могутъ никогда. Въ этомъ такое же преимущество Грузинскаго генія надъ его Европейскими современниками и пѣвцами позднѣйшими, какъ среди драматическихъ гениевъ Индусъ Калидаса выше своею «Сакунталой», — гдѣ, въ концѣ концовъ, колдованій дьявольскихъ, колдованій смерти нѣтъ, — и есть полная гармонія счастья, — выше и совершеннѣе любого генія Европы, будь то Софоклъ или Шекспиръ, и какъ Восточный край неба всегда богаче своими красками, чѣмъ край Закатный.

Но Руставели, расцвѣтивъ цвѣты пышнѣйшіе алаго цвѣта, смогъ передать въ камъ еще другое чарованіе своей высокой души. Озаренный бѣлымъ сіяніемъ, онъ живетъ въ памяти людей и въ народной мечтѣ, въ народной пѣснѣ родной страны, какъ изысканный любовникъ своей пламенной мечты, любившій любовь свою во имя любленія, безъ чаянья достигъ любовью свою любимую.

Два сонета, когда-то, пронзили мою мечту, когда я думала объ этихъ двухъ ликахъ Руставели: Руставели пѣвецъ любви и Руставели взятый любовью.

Вотъ, для меня, два эти лика, два блеска, два свѣтильника.

П А Н Т Е Р А .

Она пестра, стройна и горяча.
Насытится — и на три дня дремота.
Проснется — и предчувствует. Охота
Ее зоветь. Она встает, рыча.

Идет, лѣниво длинный хвост влача.
А мѣхъ ея пятнистый. Позолота
Мерцаетъ въ немъ. И говорить мнѣ кто-то,
Что взоръ ея — волшебная свѣча.

Духъ отъ нея идетъ весьма пріятный.
Ее воспѣлъ, средь острѣхъ скалъ, Грузинъ,
Всѣхъ любящихъ призывный муэзинъ, —

Чей стихъ — алоэ, густо - ароматный.
Какъ барсъ, се онъ понялъ лишь одинъ,
Горя зарей кроваво - беззакатной.

Д В А Ц В Ъ Т А .

Прекрасенъ ротъ, какъ роза припадая
Къ другому рту. Прекрасенъ даръ боговъ.
Румяность крови въ рдѣннхъ лепестковъ,
Страсть смотреть въ Вѣчность, въ сердцѣ расцвѣтая.

Изъ капли счастья — Океанъ безъ края,
Огонь залилъ всѣ грани береговъ.
Но есть костры, чей огонь бѣлѣй снѣговъ,
Гдѣ духъ поеть, въ отъятости сгорая.

Красивъ въ вѣнкахъ тотъ звонкій сазандаръ,
Что сплелъ коверъ изъ облачной кудели,
Струна любви, пронзенный Руставели.

Красивъ расцвѣтъ лилейно - бѣлыхъ чаръ,
Снѣжистый лотосъ въ водной колыбели.
Луна — вдали, какъ далека — Тамаръ.

К. Бальмонтъ.

Парижъ. 1932. 2 марта.

Предисловіе къ 1-му неполному изданію.

Имя Руставели есть ключъ и талисманъ древней Грузіи и Грузін нашихъ дней. Шота Руставели есть святѣйша для каждаго Грузина, кто бы онъ ни былъ, царевичъ или пастухъ. Въ этомъ имени знакъ величія древней Грузіи, когда она была могучимъ царствомъ, простиравшимся отъ Трапезунда до Каспія, и сокровищница Грузинской поэтической рѣчи, отдѣльныя строки которой живутъ въ сознаніи Грузинскаго народа, какъ поговорки, какъ лучезарныя правила поведенія, какъ блестящія опредѣленія душевной красоты. Скажи Грузину строку Руставели о щедрости: — «Что ты спряталъ, то пропало; что ты отдалъ, то твое», — и сынъ этого красиваго народа, изящнаго въ своей душевной расточительности, мгновенно расцвѣтетъ.

Точныхъ свѣдѣній о жизни Руставели, какъ справедливо указываетъ Оливеръ Уордропъ, еще меньше, чѣмъ историческихъ свѣдѣній о Шекспирѣ. Онъ родился въ 1172 году и умеръ въ 1216. Имя Шота есть сокращенное Ашота, наименованіе изваянія Армаза, т.е. Агурамазды, Солнечнаго свѣтлаго бога. Руставели означаетъ: изъ Рустави — селеніе въ Месхетѣ. Какъ гласитъ преданіе, Руставели былъ сиротой, его воспиталъ дядя, бывшій монахомъ. Онъ учился сначала въ приходской школѣ, потомъ былъ посланъ въ Аѳины и въ Іерусалимъ. По возвращеніи въ Грузію, онъ писалъ оды въ честь блестящей царицы Тамаръ, которая была красивѣйшей женщиной и могущественной царицей съ тонко чувствующимъ сердцемъ и изящной душой. Онъ былъ ея казначействомъ и приближеннымъ. Народное преданіе гласитъ, что онъ безнадежно любилъ свою царицу, и удалился въ монастырь Святого Древа, въ Іерусалимъ, гдѣ на одной изъ колоннъ былъ найденъ его портретъ съ надписаніемъ: «Да простиъ Богъ Шоту, живописавшаго сіе. Аминь. Руставели».

Поэма Руставели, въ отрывкахъ и передѣлкахъ, и различныхъ сказаній о немъ, живутъ въ устахъ сазандаровъ, народныхъ пѣснопѣвцевъ Грузін, — и сладостный Грузинскій инструментъ тари будетъ музыкально сопутствовать пѣвучему имени Руставели, пока будетъ жить Грузія и выразительный Грузинскій языкъ.

Я уже давно изучаю поэму Руставели — «Носящій барсову шкуру», — названіе доселѣ невѣрно переводившееся даже въ ученыхъ работахъ, — и довершу переводъ ея полностью, въ чемъ ободряютъ меня Грузинскіе мои друзья. Но, такъ какъ весь переводъ 47-ми пѣсень, 48-ми съ четырьмя рестриціями вступительными, будетъ законченъ лишь къ концу этого года, я рѣшаюсь напечатать для начала тѣ 10 пѣсень, которыя уже готовы. Обѣ были читаны, при публичныхъ выступленіяхъ, въ Тифлисѣ, Кутаисѣ,

Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Томскѣ, и другихъ городахъ, и пѣвучая сказка Руставели вездѣ вызывала вниманіе, сочувствіе, и восторгъ. Я прилагаю къ этимъ пѣснямъ, для изясненія, подробное оглавленіе еще недостающихъ пѣсенъ, отъ 9-й до 46-й включительно, а также переводъ древне-Грузинской оды къ Царицѣ Тамарѣ, два свои очерка о Руставели, и Грузинское народное сказаніе о турнирѣ въ честь Руставели.

Печатаю эти лучезарныя пѣсни великаго Грузинскаго поэта, я не могу не назвать съ благодарностью и съ любовью нѣсколько именъ тѣхъ людей, душевное соприкосновеніе съ которыми привлекло мое вниманіе къ поэмѣ Руставели, и сопровождаетъ меня во всей этой работѣ, — Тамаръ Канчели, Сандро Канчели, князя Гуго Діасамидзе, и незабываемаго мною Оливера Уордропъ.

К. Бальмонтъ.

Владивостокъ.

1916. IV. 24.

Примѣчаніе. Пишуть — Руставели. Правильно писать — Руст'авели, т. е. надо произносить раздѣльно и съ придыханіемъ.

ГРУЗИНСКАЯ ОДА КЪ ТАМАРЪ.

Тамаръ, тебя пою, ты — солнце незаходящей красоты,
Твой станъ точеный тонко-строень, и кроткій ликъ являешь ты.

Тамаръ, эфиръ молніеносный, словесный лучъ цѣлебныхъ травъ,
Ларецъ познаній, ключъ текущій среди Эдемowychъ дубравъ.

Въ щедротахъ ты подобна морю, высокимъ духомъ — небесамъ,
Ты — милосердые и смиренье, и упоеніе глазамъ.

Изъ края въ край идя съ побѣдой, и славой тронувъ гудъ струны,
Ты побѣдителей сразила, они тобою побѣждены.

Ты съ Богомъ раздѣлила страсти Его взнесеннаго креста,
Въ горахъ ты утвердила вѣру, ихъ высота тобою свята.

Всѣ люди власть твою признали, и люди-ль только слились въ хоръ?
Тебѣ подвластны львы въ равнинѣ, тебѣ послушны барсы горъ.

Тебя зовуть свѣтила — солнцемъ, тебя возносятся семь планетъ,
Но для пѣвцовъ ты недоступна, и до тебя дороги нѣтъ.

РУСТАВЕЛИ.

Смотря пристальнымъ взоромъ въ сѣдую даль отошедшихъ времянь, человѣческая мысль, сознательный помысль ума Европейскаго, увидить одинъ верховный образъ — горный срывъ величественнаго Кавказа и прикованнаго надъ пропастью, огненно мысливаго, страстотерца Прометея. Онъ, принесшій людямъ, томившимся въ темнотѣ, самый лучистый даръ, самый пламенный подарокъ, давшій имъ возможность быть въ человѣческомъ полубогами, уже навѣки слить съ Кавказомъ. Скванный Эхиломъ, раскованный гѣвучимъ Шелли, Огненный Страстотерпецъ являеть собой священный ликъ, наиболее близкій нашему сознанью въ ряду вѣчныхъ ликовъ, владѣющихъ человѣческой мыслью. Любовь и пытка въ немъ, любящая жертва неограниченная и безмѣрная, добровольно принятая сильнымъ во имя того, что ему было дорого, во имя того, кого онъ любить.

И если въ эту самую минуту гдѣ-нибудь въ горной ложбинѣ полудинй пастухъ, умѣряя долгую грусть своей души, споетъ гѣсенку о страданіи любви, Огненный Страстотерпецъ, прикованный къ горному срыву Кавказа, слышитъ его.

Любовь и пытка, любовь и разлука, любовь и свиданіе, любовь и смерть, — гдѣ въ мірѣ можно почувствовать острѣе прикосновеніе этого двойственнаго лезвія, какъ не въ горахъ, съ ихъ рѣзкими изломами, съ ихъ внезапными поворотами и глубокими пропастями, научающими человѣческое сердце понимать, что любовь не игра, а священный даръ боговъ, исполненный суровой красоты, — что надъ горными утесами не летаютъ маленькія птички, а парить ширококрылый орелъ, — что тому, кто полюбить, въ сердце войдетъ копье.

Въ суровомъ, но и нѣжномъ, въ мрачномъ, но и лучезарномъ какъ темные драгоценные камни, въ многообразномъ царствѣ горъ, гдѣ вознесенныя вершины покрыты вѣчными снѣгами, а нижележащіе склоны одѣлись въ вѣчнаяльній нарядъ цвѣтущей алычи, долженъ быть возникнуть народъ, самая рѣчь котораго, судорожно страстная, полная нагроможденія согласныхъ звуковъ, вырывается изъ человѣческаго горла съ тѣмъ освободительнымъ разъятіемъ сжатости, съ тѣмъ своеобразнымъ чарованіемъ взрыва, съ которымъ горный ключъ падаетъ по камнямъ, прорвавшись въ гранитъ. И тамъ, гдѣ житель равнины, убаюканный своими полноводными рѣками и неоглядную ширью степей съ ихъ качаньемъ ковыля, будетъ построять свою рѣчь на музыкѣ гласныхъ, горещъ, неизбѣжно, будетъ предаваться радостному ощущенію дикой силы нагромождаемыхъ согласныхъ.

Четыре основныя понятія, выраженныя въ Русскомъ языкѣ словами — Солнце, Луна, Вода, Огонь, — Грузинъ выразитъ сло-

вами, исполненными орлиного клекота и шуршания пламени, — М' з э, М' т в а р э, Ц' к х а л и, Ц е ц' к х л и. Красиво-сильная Русская слова Горнило, Наковальня, Рокоть, через громаждение звучных согласных дѣлаются еще красивѣе и еще звучнѣе, возникая въ горныхъ тѣснинахъ Грузинской рѣчи: Б р д з м э д и, Г р д з м л и, Г р г в и н в а. И даже въ тѣ минуты, когда человѣческое сердце начинаетъ нѣжно лепетать о своей влюбленности другому человѣческому сердцу, я построю нѣжнѣйшія слова, основанныя на гласныхъ и сладостной согласной Л — «Люблю тебя, милая», — а Грузинъ будетъ восклицать, съ журчаньемъ ручья и съ свистомъ вѣтра, — «Мик-н-вархаръ, давирпасо!»

И когда Грузинъ скажетъ — «Дасакхиси шукіани сик-н-варулиси Рогорцъ нази дасакхиси майсиса», — я могу подумать, что это — привѣтствіе, обращенное къ вождю, возвращающемуся съ битвы, а между тѣмъ это лишь ласковый лепетъ любовнаго чувства, выражаемый по-Русски въ словахъ —

«Начало свѣтлое Любви —
Какъ нѣжное начало Мая».

Въ этой красивой странѣ, замкнувшейся въ великолѣпной рамѣ горъ, Моря, Солнца, и Луны, — съ народомъ, говорящимъ на языкѣ, исполненнымъ мощной выразительности, съ великимъ историческимъ прошлымъ, съ мудрыми царями, добровольно вступившими въ союзъ съ царемъ великой Россіи, и спасшими Грузію отъ ужасовъ завоеванія, — ибо Грузины незавоеванный народъ, — въ этой странѣ, которую сама судьба поставила защитительнымъ оплотомъ между Азіей и Европой, гдѣ скалы учатъ силѣ, а цвѣты учатъ нѣжности, семь столѣтій тому назадъ возникъ, въ селеніи Рустави, одинъ изъ первыхъ въ Европѣ крестоносцевъ Любви, рыцарь своей Царицы, которая была царицей его сердца, опященный Солнцемъ и Луной, восхвалитель высокаго имени Тамаръ, Шота Руставели.

«*Носійцй барсову шкуру*» — названіе его поэмы. Это онъ самъ — красивый барсъ, всегда готовый къ мѣткому прыжку. Это онъ самъ, взявшій, какъ знамя, барсову шкуру, шкуру пантеры, звѣря красиваго и страшнаго, неожиданнаго въ своихъ движеніяхъ и умѣющаго растерзать, — какъ красива, неожиданна, узорна, и всегда порубежна съ терзаніемъ, Любовь.

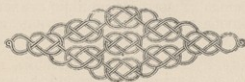
Есть цвѣты, о которыхъ можно говорить безъ конца, — и быть можетъ не нужно говорить вовсе, — такъ они хороши. Роза, лотосъ, орхидея, пламецвѣтъ, — нужно ли ихъ восхвалять? Мы ихъ хвалимъ, однако, если не словами, такъ любовью. Узнать нѣсколько стиховъ Руставели, значить полюбить его. Кто полюбитъ, тотъ хочетъ достичь, или хотя бы приблизиться. Такъ было и со мной.

Я впервые узналъ Руставели въ океанскомъ просторѣ, невдали отъ Канарскихъ острововъ, на Англійскомъ кораблѣ, носившемъ имя красивой мудрой богини Аены, гдѣ я познакомился съ Оливеромъ Уордропомъ, который далъ мнѣ прочесть, находившійся при немъ въ корректурахъ, Англійскій переводъ «Барсовой Шкуры», сдѣланный съ великой любовью его сестрой, Марджори Скоттъ Уордропъ. Прикоснуться къ Грузинской розѣ въ просторѣ океанскихъ зорь, при благомъ соучастіи Солнца, Моря, Звѣздъ, дружбы и любви, и дикихъ вихрей, и свирѣпой бури, это — впечатлѣніе, котораго забыть нельзя.

Вернувшись в Россію, я посѣтилъ Грузію и, ободряемый въ трудной задачѣ Грузинскими друзьями, приступилъ къ подробному изученію великой поэмы Руставели. Я перевелъ изъ нея отдѣльныя пѣсни. Я перевожу ее пѣликомъ.

Можно ли, однако, что-нибудь перевести? Можно ли воссоздать — начертаніемъ или красками — живое лицо? И нѣтъ, и да. Сервантесъ говоритъ, что всякій переводъ похожъ на узорную ткань, показываемую съ изнанки. Шелли говоритъ, что желать перевести что-нибудь въ области поэзіи, это то же самое, что, пожелавъ получить ароматъ фіалки, бросить фіалку въ плавыльникъ. Это такъ. Но есть ткани красивыя и съ лица, и съ изнанки. И наряду съ лѣсной фіалкой, мы имѣемъ въ нашей жизни духъ фіалки, воссозданный въ благовоніи. Нельзя воссоздать живое лицо способами, которые называются, несправедливо называются, точными, — фотографіей или наложеніемъ гипсовой маски. Но можно воссоздать его творчески, если я художникъ, и смотрю на изображаемое мною лицо напряженно-зоркимъ магнетическимъ взглядомъ художника.

Я перевожу поэму Руставели размѣромъ подлинника, лишь съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ порядкѣ рима. Въ четырехстопи́н Руставели, во с ѣ м и с т о п н ы й т р о х е й, четыре раза повторяется одна и та же рима, — я преломляю каждую строку римой, повторяемой трижды въ каждомъ двустопи́н, причѣмъ конецъ каждой второй и четвертой строчки связанъ, кромѣ того, самостоятельной римой. Такимъ образомъ въ каждомъ четырехстопи́н у меня восемь римъ, и въ шести тысячахъ строкъ всего текста Руставели, въ Русскомъ ея лицѣ, будетъ двѣнадцать тысячъ римъ. Эта добровольно наложенная на себя тяжесть выполненія вызвана не произвольною прихотью, а желаніемъ дать въ Русскомъ стихѣ достойное отображеніе пышной красоты, мною увидѣнной, звуковую равноцѣнность, которой Руставели достигаетъ, опираясь на большую звучность Грузинскихъ словъ, построенныхъ на мужественной силѣ согласныхъ. Быть можетъ это — задача невозможная, но старинные Испанцы говорили: «Los imposibles me gustan», «Quiero vencer los imposibles», «Невозможное мнѣ нравится», «Люблю побѣждать невозможность».

Великіе Итальянцы и Руставели.

Наклоняясь над глубоким колодезем Любви, и в зеркальной гре-
зѣ вопрошая себя, кто изъ великихъ Красиволикыхъ, начальныхъ столб-
тѣй нашего тысячелѣтнаго цикла, заглянуть въ этотъ колодець такъ глубоко,
что нашель безсмертныя слова о Любви, среди всемірно прославленныхъ
я нахожу имена — Руставели, Данте, Петрарка, Микель-Анджело. И въ
звѣздномъ гроздѣ четырехъ этихъ именъ, сіяющихъ, какъ полупрозрач-
ная ваза, въ которой заключенъ свѣтильникъ, пѣвучее имя Руставели
миѣ кажется наиболѣе справедливо вознесеннымъ. Миѣ хочется быть до-
казательнымъ.

Между четырьмя этими геніями есть столько чертъ сходства въ благо-
говѣйномъ отношеніи къ Женщинѣ и въ поэтически-сердечномъ ихъ по-
ложеніи по отношенію къ Любимой, что сравнивать ихъ не только можно,
но и должно. Каждый изъ нихъ — на горной вершинѣ высокой Любви,
каждый изъ нихъ пѣснопѣвецъ Любви, какъ благоговѣнія, каждый разъе-
динень съ любимой, и любить въ невозможности соединенія. Беатриче —
и Данте, Лаура — и Петрарка, Витторія Колонна — и создатель гигант-
скихъ изваяній, который и въ любовныхъ канцонахъ не пересталъ быть
ваятелемъ, только сталъ пѣвчимъ, борець Михаилъ съ именемъ Ангела,
царица Тамаръ — и поэтъ-крестоносець, влюбленный рыцарь, прозенный
любовью инокъ, смѣшавшій въ словесномъ поцѣлудѣ имя Бога съ именемъ
любимой, народный пѣвецъ, сазандаръ всей Грузии, Руставели. Четыре обо-
жествителя Любви, знавшіе лишь одно прикосновеніе къ любимой, — влю-
бленный поцѣлудѣ души, черезъ дрожащее музыкой слово, къ имени любви
привикновеніе такое преданное, такое дѣлѣнное, такое вѣчно-новое
въ своей повторности, что имена этихъ любимыхъ стали звѣздами на Зем-
лѣ, и свѣтятъ неисчислимымъ любящимъ, внося въ ихъ любовь отобразен-
ное благородство, какъ темная Луна отъ золотого Солнца навсегда сдѣлалась
золотистой и серебряной.

Данте любить Беатриче, эту ангелицу юнѣйшую, quest' angiola gio-
vanissima. Онъ полюбилъ ее ребенкомъ, когда ему было девять лѣтъ, а ей
восемь. Она явилась ему облеченной въ благороднѣйшій цвѣтъ, въ пурпур-
ный, опоясанная и нарядная, и черезъ девять лѣтъ она явилась ему юною
мертвой. Въ часъ ея смерти блуждаютъ женщины, распустивъ свои волосы,
Солнце меркнетъ, уступая свое мѣсто Лунѣ, птицы падаютъ въ воздухѣ,
ангелы улетаютъ на Небо съ Земли, и предъ ними къ Небу восходитъ облач-
ко, и всѣ онѣ поютъ Осанна. Позднѣе, когда всѣ бури жизни пронесутся
надъ поэтомъ, и, побывавъ въ Аду, онъ изойдетъ оттуда съ обожженнымъ
лицомъ и горячимъ сердцемъ, Беатриче будетъ его путеводительницей, его
Серафитой на горныхъ тропяхъ духовнаго восхожденія.

Все это тонко, изящно, возвышенно, какъ Итальянская религиозная
живопись, какъ самый Итальянскій языкъ, сладчайшій, созданный имъ,

пѣвцомъ Беатриче, какъ вѣрныя пѣніи на жемчужно-опаловомъ небѣ вечерней Италиі, какъ цвѣтныя окна Итальянскихъ церквей, какъ паутинныя логическія построения высокой Схоластики. Да, не вскрики Любви и не вулканное ея краснорѣчіе, а сладостно-холодное удовольствіе поэтической Математики. Беатриче безкровна. Это высокая греза, это благоговѣйная созерцательность, это священный талисманъ, благороднѣйшей работы медальонъ съ красивымъ женскимъ ликомъ и вложенной въ этотъ малый кошель прядью волосъ любимой. Но женщины тутъ, въ концѣ концовъ, нѣтъ. Греза тутъ и греза гдѣ-то. Развѣдиненность сердца съ грезой здѣсь меня не трогаетъ.

Другой утонченникъ Итальянскаго поэтическаго слова, безъ устали играющій словами Лаура и лавръ, Петрарка, строитъ призрачныя словесныя замки, гдѣ много красивой рѣзьбы, нарядныхъ тканей, хорошіе сады, хорошо настроенныя музыкальныя инструменты, и по садовымъ дорожкамъ здѣсь ласково бродитъ и мечтаетъ. Въ его поэзіи спокойно-прекрасные образы. Являя предъ нами свою любимую, Петрарка съ любующимся изыщствомъ говоритъ, что глаза ея, когда они свѣтятся черезъ покровъ, точно звѣзды, блуждающія въ воздухѣ послѣ ночного дождя. Бѣлокурые локоны ея, свободно развившіеся вокругъ ея шеи, и щеки, украшенныя нѣжнымъ огнемъ, кажутся ему бѣлыми и красными розами, только что сорванными и поставленными въ золотой сосудъ. Какъ Испанскіе народныя пѣвцы, но менѣе страстный, чѣмъ они, Петрарка любитъ въ стихахъ любовную систематику, распространенный конспектъ чарованій женскаго лица. Онъ не знаетъ, смертная ли это женщина, или быть можетъ богиня, оживляющая Небо вокругъ себя. Ея голова — чистое золото, ея лицо — теплый свѣтъ, ея брови — эбеновое дерево, ея глаза — двѣ звѣзды, ея ротъ — розы и звѣзды, вздохи — пламя, а слезы — кристаллы. Гдѣ во всемъ этомъ Лаура какъ Лаура? Гдѣ здѣсь горячій воздухъ любимой женщины, огненного ангела съ женскимъ лицомъ? Все это эстетическій списокъ общихъ чертъ красиваго лица. Никакой Лауры никогда Петрарка не любилъ, да и сомнительно, чтобъ онъ кого-нибудь когда-нибудь любилъ. Его сладость, въ длительности, лишь раздражаетъ. Онъ самъ утверждаетъ: «Кто могъ сказать, какъ онъ горитъ, въ огнѣ онъ маломъ». Это, положимъ, не такъ. И изъ дыма пожаровъ можно успѣть крикнуть, какъ горюшій. Примѣръ тому — Эдгаръ По и Бодлэръ въ XIX вѣкѣ, и Марло въ XVI, и въ Грузіи XII вѣка — Рустанели. Но какъ бы то ни было, въ этомъ умномъ и изыщномъ изреченіи Петрарка самъ произнесъ себѣ приговоръ.

Гораздо краснорѣчивѣе въ своихъ поэтическихъ вздохахъ и убѣдительно-вознесеннѣе въ своихъ словесныхъ достиженияхъ, трогательный исполнитъ, Микель-Анджело. За его словами чувствуется настоящая женщина, которая любима и которая достойна любви. И пусть плѣнительной Итальянской женщиной, Витторіи Колонна, уже было чуть не пятьдесятъ зимъ, когда онъ полюбилъ ее, пусть ему было шестьдесятъ осеней, — Эрозъ, всегда юный, есть богъ безъ возраста. А выросшая изъ этой суровой временности преграда между любящими вмѣстѣ съ множествомъ иныхъ преградъ, вплоть до смерти любимой, лишь утончили и обострили, не ошнѣбавшіяся и безъ того, рѣзаетъ PROVIDIDA, знавшаго Сибилль. И правъ тотъ Итальянецъ, который сказалъ: «Другіе — говорятъ слова, Микель-Анджело говорить — вещи».

Кто силою меня приводитъ къ ней?
Увы! Увы! Въ какой я трудной долѣ!
Въ тюрьмѣ, хоть воленъ. Ваять, хоть безъ цѣпей.

Не протянувъ руки, лишаешь воли.
Коль въ цѣли такъ легко тебѣ замкнуть сердца.
Кто защититъ меня отъ нѣжнаго лица?

Скажи, Любовь, когда бѣ душа у ней, —
Чей нѣженъ ликъ, — и состраданье знала,
Въ комъ было бы ума столь мало,
Чтобъ не желать себя предать всецѣло ей?
А я? Чѣмъ могъ бы нынѣ
Служить ей больше, — если бы она
Была подругой мнѣ, — когда, служа врагнѣ,
Люблю сильнѣй, чѣмъ страсть любить тогда бѣ должна?

Красавица моя быстра и такъ дерзка,
Что въ мигъ, когда, меня сразивъ, ея рука
Желѣзо въ сердце погружаетъ,
И вотъ ужъ въ ранѣ остріе,
Въ тотъ самый мигъ она глазами обѣщаетъ
Все счастье мое.

И когда Микель-Анджело говоритъ —

Amore e un concetto di bellezza
Immaginata...
Любовь есть представленье красоты
Воображенной, тамъ, въ сокровыи сердца,
Сестра свершений, нѣжныя черты, —

чувствуешь, что здѣсь прошла буря, мнушая сгущенный воздухъ грозы, и въ стройной изобразительности разрѣшающая дожденосную тучу освободительнымъ ливнемъ съ высокою радугой. Здѣсь прошла вплотъ около души — Женщина, высокимъ сердцемъ преображенная и явленная въ вознесеніи. Въ этомъ великій художникъ-ваятель-пѣвецъ Италіи есть родной братъ пѣвца царицы Тамаръ и озарителя той страны, гдѣ въ юныхъ сердцахъ еще больше огня, а подлѣ длинными рѣсницами, затѣняющими глаза, дрожать въ сокровыи еще болѣе пламенные грозы.

Разлучность Данте и Петрарки съ любимыми ихъ — вымышленная, это красивый обманъ. Разлучность Микель Анджело и Витторіи Колонна такъ же смягчена ихъ возрастомъ, какъ Новолунный серпъ смягчитъ истомно-розовый воздухъ вечерняго осенняго неба, какъ шелестъ золотыхъ листьевъ сентября примиряетъ съ грустью осени. А разлучность съ красавицей-царицей, которая есть царица сердца, разлучность въ огненную пору жизни, когда всѣ хотѣнья создаютъ пожаръ, разлучность при встрѣчахъ, разлучность въ разлуцѣ, разлучность монастырскихъ одинокихъ черныхъ ночныхъ часовъ, надъ которыми все же и въ мракѣ льются звѣзды, надъ которыми серебромъ убираетъ черныи бархатъ та сестра свершений, та творящая мечта, что сдѣлала изъ 6.000 строкъ эпической поэмы одно лирическое стихотвореніе, одну произнесенную солнечнымъ лучомъ любовную пѣсню, — эта разлучность, съ наклоненнымъ надъ ней въ вѣкахъ утонченно-нѣжнымъ ликомъ царицы Тамаръ, которая, будучи царицей семи царствъ, своими лилейными перстами вышивала ткани для бѣдныхъ, есть лучшей изъ четырехъ рѣдкостныхъ изысканно-прекрасныхъ самоцѣтовъ, таящихъ свѣтъ Любви.

LA REINE THAMAR

ЦАРИЦА ТАМАРА

THE QUEEN TAMAR

Турниръ въ честь Руставели.

Грузинское народное преданіе.

Въ царствованіе Тамарь, по случаю окончанія Руставели дивной поэмы «Барсова Шкура», былъ устроенъ на пышнѣйшемъ Дидубійскомъ полѣ турниръ, на который собрались лучшіе витязи Грузин, храбрѣйшіе воины, наѣздники, музыканты, поэты.

Царица, окруженная блестящей свитой кавалеровъ и дамъ, сидѣла на возвышенномъ мѣстѣ подлѣ богатыхъ, вышитыхъ золотыми звѣздами, балдахиномъ. Начались состязанія въ верховой ѣздѣ, метаніи копій, въ борьбѣ, въ игрѣ на разныхъ инструментахъ. Руставели былъ героемъ дня, — не только потому, что турниръ былъ устроенъ въ честь его поэмы, но и потому, что онъ отличился въ джигитовкѣ, какъ лучшій наѣздникъ, и въ игрѣ на тари, которой поразилъ всѣхъ, въ особенности царицу и придворныхъ дамъ.

Когда были розданы побѣдителямъ назначенныя награды, состоявшія изъ кинжаловъ и шапекъ въ дорогихъ оправкахъ, бархатныхъ одеждъ и тому подобнаго, царица Тамарь приказала вѣстникамъ объявить во всеулышаніе, что послѣднюю, самую дорогую, награду — золотой вѣнецъ — получить тотъ, кто стрѣлой пронизаетъ яблоко, которое она будетъ держать въ своей собственной рукѣ. Когда вѣстники объявили объ этомъ, то въ народѣ поднялся ропотъ, что царица не должна подвергать себя опасности, что невѣрно пущенная стрѣла можетъ ранить, или даже убить ее, и тогда народъ будетъ повергнуть въ неописуемое горе. Женщины, однако, были другого мнѣнія. Ихъ разжигало любопытство, чѣмъ можетъ окончиться предложенное царицей состязаніе, и потому онѣ со своей стороны говорили: «Никто не смѣетъ перечить царицѣ: если она желаетъ устроить это состязаніе, то на это ея непреклонная воля». — Лучшіе стрѣлки изъ лука, Ростомъ, Довике, Зурабъ, Амриндо, по совѣщаніи между собой, подошли къ царицѣ и, павъ передъ ней на колѣни, просили ее отмѣнить это состязаніе, а если оно не будетъ отмѣнено, то они заранѣе просить простить ихъ за отказъ участвовать въ немъ: «Рука никого изъ насъ не дрогнетъ, если повелишь, государыня, кому-нибудь изъ насъ лишить себя жизни; но кровь твоя, если она нечаянно будетъ пролита, падеть проклятіемъ на насъ и на годовую дѣтей нашихъ. Потому, государыня, умоляемъ тебя, — избавь и себя и насъ отъ страшной опасности, отъ ужаснаго дерзанія». Тамарь, улыбаясь, отвѣчала: «Тутъ нѣтъ никакого дерзанія, никакой опасности. При умѣнїи и желанїи задачу легко выполнить». — Витязи по прежнему молили ее отмѣнить это состязаніе. Тогда выступилъ впередъ Руставели и сказалъ:

— «Возьми, государыня, въ руку твою яблоко: я рѣшаюсь пронзить его моею стрѣлою».

Всѣ удивились смѣлости Руставели, и витязи просили его не дѣлать опаснаго опыта. Руставели, не слушая ихъ, глядѣлъ на царицу и на яблоко,

которое царица, взявъ указательнымъ и большимъ пальцемъ своей руки, подняла надъ своей головой. Неужели этотъ безумецъ, Руставели, будетъ стрѣлять въ это яблоко? Вѣдь если онъ и попадетъ въ яблоко, то стрѣла, пролетѣвъ дальше, можетъ убить какую-нибудь даму изъ сидящихъ позади царицы. Но, неожиданно для всѣхъ, Руставели, взявъ въ руки стрѣлу и подойдя къ царицѣ, лѣвой рукой придержалъ яблоко, а правой воткнулъ въ него стрѣлу и пронзилъ его насквозь. Царица выпустила яблоко изъ рукъ, и Руставели высоко поднялъ его на стрѣлѣ своей. Все тогда поняли, что царицей задана была загадка, которую Руставели умно и быстро разгадалъ.

— «Побѣда Руставели», вскричала царица: «Онъ заслужилъ золотой вѣнецъ. Я же говорила вамъ, мои добрые витязи, что въ этомъ состязаніи нѣтъ ничего опаснаго. Вы упустили изъ виду, что я предлагала пронзить яблоко, а разстояніе, съ котораго слѣдовало это сдѣлать, я не назначала». Тутъ царица собственноручно надѣла на голову Руставели золотой вѣнецъ и дозволила ему поцѣловать свою руку. Начались неописуемыя въ честь Руставели ликованія. Весь народъ пѣлъ ему прославленія. Журна неумолчно играла, пѣвчіе громко восхваляли его. Никогда и нигдѣ побѣдителя на турнирахъ такъ не чествовали, какъ въ этотъ день Грузія чествовала великаго Руставели.

CHOTA ROUSTAVÉLI

L'HOMME A LA PEAU
DE LÉOPARD

Poème géorgien du XII siècle

Traduction russe de C. Balmont

PARIS

Edition D. Khéladzé

1935

CHOTA ROUSTAVÉLI

I.

Les premières traductions du poème de Roustavéli, poète géorgien du XII-ème siècle, n'ont paru que vers la fin du XIX-ème. Le poème a été traduit en anglais, en allemand, en hongrois, en arménien; une traduction française est en voie de préparation. La version russe que nous présentons actuellement au public, appartient au célèbre poète russe Constantin Balmont; elle fut préparée il y a déjà seize ans; le retard dans sa publication s'explique par les difficultés de notre époque. Cette traduction est encore une victoire de cette maxime élevée : toutes les grandes œuvres du génie humain doivent rentrer, tôt ou tard, dans le trésor commun de la civilisation de tous les peuples.

Pour les autres peuples, la gloire de Roustavéli est donc encore récente, mais pour les Géorgiens, cette gloire est déjà ancienne; aussi bien, elle est établie pour l'éternité. L'admiration des Géorgiens devant l'œuvre magistrale de Roustavéli, «*L'homme à la peau de léopard*», s'est manifestée sous les formes les plus variées. Le poème s'est répandu parmi le peuple sous la forme de légendes populaires. On rencontre ses versets comme proverbes dans le langage courant. Il suffit de jeter un coup d'œil sur les anciennes copies du poème pour se rendre compte de sa popularité extraordinaire dans l'ancienne Géorgie. Ces copies excitent notre pieuse admiration par leur calligraphie rigoureusement soignée; par les miniatures d'une naïveté touchante qui accompagnent son texte, — œuvres d'innombrables dessinateurs des époques les plus diverses; enfin par les encadrements artistiques, uniquement beaux, de ces pages du poème qui sont restées vivantes au cours des siècles. Les copies artistiques de l'œuvre de Roustavéli faisaient, jadis, obligatoirement partie de la dot des fiancées géorgiennes dans les milieux nobles et cultivés.

Qui fut-il donc, ce maître incontesté de la parole, ce magicien du vers, dont le soleil n'a point connu d'éclipse durant sept cents années? Le poème nous apprend seulement qu'il fut écrit pour célébrer, de son vivant, la reine Thamar, et que l'auteur du poème était un ressortissant de Roustavi, ce qui lui fit donner ce nom : Roustavéli. Outre cela, tout ce qu'on entend sur lui ne sont que des légendes. Elles le présentent comme un ministre puissant de la grande reine, qui conçut pour sa souveraine un amour sans bornes comme sans espoir et qui finit sa vie sous le froc d'un humble moine du couvent de la Ste Croix à Jérusalem.

Mais ni les légendes qui ont poussé autour du nom de ce grand poète, ni ses biographies, avec force détails, qui ont été créées de nos jours à grand renfort de fantaisie, n'ont pu ajouter aucun détail véridique à ce que le poète nous avait appris lui-même.

Ce que Roustavéli fut dans sa vie réelle, nous ne le savons point jusqu'à ce jour. Les historiens et les panégyristes de la grande reine Thamar ne men-

tionnent point le nom de Roustavéli parmi « les rhéteurs et les philosophes » qui ont illustré son époque. Les trois siècles suivants gardent aussi le silence sur lui.

Le siècle qui prend la suite de celui de la reine Thamar fut l'ère de l'invasion mongole; il vit la chute et la ruine du royaume de Géorgie. On peut donc supposer que l'oubli qui engloutit la vie de Roustavéli s'explique par les mêmes événements catastrophiques qui ont joué un rôle si funeste dans l'histoire d'autres littératures encore. Le poème de Roustavéli est le fruit du siècle d'or de Thamar, ou plutôt du déclin de ce siècle; il échet en héritage à des époques plus sombres, à des générations ruinées, d'une culture appauvrie. L'idéal de Roustavéli avait été brisé. Ils étaient bien peu nombreux, ceux qui pouvaient encore admirer la poésie de Roustavéli, qui pouvaient y puiser leur inspiration! Tout le milieu cultivé, dans l'atmosphère duquel avait été créée l'œuvre de Roustavéli, périt dans le chaos de la grande débâcle. On doit supposer que toutes les données exactes sur notre poète ont sombré dans le labyrinthe de cette trouble époque. Une longue restauration intellectuelle fut encore nécessaire pour attirer les regards du Géorgien cultivé vers les trésors de son passé national.

En réalité, ce n'est qu'au XVIe siècle, à l'époque d'un relèvement relatif du niveau de la culture géorgienne, que les historiens littéraires rencontrent pour la première fois une mention du nom de Roustavéli chez un des traducteurs de la « Shah-namé » de Firdoussi. La copie la plus ancienne du poème, — l'original de cette copie resta inconnu — remonte aussi à la fin du XVIe siècle; et c'est de cette époque seulement que datent les légendes surgies on ne sait d'où, les récits de caractère biographique, les autres copies du poème, les illustrations du texte et même des portraits de l'auteur.

L'engouement pour le poème et l'attention accordée à Roustavéli pendant le XVIe siècle, le XVIIe siècle et le XVIIIe siècle furent si intenses que le poème lui-même en souffrit, — ce qui provoqua une réaction légitime des contemporains. Les uns s'étaient ingéniés à ajouter des pages nouvelles au poème; d'autres trouvaient que le poème était inachevé, et ils l'allongeaient de chapitres entiers; d'autres retranchaient, par contre, ce qui leur paraissait « de trop ». Les copistes faisaient les erreurs habituelles pour leur métier — involontaires pour la plupart, mais aussi quelquefois voulues; somme toute, bien des copies, sinon toutes, portent les traces de défigurations des termes, de perversion de sens, de changement des dimensions du poème, ainsi que des interpolations quelquefois considérables.

Le roi Vakhtang VI fut forcé, en conséquence, de faire comparer toutes les copies existantes (quinze seulement se sont conservées jusqu'à nos jours); il fit rectifier les erreurs des copistes et retrancher les passages ajoutés récemment; en 1712, on vit paraître la première édition typographique du poème, imprimée à Tiflis et munie de commentaires précieux du roi savant.

Sous cette forme, le poème parvint au XIXe siècle, pendant lequel on en a publié près de vingt éditions, qui se tiennent toutes au texte établi par le roi Vakhtang VI. Mais vers la fin du XIXe siècle et surtout au commencement du XXe siècle, il se trouva encore des gens qui prétendirent que l'édition du roi Vakhtang n'était non plus exempte d'erreurs ni de passages interpolés. La coupe de la forêt luxuriante roustavélienne recommença à nouveau. On fit quelquefois œuvre utile, mais bien souvent la hache des bacheliers littéraires abattit aussi des plantes précieuses. Quelques explorateurs de textes, p. e., arrivèrent à la conclusion que ni le prologue, ni l'épilogue du poème n'appartenaient à la plume de Roustavéli.

Cette courte histoire du texte, nécessaire pour les nouveaux lecteurs de

Roustavéli, n'est nullement unique dans les annales littéraires; elle ne fait que prouver encore une fois que c'est bien souvent le temps qui forme le sort des œuvres d'art.

II.

« *L'homme à la peau de léopard* » est un roman, avec un prologue et un épilogue, en 1553 strophes de hauts et de bas « chafris » (sorte de quatrains, formés de vers à 16 syllabes, avec une consonance uniforme pour tout le quatrain). Son contenu, brièvement raconté, est le suivant :

Le roi d'Arabie, Rostévane, est vieux et il n'a pas de fils auquel il pourrait léguer son royaume. Mais il possède une fille unique, Tinatine à face de soleil, qu'il voudrait faire monter sur le trône encore de son vivant; il demande à ce sujet l'opinion de ses principaux dignitaires. « Tout est pour le mieux! » — répondent « sans flatterie » les dignitaires consultés. « Il n'y a pas de fils, — que la fille règne, donc! Les petits du lion sont égaux, qu'ils soient mâles ou femelles ». Avtandil, le jeune héros, s'en réjouit le plus; c'est un des premiers vassaux du roi, élevé à sa cour, chef de toutes les troupes; il espère que maintenant les devoirs de son service lui donneront souvent l'occasion de voir la princesse, à laquelle il a voué en secret son amour.

On procède au couronnement de Tinatine. Toute l'Arabie est en liesse. Une grande chasse a lieu; Avtandil à cette occasion, rivalise d'adresse avec le roi. Enfin, fatigués, ils s'appêtent au repos, quand ils sont témoins d'une scène étrange : ils voient un guerrier inconnu, vêtu d'une peau de léopard, assis au bord d'un torrent; il tient en mains les rênes de son coursier noir — et pleure à chaudes larmes. Le roi envoie un écuyer pour l'appeler près de lui; mais l'écuyer revient seul. Alors le roi ordonne à douze meilleurs hommes de sa suite d'aller chercher l'inconnu, et de l'amener de vive force s'il résiste.

Mais le guerrier à la peau de léopard les abat tous les douze et s'éloigne lentement de ces lieux inhospitaliers. Le roi entre en courroux; il se lance sur ses traces avec toute sa suite. Alors le guerrier inconnu, ne voulant point combattre le roi, sans doute par déférence à son rang, éperonne son coursier et disparaît en un clin d'œil. Les troupes royales fouillent en vain les forêts avoisinantes; on ne trouve aucun vestige de l'inconnu.

Le roi revient chez lui, songeur et troublé. Il dit que sa vie, si heureuse jusqu'à ce moment par la grâce infinie de Dieu, est assombrie d'un coup par cet incident inouï : il a vu, de ses propres yeux, un homme, on ne peut plus réel; et cet homme a disparu devant lui comme une vision. Il voit dans tout cela un mauvais présage, un avertissement du destin; il devient triste. Sa fille vient alors le consoler : — « Envoie donc partout des messagers, lui dit-elle. Si c'était vraiment un homme en chair et en os, quelqu'un doit l'avoir vu, et on le retrouvera; ce mystère sera dissipé, ton courroux disparaîtra. Mais si personne ne l'a vu, ce ne peut être qu'une apparition de l'esprit malin, à laquelle il ne faut prêter aucune attention ». On envoie les messagers; ils font le tour de toutes les contrées du monde; mais ils n'apprennent rien sur l'homme vêtu d'une peau de léopard.

Le temps passe. Le roi oublie l'incident et s'adonne de nouveau à ses plaisirs habituels. Mais le mystère de l'homme à la peau de léopard n'est pas oublié par la belle Tinatine. Elle fait appeler Avtandil auprès d'elle, et le prie d'assouvir ce désir inexplicable — retrouver cet homme énigmatique. On peut pourtant se demander: est-ce vraiment l'intérêt pour cette affaire

mystérieuse qui l'a poussée à se confier à Avtandil? ou bien, peut-être, la princesse cherchant seulement un prétexte pour pouvoir lui dire ce qu'elle a pu si bien exprimer à cette occasion? — Elle lui a dit :

« Je sais que tu m'aimes depuis longtemps. Donc, tu dois me rendre service à double titre : d'abord comme mon vassal, le premier entre tous, et puis comme amoureux; je sais que tu l'es et en cela je t'approuve. Voici la tâche que je te confie : va, cherche cet homme pendant trois années. Si tu le trouves, viens me raconter son sort — je t'accueillerai comme une rose épanouie; si tu ne le trouves point — je croirai que ce ne fut qu'un fantôme; et je ne veux connaître d'autre mari que toi ».

Avtandil part à la recherche du guerrier inconnu. Il nomme sa situation, — celle d'un homme qui chemine par les terres étrangères, — « l'éloignement dans l'inconnu au nom de l'amour ». Ce rite amoureux exige la solitude — et dans cette solitude il apparaît beau, — d'abord parce que tel il est né, ensuite parce qu'il aime, enfin, parce qu'il est aimé. L'image de Tinatine est toujours présente devant lui et le remplit de tendresse. Il va, triste et rêveur. Il chante. Il compose, en l'honneur de sa bien-aimée, des hymnes radieux aux clartés célestes. Mais le voyage est long, il dure bientôt trois années, et toujours il n'y a aucune trace de cet homme, de cette ombre qu'il poursuit à travers le monde. Parfois Avtandil, désespéré, est prêt à mettre fin à ses jours, ou bien, perdant courage, à rebrousser chemin.

Mais la solitude, l'éloignement de la femme aimée, les difficultés de sa tâche, les impressions si variées de toute la vaste nature ouverte devant lui, la simplicité de sa vie de pèlerin, tout cela le rend courageux jusqu'au bout. Alerte sans relâche, confiant sans crainte dans la Providence, il commence aussi à songer à la futilité de ce monde. Sa mentalité de brave guerrier qui a grandi, riche et honoré, dans le culte exclusif de la bravoure, s'élargit : il se rend compte de l'instabilité de toutes choses humaines. Jusqu'à ce temps, il ne voyait que le côté positif de la vie; maintenant, il connaît aussi ses contradictions, ses conflits. Les anciennes idées ne lui suffisent plus pour comprendre tout cela; et sa pensée travaille pour combler les lacunes. Il se dit que la vie n'est qu'un instant, que l'homme est le jouet du destin. Le hasard le guette à chaque pas, et la mort inévitable égalise l'humble au plus puissant. Mais la mort n'est rien, si elle est glorieuse; car une vie sans honneur ne vaut pas un sou!

Avtandil exprime ses pensées en aphorismes nets et concis; il pense autrement que naguère; il parle une langue qu'on ne connaît pas dans les palais. « Je suis celui qui ne récolte point dans la vie les concombres trop mûrs » dit-il, s'exprimant avec la liberté qu'il a apprise dans les vastes déserts et chez les peuples étrangers. « Pour ma nourriture, je me confie à mon arc et à mon pouce », dit-il une autre fois, ayant appris, avec le sourire, que l'homme, au fond, a besoin de si peu...

Pendant son voyage, Avtandil, en chevalier errant, a l'occasion de rendre service à bien des hommes qui souffrent; mais jamais il n'en accepte aucun don. — Moi et mon coursier, nous n'avons que faire de vos dons, répond-il, se rendant compte que toute la vie est composée d'attentats; si le service qu'on rend est attentat au désintéressement, la récompense est un attentat à la modestie.

Mais cet éveil de l'esprit d'Avtandil, cet élan de sa pensée, les dons multiples de pénétration et d'analyse que le voyage lui révéla en lui-même, l'emmaientaient loin de Tinatine et ne le rapprochaient point de l'homme qu'il poursuivait en vain. Ce n'est que par hasard que ses efforts furent couronnés de succès; et cela était encore conforme à sa nouvelle philosophie car il avait

compris que nul au monde ne pouvait soumettre la Providence à ses désirs.

Un jour, il rencontre des hommes couverts de blessures toutes fraîches; il apprend qu'ils sont devenus victimes d'une dispute engagée à la légère avec un possédé de force surhumaine, qui a, pour vêtement, une peau de léopard.

« Le voilà! » disent-ils en désignant un cavalier qui disparaît au loin. Avtandil leur prête secours à la hâte; il se met ensuite à suivre l'inconnu; mais il n'essaie pas de le joindre. Il a conclu avec raison qu'une telle rencontre improvisée aurait pu se terminer par un combat et par la mort de tous les deux. En conséquence, il suit cet homme de loin, jusqu'à ce que celui-ci pénètre dans une caverne. Pour mieux voir l'ancre de cet être singulier, Avtandil grimpe sur un arbre.

Cette scène où le héros échange son noble coursier pour un « arbre élevé », où il préfère une reconnaissance prudente à « l'attaque de front », peut paraître assez éloignée des traditions chevaleresques; elle ne sera probablement point racontée à Tinatine, dans la relation du voyage; mais elle correspond tout-à-fait au caractère réfléchi d'Avtandil, qui garde son sang-froid même à ce moment où il trouve enfin celui qu'il cherchait depuis si longtemps, au prix de tant de peines.

De son arbre, Avtandil observe une scène déchirante qui se joue entre son inconnu et une jeune femme, inconnue de même. L'homme quitte tout-à-coup la caverne, — et Avtandil ne voit qu'un seul moyen de le retrouver. Il ne le suit point, il s'élançait vers la caverne. N'est-ce pas plus sûr, n'est-ce pas plus facile de parler d'abord avec la femme? Avtandil, faisant jouer tous les ressorts de son caractère, obtient ce qu'il veut par les moyens les plus variés, — par des paroles et des menaces, par l'arrachement de cheveux et enfin par les larmes, en passant d'un extrême à l'autre avec une facilité extraordinaire. Il rentre en hâte dans la caverne, pour attendre le retour de son inconnu mystérieux. L'homme à la peau de léopard revient quelque temps après, comme la femme l'avait promis; ils se rencontrent en paix. Le voile du mystère tombe enfin, et Avtandil voit devant lui — non un fantôme, mais un homme véritable, accablé par le destin.

L'inconnu raconte son histoire à Avtandil.

— Son nom est Tariel. Il est le fils d'un des sept rois de l'Inde. Son père Saridan devint, de son propre gré, vassal de Farsadan, qui régnait déjà sur les six autres royaumes indiens. Farsadan, n'ayant point d'enfants, se chargea de l'éducation du petit Tariel. Cinq ans plus tard la reine donna une fille à Farsadan. On éleva les enfants ensemble, mais on les sépara quand Nestane grandit.

Des années passent. Le père de Tariel meurt. Le prince est seul et triste; il reste, suivant la coutume du pays, un an dans une chambre obscure. Le deuil étant terminé, il revient au palais du roi, où il trouve de nouveau le meilleur accueil. Le roi organise une chasse pour le divertir, et il lui propose ensuite de venir voir la princesse. On l'autorise même, par faveur spéciale, à lui apporter des cadeaux.

La princesse Nestane vit dans une belle villa construite pour elle, parmi les oiseaux les plus fantastiques et des fontaines d'eau de rose. Nul mortel n'avait le droit de la voir. Quand le roi entra chez sa fille, Tariel resta modestement devant le rideau de sa porte. Il les entendit parler; puis d'un coup, le rideau s'écarta, et il *La vit*... Peut-on décrire, peut-on faire comprendre sa beauté?!... Asmath, sa confidente, s'approcha du prince pour prendre les cadeaux. Tariel les lui remit, puis il tomba inanimé. L'amour l'avait saisi comme une contagion!

On le porte chez le roi, on le met au lit, on appelle des médecins, on lui

demande ce qui lui fait mal. Il se tait. Est-ce qu'il peut dire la cause de sa douleur? Pour ne point se trahir, il se fait transporter dans son palais. Quelques jours plus tard, un serviteur lui apporte une lettre. Vient-elle d'Elle? Il comprend bien que ce n'est pas possible! Pourtant cette lettre vient de l'entourage de Nestane; elle est de la main d'Asmath, — et c'est une lettre d'amour. Tariel est troublé. — « Une femme de sa situation — comment ose-t-elle m'écrire », se dit-il en colère. Pourtant, il lui répond courtoisement, par principe chevaleresque.

Les jours passent, Tariel n'ose pas venir à la cour; il languit. Le roi lui envoie ses médecins, mais ils restent impuissants. Le roi leur ordonne de faire une saignée au prince. Le même jour, Tariel reçoit une nouvelle missive amoureuse. Cette fois Asmath réclame un rendez-vous. Tariel envoie de nouveau une réponse polie, il promet de venir — et ne vient pas. Le roi lui fait demander : la saignée a-t-elle fait du bien? — Certes, la saignée n'a servi à rien; mais le prince comprend qu'il ne peut plus faire durer cette situation : on commenterait défavorablement sa trop longue maladie; son secret pourrait être deviné. Il se rend au palais; il va à la chasse, il prend son air habituel, il s'amuse. Il réunit une joyeuse compagnie et organise un festin dans son palais. Au milieu de la fête, on vient lui dire qu'une femme le demande; elle est voilée de la tête aux pieds, et personne n'a vu sa face. Tariel est surpris, mais il déclare que cette femme est venue chez lui sur son ordre; il la fait conduire dans sa chambre et la fait garder à vue. Surpris par cette visite, plein de l'ivresse du festin, Tariel vient lui-même chez cette femme, décidé à s'adonner à la volupté que cette inconnue semble lui offrir avec tant d'insistance. Mais qui trouve-t-il? Asmath, agenouillée devant lui!

— Que je sois deshonorée à jamais si je fais tout cela pour moi-même! La lettre de celle qui est ma maîtresse t'apprendra la cause de mes actes insensés! — dit-elle en lui remettant une lettre. — Une lettre de Nestane! Et c'est une missive d'amour!

Tariel, frappé d'amour, en devient malade; Nestane, elle connaît la vraie science de l'amour, car cette science est l'une des parties principales du savoir de la femme. Nestane aime comme Tariel; mais elle sait aussi diriger son amour et c'est ce que Tariel ne sait point faire. La princesse lui écrit : je connais ton amour et je le partage. Mais à quoi bon languir et se désoler? Mieux vaut montrer ta vaillance à la femme aimée. Les Kathaiens ne paient pas de tribut : va les punir! Mais garde notre secret! Viens me voir, mais que tous pensent que tu viens pour Asmath.

Le prince, avec l'aide d'Asmath, pénètre chez la princesse. Quelle fut leur rencontre! Nestane était assise sur une couche élevée, ornée de pierres précieuses : son beau visage resplendissait comme le soleil; elle jetait sur le prince ses regards d'une douce beauté, sans prononcer une seule parole.

Enfin, d'un signe, elle appela Asmath et lui dit quelques mots à l'oreille. Asmath s'approcha de Tariel et lui dit à mi-voix « Il est temps que tu t'éloignes! Elle n'a pas la force de prononcer une seule parole! »

Tariel est accablé par ce silence. En sortant, il aurait voulu demander à Asmath : est-ce la femme qui m'aime, ou bien est-ce une autre? — Cette scène est une des meilleures du poème; on pourrait la nommer celle de l'éloquence muette de l'amour.

L'amour, dans ce poème, n'est point seulement le premier tendre battement des ailes d'Eros, c'est un culte unique de la vie, qui absorbe tout le temps des habitants de la maison enchantée de Nestane. Les serviteurs portent les missives amoureuses; les suivantes guettent la venue de Tariel; l'incomparable Asmath, confidente de Nestane, écrit des lettres pour elle et compromet

son honneur en prenant à son compte les rendez-vous de Tariel. Toute cette activité coordonnée, qui a lieu au nom d'un seul amour et d'une seule femme — d'une fille de roi, il est vrai — n'est pourtant ni l'adulation de courtisans empressés, ni surtout la servilité vulgaire d'esclaves aveuglément soumis; c'est un service désintéressé et pur, inspiré par le culte de l'amour immatériel à ses débuts et sans péché dans son essence, — de cet amour qui rend Tariel malade à la première rencontre et qui prive Nestane du don de la parole...

Tariel entreprend une campagne contre Kathai, comme le conseillait Nestane; il revient en héros. Nestane assiste au festin qu'on organise en son honneur, elle est à table vis-à-vis du prince. Tariel porte en écharpe son bras blessé; cette écharpe est d'une étoffe magnifique, trophée de la campagne. Nestane est toute pâle; elle a « le cœur en écharpe ». De nouveau, c'est une scène muette entre les deux : ils n'échangent pas un mot. Mais le lendemain Asmath vient chez lui pour prendre l'écharpe précieuse : c'est Nestane qui a voulu l'avoir. Peu de temps après, Asmath leur arrange un autre rendez-vous. Pour cette fois, Nestane lui donna des paroles plus douces que les fruits qu'elle lui offrit, et ils échangèrent les serments de fidélité jusqu'au tombeau...

Mais tout changea, tout s'effondra, quand un beau jour Tariel fut appelé au conseil de la famille royale; il y apprit qu'on avait décidé de marier Nestane au fils du roi de Khoesmie. Tariel pensa que ses objections à ce projet pourraient seulement compromettre ses plans véritables, il déclara donc que la décision des parents augustes était sage et digne de Nestane. Par une ironie cruelle du destin, c'est Tariel lui-même qui fut chargé d'organiser la réception du fiancé royal. Il dut planter pour lui une tente magnifique, il dut lui faire bon accueil, il dut organiser des divertissements pour la suite nombreuse du prince. Il remplit ces fonctions avec une exactitude impeccable; mais au dernier moment il tua son rival et se retira ensuite dans sa citadelle. Le pauvre fiancé périt sans jamais avoir su qu'un danger si proche le menaçait!

Le roi Farsadan fut frappé dans son honneur par cet événement. Il en pénétra la cause véritable; il apprit que Tariel voulait lui-même épouser Nestane; il apprit que sa fille avait conspiré pour perdre son fiancé; et le courroux du roi frappa en premier lieu sa sœur Davar, qui avait été chargée de l'éducation de Nestane. Sa fille, élevée par sa sœur avait deshonoré son nom; il décida donc de faire exécuter Davar. Cette dernière voulut auparavant châtier sa nièce. Elle l'injuria, la traîna par les cheveux, et la livra à deux nègres, leur ordonnant de l'emmener en bateau à la mer et de la jeter sur une côte lointaine et étrangère. Après cela, Davar mit elle-même fin à ses jours. Asmath, restée seule et inconsolable, vint rejoindre Tariel.

Depuis, Tariel et Asmath restent ensemble. Il cherche partout sa bien-aimée et ne la trouve pas. Il ne met pas fin à ses jours, parce qu'il ignore si Nestane n'est pas encore en vie. Mais il renonce au monde, à toutes les relations humaines. Asmath l'attend toujours dans sa caverne, mais il n'y vient que rarement. Il lui apporte du gibier, Asmath lui prépare à manger, mais il touche à peine aux mets. Les belles femelles des fauves lui rappellent sa bien-aimée; il porte donc toujours une peau de léopard, mais c'est une substitution bien pauvre, un symbole qui ne console point! — Un jour j'ai offensé ton roi — dit Tariel, en finissant son long récit. — Mais juge toi-même : qu'aurions nous pu nous dire? Lui et moi, nous étions à deux extrêmes : lui — dans l'excès du bonheur, moi — privé de tout. C'est bien généreux de la part de ta bien-aimée qu'elle t'envoie à ma recherche. Mais quel sens y a-t-il dans le fait qu'en la quittant tu m'a enfin trouvé et que tu a appris mon sort? Le ciel s'est acharné contre moi, mes malheurs sont irréparables.

Avtandil est profondément touché par la tragique histoire de Tariel. Il devient son « ami juré » et il promet de chercher Nestane avec lui. Mais il doit d'abord retourner chez Tinatine. Il obtient de Tariel la promesse que ce dernier ne s'éloignera pas de cette région, et qu'il l'y attendra pendant deux mois.

Revenu chez Tinatine, Avtandil lui raconte tout ce qu'il a vu et entendu, et il lui annonce en même temps que son serment l'oblige de retourner chez Tariel et de lui aider à chercher Nestane. Cela ne surprend nullement Tinatine; les vœux de l'amitié et les liens de la foi jurée à un autre amoureux élèvent encore Avtandil à ses yeux. Elle brûle elle-même maintenant de retrouver Nestane. Le roi voudrait mettre obstacle à ces plans, il ne veut pas qu'Avtandil reparte; mais l'approbation de Tinatine et les sentiments chevaleresques prennent le dessus sur sa loyauté de vassal, et le chevalier repart sans dire mot au roi.

En arrivant à la caverne, il est profondément désappointé. Il n'y trouve plus Tariel. Asmath lui raconte en pleurant qu'il est sorti le jour même du départ d'Avtandil et qu'il n'est pas revenu depuis. Avtandil se répand en discours sur le caractère sacré de la parole donnée, qui avait été enfreinte par Tariel; mais il ne peut rien faire d'autre que de se mettre, de nouveau, à la recherche du disparu.

Il le retrouve dans une contrée lointaine, déserte et torride. Tariel gît entre les corps inanimés d'un lion et d'une tigresse, plongé dans une lourde torpeur. Le sol autour de lui est imprégné du sang des fauves; son beau cheval se tient songeur à ses côtés. Avtandil rompt ce sommeil étrange, dû à une fatigue surhumaine; ce sommeil qui préludait déjà la mort, Tariel, en reprenant conscience, raconte un incident curieux qui l'avait frappé par une association d'idées : il ne voulait plus revenir à la caverne; il cherchait la mort. D'un coup, il vit la rencontre d'un lion avec une tigresse. Ils avaient l'air de deux amoureux, et ils s'ébattaient. Le lion, calculant mal la force de ses coups, fit mal à la tigresse. Elle hurla de douleur, le sang perla sur sa fourrure. La face de Nestane offensée parut alors devant les yeux de Tariel; il se jeta sur ce lion qui avait blessé sa compagne et il l'abattit. Après le combat, il éprouva le désir de caresser la tigresse, et il la serra avec force dans ses bras. Elle se retourna, lui montrant les dents, alors, il lui fracassa le crâne.

La suite du poème est consacrée de nouveau aux aventures d'Avtandil. Il part seul à la recherche de Nestane; il parvient dans le pays du roi Nouradin Fridon, d'un autre « ami juré » de Tariel. Jadis, Tariel et Fridon cherchèrent Nestane ensemble. Fridon se rappelait qu'une fois il avait eu, en mer, la vision d'une femme qui était retenue prisonnière; il pensait que ce pouvait être Nestane. Avtandil obtient de lui un récit détaillé sur cette vision, et reprend son voyage. Au bord de la mer il trouve une caravane de marchands qui n'osent se mettre en route par crainte des pirates. Avtandil lutte seul avec les pirates dans un combat inégal, les disperse, s'empare de leur riche navire et arrive, à la tête d'une caravane de marchands, dans la riche contrée de Goulancharo.

Suivant les coutumes locales, il va porter de riches offrandes à Fatmane-Khatoune, la femme du doyen des marchands de cette contrée. Les hautes qualités de son amour sans tache pour Tinatine et de son amitié pour Tariel vivent encore sous son habit de marchand. Mais les brusques changements de la vie tourmentent son cerveau. La vie lui paraît une suite de girations rapides, de girations qui finissent bien vite. Autour de quoi tourne la vie? Cette énigme reste entière. Nous désirons ce que nous ne possédons point; et nous sommes bien vite rassasiés de ce que nous possédons! Y a-t-il un tiers entre ces deux

états d'âme? Il n'y en a point; le passage d'un état à l'autre est momentané. En tout cas, ce tiers, ce moment le plus désirable de notre giration, nous le traversons avec la vitesse d'un tourbillon. Le monde est plongé dans le crépuscule. Si faible est la lumière que les hommes et les choses, les passions et les actions se rencontrent et se disposent dans un ordre purement accidentel. « N'espère pas trouver dans le vase ce que tu y cherches : tu n'en verras couler que ce qui a été versé! » Cela explique les imperfections de ce monde et de tous nos actes, cela explique aussi les imperfections d'Avtandil lui-même!

Il a besoin de Fatmane-Khatoune, parce qu'elle est une femme experte dans la vie, parce qu'elle possède des connaissances variées sur les hommes, les événements et les pays. Il espère trouver par son entremise la trace de Nestane. Et voici ce qui se passe : quand il reçoit de Fatmane — femme d'un caractère gai et amoureux — une missive enflammée exprimant sa passion, Avtandil, ce héros plein d'amour élevé et fidèle jusqu'alors, devient pour quinze jours l'amant de Fatmane afin de parvenir à son but; il commence par tuer le dernier amant de celle-ci, et jette son cadavre à la mer.

Fatmane, une beauté brune déjà bien mûre avait aimé beaucoup d'hommes les plus différents, mais elle ne connut la véritable joie de son cœur qu'avec Avtandil. Elle fut heureuse, comme un oiseau sur des branches fleuries, bien qu'Avtandil la traitât de corneille, bien qu'elle sut qu'il en aimait une autre.

Peut-on reprocher cette conduite à Avtandil? Sans nul doute! Tariel, dont il estimait tant les qualités d'amoureux, n'aurait jamais fait cela. Avtandil comprenait lui-même l'inconvenance de ses actes, il se sentait comme un homme d'esprit ayant fait une bêtise, ou comme un homme probe se trouvant « entre deux chaises », dans une situation douteuse. Pour lui pour un homme qui s'était mis à la poursuite de tâches idéales, cette situation était particulièrement pénible. Mais cet épisode nous est raconté non pas pour nous faire déplorer la chute d'un amoureux (chute que la morale sévère de Roustavéli condamne), mais pour nous montrer comment on doit savoir rompre, — science aussi nécessaire que celle des approches...

Ayant appris de Fatmane tout ce qu'il voulait savoir sur le sort de Nestane, Avtandil, cet homme d'habitude si courtois, abandonna sa maîtresse sans regret — comme le soleil ne nous regrette point quand il se couche le soir. C'est un trait de la suprême indifférence qui règne dans le monde, et dont l'exemple nous est montré par le soleil, ce même astre qui nous donne la chaleur de la vie; — Avtandil, cet homme qui a su agir sans retard aussi bien que penser, est pénétré, lui aussi, de cette indifférence.

Mais il savait maintenant où se trouvait Nestane. L'histoire passionnante de sa vie mouvementée fut racontée à Avtandil par Fatmane-Khatoune :

Un jour, — c'était la fête de Nevrouze — elle regardait la mer si belle, quand elle vit qu'un bateau amarrait près de sa maison; deux noirs en sortirent, amenant avec eux une femme de beauté éblouissante. Elle avait l'air profondément malheureux; on pouvait voir facilement qu'elle venait de traverser de dures souffrances. Fatmane ressentit pour elle une profonde compassion; elle donna ordre à ses serviteurs de lui amener cette femme; quant aux noirs — dit-elle — s'ils tentent de s'y opposer — on doit les jeter à la mer. Les serviteurs exécutèrent ces ordres, et l'inconnue fut amenée chez Fatmane. Elle vécut quelque temps chez celle-ci, sans jamais vouloir répondre aux questions : qui elle était et ce qui lui était arrivé dans la vie. Il paraissait que ses malheurs l'avaient rendue étrangère à tous les autres aussi bien que sévère envers soi-même. Elle mangeait peu, ne dormait presque pas, et refusait tout ce que le bon cœur de Fatmane lui pouvait offrir. Fatmane, ainsi que son mari,

la prirent en affection et la gardèrent longtemps en secret. Mais le mari de Fatmane était un convive habituel du roi; un jour, ayant bu plus que de raison, il commença à se vanter devant le roi, qu'il tenait dans sa maison une fiancée digne du prince héritier. Soixante hommes de la garde royale vinrent aussitôt, leur chef en tête, pour emmener la belle inconnue dans le palais du roi. Fatmane versa de chaudes larmes quand elle la vit partir, elle garda longtemps rancune à son piètre mari.

Toute la cour fut frappée de la beauté surhumaine de l'inconnue. On la supplia de dire comment elle s'appelait? qui étaient ses parents? avait-elle frère ou sœur? On lui demanda ce qu'elle voulait devenir. Elle opposait à toutes ces questions un mutisme complet. On la logea au palais, on l'entoura de suivantes, on répandit des perles devant elle, mais pas une seule fois elle ne donna même point à entendre que quoi que ce soit lui fut agréable. On la désigna comme fiancée du prince héritier, on attendait seulement le retour de celui-ci pour célébrer leur noce.

Mais l'inconnue, elle, ne l'attendit pas : peut-être réussit-elle à convaincre ses suivantes que la noce qu'on préparait était futile, peut-être les a-t-elle achetées par des riches présents, leur distribuant les pierres précieuses que Fatmane lui avait données au moment de leur séparation, en tout cas elle s'assura de leur complicité, réussit à s'enfuir du palais, et vint voir Fatmane en secret. Elle la pria de lui donner un bon cheval, et partit dans l'inconnu, malgré tous les pleurs de Fatmane. Le roi la fit poursuivre, mais on ne la retrouva plus dans goulancharo.

Fatmane resta longtemps sans nouvelles de cette femme mystérieuse; seulement beaucoup plus tard, elle apprit de ses serviteurs ce que des voyageurs du pays des Kadjes agiles leur avaient raconté : dans leur pays se trouve une vierge inconnue d'une beauté céleste. Elle avait voyagé longtemps, se déplaçant pendant la nuit, sans direction déterminée; mais on l'aperçut parce que de son visage émanait une douce lueur; une armée de milliers de Kadjes l'entoura, on l'emmena dans leur terrible citadelle inexpugnable. Et cette femme, qui n'avait pu être la fiancée de celui qu'elle aimait de toute son âme, dut encore une fois subir son destin qui la forçait toujours de devenir la fiancée d'hommes étrangers, tout en restant pour ceux-ci, toujours, la fiancée lointaine.

Les Kadjes, éblouis de sa beauté, décidèrent de la marier avec leur prince qui se trouvait, — lui aussi, — engagé dans une campagne en pays éloigné. Et la princesse vécut dans une tour immense, élevée au bord d'un précipice vertigineux, en attendant le jour de ses fiançailles forcées; elle avait décidé, fidèle à son but intime, de se jeter ce jour dans le précipice.

III.

Avtandil apprit tout cela encore avant le retour du prince des Kadjes. Le dénouement du poème est contraire à ce qu'on voit dans les anciens et les nouveaux romans où le destin aveugle détruit inexorablement les hommes et leurs passions. Nestane, qui a su résister aux coups de la destinée, fut libérée de sa longue et cruelle captivité chez les Kadjes; elle retrouva enfin son Tariel. Avtandil revint lui aussi, victorieux chez Tinatine, et tout finit dans le bonheur complet.

Cette fin induisit en tentation les anciens admirateurs de Roustavéli,

qui voulurent ajouter encore au poème des nouveaux chapitres décrivant non plus l'amour, mais l'heureuse vie conjugale de Tariel et de Nestane, d'Avtandil et de Tinatine. Mais le thème de Roustavéli n'était pas la description d'une vie heureuse : il ne voulait parler que de l'amour, immortel, brûlant comme la flamme chez Tariel, un peu moins pur chez Avtandil.

Quand Nestane, se trouvant en captivité, ayant perdu tout espoir de jamais revoir Tariel, pensait à la mort, elle se figurait que son âme, quittant sa dépouille terrestre, s'envolerait au ciel, se dissolvant dans les rayons du soleil; alors elle communierait à tout moment avec l'âme de Tariel, elle aussi devenue une parcelle du soleil. Nous trouvons dans ces lignes quelques reminiscences de la théologie solaire du paganisme antique, qui enseigne que l'amour né dans l'élément lunaire, c. à d. charnel, se transforme en élément de lumière solaire, c. à d. en Eros purifié. Dans la littérature religieuse qui s'appuie sur les néoplatoniciens, on nommait cela la sublimation de l'âme. Les commentateurs de Roustavéli, l'académicien N. Marr et le prince Z. Avalichvili, expriment l'opinion que ces strophes parlent de la sublimation d'Eros.

De cet amour élevé et immortel de Roustavéli, parle aussi dans sa préface, C. Balmont, le connaisseur inspiré de la poésie universelle, le grand poète russe, auteur de cette traduction des strophes roustavéliennes, qui constitue un véritable exploit dans le domaine littéraire.

NOTE DE L'ÉDITEUR

Les illustrations qui accompagnent le texte de cette édition russe, appartiennent au célèbre peintre, académicien Zitchi, et les bordures, les majuscules et les lettres finales—reproduisant des échantillons d'ornements de l'architecture géorgienne ancienne—sont empruntées à la plus belle édition de luxe géorgienne, celle de 1888.

CHOTA ROUSTAVELI

THE MAN
IN THE PANTHER SKIN

Georgian poem of the XII century

Russian translation by C. Balmont

PARIS

Publicher D. Kheladze

—
1935

CHOTA ROUSTAVELI

I.

The translation of the poem of Roustaveli, the 12th century Georgian poet, was begun only in the 19th century. It has been rendered into English, German, Hungarian and Armenian. A French translation is now in preparation. The Russian translation was made by Constantine Balmont the famous Russian poet, sixteen years ago, but the publication was delayed on account of the Russian Revolution. This translation shows the truth of the idea, that sooner or later man's greatest creations become known to all. Roustaveli's fame abroad is therefore of comparatively recent date. However, in Georgia, he has been appreciated for a very long time, and his work will endure for ever. The Georgians have expressed their admiration of Roustaveli's poem «*The Man in the Panther Skin*», in various forms. A folk-lore version has grown up around it. Some of its verses have become proverbs. To understand the popularity of this poem of old Georgia, one has to see the old transcriptions. The careful calligraphy of the different periods, the naïve miniatures, and the artistic decorations which accompany the text, all so representative of their epoche, make these manuscripts truly touching. The poem in one of these forms constituted a part of the dowry of old-time brides, belonging to the wealthy and intellectual Georgian classes.

Who was this master of words, this brilliant poet, whose radiant face has not been obscured these seven hundred years? From the poem we can only gather that it was written to glorify the reign of Queen Tamar, who really existed, and that its author was, a poet from Roustavi —whence the name Roustaveli is derived. Everything else concerning the poet is legendary. He is described as being the minister of the great queen, with whom he is desperately in love. The legend goes on to say that he ended his days as a humble monk in a Monastery of the Holy Cross at Jerusalem. However, neither the legend that grew up around his name, nor the modern biographies have anything very definite to add to the information he gives about himself in his poem. Roustaveli's real personality is unknown. Historians and panegyrists who glorify the period of Queen Tamar, do not include in their list of rhetoricians and philosophers the name of the poet, and for the three following centuries nothing of him was heard.

It must be borne in mind, that the century following Tamar's reign was marked by the Mongolian invasion, and the consequent fall and destruction of Georgia. The usual fate of literature during the dark periods of history, accounts for the oblivion of Roustaveli. His poem was born in the golden Tamaran age, on the very eve of its decline. It became the heritage of those who lived through a time of destruction of culture, a time when all of Roustaveli's ideals were trodden in the dust. The cultured classes that alone created the atmosphere in which the poet could make his influence felt, perished in the chaos of destruction. It may be assumed, that knowledge of the poet perished at the same time.

Several centuries elapsed before the soul of the nation was restored and

the cultured people directed their attention to the spiritual treasures of the old days. Actually, it is only in the 16th century, at the period of Georgia's relative restoration of culture, that Roustaveli's name is first mentioned by Firdussi, one of the translators of «Shach Name». The most ancient text of the poem belongs to the late 16th century — it is not known from whence it was taken.

About that time the legends concerning Roustaveli began to arise, and the biographies to appear. New transcriptions of the poem cropped up, some of them illustrated, or even containing the portrait of the poet.

During the 16th—18th centuries Roustaveli's creation attracted so much attention, that the text suffered. This was remarked even by contemporaries, who endeavoured to preserve the pure form of the poem. Not only were stanzas added, but an «admirer» thinking the poem incomplete, added whole chapters to it. Others suppressed stanzas. There were wrong words and sentences — as usual, scribes made mistakes.

King Vakhtang VI was induced to compare the existing texts (of which fifteen survive) to correct the scribe's errors, and to exclude the evident additions. As a result, in 1712, the first printed text appeared, supplemented by very valuable interpretations from the pen of the learned monarch. It was published in Tiflis.

This was the edition that came down to the 19th century, during which period it was reproduced about twenty times. All these reproductions, closely followed King Vakhtang's text, but in its turn, this also was found unsatisfactory, and modern historians began to «improve» the poem. Some of this work was undoubtedly valuable, but, the axes of the «literary woodchoppers» sometimes cut into the body of the poem. That the prologue and epilogue were not the work of Roustaveli, was even the conclusion of some of the revisers.

Such, in brief, is the story of the text of the poem. It is another example of the changes wrought by time upon a literary work.

II

«*The Man in the Panther Skin*» is an epic poem with prologue and epilogue, comprising in all 1553 quatrains.

The contents are as follows:—

Old King Rostevan, the ruler of Arabia has no heir to his throne. However, if he has no son, he has a daughter of incomparable beauty, the radiant Tinatin, and he does not see why she should not be placed upon the throne before he dies. He asks however his courtier's advice. They reply unanimously, that the cubs of the lion, both male and female, should be regarded as equal, and that therefore the daughter should reign where there is no son.

Tinatin is loved by Avtandil one of the foremost knights of her father's realm, educated by him and commander of his armies. This new turn of events pleases him very much, for it means, that his duties will often bring him into his loved one's presence.

All Arabia is rejoicing at the coronation of Tinatin. During a hunt at the Royal hunt, Avtandil and the old king have a strange experience. Both are resting after their efforts to excel, when suddenly they perceive on the bank of a stream the figure of an unknown man, a knight dressed in a panther skin. The knight, who holds the rein of a black steed, is weeping bitterly. Curious to know more of the stranger, the King sends a servant to summon him to his side.

The servant returns unsuccessful, and the King sends twelve of his men to bring the stranger by force. The man in the panther skin vanquishes them

all and then slowly rides away. Naturally enough the king, is very angry and desires the capture of the unknown man. The troops search the neighbourhood in vain, the knight has vanished in the twinkling of an eye. He has too much respect for Royal dignity to encourage combat.

Greatly depressed by this event, the King returns to the palace. His life formerly happy and peaceful, is henceforth overshadowed by this incident. He has seen something tangible disappear as in a vision, and he takes it as a bad omen. Tinatin tries to console him, and advises him to send out messengers in search of the truth. «If they can reveal the secrets», she says, «your anger will be stayed. If, on the other hand they, learn nothing, you will know that it was an evil spirit, under whose influence you must not fall».

The messengers depart on their quest, but though they scour the world they learn nothing of the man, the man in the panther skin.

Time passes. The king, having probably forgotten the disturbing incident, leads his usual pleasant life. But not so Tinatin. She cannot forget the strange appearance and disappearance of the man in the panther skin. She summons Avtandil to her side, and charges him to satisfy her curiosity and to discover the stranger. Perhaps for a long time she has wanted to speak frankly to Avtandil, and the mysterious incident serves as an excellent pretext.

«I have long been aware of your love for me», she tells him, «and as my subject and lover of whom I approve you owe me a double duty. Here is a task for you. Go and seek this mysterious knight and return within three years. If you find him, or learn something of him, I shall greet you as an open rose; if you do not find him I shall be convinced that it was a vision. But be assured, in any case I shall take you as my husband».

Avtandil sets out in search of the unknown knight. He announces that he is going on a love quest which demands solitude. The face of his beloved is always before him and it strengthens his heart. When he is sad, he sings, and in glorifying his Tinatin he composes hymns to the angels. The way is long, and wearisome, the three years are drawing to a close and he is still pursuing his shadow. Sometimes he loses heart, and is on the point of killing himself, or returning home ignominiously.

However, his loneliness, the separation from his beloved, the difficulties of his task, the impression made by nature, and the simplicity of the wanderer's life gives him courage to go on to the end. Fearlessly devoted to Providence, he thinks of the vanity of this world unknown to him before, and he has a new conception of life. Formerly he knew but the positive side of it, now he is aware of conflicts and contradictions. He is not sufficiently learned to interpret them. He sees life as a passing flash, and man, as a toy in the hands of fate. Everything, he thinks, depends on chance, and death equalises all. Death however is, not terrible when glorious, and life lacking glory is worthless. He thinks and says things that he never thought before — things usually not thought of by courtiers. To feed oneself, he says, one requires but an onion and a thumb. He realises how small man's requirements are.

As a knight, he renders many services to the suffering, but refuses all reward. «I have my horse, what can your gifts add to that» he says. He realises that man's actions are usually founded upon expectation of reward. If one renders a service without hope of payment, then when payment is offered it outrages one's modesty.

In the midst of all this philosophizing and cult of nature, the vision of Tinatin becomes rather obscure. There is still no sign of the man he seeks, though one day chance quite unexpectedly crowns his efforts with success. It goes to prove still further to Avtandil, his philosophy, that in this life, Chance is an all important factor.

He meets with some men, freshly wounded they say by a man possessed, a man, clad in a panther skin. «There he is» they say, indicating a horseman in the distance. After binding up their wounds, Avtandil dashes after the rider. He realises, that an open encounter would be unwise, possibly ending in the destruction of both, and so he follows the man at a distance. He sees him enter a grotto. In order to secure a good point of vantage Avtandil climbs a tree —thereby sadly departing from his knightly dignity, but gaining in sagacity. It is probable however, that Tinatin will not hear of this episode. With the end of his quest in sight, he is cool and deliberate. From his observation post, he witnesses the strange meeting between the man he seeks, and a young woman.

Suddenly the man leaves the grotto.

Avtandil seizes the opportunity to descend from his perch, and to go and interrogate the young woman. By dint of threats and tears, he obtains her promise to help him. At this moment the man returns and she calmly introduces him to Avtandil. All the mystery disappears. Avtandil sees before him an ordinary man who is overwhelmed by fate. His name is Tariel, and he is the son of one of the seven rulers of India. His father Saridan, voluntarily became the vassal of Farsadan, the over-lord of the other six kingdoms. Farsadan, having no children adopted Tariel and educated him. Five years after Tariel's adoption, Farsadan's wife gave birth to a daughter named Nestan. The children were brought up together during their early childhood. The years passed by. Tariel's father died, and was sincerely mourned by him. According to the custom of the period Tariel remained in a darkened room for a year.

On the expiration of his official mourning, he returned to the palace, where a gracious welcome awaited him. The king arranged a hunt, after which he proposed that Tariel should visit Nestan, taking with him the partridges he had killed, as a sign of his Royal favour.

Nestan lived in a separate palace, which was surrounded by fountains of rose-coloured water. Fantastic birds flew hither and thither. No mortal was permitted to see the princess. Therefore, when Farsadan entered her chamber, Tariel modestly remained on the other side of the curtain, where he overheard the conversation. The curtain suddenly swung aside, and Tariel saw the princess before him. Her beauty was indescribable. Asmat, her lady-in-waiting, approached Tariel to take the partridges. He handed them to her, and then fell down in a swoon — he was stricken with love. He was carried to his room and carefully tended. His condition puzzled the doctors; they questioned him, but he remained silent. How could he reveal his love? In order to guard his secret from curious eyes, he ordered his servant to have him removed from the palace to his own home. A few days later the servant brought him a letter. Was it from Nestan? An impossible dream!

It was from Asmat, her lady-in-waiting, and it breathed love. Tariel was both perplexed and irritated. How dare the woman!

However being a knight and gentleman, his answer was courteous, and feigning illness he avoided the court. The king sent more doctors to attend to him, but they could do nothing for him. As a final resort the King ordered him to be bled. He receives a second letter from Asmat begging for a rendez-vous. Tariel consents, but does not keep to his promise.

Eventually he decides to reappear at court, feeling that his absence might be misconstrued or his secret revealed. He participates in the court life as usual, and even goes so far as to give a magnificent feast. While the merriment is at its height, he is told that a veiled woman demands audience with him. Although astounded, Tariel pretends that he expected such a visit, and requests that the visitor be ushered into a separate room and closely supervised. Flushed with wine, he goes to see his mysterious caller, determined

to make the most of what the occasion offers. Asmat kneels before him.

«May shame cover me if it be thought that I came on my own behalf» she says, «This letter from my lady will explain my strange behavior». She proffers a love letter from Nestan. The art of love, unknown to Tariel, was nature's gift to Nestan as a woman. She not only knew how to love, but how to direct love.

She wrote that she was aware of his love, and that she approved of it. She considered it useless to suffer; it would be better to undertake heroic exploits in the name of his beloved.

Since the Khatavians did not pay tribute, why not punish them? She urged him not to disclose their secret. He could see her, but must pretend Asmat to be the cause of his visit.

Asmat arranged the meeting — and what a meeting it was! Nestan reclined upon a high divan adorned with precious stones. Her face was radiant. She «sweetly and beautifully» gazed upon him, but never said a word. The princess summoned Asmat, and whispered something to her. Asmat approached Tariel and whispered in turn «It is time to go, my lady is too overcome to speak.» Tariel was much impressed by Nestan's silence.

In going he might have asked Asmat «Was that my beloved or not?» This is one of the best scenes in the poem. It might be entitled. «The Dumb Eloquence of Love».

Love is here not only represented as the earliest and tenderest beating of the wings of Eros, but as a cult, absorbing the entire time of the inhabitants of Nestan's fairy-tale palace. Some of the servants carry love's messages; others shepherd Tariel to her presence. There is Asmat, Nestan's faithful friend who writes love letters for her, and is even ready to accept the blame on her behalf. They toil for their princess, not as slaves, but as assistants in a pure and spiritual service rendered in the name of that love, which overcame Tariel, and which deprived Nestan of words.

In obedience to Nestan's request Tariel undertakes a campaign against the Khatavians, and returns a hero. A feast is given in his honour, and his wounded arm in a sling of marvellous material acquired during the campaign, Tariel is seated opposite his beloved. Nestan is pale. Is her heart wounded? In any case no word was spoken.

The following day Asmat comes to Tariel and requests him to give her his sling as Nestan desires to possess it. A second rendez-vous is quickly arranged. On this occasion Nestan uttered words sweeter than honey, and they swore to be faithful to each other until death.

Changes overshadowing their love occurred. Tariel, invited to a state Council hears the decision to affianc Nestan to the son of the Shah of Khorecim announced. Thinking that a protest might harm his cause, Tariel says that the betrothal is a very wise one, and that no better choice could have been made.

Fate mocks him, as he is commanded to wait upon the bridegroom. He pitches a gorgeous tent for him and arranges a sumptuous entertainment. He carries out the royal requests without hesitation.

This however angers Nestan, and she accuses him of breaking his oath. Eventually, Tariel kills his rival and flees to a distant fortress. The unfortunate bride-groom perishes, not knowing why he was killed.

When the king learns the real state of affairs — Tariel's wish to marry Nestan, and of Nestan's complicity in the murder — he is filled with astonishment and shame. He upbraids his sister Davar, whom he had charged with Nestan's upbringing. He says she has reared a debauchee and not a daughter, and that she, Davar, must suffer death. Davar in turn resolves to punish Nestan severely. She has her seized, and dragged by the hair by two negresses to a boat which carries her to a foreign shore. Her revenge accomplished Davar kills herself.

Having lost her mistress, Asmat rejoins Tariel and together they seek Nestan. Tariel only refrains from suicide as there is a faint hope that Nestan lives. He cuts himself off from the world. He visits the grotto where Asmat lives, but seldom — he is reluctant to possess her. He wears a panther skin, because it reminds him of his beloved.

In his conversation with Avtandil, Tariel explains why he avoided contact with the former's royal master.

«You must agree, that there was no necessity for this acquaintance. We are entirely opposed — you have plenty, I have nothing. It is wonderful that your beloved should attempt to seek me, but why did you undertake this quest? Return to her, you cannot help me. The heavens are against me, and my fate cannot be turned aside».

Greatly touched by this sad tale of Tariel's love, Avtandil swears that he will help him to find Nestan. First, however he must see Tinatin, he promises to return within two months, and begs Tariel to await him.

Having recounted all to Tinatin, Avtandil declares that he must return to Tariel. Tinatin is not displeased. It seems to her quite a natural proceeding. On the other hand, far from his conduct displeasing her, it gives him added prestige in her eyes. She herself is imbued with the burning desire to discover Nestan. There is however, one obstacle. The king disapproves of Avtandil's second journey.

Knightly duty, and Tinatin's encouragement overcome his hesitation however, and he rides off secretly.

Disappointment awaits him on his arrival at the grotto. Tariel is not there. Asmat tearfully informs him that Tariel left the same day as he did, and has not returned.

Avtandil moralises on the sacredness of an oath, and decides to seek Tariel. He finds him at length in a remote and uninhabited country. Tariel is sleeping between a lion and a tigress whom he has killed. The ground around him is soaked in animal blood. His sword lies at hand, and his unparalleled horse stands meditatively by. Avtandil awakens him from the state of prostration that he is in. Tariel relates an extraordinary adventure, which gave birth to a new idea of Nestan's fate.

He had decided not to return to the grotto, but to seek death. While riding one day he encountered a lion and a tigress playing together. The lion accidentally hurt the tigress, who cried out in her pain, the blood flowing from her wound.

This reminded him of Nestan's sad fate, and so he killed the lion. A desire to caress the tigress was born in him, and he took her into his powerful arms. She roared in protest, so he cracked her skull with his sword.

The poem goes on to describe Avtandil's adventures. He goes alone to seek Nestan, and comes to the land of King Nuradin Fridon, Tariel's blood brother. For a time Avtandil and the King sought Nestan together. Before he met Avtandil, Fridon once saw a boat bearing a captive woman, whom he thought might be Nestan.

Securing all the possible details, Avtandil pursues his quest. Coming to a port, he sees a merchant's caravan. The merchants, being afraid of pirates, fear to put out to sea. Alone and unaided, Avtandil overwhelms the pirates and captures their rich vessel. Then disguised as the Merchant's chief, he travels to the wealthy land of Gulansharo.

Custom demands that he present rich gifts to Fatman-Khatun, wife of the chief of the merchant's guild. He becomes a frequent visitor. Deep feelings are hidden under his merchant's garb — his pure love for Tinatin, and his friendship for Tariel. The procession of life interests him. Upon what does it all turn? What we desire we never receive, and we are wearied with what we have. Is there not a third state? he asks. If it existed, it would be ideal, and

life's emptiness would be dispelled. The world is in twilight. In it's faint light mans' feelings, and natural phenomena, appear in the wrong order. One should not expect to draw from any vessel that, which it does not contain. The world and our actions are imperfect. Hence, therefore he finds his imperfection.

He frequently visits Fatman, who, well versed in life, has many connections and much influence. He hopes to get news of Nestan.

Pretty Fatman falls in love with him, and despite his ideals with regard to love, he becomes her lover for a fortnight, for material reasons. He hopes to secure news of Nestan from her.

He kills her present lover, and throws his body into the sea.

The old beauty has had many lovers, but she finds in Avtandil the complete satisfaction that she desires. She knows he loves another, but she is as happy as a bird in a tree — this, despite the fact, that Avtandil calls her a crow.

Can Avtandil be blamed? Certainly. Tariel, whose high qualities he esteemed would never have descended so low. Being no fool, Avtandil clearly realises his fault. He is between two stools, but if this position is unpleasant, it would be still more unpleasant not to know how to seat himself on either of the stools.

In this scene Roustaveli, whose own love ideals are lofty, reproaches Avtandil, not so much for his conduct, as for his inability to act rightly at the proper moment.

When Avtandil secures all the information he wants from Fatman, he leaves her without regret, much as the sun leaves the earth each day. He has noted in life's path this general indifference which man has learnt from the sun, the giver of warmth.

Nestan is discovered.

The exciting story of her adventure is narrated by Fatman-Khatun.

On the day of the feast of Navruz, while absorbed in contemplation of the beauty of the sea, she noticed a boat drawing near the shore. Two negroes assisted the most beautiful woman she had ever seen, to disembark. The woman appeared to be bowed down by grief, and her suffering was obvious. Fatman was sorry for her, and ordered her servants to bring the woman to her. If the negroes showed fight, they were to be thrown into the sea. Her orders were executed, and the stranger was brought to her. She remained in Fatman's house, but she disclosed neither her name, nor the story of her life. The blows of fate had apparently taught her reticence and self discipline. She ate but little, hardly slept, and refused everything that the kind hearted Fatman offered her. Husband and wife loved her, and they hid her for a long time.

On one occasion, however, Fatman's husband, who frequently sat at the king's table, while under the influence of a little too much wine, boasted that he had in his house, a woman worthy to be the bride of the king's son. Sixty of the king's guards, led by a captain, went to the merchant's house and brought the princess to the palace. Fatman cried with indignation at this outrage, and bitterly upbraided her husband.

The courtiers were astounded by the unearthly beauty of the stranger. They beseeched her to say who she was, whose daughter, whose sister, and what her wishes were, but she remained silent. Surrounded by royal dignity she was accommodated in the palace. Everything that she might have desired was placed at her disposal, but she evinced no pleasure.

She was regarded as the bride of the king's son.

The wedding was to take place as soon as the young man returned from the war, that was going on at the moment. The mysterious stranger by means of her charm, and bribes of precious stones given her by Fatman, managed to

get her servants to assist her to escape from the palace. She returned to Fatman's house and overcame the latter's tearful objections. She persuaded her to lend her a horse and rode away.

The king sent soldiers in pursuit, but she was not to be found in the land of Gulancharo. For long Fatman was ignorant of her whereabouts, but one day her servants conveyed to her the rumour, that in the land of Kadgians there lived a maiden of unearthly beauty. The people had remarked the radiance of her face as she moved by night. Soldiers were sent to waylay her, she was captured and imprisoned in a terrible and impregnable fortress.

This maiden, from whom fate withheld her lover, was, on several occasions betrothed to others. Blinded by her beauty, the Kadgians determined to marry her to their prince, who also happened to be away on a campaign. To hold her secure until the return of the prince, they placed her in a lofty tower, surrounded by a deep moat, into which she contemplated throwing herself.

Before the Kadgian prince returns Avtandil learns Nestan's whereabouts. The remainder of the poem differs from those ancient and modern poems in which, love and man are overcome by fate.

After lengthy detention in the tower where she suffers greatly, Nestan is liberated, and meets her beloved Tariel. The triumphant Avtandil returns to his Tinatin. All ends happily.

The early interpreters of Roustaveli's poem were led astray by this happy ending. They felt compelled to add stanzas — not describing love, but the happy married lives of Tariel and Nestan, of Avtandil and Tinatin.

Roustaveli's idea however, was not to describe domestic bliss, but love everlasting. Tariel's love was as passionate as fire, whereas that of Avtandil was less stable.

When, during her captivity, Nestan abandoned all hope of meeting Tariel on this earth, she thought that her soul once separated from her body, would be diffused in the sun's rays, and thus would for ever warm the soul of Tariel, itself also mingled with the sun.

This conception, perhaps shows a reaction to the old pagan sun-worship, upon Roustaveli. According to this theory, love rises in elements of moonlight, this being bodily love. It afterwards changes into elements of sunlight, becoming thus purified. Christian literature adopted this theory from neoplatonism, and called it the sublimation of the soul. Professor N. Marr, and Prince Z. Avalashvili, two prominent interpreters of Roustaveli's poem, consider, that these stanzas indicate the sublimity of Eros.

Balмонт, a great Russian poet and authority on world poetry, whose inspired translation of Roustaveli's poem is a veritable artistic exploit, deals also, in his preface with Roustaveli's conception of eternal love.

EDITOR'S NOTE

Illustrations included in this Russian edition, belonging to the well known artist Zitchi of the Academy, and illuminations representing ancient Georgian architectural ornaments, are taken from the most luxurious Georgian edition of the poem published in 1888.

НОСЯЦІЙ
БАРСОВУ
ШКУРУ

НОСЯЩІЙ БАРСОВУ ШКУРУ.

ЧЕТЫРЕСТРОЧІЯ ВСТУПІТЕЛЬНЫЯ

ОНЪ, что создалъ сводъ небесный, Онъ, что властію чудесной
 Людямъ духъ далъ безтѣлесный, — этотъ міръ намъ далъ въ удѣлъ.
 Мы владѣемъ безпредѣльнымъ, многообразнымъ, въ
 разномъ цѣльномъ.
 Каждый царь нашъ, въ ликѣ дѣльномъ, ликъ Его
 средь царскихъ дѣлъ.

Богъ, создавшій міръ однажды. Отъ Тебя здѣсь обликъ каждый.
 Дай мнѣ жить любовной жаждой, ей упиться глубоко.
 Дай мнѣ, страстнымъ устремленьемъ, вплоть до смерти жить томленьемъ,
 Время сердца, съ свѣтлымъ пѣньемъ, въ міръ иной снести легко.

Льва, что знаетъ мечъ блестящій, щитъ и копій свистъ летящій,
 Ту, чьи волосы — какъ чащи, чьи уста — рубинъ, Тамарь, —
 Этотъ лѣсъ кудрей агатный, и рубинъ тотъ ароматный,
 Я хвалю многократной вознесу въ сіяньи чаръ.

Не вседневыми хвалами, я кровавыми слезами,
 Какъ молитвой въ свѣтломъ храмѣ, восхваляю въ стихахъ ее.
 Янтаремъ пишу я чернымъ, тростникомъ черчу узорнымъ.
 Кто къ хваламъ прильнетъ повторнымъ, въ сердце приметъ онъ копые.

Въ томъ велѣніи царицы, чтобъ воспѣть ея рѣсницы,
 Нѣжность губъ, очей зарницы, и зубцовъ жемчужный рядъ.
 Милый обликъ чернобровой. Наковальнею свинцовой
 Камень твердый и суровый руки мѣткія дробять.

О, теперь слова мнѣ нужны. Да пребудутъ въ связи дружной.
Да звенитъ напѣвъ жемчужный. Встрѣтитъ помощь Таріэль.
Мысль о немъ — въ словахъ заветныхъ, воспоминательно-привѣтныхъ.
Трехъ героевъ звѣздосвѣтныхъ воспеть моя свирѣль.

Сядьте вы, что съ колыбели тѣхъ же судебъ волю зрѣли.
Вотъ запѣлъ я, Руставели, въ сердце мнѣ вошло копье.
До сихъ поръ былъ сказки связной тихій звукъ однообразный,
А теперь — размѣръ алмазный, пѣсня, слушайте ее.

Тотъ, кто любить, кто влюбленный, долженъ быть весь озаренный,
Юный, быстрый, умудренный, долженъ зорко видѣть сонъ,
Быть побѣднымъ надъ врагами, знать, что выразитъ словами,
Тѣшить мысль какъ мотыльками, — если жь вѣтъ, не любить онъ.

О, любить! Любовь есть тайна, свѣтъ, что льнетъ необычайно.
Неразгаданно, безкрайно свѣтитъ свѣтъ того огня.
Не простое лишь хотѣнье, это — дымно, это — тлѣнье.
Здѣсь есть тонкость различья, — услышавъ, пойми меня.

Кто упоренъ въ чувствѣ жданномъ, онъ пребудетъ постояннымъ,
Неизмѣннымъ, необманнымъ, гнетъ разлуки приметъ онъ.
Приметь гнѣвъ онъ, если надо, будетъ грусть ему отрада.
Тотъ, кто знаетъ лишь сладость взгляда, ласки лишь, — не любить онъ.

Кто, горя сердечной кровью, льнулъ съ тоскою къ изголовью,
Назоветъ ли онъ любовью эту легкую игру.
Льнуть къ одной, смѣнять другою, это я зову игрою.
Если жь я люблю душою, — цѣлый міръ скорбей беру.

Только въ томъ любовь достойна, что, любя, тревожно, знойно,
Пряча боль, проходить стройно, уходя въ безлюдье, въ сонъ,
Лишь съ собой забыться смѣетъ, бьется, плачетъ, пламенѣетъ,
И царей онъ не робѣетъ, но любви — робѣетъ онъ.

Связанъ пламеннымъ закономъ, какъ въ лѣсу идя зеленомъ,
Не предасть нескромнымъ стономъ имя милой для стыда.
И, бѣжа разоблаченья, приметъ съ радостью мученья,
Все для милой, хоть сожженье, въ томъ восторгъ, а не бѣда.

Кто тому повѣрить можетъ, что любимой имя вложить
Въ пересуды? Онъ тревожить — и ее, и съ ней себя.
Разъ осливишь, нѣтъ въ томъ славы, лишь дыханіе отравы.
Тотъ, кто сердцемъ нелукавый, бережетъ любовь, любя.

Той, чей голось — звонъ свирѣли, нить свивая изъ кудели,
Пѣснь сложилъ я, Руставели, умирая отъ любви.
Мой недугъ — неизлѣчимый. Развѣ только отъ любимой
Свѣтъ придетъ неугасимый, — или, Смерть, къ себѣ зови.

Сказку Персовъ, ихъ намеки, влить въ Грузинскія я строки.
Цѣнный жемчугъ быть въ потокѣ. Красота глубинъ тиха.
Но во имя той прекрасной, передъ кѣмъ я въ пылѣхъ страстной,
Я жемчужинъ отсвѣтъ ясный сжалъ оправою стиха.

Взоръ, увидѣвъ свѣтъ однажды, преисполненъ вѣчной жажды
Съ милой быть въ минутѣ каждой. Я безумецъ. Я погасъ.
Тѣло все опять — горѣнье. Кто поможетъ? Только пѣнье.
Троекратное хваленъ — той, въ которой все — алмазъ.

Что Судьба намъ присудила, намъ должно быть это мило.
Неизмѣнно, что бѣ ни было, любимъ мы родимый край.
У работника — работа, у бойца — война забота.
Если жъ любишь, такъ безъ счета вѣрнъ любви, и въ ней сгорай.

Пѣть напѣвъ четырестрочно, это — мудрость. Знанье — точно.
Кто отъ Бога, — полномочно онъ поетъ, перегорѣвъ.
Въ малословьи много скажетъ. Духъ свой съ слушателемъ свяжетъ.
Мысль всегда пѣвца уважить. Въ міръ властвуетъ напѣвъ.

Какъ легко бѣжить свободный конь породы благородной,
Какъ мячомъ игрокъ природный попадаетъ мѣтко въ цѣль,
Такъ поэтъ въ поэмѣ сложной ходъ направить безтревожный,
Ткани будто невозможной четко выпрядетъ кудель.

Вдохновенный — въ самомъ трудномъ свѣтитъ свѣтомъ изумруднымъ,
Грянувъ словомъ многогуднымъ, оправдаетъ крѣпкій стихъ.
Слово Грузии могуче. Если сердце въ комъ пѣвуче,
Блескъ родится въ темной тучѣ, въ летѣ молній вырѣзныхъ.

Кто когда-то сложит гдѣ-то двѣ-три строчки, пѣсня спѣта,
Все же — пламенемъ поэта онъ еще не проблеснулъ.
Двѣ-три пѣсни, онъ слагатель, но, когда такой даятель
Мнить, что вправду онъ создатель, онъ упрямый только мулъ.

И потомъ, кто знаетъ пѣнье, кто пойметъ стихотворенье,
Но не вѣдаетъ прозвѣнья, сердце жгущихъ, острыхъ словъ,
Тоть еще охотникъ малый, и въ ловитвахъ не бывалый,
Онъ съ стрѣлюю запоздалой къ крушной дичи не готовъ.

И еще. Забавныхъ пѣсень въ пирный часъ напѣвъ чудесенъ.
Кругъ сомкнется, веселья, тѣсень. Эти пѣсни тѣшатъ насъ.
Вѣрно спѣтыя при этомъ. Но лишь тотъ отмѣченъ свѣтомъ,
Назовется тотъ поэтомъ, долгій кто пропѣлъ рассказы.

Знаетъ счетъ поэтъ усилью. Пѣсень даръ не броситъ пылью.
И всему онъ изобилію быть велитъ усладой — ей,
Той, кого зоветь любовью, передъ кѣмъ блеснетъ онъ новью,
Кто, его владѣя кровью, пѣтъ ему велитъ звучѣй.

Только ей — его горѣнья. Пусть же слышать той хваленья,
Въ комъ нашелъ я прославленье, въ комъ удѣлъ блестящій мой.
Хоть жестока, какъ пантера, въ ней вся жизнь моя и вѣра,
Это имя въ токъ размѣра я позднѣй внесу съ хвалой.

О любви пою верховной — неземной и безгрѣховной.
Стихъ объ этомъ полнословный трудно спѣтъ, бѣгутъ слова.
Та Любовь отъ доли тѣсной душу мчитъ въ просторъ небесный,
Свѣтъ сверкаетъ въ ней безвѣстный, здѣсь лишь видимый едва.

Говоритъ объ этомъ трудно. Даже мудрымъ многочудна
Та Любовь. И здѣсь не скудно, — многощедро, — пой и пой.
Все сказать о ней нѣтъ власти. Лишь скажу: Земныя страсти
Подражаютъ ей отчасти, закигая отблескъ свой.

По-Арабски кто влюбленный, тотъ безумный. Точно сонный,
Видитъ онъ невоплощенной уводящую мечту.
Тѣмъ желанна близость Бога. Но пространна та дорога.
Эти прямо, отъ порога, досягаютъ красоту.

Я дивлюсь, зачѣмъ, безправно, то, что тайна, дѣлать явно.
Мысль людская своенравна. Для чего любовь — стыдить?
Всякій срокъ здѣсь — слишкомъ рано. День придетъ, не тронь тумана.
О, любовь — сплошная рана. Рану — нужно ль беречь?

Если тотъ, кто любить, плачетъ, это только то и значить,
Что въ себѣ онъ жало прячетъ. Любишь, — знай же тишину.
И среди людей, средь шума, объ одной пусть будетъ дума,
Но красиво, не угрюмо, скрытно, все люби одну.

1. СКАЗЪ О РОСТЭВАНЪ, ЦАРЪ АРАБСКОМЪ.

БЫТЬ въ Араби пѣвучей царь отъ Бога, царь могучій,
 Рати сильнаго — какъ тучи, вознесенный Ростэванъ.
 Многимъ витязямъ безсмѣнный знакъ и образъ
 неравненный,
 Птицезоркій, въ зыби пѣнной все увидить сквозь
 туманъ.

Быль красивымъ онъ и въ словѣ. Дочь имѣлъ,
 дитя любви:

Солнце — очи, ночи — брови, вся — звѣзда среди свѣтилъ.

Пѣть о дѣвѣ пышнокудрой можетъ развѣ только мудрый,
 Обликъ дѣвы чернокудрой многихъ вмигъ поработить.

Кто на это солнце глянетъ, вдругъ ея рабомъ онъ станетъ,
 Сердце, душу, умъ заманить та, чье имя Тинатинъ.
 Да навѣкъ пребудеть славнымъ, средь столѣтій полноправнымъ,
 Это имя, солнцеравнымъ, будетъ имя — властелинъ.

Царь, когда красы царевны въ возрастъ влились полнолѣтний,
 Созвалъ знатныхъ и, безлѣтний, посадилъ вокругъ себя.
 Молвилъ: «Вотъ предметъ совѣта. Роза знаетъ время цвѣта.
 Отцвѣла, — нѣтъ больше лѣта, — сохнетъ, вѣнчикъ свой дробя.

Солнце всходитъ и садится. Сѣло, посмотримъ, тьма дымится.
 Ночь безлунная клубится. День исчерпанъ мой сполна.
 Потускнѣла позолота. Старость — грузъ. Нѣтъ горше гнета.
 Вотъ умру — одна забота. И дорога всѣмъ — одна.

Гдѣ же свѣтъ, что тьму просвѣтитъ? Пусть вашъ разумъ мнѣ отвѣтитъ.
 Пусть вѣнецъ чело отмѣтитъ свѣтлой дочери моею». —
 Всѣ отвѣтили, вздыхая: «Рѣчь твоя зачѣмъ такая?
 Роза, даже отцвѣтая, всѣхъ душистѣй и свѣтлѣй.

И ущербный мѣсяц ясенъ. Лучъ звѣзды вполнѣ прекрасенъ, —
Споръ звѣзды съ луной напрасенъ. Такъ, о, царь, не говори.
Отъ тебя и злое слово — всѣмъ намъ крѣпкая основа.
Лишь же солнца золотого, дочь твоя, свѣтлѣй зари.

Дай ей царство, дай царенье. Быть женой ей назначенье.
Но отъ Бога смыслъ правленья ей указанъ съ вышины.
Отлучался ты когда-то, — и сияла безъ заката.
Ужъ когда въ пещерѣ львята, — львица, левъ вполнѣ равны».

Авандилъ вождя былъ сыномъ. Онъ въ изяществѣ единомъ
Кипарисомъ по долинамъ между стройными блисталъ.
Какъ хрусталь былъ знаменитый, звѣздной шествовалъ орбитой,
Съ Тинатинъ мечтою слитый, безъ нея онъ увядалъ.

Какъ цвѣтокъ среди тумана, страсть была въ немъ скрытой. Рана,
Роза страсти, вновь румяна стала, чуть предсталъ предъ ней.
О, любовь есть истязанье. Тотъ, кто любить, весь — терзанье.
Все жъ онъ жаждетъ приказанья углемъ стать среди огней.

Въ часъ какъ дѣвъ безгрѣховной царь велѣлъ, безпрекословный,
Власти даръ пріятя верховный, веселился Авандилъ: —
«Тинатинъ — какъ блескъ запястья. Ей пристойно полновластье.
Видѣть солнце, — это счастье, ликъ ея — источникъ силъ».

Царь, какъ мракъ дробя алмазомъ, повелѣлъ своимъ приказомъ: —
«Да пребудетъ царскимъ глазомъ, царской волей Тинатинъ.
Приходите всѣ Арабы. Въ похвалахъ не будьте слабы.
Здѣсь — сверканье, и когда бы ночь была, она — рубинъ».

Всѣ Арабы приходили. Знатныхъ блескъ умноженъ въ силѣ.
Видитъ крѣпость въ Авандилѣ многотысячность бойцовъ.
Весь порядокъ воинствъ явленъ. И когда былъ тронъ поставленъ,
Всѣмъ народомъ онъ прославленъ: «Свѣтъ его превыше словъ».

Тинатинъ, лицомъ сія, волѣ царской послушая,
Вся горѣла, золотая, и вѣнецъ онъ возложилъ,
Скипетръ даль онъ чернобровой, даль ей царскіе покровы,
И она звѣздой новой возсіяла средь свѣтилъ.

Царь ушелъ, воздавъ почтенье. Вознеслись благословенья.
Были молвлены хваленья. Звонъ кимваловъ съ звукомъ трубъ.
Новый царь съ лицомъ царицы былъ какъ въ тучкѣ ликъ денницы: —
Цвѣта ворона — рѣсницы, пурпуръ зорь — изгибы губъ.

Мнится ей, что недостойна тронъ отца занять, и стройно
Станъ склоняеть, безпокойно слезы льетъ, какъ дождь въ саду.
И отецъ, увѣщавая, молвить: «Чадо — жизнь двойная.
Мнѣ равна ты, дочь родная. Я въ огнѣ, и я въ бреду.

Ты не плачь, какъ цвѣтъ въ долинѣ. Царь Арабии ты нынѣ.
Горный замокъ на вершинѣ. Будь же зоркой и цари.
День ко всѣмъ выходитъ алымъ. Такъ и ты будь доброй къ малымъ.
Кто наклонится къ усталымъ, тотъ умножитъ алтари.

Будь открытой милосердью. Будь какъ бы щедротной твердью.
Знай, что доброму усердью подчиняются сердца.
Свяжеть вольныхъ — свѣтъ во взорѣ. Будь такою же, какъ море: —
Рѣки скрывъ въ своемъ просторѣ, влагу жертвуй безъ конца.

Расточая вдвое, втрое, расцвѣтешъ ты какъ алоэ,
Это древо вѣковое, чье въ Эдемѣ бытiе.
Щедрость — власть, какъ власть закала. Гдѣ измѣна? Прочь бѣжала.
Что ты спрячешъ, то пропало. Что ты отдашь, то твое.

Дѣва слушаетъ съ вниманьемъ тѣ слова, что дышутъ знаньемъ,
Всѣмъ отцовскимъ увѣщаньямъ у нея привѣтъ одинъ.
Царь и петь и веселится. Нѣтъ причинъ ему затмиться.
Солнцу хочется сравниться въ блескѣ съ свѣтлой Тинатинъ.

За своимъ дворешкимъ старымъ плетъ, чтобъ шель онъ съ пышнымъ даромъ,
Чтобъ въ даяннѣ щедро-яромъ истребилъ сполна казну.
«Все носи. Всего мнѣ мало». И безъ мѣры раздавала.
Не гадала, не считала. «Никого не обману».

Всѣ дары, что знала съ дѣтства, собирала съ малолѣтства,
Все блестящее наслѣдство въ день единый раздала.
Ей отцовская наука — достовѣрная порука.
Какъ стрѣла летитъ изъ лука, такъ поспѣшно была.

«Всѣхъ муловъ, ословъ ведите». Повелѣла пышной свитѣ: —
«Дорогихъ коней явите». Топотъ, ржанье, кони тутъ.
Блещетъ шелкъ. Толпой солдаты, царской милостію богаты,
Веселятся, какъ пираты, какъ разбойники берутъ.

Точно Турокъ въ горныхъ срывахъ бють, — и нѣтъ числа счастливыхъ.
Рой Арабскихъ пышногривыхъ легконогихъ мчатъ коней.
Разметалась, отдавая, словно буря снѣговая: —
Старъ ли, дѣва ли молодая, были всѣ богаты въ ней.

56
День прошелъ. Былъ пиръ веселый. Пили, ѣли, — точно пчелы
На цвѣтахъ. Одинъ, тяжелой душой царь былъ омраченъ.
Съ наклоненной головою онъ сидѣлъ передъ толпою.
Шопотъ шумной шель волною: «Отчего печаленъ онъ?»

Крася ликомъ пиръ медовый, властный въ бой вести суровый,
И какъ левъ скакнуть готовый, солнцеликій Автандилъ
Былъ съ Согратомъ знатнымъ рядомъ, и его проворнымъ взглядомъ
«Почему такъ чуждъ отрадамъ царь?» онъ быстро спросилъ.

«Вѣрно, мысль пришла какая, непривѣтная и злая»,
Отвѣчалъ Согратъ, вздыхая, «горя — нѣтъ, и веселья — часть».
Автандилъ сказалъ: «Такъ спросимъ. Слово шуточное бросимъ.
Мы безъ пользы тяжесть носимъ. Почему стыдить онъ насъ?»

Автандилъ съ Согратомъ встали, кубки полные имъ дали,
И веселые упали на колѣни предъ царемъ.
Говоритъ Согратъ шутливый: «Царь, ты точно день дождливый,
Нѣтъ улыбки, нѣтъ красивой на нѣмомъ лицѣ твоемъ».

И добавилъ онъ лукаво: «Впрочемъ, сердце въ скорби право: —
Дочь твоя — одна забава, всѣ богатства роздала.
Не давай ей пышной части, и, лишивши царской власти,
Упасешься отъ напасти и уволишься отъ зла».

Усмѣхнулся царь. Такого ожидать не могъ онъ слова.
На совѣтчика скупого все же глянулъ онъ свѣтло.
«Я цѣню твое раченье. И достоинъ ты хваленья.
Но скупое полеченье никогда ко мнѣ не шло».

Нѣтъ, не въ томъ моя забота. Старость близится, дремота.
И остаться не охота безъ достойнаго бойца.
Дней увяло все цвѣтенье, и не передалъ умѣнья
Быть бойцомъ безъ посрамленья никому я до конца.

Это правда, дочь имѣю, холилъ дочь, обласкавъ ею.
Все жь я сына не лелю. Не далъ Богъ. И нѣтъ ужь силъ.
Кто здѣсь лукомъ отличится? Или въ мячъ со мной сразится?
Автандилъ едва сравнится, ибо я его училъ».

Гордый юный, весь — стремленье, слухалъ эти восхваленья,
И съ улыбкою смиренья затаилъ онъ торжество.
Какъ улыбка та пристала къ лику юнаго, гдѣ ало
Ротъ горѣлъ, — какъ свѣтъ блистала бѣлизна зубовъ его.

Царь спросилъ: «Чего смѣешься? И чего ты робко жмешься?
Ну, зачѣмъ не отзовешься? Или я тебѣ смѣшонъ?»
Юный молвилъ: «Разрѣшенье дай сказать мнѣ, въ оскорбленье
Не вмѣняя дерзновенья. Да не буду осужденъ».

Царь отвѣтилъ: «Молви слово. Не приму его сурово.
Скрѣпа клятвы — святость крова, имя свѣтлой Тинатино».
Автандилъ сказалъ: «Такъ смѣло молвлю: Хвастаться не дѣло.
Но моя бѣ стрѣла поспѣла въ цѣль вѣрнѣй, о, властелинъ».

Подъ твоими я ногами прахъ. Но, мѣряясь стрѣлами,
Буду первый, — предъ полками эту клятву я даю.
Кто со мной въ стрѣльбѣ сравнится? ты сказалъ. Тутъ что жъ судиться.
Можетъ этотъ споръ рѣшиться лишь съ мячомъ, съ стрѣлой, въ бою».

Царь сказалъ: «Не будемъ вздорить, на словахъ не стану спорить.
Дайте лукъ. Чье имя вторить будутъ послѣ, такъ рѣшимъ.
Предъ свидѣтелями въ полѣ будемъ мы на вольной волѣ,
Тамъ о нашей молвятъ долѣ: Кто ловчѣй, побѣда съ нимъ».

Автандилъ повиновался. И на томъ ихъ споръ прервался.
Каждый весель былъ, смѣялся. Чуждымъ былъ имъ взглядъ косой.
Былъ закладъ межъ нихъ скрѣпленный: Тотъ, кто будетъ побѣжденный,
Съ головою обнаженной, три онъ дня ходи такой».

И двѣнадцать слугъ примѣрныхъ царь призвалъ для этихъ вѣрныхъ
Состязаній безпримѣрныхъ, чтобъ давали стрѣлы имъ.
«Пусть двѣнадцать ихъ за мною за любой слѣдятъ стрѣлою.
Шермадинъ одинъ съ тобою, хоть одинъ, онъ несравнимъ».

Ловчимъ молвить: «По равнинамъ, какъ гроза стадамъ звѣринымъ,
Соберитесь, и единымъ обоймите ихъ кольцомъ.
Пусть помогутъ вамъ солдаты». Пиръ оконченъ, пиръ богатый.
Были вина, ароматы, и веселье за столомъ.

Автандиль, чуть солнце встало, былъ одѣтъ ужъ въ цвѣтъ корала,
Ликъ рубина и кристала въ золотомъ горѣлъ огнѣ.
Подъ покровомъ златовѣйнымъ, весь онъ былъ цвѣткомъ лилейнымъ.
Такъ явился чудодѣйнымъ онъ на бѣломъ скакунѣ.

Царь разубранъ знаменито. Весь народъ кругомъ какъ свита.
Поле воинствомъ покрыто. Всякъ охоту видѣть радъ.
Многоокая облава. Смѣхъ, и шутки, и забава.
На кого-то глянетъ слава? Будутъ биться объ закладъ.

Царь велитъ готовить стрѣлы, чтобъ во всѣ послать предѣлы.
Счетъ велитъ имъ дѣлать смѣлый, всѣхъ ударовъ вѣрный счетъ.
И рабовъ двѣнадцать вѣрныхъ ждетъ тѣхъ выстрѣловъ примѣрныхъ.
Будутъ стрѣлы въ козахъ, въ сернахъ. Отовсюду дичь идетъ.

Безъ числа стада, какъ тѣни. Быстроногіе олени.
Скачутъ козы въ бѣлой пѣнѣ. Мчатся дикіе ослы.
Чудо видѣть — и какое! Бѣгъ напрасенъ, — бьютъ ихъ двое.
Тетивѣ не спать въ покоѣ, многократенъ свистъ стрѣлы.

Топчутъ конскія подковы пыль. Покровъ встаетъ суровый.
Солнце скрыль. А въ жертвѣ новой, просвиставъ, дрожатъ стрѣла.
Кровь течетъ по шерсти бѣлой. Новый свистъ, несутся стрѣла.
Дрогнетъ звѣрь, и, онѣмѣлый, рухнетъ, — сразу жизнь ушла.

Если жъ кто стрѣлою лишь раненъ, прочь бѣжить, но бѣгъ обманенъ,
Нѣтъ исхода, неустаненъ этотъ токъ разящихъ стрѣлъ.
И не зеленью, не новью, всѣ поля покрылись кровью,
Богъ, исполненный любовью, въ небѣ гнѣвомъ возгорѣлъ.

Кто смотрѣлъ на Автандила, какъ рука его стремилъ
Ходъ стрѣлы, какъ вѣрно била, какъ къ нему кругомъ все шло,
Видя зрѣлище такое, сердце словомъ тѣшилъ вдвое: —
«Онъ прекрасенъ, какъ алоэ, что въ Эдемѣ возросло».

Минулъ день, звѣрямъ печальный. Смѣряя бѣгъ равнины дальней.
На краю потокъ хрустальный объ утесъ волну дробилъ.
Въ темной чащѣ звѣри скрылись. Кони тамъ бы не пробились.
Отдыхали, веселились Ростэванъ и Автандилъ.

Нѣтъ предѣла ихъ утѣхамъ. И одинъ сказалъ со смѣхомъ: —
«Мѣтче я!» Другой же эхомъ: «Мѣтче я!» сказали въ отвѣтъ.
И зовутъ двѣнадцать вѣрныхъ. «Чьихъ же больше стрѣлъ примѣрныхъ?
Счетъ хоть бы былъ изъ достовѣрныхъ. Правда — сплошь, а лести — нѣтъ».

Отвѣчаютъ: «Затемненъ правдѣ нѣтъ, и, безъ смягченъя,
Ты не выдержишь сравненъя, царь, тебѣ враждебенъ счетъ.
Хоть убей насъ, нѣтъ намъ дѣла, но тебѣ мы скажемъ смѣло: —
Гдѣ его стрѣла летѣла, звѣрь ни шагу тамъ впередъ».

Всѣхъ двѣ тысячи убили. Двадцать лишку въ Автандилѣ
Смерть нашли. Въ той мѣткой силѣ промахъ луку незнакомъ.
Какъ намѣтитъ, такъ ужъ строго — звѣрю кончена дорога.
А твоихъ собрали много стрѣлъ, разсыпанныхъ кругомъ».

Царь смѣется, смѣхъ кристаленъ. Злою мыслью не ужаленъ,
Онъ ничуть не опечаленъ. «Что жъ, побѣда не моя».
За приѣмнаго онъ сына радъ, въ томъ счастье, не кручина.
Любить сердце — что едино, любить роза соловья».

Мигъ вкушая настоящий, вотъ сидятъ они у чаши.
Какъ колосевъ строй шуршащій, смотреть воиновъ толпа.
Возлѣ нихъ двѣнадцать смѣлыхъ, ни предъ чѣмъ не оробѣлыхъ.
Видно, какъ въ лѣсныхъ предѣлахъ вьется водная тропка».

2. СКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ ЦАРЬ АРАБСКІИ УВИДѢЛЪ
ВИТЯЗЯ, ОДѢТАГО ВЪ БАРСОВУ ШКУРУ.

А ОПУШКЪ, надъ потокомъ, въ тоскованіи одинокомъ,
Странный витязь былъ, въ глубокомъ размысленіи
надъ рѣкой.
За поводья вороного онъ коня держалъ, и снова
Слезы лились изъ нѣмого сердца, сжатого тоской.

Какъ небесными звѣздами, все сіяло жемчугами,
Мгѣли нѣжными огнями и доспѣхи и сѣдло.
Былъ какъ левъ онъ, но стекали слезы, полныя печали,
По щекамъ, гдѣ розы вяли, а не искрились свѣтло.

Былъ въ кафтанѣ одѣтъ онъ бурый, сверху жъ барсовою шкурою,
И сидѣлъ онъ такъ, понурый, въ шапкѣ барсовой склонясь.
Толстый хлыстъ въ рукѣ былъ зримымъ. Такъ сидѣлъ онъ нелюдимымъ.
Точно былъ окутанъ дымомъ, весь — волшебный, весь — томясь.

Рабъ идетъ къ нему съ вопросомъ отъ царя, но предъ утесомъ
Видъ тѣхъ слезъ, подобныхъ росамъ, точно стать ему велѣлъ.
Предъ такою силой горя замолчи, или, не споря,
Плачь, какъ плачетъ въ пропасть моря дождь, узнавши свой предѣлъ.

Рабъ въ великомъ былъ смущеніи, трепетаніи и сомнѣннн,
И смотрѣлъ онъ въ удивленіи на печальнаго бойца.
«Царь велитъ придти», сказалъ онъ наконецъ, вздыхалъ и ждалъ онъ.
Витязь нѣмъ, и не слышалъ онъ, не поднять въ верхъ лица.

Съ наклоненнымъ книзу ликомъ, весь въ забвеніи великомъ,
Не внималъ окружнымъ крикамъ, изливалъ съ слезами кровь.
Длилъ онъ странныя рыданья, трепеталъ въ огнѣ сторанья,
Нѣтъ терзаньямъ окончанья, слезы льются вновь и вновь.

Свѣянъ умъ его куда-то. Мысль его свинцомъ объята.
Рабъ идетъ путемъ возврата, не добившись ничего.
Снова царское посланье повторялъ, но нѣтъ вниманья,
Никакого нѣтъ вѣщанья розоцвѣтныхъ губъ его.

Рабъ вернулся безъ отвѣта. «На мои слова привѣта
Онъ былъ глухъ. Мой взоръ отъ свѣта солнца яркаго погасъ.
Я жалѣлъ его невольно. Сердце билось больно-больно.
Вижу, ждать уже довольно, протомился цѣлый часъ».

Царь дивился. Дивованье перешло въ негодованье.
Изрекаетъ приказанье онъ двѣнадцати рабамъ: —
«Вы оружїе берите, всей толпой къ нему идите
И скорѣе приведите мнѣ того, кто медлитъ тамъ».

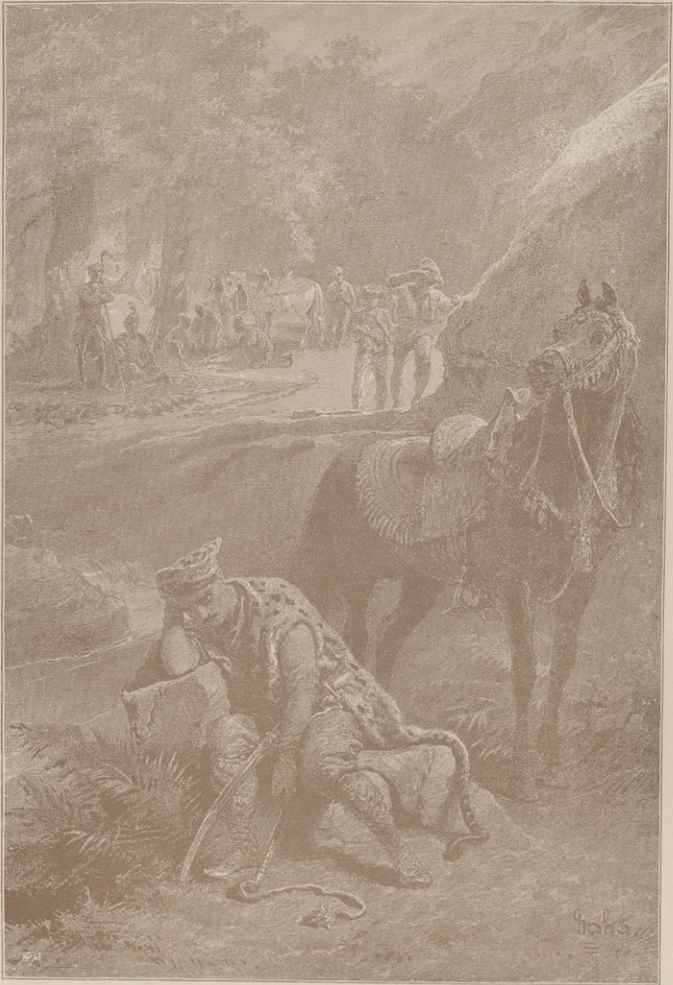
Исполняя приказанье, воть рабы идутъ. Шуранье
Слышно ногъ, звенить бряцанье ихъ доспѣховъ. Витязь всталъ,
Весь въ слезахъ еще. Но взоромъ вскинулъ. Видитъ, тѣснымъ хоромъ,
Люди съ воинскимъ уборомъ. Вскрикнувъ: «Горе!», замолчалъ.

Вотеръ онъ глаза руками, укрѣпилъ колчанъ съ стрѣлами,
Мечъ съ блестящими ножнами. Вотъ на быстромъ онъ конѣ.
Что ему — рабы, ихъ слово? Направляетъ вороного
Прочь куда-то, никакого имъ отвѣта, — онъ во снѣ.

Тутъ, его схватить желая, вмигъ — къ нему толпа живая,
Вотъ рука, и вотъ другая устремилась. Смерть имъ въ томъ.
Одного онъ о другого раздробилъ, рукою снова
Чуть махнулъ, убилъ, иного до груди разсѣкъ хлыстомъ.

Пали трупы вправо, влѣво. Царь кипитъ, исполнень гнѣва.
Онъ кричитъ рабамъ, но сѣва Смерти — жатва собрана.
Юный даже и не глянетъ на того, кого онъ ранитъ,
Кто домчится, мертвымъ станеть, участь всѣмъ предъ нимъ одна.

Царь разгнѣванъ, горячится, на коня скорѣй садится,
Съ Автандиломъ вмѣстѣ мчится, чтобъ надменнаго настичъ.
Но, какъ въ искристомъ туманѣ, какъ на сказочномъ Мерани,
Не принявши съ ними брани, онъ сокрылся, кличь не кличь.

Увидавъ, что царь въ погонѣ, что за нимъ несутся кони,
Онъ, въ мгновенной оборонѣ, вдругъ, хлестнувъ коня, исчезъ.
Точно въ пропасть провалился или въ небо удалился,
Ищуть, нѣтъ, и слѣдъ сокрылся. Ничего. Какъ въ мглѣ завѣсъ.

Хоть слѣдовъ копытъ искали, — нѣтъ, исчезъ въ какой-то дали.
Словно призракъ увидали, призракъ былъ одинъ лишь мигъ.
По убитымъ плачеть кто-то. И о раненыхъ забота.
Молвилъ царь: «Пришла работа. Видно, злой насть рокъ настигъ».

Онъ сказалъ: «Всѣхъ дней теченье было только наслажденье.
Богъ извѣдалъ утомленье — видѣть счастье безъ конца.
Вотъ и сталъ восторгъ обманень, — какъ и все, непостоянень, —
Я Всевышнимъ на-смерть ранень, отвратилъ Онъ свѣтъ лица.»

Такъ вернулся онъ, угрюмый, затѣненъ печальной думой.
Вмигъ забыты были шумы состязаній и пировъ.
Стоя кругомъ смѣнялся стономъ. Грусть царя была закономъ.
Не приученный къ препонамъ, духъ легко упасть готовъ.

Ото всѣхъ сокрытый, въ дальней царь сидѣлъ опочивальнѣй,
Размышлялъ онъ все печальнѣй, что погасъ веселья свѣтъ.
Видѣлъ только Автандила. Всѣ разсѣялись уныло.
Арфа вадохи не струила, стукъ не слышенъ кастаньеть.

Тинатинъ о той потерѣ счастья слышитъ. Въ полной мѣрѣ
Чувство въ ней. Она у двери. И къ дворещоку вопросъ: —
«Спитъ ли онъ или не спитъ онъ?» Тотъ въ отвѣтъ: «Въ тоскѣ сидитъ онъ.
И ни съ кѣмъ не говоритъ онъ. Сталъ онъ темень, какъ утесъ».

Автандила лишь, какъ сына, приняла его кручина.
Витязъ въ этомъ всею причина, странный витязъ на пути.
Тинатинъ рекла: «Уйду я. Но коль спроситъ онъ, тоскуя,
Въ тотъ же часъ къ нему приду я, какъ велитъ къ себѣ придти».

Царь спросилъ: «Гдѣ та, въ которой ключъ живой, что точитъ горы,
Свѣтъ любви, что тѣшитъ взоры?» Былъ отвѣтъ ему тогда: —
«Къ блѣдной, къ ней достигло слово, что печаль въ тебѣ сурова.
Здѣсь была. И будетъ снова. Лишь скажи, придетъ сюда».

Царь сказалъ: «Скорѣй идите, и ко мнѣ ее зовите.
Лишь въ одной жемчужной нити красота всегда свѣтла.
Пусть отцу вернуть дыханье. Пусть излѣчить тоскованье.
Ей скажу, о чемъ терзанье, отчего вдругъ жизнь ушла».

Внявъ отцовское велѣнье, Тинатинъ, какъ озаренье,
Полнолуное видѣнье, передъ нимъ блеститъ красой.
Онъ ее сажаетъ рядомъ, смотритъ полнымъ ласки взглядомъ,
И цѣлуетъ, и къ отрадамъ вновь открыть своей душой.

«Почему не приходила? Или звать мнѣ нужно было?»
Дѣва кротко возразила: «Царь, когда нахмуренъ ты,
Кто дерзнетъ къ тебѣ явиться? Предъ тобой и день затмится.
Пусть же нынѣ разрѣшится этотъ скорбный дымъ мечты».

Онъ сказалъ: «Родное чадо! Быть съ тобой моя услада.
Грусть прошла, ты радость взгляда, точно зелья ты дала,
Чтобъ разсѣять муку властно. Но хоть я терзался страстно,
Знай, не тщетно, не напрасно мысль къ печальному ушла».

Повстрѣчался мнѣ безвѣстный витязь юный. Сводъ небесный
Былъ красой его чудесной словно радугой пронзенъ.
Я не могъ узнать причины слезъ его, его кручины.
Хоть въ красѣ онъ былъ единый, но меня разгнѣвалъ онъ.

Чуть ко мнѣ метнувши взоромъ, вытеръ слезы, скокомъ скорымъ
На коня вскочилъ, — я спорымъ овладѣть велѣлъ, но вмгъ
Разметалъ моихъ людей онъ. Кто онъ? Дьяволъ? Лиходѣй онъ?
Я безъ слова былъ осмѣянъ. Вдругъ исчезъ, какъ вдругъ возникъ.

Былъ ли онъ или нѣтъ, не знаю. Горькій адъ на смѣну раю
Я отъ Бога принимаю. Прошлыхъ дней погашенъ свѣтъ.
Этой скорби не забуду, не бывать такому чуду,
Сколько дней я жить ни буду, мнѣ веселья больше нѣтъ».

Въ голосъ звукъ вложивъ напѣва: «Соизволь», — сказала дѣва, —
«Слово выслушать безъ гнѣва. Обвинять намъ хорошо ль
Этотъ Промыселъ всезрящій? Богъ и къ мошкѣ добръ летящей.
Если онъ раскинулъ чаши, развѣ въ нихъ Онъ далъ намъ боль?»

Если витязь былъ тѣлеснымъ, не видѣнимъ чудеснымъ,
На землѣ другимъ — извѣстнымъ онъ, конечно, долженъ быть.
Встанетъ вѣсть, придетъ къ намъ слухомъ. Если жь онъ лукавымъ духомъ
Былъ и скрылся легкимъ пухомъ, что жь тоской себя губить.

Вотъ совѣтъ мой, повелитель: Надъ царями ты правитель.
Зри кто хочетъ, — гдѣ тотъ зритель, чтобы твой измѣрилъ свѣтъ?
Такъ пошли людей, — пусть ищутъ, цѣлый мѣръ пуская обрыцуть,
Ужъ они отвѣтъ отыщутъ, смертный это или нѣтъ».

Царь зоветъ гонцовъ проворныхъ, между лучшими отборныхъ,
Чтобы въ поискахъ дозорныхъ не жалѣли ни труда,
Ни стараній, ни усилій, чтобы каждаго спросили,
Гдѣ тотъ витязь, гордый въ силѣ, и чтобы шли скорѣй туда.

Вотъ гонцы въ далекой дали. Цѣлый годъ они блуждали.
Никого не увидали, кто бы витязя встрѣчалъ.
Всѣ напрасны вопрошанья. Безполезны ихъ исканья.
Были долги ихъ блужданья, — былъ успѣхъ ихъ вовсе малъ.

Предъ царемъ рабы предстали. Преисполнены печали,
Такъ его оповѣщали: «Хоть искали мы вездѣ,
Трудъ безплоденъ былъ, хоть честень, — намъ скорбящій ликъ умѣстенъ,
Никому онъ неизвѣстенъ. Укажи, искать намъ гдѣ?»

Молвилъ царь: «Мнѣ дочь сказала правду. Въ скорби смысла мало.
Здѣсь змѣя являла жало, — это былъ нечистый духъ.
Мнѣ мой врагъ былъ съ неба свѣянъ, это имъ я былъ осмѣянъ.
Да блудить среди затѣй онъ, — чистъ мой взоръ и волея слухъ».

Позабытъ имъ духъ лукавый. Снова игры и забавы.
Пѣснопѣвецъ ищетъ славы. Закрутился акробатъ.
Юнымъ царь велѣлъ и старымъ веселиться. Свѣтлымъ чарамъ
Нѣтъ предѣла. Царскимъ даромъ не одинъ опять богатъ.

Авантюристъ — полуодѣтый. Вокругъ него играютъ свѣты.
Арфы звонятъ, и пѣсни слытны. Вдругъ гонецъ отъ Тинатинъ,
Черный рабъ въ его покоѣ: «Та, чей образъ — ликъ алоз,
Шлетъ велѣнїе такое: Къ ней иди, о, господинъ».

Р
2.648
5 09

Свѣтлой вѣстью очарованъ, Автандиль встаетъ, взволнованъ.
Тотъ нарядъ, что облюбованъ, самый лучший, онъ надѣлъ.
Видѣть розу, быть съ любимой, въ томъ восторгъ незамѣнимый.
Съ красотою несравнимой быть — плѣнительный удѣлъ.

Автандиль идетъ къ ней смѣло. Ни предъ кѣмъ не оробѣла
Мысль его. И пусть горѣла много разъ слеза о ней,
Хочетъ видѣть ликъ вѣвучій той, чье пламя — свѣтъ горячій
Молній, рвущихся изъ тучи, кто горитъ луны сильнѣй.

Та жемчужина жемчужинъ. Съ горностаемъ свѣтъ тотъ друженъ.
Смотритъ взоръ обезоруженъ. Ткань на нѣжной — безъ цѣны.
Сердце жгучія рѣсницы — словно ночь вокругъ зарницы.
Шея млечна у парицы, косы тяжкія черны.

Хоть одѣта въ свѣтъ корала, но печали не скрывала,
Автандила привѣчала, състъ велитъ ему она.
Юный сълъ предъ ней смиренно. Сердце любить, сердце плѣнно.
Взоръ во взоръ глядитъ забвенно. Мысль усладой зажжена.

Витязь молвить: «Ты, золотая, свѣтишь, страхи разсѣвая.
Вотъ, я нѣмъ. Въ зарю вступаю, мѣсяцъ солнцемъ вмигъ сожженъ.
Я не мысло на досугѣ. Я не вихрь на вольномъ лугѣ.
Но въ какомъ волшебномъ кругѣ, чѣмъ твой грустный умъ смущенъ?»

Вотъ изящными словами, выбравъ ихъ, какъ межъ цвѣтами
Тѣ, что ярче лепестками, привлекають больше глазъ,
Дѣва молвить: «Хоть со мною не одною ты стѣною
Раздѣленъ, но я не скрою — страхъ твой страненъ мнѣ сейчасъ.»

Но скажу сперва предъ другомъ, чѣмъ терзаюсь какъ недугомъ.
Помнишь день, когда надъ лугомъ, близъ утеса надъ рѣкой,
Надъ водой рѣки хрустальной нѣкій витязь былъ печальный,
Какъ слезу съ слезой хрустальной лилъ онъ, мучимый тоской.

Съ той поры томлюсь всегда я. Мысль о немъ, не уставая,
Жалитъ, жалитъ, точно злая быстролетная оса.
Знаю я, что ты изъ смѣлыхъ. Такъ ниш его въ предѣлахъ
Всей земли — до тучекъ бѣлыхъ, что восходятъ въ небеса.

Сердце, въ чувствѣ, сердцу радо. Хоть межъ насъ была преграда,
Но безъ словъ, лишь силой взгляда, увидала ясно я,
Въ одинокомъ отдалены, что въ любовномъ ты плѣнены,
Что горшишь въ изнеможены, и дрожить душа твоя.

Видимъ зорко мы другъ друга. Будетъ мнѣ твоя услуга
Точно витязю кольчуга, — и къ тебѣ идетъ она.
Ты вѣдь витязь несравненный. И, любя, ты любишь, плѣнный.
Витязь тотъ — твой братъ забвенный. Мысль искать его должна.

Ты любовь мою удвоишь. Скорбь мою ты успокоишь.
Злого демона укроешь. И, фиалками маия,
Свѣшь розы, расцвѣтишься. И потомъ ты озаришься,
Левъ, ты къ солнцу возвратишься, встрѣчу, встрѣтишь ты меня.

Тагъ ищи же мнѣ въ угоду. Трижды годъ уйдетъ пусть къ году.
Но не канулъ же онъ въ воду. Если ты найдешь его,
Приходи, увѣнчанъ славой. Если жъ нѣтъ, онъ духъ лукавый.
Къ розѣ нѣжной холодъ ржавый зла не свѣтъ своего.

Мой расцвѣтъ не затемнится. О, клянусь, любовь продлится.
Пусть хоть солнце воплотится, мужемъ ставъ, — съ нимъ сердце сливъ,
Преисподняя пусть злая отсѣчетъ меня отъ рая,
Въ сердце мнѣ любовь, терзая, смертию виидеть, нояъ вонзивъ».

Витязь молвилъ: «Ликъ денницы! Почему дрожать рѣсницы?
Почему агать царицы въ трепетаньи огнемомъ?
Заслужилъ ли подозрѣнье? Смерти ядалъ, — и жить велѣнье
Получилъ. Въ повиновеньи буду я твоимъ рабомъ».

Онъ сказалъ еще: «Злата! Ты заря, ты солнце рая.
Богъ Всевышній, создавая, быть тебѣ здѣсь солнцемъ даль.
Ты велишь, — идутъ планеты. Весь тобой я въ блескъ — одѣтый.
Мой цвѣтокъ, живые свѣты взявъ въ себя, пребудетъ алъ».

Лучъ — къ лучу, и къ слову — слово. Вотъ они клянутся снова.
Сердце нѣжное — медово, и любовь подтверждена.
Всѣ минувшія печали чѣмъ-то очень легкимъ стали.
Зубы бѣлые блистали, какъ отъ молній — вышина.

О, какая имь утѣха — быть вдвоемъ, какъ съ эхомъ эхо,
Средь веселья, шутокъ, смѣха, говорить о ста вещахъ.
Молвить онъ: «Тебя, золотая, можно знать — лишь умъ теряя.
Сердце вспыхнуло, сгорая, сердце — пепель, жгучій прахъ».

Но пришелъ конецъ усладамъ. Онъ прильнулъ къ кристалу взглядомъ.
Поблѣднѣлъ, и слезы градомъ. Хоть ушелъ, да не ушелъ.
Незнакомое съ обманомъ, сердце онъ, въ горѣнны рьяномъ,
Отдалъ сердцу. Такъ къ румянымъ розамъ лхнуть касанья пчель.

Онъ сказалъ себѣ: «Золотая! Вотъ уже разлучность злая.
И рубинъ мой, увядая, сталь желтѣе янтара.
Безъ тебя какъ быть въ разлукѣ? Но стрѣла готова въ лукѣ.
Въ честь любимой сладки муки. Смерть приму — тобой горя».

Онъ въ постели, сны мятутся. Брызги слезъ обильно льются.
Такъ листки осины бьются, какъ, скорбя, онъ трепеталъ.
Страненъ уху шорохъ каждый. Духъ его исполненъ жажды.
Стала пытка пыткой дважды, — сонъ о ней онъ увидалъ.

Въ томъ терзаньи отлученья — ревность, помыслы, мученья.
Слезъ горячихъ истеченье — словно нитка жемчуговъ.
Но тревожный сонъ напрасенъ. Брезжитъ день, — онъ снова ясенъ.
На конѣ своемъ, прекрасенъ, ѣдетъ, путь принять готовъ.

И за дворецкимъ въ залъ пріемный посылаетъ, и, хоть скромный,
Но въ стремленьи неумный, онъ царю реченье шлетъ: —
«Мысль мою, о, царь, не скрою: Ты царишь надъ всей землею.
Вѣсть о славѣ, взятой съ бою, да ко всѣмъ кругомъ придетъ.

Въ путь пойду и не стану. Воевать съ врагами стану.
Если недругъ, въ сердце рану нанесу въ честь Тинатинъ.
Непокорный да смутится, а покорный веселится.
Токъ даровъ не прекратится. Да горитъ огнемъ рубинъ».

Изъявивъ благодаренье, царь отвѣтилъ: «Левъ! Стремленье
Рукъ твоихъ — всегда въ сраженъе. Смѣлость молвить твой совѣтъ.
Въ путь иди, въ страну чужую, позволенъе я дарую.
Но, коль ты разлuku злую будешь длить, мнѣ счастья нѣтъ».

Предъ лицомъ царя представши и почтеніе воздавши,
Витязь молвить: «Услыхавши звукъ похвалъ, я изумленъ.
Сколько счастья въ этомъ звукѣ. Легче съ нимъ — разстанья муки.
Богъ уменьшить часъ разлуки. Свѣтлый ликъ твой — мнѣ законъ.

Мысль свиданія — лелѣю». Царь упалъ къ нему на шею.
Съ полной нѣжностью своею въ немъ онъ сына цѣловалъ.
Нѣтъ такихъ, какъ эти двое. Бьется сердце въ нихъ благое.
Засвѣтило ретивое въ Ростѣванѣ слезъ кристалъ.

Вотъ уходитъ витязь смѣлый въ чужеземные предѣлы.
Двадцать дней ужъ день онъ бѣлый съ черной ночью спитъ въ одно.
Въ ней, златой, восторгъ вселенной, кладъ сокровищъ сокровенный,
Съ Тинатинъ онъ мыслью плѣнной, ею сердце зажжено.

Входитъ въ горы, входитъ въ доли. Чуть онъ гдѣ, тамъ пиръ веселый.
Рѣчи вьются, точно пчелы. Всѣ приносятъ щедрый даръ.
Солнцеликимъ, свѣтловзорымъ, въ переходѣ этомъ скоромъ,
Слухъ склоняя къ разговорамъ, онъ не медлитъ въ свѣтѣ чаръ.

У него была твердыня. Замокъ горный на вершинѣ.
Три онъ дня тамъ медлитъ нынѣ. Шермадинъ — какъ вѣрный съ нимъ.
Вся душа его, вся сила, сердце все — для Автандила,
Но ему безвѣстно было, тотъ горитъ огнемъ какимъ.

Витязь молвить Шермадину: «Стыдно мнѣ, но стыдъ содвину.
Я скрывалъ свою кручину. Но теперь откроюся, вѣрь.
Были пытки, были грозы. Я ронялъ несчетно слезы.
Но отъ той жестокой розы — лучъ отрады мнѣ теперъ.

Къ Тинатинъ моя истома. Къ ней любовь, о ней вся дрема.
Безъ конца у водоема слезы къ розѣ лить нарцисъ.
Боль открыть не могъ донинѣ. Я томился какъ въ пустынь.
Но теперъ конецъ кручинѣ. Улованья мнѣ зажглись.

Мнѣ сказала: «Неустанный, ты ищи, гдѣ витязь странный.
А когда вернешься, яданный, сердцемъ все возьмешь свое.
Ты какъ цвѣтъ къ цвѣтку надъ лугомъ. Лишь тебя возьму супругомъ».
Пусть утрачу счетъ услугамъ. Рабъ, да вознесу ее.

Я вѣдь витязь, — такъ прилично мнѣ служить ей безгранично.
Вѣрность трону лишь обычна. Разъ слуга, служижи вовѣкъ.
Взявъ ея бальзамъ сладимый, стихъ пожаръ неукротимый.
Если жь въ даяхъ бѣды зрима, встрѣтъ ихъ, встрѣтъ — какъ человекъ.

Между всѣхъ, кто подчиненный, ты одинъ мнѣ приближенный,
Связанъ дружкой неуклонной я съ тобою. Потому
Надъ моею всей дружиной ты владыка будь единый,
Лишь тебѣ тотъ рой орлиный я довѣрю одному.

Правъ же твердою рукою. Для бойцовъ, идущихъ къ бою,
Ты примѣръ являя собою. И къ двору посланья шли.
И въ дарахъ будь вѣдъ сравненья. Будь мое здѣсь повторенье,
Чтобъ мое исчезовенье и замѣтить не могли.

Мною будь въ военной славѣ и въ охотничьей забавѣ.
Такъ три года честно правя, тайну свято сохраняй.
Можетъ быть, мое алоэ будетъ цвѣтъ себѣ въ покоѣ.
Если жь встрѣчу роковое, плачь по мнѣ, скорби, вздыхай.

Шли царю оповѣщенье, что увы, пришло затмѣнье.
Будь какъ пьянъ отъ огорченья. «Нежеланна смерть, — скажи: —
Въ край, откуда вѣтъ возврата, онъ ушелъ». Сребро и злато,
Все раздай, чѣмъ жизнь богата, и ничѣмъ не дорожи.

Такъ поможешь мнѣ — отъмѣнно. Пусть погибнетъ то, что бренно.
Но про душу, неизмѣнно помня, медли забывать.
Сонъ и смерть — въ чертѣ сосѣдства. Вспомни наше малолѣтство,
И, мое вспомянувъ дѣтство, сердцемъ будь ко мнѣ какъ мать».

Слышитъ рабъ — и весь слезами залился, какъ жемчугами,
Меркнетъ взоръ его, огнями безпокойными сквозя.
«Сердце ль будетъ веселиться, коль тебя оно лишится?
Но, когда твой духъ стремится, удержать тебя нельзя.

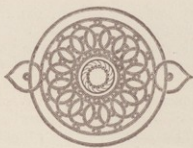
Мнѣ велишь принять господство. У меня какое жь сходство
Есть съ тобою? Превосходство вижу мысли я другой: —
Будешь ты одинъ, я внемлю. Лучше жь пусть уйду я въ землю.
Но разлуки не приѣмлю. О, возьми меня съ собою!

Витязь молвил: «Всѣ сомнѣнья прочь отбрось безъ промедленья.
Тотъ, кто любить, въ комъ томленья, пусть лишь въ обществѣ своемъ
Онъ тоскуеть, бродить, бьется. Жемчугъ даромъ ли дается?
Кто жъ измѣнникъ, да сметется, въ сердце раненый копьемъ.

Тайны кто моея достоинъ? За тебя же я спокоенъ.
Будешь вѣрнымъ мнѣ, какъ воинъ. Укрѣпляй оплотъ твердынь.
Врагъ забудеть приближенъ. И, быть можетъ, дней теченье
Принесетъ мнѣ возвращенье. Боже, вовсе не покинь.

Рокъ, губя, не знаетъ счета, сто ли здѣсь, одинъ ли кто-то.
Духовъ благостныхъ забота не оставитъ. Вѣрь Судьбѣ.
Не вернусь я въ срокъ трехлѣтній, — ткань надѣнь темнѣй, безцвѣтнѣй.
Чтобъ почтенъ ты былъ привѣтнѣй, дамъ я грамату тебѣ».

3. ГРАМАТА АВТАНДИЛА КЪ ЕГО ПРИВЕРЖЕННЫМЪ.

ИШЕТЪ къ вѣрнымъ витязь славный: «Вы, чей духъ,
всегда исправный,
Приказаньямъ, тѣню равной, внявши, вѣрилъ и
служилъ, —
Здѣсь мой голось, полнозвучно, да прочеть не
будеть скучно,
Я пишу собственоручно, прахъ предъ вами, Автандиль.

Вы, наставники, внемлите. Вы, приверженцы, склоните
Слухъ. Вы, юноши, сѣшшите мнѣ внимать, собравшись въ кругъ.
Я хочу, на дней теченье, только пѣть, побыть лишь въ пѣньбѣ,
А дневное прокормленье — руки мнѣ дадутъ и лукъ.

Я одно замыслилъ дѣло. И до дальняго предѣла
Я одинъ направлюсь смѣло. Буду странствовать я годъ.
Я прошу лишь о единомъ: Если врагъ къ моимъ дружинамъ
Подойдетъ разящимъ клиномъ, — вѣрный пусть отпоръ найдетъ.

Повинуйтесь Шермадину всѣ, какъ мнѣ, какъ господину.
Какъ отецъ сіяетъ сыну, будетъ солнцемъ онъ для васъ.
Съ нимъ и роза не завянетъ, никого онъ зря не ранитъ,
Если жъ злой кто, воскомъ станеть и растопится сейчасъ.

Вамъ извѣстно, какъ росли мы, тѣмъ же чувствомъ единимы.
Онъ какъ братъ мнѣ, сынъ любимый. Онъ второй вамъ Автандиль.
Рогъ — ему. Его вельнѣя да свершатъ безъ промедленья.
Если жъ нѣтъ мнѣ возвращенья, пусть бы каждый погрустилъ».

Свитокъ съ выборомъ богатымъ словъ, сіяющихъ закатомъ.
Препоясался онъ златомъ, и, чтобъ ѣхать одному,
Приготовился. Дружины строй построили единый.
«Я поѣду вдоль равнины», молвилъ онъ, — не ждалъ въ дому.

Онъ не хочетъ быть съ бойцами. Разстается онъ съ рабами.
Поспѣшаетъ тростниками. Хочетъ быть теперь одинъ.
Никого ему не надо. Грусть въ пути ему услада.
Есть жестокая для взгляда солнце-роза, Тинатинъ.

Въ ликованьи одинокомъ конь промчался полнымъ скокомъ.
Вотъ ужъ онъ невидимъ окомъ и кругомъ не взглянетъ онъ.
Кто бы съ нимъ ни повстрѣчался, мечъ его не засвѣчался.
Ибо сумракъ въ немъ качался, нѣжной грустью осѣненъ.

А бойцы его, въ печали, все властителя искали,
Но нигдѣ имъ не сверкали блески жданнаго лица.
Лица ихъ въ тоскѣ блѣднѣли. Гдѣ онъ? Гдѣ? Въ какомъ предѣлѣ?
И того, кого хотѣли, тщетно ищутъ безъ конца.

Левъ! Кого на мѣстѣ львиномъ Богъ поставитъ господиномъ?
Шель тотъ возгласъ по дружинамъ. Ищутъ тамъ и ищутъ тутъ.
Вопрошаютъ, слышать вѣсти: «Образецъ высокой чести,
Нѣтъ его, но былъ въ томъ мѣстѣ». И дружины слезы льютъ.

Всѣхъ вонтелей отборныхъ, благородныхъ и придворныхъ,
Для рѣшеній договорныхъ Шермадинъ связываетъ въ кругъ.
Имъ онъ грамату читаетъ, каждый слышитъ и рыдаетъ,
Каждый грудь себѣ терзаетъ, точно въ тяжкій впасть недугъ.

Всѣ сказали: «Безъ него мы — будемъ кѣмъ инымъ ведомы?
Онъ тебя въ свои хоромы съ должнымъ правомъ посадилъ.
Въ чемъ ни будетъ повелѣнье, наше въ немъ повиновенье».
И рѣшенію хваленъе воздаютъ по мѣрѣ силъ.

4. СКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ АВАНДИЛЬ ИСКАЛЪ
ТАРІУЛИ.

СТЪ свидѣтельство Писанья, что достойно состраданья
Видѣть глѣнѣ увяданья въ розоцвѣтныхъ лепесткахъ.
Роза нѣжная румяна — предъ рубиномъ Бадашхана,
Но отъ ѣднаго тумана алый цвѣтъ — морозный прахъ.

Авандиль, въ тоскѣ беззвучной, по равнинѣ ѣдетъ
Стукъ копытъ четырехзвучный бѣглеца ^{скучной,} уносить вдаль.
За Арабскіе предѣлы онъ уѣхалъ, онѣмѣлый,
Грусть его — какъ колосъ сгѣблый. «Близъ нея прошла
бѣ печаль».

Свѣжій снѣгъ упалъ съ морозомъ. Жало изморози — розамъ.
Сердце, отданное грозамъ, онъ хотѣлъ пронзить не разъ.
«Рокъ умножилъ въ девяносто разъ печали, даже до ста»,
Онъ промолвилъ. «Это просто неизбывность. Горькій часъ».

Ужъ забытъ я ликованье, арфъ и звонкихъ лиръ бряцанье
И свирѣли напѣванье, той, чье имя нѣжно, най». —
Такъ въ печали безответной вынетъ пламень розоцвѣтный.
Но въ сердечной мглѣ завѣтной молвилъ онъ: «Не унывай».

Такъ не вовсе онъ туманнымъ былъ въ томлени нежеланномъ.
По мѣстамъ онъ ѣхалъ страннымъ, не теряя часъ въ домахъ.
Спроситъ тѣхъ, кто на порогѣ, и кого встрѣчалъ въ дорогѣ.
Взоры грустнаго не строги — будитъ ласку онъ въ сердцахъ».

Ищетъ онъ того, чье горе токомъ слезъ наполнить море.
Прахъ — постель ему въ просторѣ, а подушкой — рука.
И въ разлукѣ съ дорогою мыслить: «Сердцемъ я съ тобою.
Но желаннѣй мнѣ, не скрою, смерть, чѣмъ ягучая тоска».

По всему лицу земному, по простору мировому,
По всему его объему онъ блуждалъ, не найденъ слѣдъ,
И ни съ кѣмъ онъ не спознался, кто бы съ тѣмъ витяземъ встрѣчался.
Срокъ въ три мѣсяца остался, — и трехъ лѣтъ ужъ больше нѣтъ.

Прибыль онъ къ странѣ безлюдной, непривѣтливой и скудной.
Проѣзжалъ дорогой трудной. Не встрѣчалъ онъ никого.
Только скорбь въ странѣ пустынной. Только рядъ сомгнѣній длинный.
Вѣчный помысль кручинный объ избранницѣ его.

Онъ достигъ въ пути до склона мощныхъ горъ. Кругомъ — зелено.
Многолиственное доио опускалося къ водѣ.
Лѣсъ вокругъ, а тамъ равнина. Но предъ ней бѣжитъ пучина.
Путь въ семь дней возьметъ ложбина. Но невиденъ мостъ нигдѣ.

Круговымъ путемъ блуждая, и со вздохомъ дни считая,
Счелъ, что въ срокахъ всѣхъ до края — лишь два мѣсяца ему.
И скорбитъ, томясь тоскою. «Какъ же тайну я открою?»
Не родишь себя собою. Не измѣнишь въ солнце тьму.

Онъ задумался въ сомнѣннн. Сталъ въ глубокомъ размышленнн.
Есть ли смыслъ мнѣ въ возвращеннн? Что-жъ могу сказать звѣздѣ?
Столько дней на вольной волѣ я блуждалъ въ широкомъ полѣ.
Что же я узналъ? Не болѣ, какъ что нѣтъ его нигдѣ.

Не вернусь же, будетъ нужно вновь искать мнѣ, въ честь жемчужной,
Снова долгій путь окружннн, и длиннѣйшнн, совершатъ.
Дни межъ тѣмъ свершатся срока. Будетъ плакать умъ и око.
Шермадинъ, скорбя глубоко, будетъ смерть мою вѣшатъ.

Онъ къ царю пойдетъ. Заплачетъ. Нѣтъ меня, я умеръ, значить.
Мысль иная мнѣ маячить, не хочу я скорби ихъ.
Я вездѣ искалъ, блуждая. Такъ не скроюсь, пропадая,
А вернусь». И онъ, рыдая, спутагъ въ мысляхъ былъ своихъ.

«О, зачѣмъ», сказалъ, «со мною ты дорогою кривою
Ходишь, Боже? Всей землею я обманутъ на пути.
Или я искалъ напрасно? Мысль — глѣздо, гдѣ все злосчастно.
Ужъ не будетъ въ сердцѣ ясно. Ужъ печалямъ не пройти».

Снова молвить: «Но терпенье лучше тяжкой мглы сомненья,
Смерть не ищет ускоренья. Да не давить грудь бѣда.
Что без Бога здѣсь я значу? Лишь напрасно слезы трачу.
Если Онъ не шлетъ удачу, не случится никогда.

Всѣ, какія есть, созданья видѣлъ я среди скитанья.
Но о витязѣ томъ знанья не имѣлъ никто изъ нихъ.
Не достигнешь цѣли стономъ». Онъ спускается по склонамъ.
Тихо ѣдетъ по зеленымъ бережьямъ водъ лѣсныхъ.

Ропотъ водъ, деревъ шуршанье будятъ въ немъ воспоминанье
О тщетѣ его исканья. Онъ коня пускаетъ въ скокъ.
Сила длани истощилась. Гордость сердца замутилась.
Ширь долинъ предъ нимъ открылась. Путь его еще далекъ.

Онъ рѣшаетъ возвращенье. Но сердечное мученье
Вздохи лютѣ, восклицанья. Онъ глазами мѣритъ путь.
Цѣлый мѣсяцъ все сурово. Липка нѣтъ нигдѣ людского.
Звѣри тамъ, и звѣри снова. Стрѣлъ не хочеть въ нихъ метнуть.

Но, хоть весь истосковался, сыпъ Адама въ немъ сказался, —
Автадилъ проголодался. Застрѣлили дичину онъ.
На земь съѣлъ надъ тростниками. Травъ сухихъ сложилъ съ сучками.
Высѣкъ пламень, огоньками для него костеръ зажжеть.

Онъ коня пустилъ кормиться. Мясо жарится, дымится.
Вотъ къ нему отрядъ стремится странныхъ всадниковъ, ихъ шесть.
Молвить: «Бѣгъ коней отличенъ. Видъ безвѣстныхъ необыченъ.
Онъ разбойникамъ приличенъ. Что-то скрытое здѣсь есть».

Взялъ онъ въ руку лукъ и стрѣлы, и предеталь предъ ними смѣлый.
Межь братахъ онѣмѣлый, безбородый былъ вѣдомъ.
Онъ шатался, словно пьяный. Голова его отъ раны
Кровью искрилась румяной. Онъ казался мертвецомъ.

Витязь молвилъ: «Братья, кто вы? Увидавъ, какъ вы суровы,
Думалъ я — къ добычѣ новой здѣсь разбойники снѣшать».
«Помоги намъ», отвѣчали. «Будь безъ страха, и въ печали
Будь намъ другъ, чтобъ мы рыдали, видя твой грустящій взглядъ».

Съ опечаленными ими, какъ окутанными въ дымѣ,
Рѣчь ведетъ онъ. «Какъ вамъ имя?» Говорятъ они въ отвѣтъ: —
«Безъ печали мы, три брата, жили весело, богато,
Тамъ, гдѣ крѣпость въ высь поднята, въ славномъ краѣ Кхатаатъ.

Слышимъ, звѣрь есть для ловитвы. Снарядившись, какъ для битвы,
Мы отправились въ гонитвы, взявъ безчисленныхъ бойцовъ.
Мы стрѣляли съ звонимъ крикомъ, и въ веселіи великомъ
Взгляды остры на звѣрѣ дикомъ, мчались возлѣ береговъ.

Тѣхъ стрѣлковъ, что были съ нами, мы срамили, не словами,
Мѣтко бьющими стрѣлами. Утверждалъ любой изъ трехъ: —
«Лучше я, чѣмъ ты, стрѣляю». — «Нѣтъ, я мѣтче попадаю».
Спорамъ нѣтъ конца, ни краю. Кто же въ спорѣ будетъ плохъ?

Нагрузивъ олени шкуры на бойцовъ, весь строй ихъ хмурый
Съ грузомъ той добычи бурой отпустили мы домой.
Всѣхъ защитниковъ отправивъ, луконосцевъ лишь оставивъ,
Сердце вдосталь позабавивъ, все-жъ мы тѣшились стрѣлой.

Конскимъ бѣгомъ пыль взметая, въ звѣря въ сконѣ попадая,
Наша вся семья молодая веселилась по лугамъ,
По лѣсамъ и по пещерамъ. Смерть оленямъ и пантерамъ.
Взвидимъ птицу въ летѣ сѣромъ, вмигъ падеть, какъ камень, къ намъ.

Споры, шутки, смѣхи, шумы. Вдругъ мы видимъ: Полный думы,
Витязь мрачный и угрюмый, на конѣ онъ ворономъ.
Какъ на сказочномъ Мерани. Шкура барсова на станѣ.
Ликъ красивый, отъ сіяній небывалымъ бьетъ огнемъ.

Мы глядимъ на ликъ блестящій. Трудно вынести свѣтъ горящій.
Это молній блескъ летящій. Это солнце на землѣ.
Такъ шептали въ изумлени. И хотѣли въ дерзновеніи
Взять того, кто въ огорченіи слезы литъ намъ даль во мглѣ.

Старшій, я просилъ меньшого, пусть мнѣ дастъ бойца лихова,
Средній проситъ вороного, младшій проситъ боя съ нимъ.
Съ младшимъ оба мы согласны. Да спѣшитъ онъ къ схваткѣ, страстный.
Витязь ѣдетъ, весь прекрасный и ничѣмъ невозмутимъ.

Щеки грустнаго — какъ розы. На увядшихъ видны слезы.
Нѣтъ въ глазахъ его угрозы. Не заводитъ съ нами рѣчь.
Вдѣтъ, взоръ къ намъ не склоняя. Но тому, кто всталъ, держаа,
Участь имъ дана лихая, — хлысть его упалъ какъ мечъ.

Отступивъ съ дороги сами, мы смотрѣли, какъ предъ нами
Вдѣтъ онъ, — тутъ вдругъ руками младшій братъ его схватилъ.
«Стой!» вскричалъ онъ съ дерзновеньемъ. Тотъ размѣреннымъ движеньемъ
Поднялъ хлысть, однимъ раненьемъ брата на земь покатишь.

Съ разсѣченной головою палъ онъ, кровь бѣжитъ струею,
Какъ земля онъ сталъ съ землею, — онъ, какъ трупъ, къ землѣ готовъ.
Такъ сраженъ былъ дерзновенный, съ прахомъ былъ сравненъ смиренный, —
Онъ же скрылся прочь, надменный, — смѣлъ, и свѣтелъ, и суровъ.

Нѣтъ, чтобъ къ намъ оборотился. Тихо ѣхалъ, тихо скрылся.
Вонъ тамъ блескъ его явился. Видишь, солнце и луна».
Видать очи Автадила: — Онъ, чей ликъ есть ликъ свѣтила.
Быстро грусть въ немъ проходила. Значить, правда найдена.

Витязь молвить: «Безпріютный я скиталець, въ поминутной
Грусти, съ грезой попутной, я искалъ вездѣ того.
Черезъ васъ онъ найденъ мною. Пусть Господь своей рукою
Разлучитъ васъ съ скорбью злою. Сердцемъ такъ молю Его.

Встрѣтилъ я мое желанье, вижу сердца упованье.
Пусть вамъ Богъ пошлетъ даянья. Пусть излѣчится вашъ братъ».
Свой уютъ имъ показалъ онъ, и ѣду свою имъ далъ онъ.
«Братъ вашъ раненъ, и усталъ онъ, отдохнуть здѣсь будетъ радъ».

Такъ сказала. Съ Судьбой не спорилъ. Быстро онъ коня прищпорилъ.
Свой полетъ впередъ ускорилъ, точно соколъ въ вышинѣ.
Такъ луна горитъ младая, встрѣчу солнца упреждая,
И заискрится золотая радость солнца по лунѣ.

Но, подѣхавъ, многотумный, онъ замедлился, безшумный.
«Если рѣчь начать, безумный можетъ въ ярость впасть вдвойнѣ.
Мудрый трудное дѣянье совершить безъ колебанья,
И безъ спѣшки, твердостью знанья выявляя въ тишинѣ.

Если столь онъ ослѣпленный и въ разсудкѣ поврежденный,
Что и къ рѣчи, обращенной съ добрымъ чувствомъ, слѣпъ и глухъ,
Мы, сойдясь, придемъ лишь къ бою, — или я его рукою,
Или онъ сраженный мною, — вновь исчезнетъ онъ, какъ духъ».

Автадилъ сказалъ: «Продленье колебанья и мученья
Безполезно. Нѣтъ сомнѣнья, не живеть онъ безъ гнѣзда.
Пусть исчезнетъ предо мною, хоть за плотною стѣною,
Гдѣ очагъ его, открою и приду къ нему туда».

День прошелъ и сумракъ сходить. Полночь звѣзды хороводить.
Двое сутокъ путь уводитъ ихъ обоихъ все впередъ.
И ни слова не сказали. И нигдѣ не отдыхали.
И не ѣли. Лишь въ печали каждый витязъ слезы льетъ.

Вотъ съ вечернею зарею скалы встали надъ скалою.
Въ нихъ пещеры надъ рѣкою. Возлѣ влаги камыши.
Не исчислить ихъ, считая. И къ утесамъ припадая,
Мощь деревьевъ вѣковая воздымается въ тиши.

Въ плащъ одѣтъ пятнисто-бурый, витязъ съ баровою шкурой
Вѣхалъ въ мракъ пещеры хмурой. Автадилъ же бѣгъ коня
Править къ древу, остороженъ. Слѣзъ. Проворный конь стреноженъ.
Сталъ кормиться, безтревоженъ. Вздохъ послышался, стена.

Автадилъ на вѣткѣ древа. Смотритъ внизъ онъ. Какъ изъ зѣва,
Изъ пещеры вышла дѣва, въ черной мантии она.
Съ кликомъ слезы проливала, съ плескомъ волнъ свой стонъ мѣшала,
И скитальца обнимала, и печальна, и нѣжна.

Грустный витязъ молвилъ въ горѣ: «О, сестра Асматъ! Въ уборѣ
Ночи! Мостъ нашъ рушень въ море. Не найти намъ той, что жжеть».
И рука его терзала грудь его. И слезъ не мало
Дѣва съ грустнымъ проливала. Каждый стонетъ въ свой чередъ.

Рвутъ власы, и дѣсь густѣеть. Юный кровью пламенѣть.
Обнялъ дѣву и жалѣть, а она о немъ скорбитъ.
Стонуть съ плачемъ и мученьемъ. Стонетъ эхо повтореньемъ.
Автадилъ же съ изумленьемъ на рыдающихъ глядитъ.

Дѣва первая устала. И хоть въ сердцѣ было жало,
Вороного провожала въ глубь пещерную коня.
Разсѣдлала. Также другу помогла снимать кольчугу.
И печальному досугу предалась съ закатомъ дня.

Автандиль надивовался. Тутъ какой-то смыслъ скрывался.
«Какъ узнаю?» День занялся. Дѣва, въ черномъ вся, какъ ночь,
Вышла, звякнула уздою, и воздушною фатою
Вытираеть, не пустою хочеть помощьюъ помочь.

Подаетъ бойцу доспѣхи. Онъ не медлитъ здѣсь въ утѣхѣ.
Здѣсь ни радости, ни смѣхи неизвѣстны никогда.
Обнялись. Поцѣловала. Снова было слезъ немало.
И, одна, глядѣть устало, вся — печаль и вся — бѣда.

Автандиль бойца молодого предъ собой увидѣлъ снова.
Обликъ солнца золотого промелькнулъ, заря ушла.
Духъ красавца — духъ алоэ. Въ немъ безстрашно ретивое.
Льва убить ему пустое, — такъ, какъ льву загрызть козла.

Тотъ же путь онъ выбралъ нынѣ, что и раньше, по равнинѣ.
Вдѣтъ, духъ предавъ кручинѣ, проѣзжаетъ тростники.
Автандиль, смотря, дивился. Онъ межъ вѣтокъ древа скрылся.
«Богъ на зовъ мольбы склонился. Здѣсь конецъ моей тоски.

Тайну выявить наружу дѣву я, схвативъ, принужу.
Кто тотъ витязь, обнаружу. Тайну ей скажу мою.
Богъ даруетъ указанье. Не вступлю я въ состязанье.
Не приму меча касанье, и его я не убью».

Полонъ кротости, не гнѣва, отвязалъ коня отъ древа,
Изъ пещеры вышла дѣва, услыхавши стукъ копытъ.
Грустной дѣвѣ показалось, это — солнце возвращалось.
Радость въ ликѣ отражалась, зарумянилась, спѣшить.

Ликъ иной вдругъ увидала. Сходства съ прежнимъ было мало.
Съ крикомъ быстро побѣжала, чтобы спрятаться въ скалахъ.
Витязь скокъ съ коня проворно. Онъ схватилъ ее. Повторно
Слышенъ долгій крикъ. Упорно бьется птицею въ сѣтяхъ.

И взглянуть ей даже гадко на него. Орлина хватка.
Но трепещет куропатка, убъгая от орла.
Таріэля призывая, плачеть дѣва молодая.
Витязь молить, убъжая, чтобъ въ себя она пришла.

«Тише». Молвить. «Нѣтъ здѣсь срама. Я же честный сынъ Адама.
Не грозить тебѣ здѣсь яма. Знаю я, какъ горячи
Эти розы и фіалки. Знаю, какъ блѣднѣютъ, жалки.
Не жужжи, какъ ропотъ прялки. Умоляю. Не кричи.

О, не будь же безпокойной. А скажи, кто этотъ стройный
Кипарисъ съ красною знойной?» Падаль на земь Автандиль.
А она въ тревогѣ шумной повторяла: «Ты безумный.
Если-жъ нѣтъ, замѣтъ, что гумны цѣпъ ни разу не пробилъ.

Сколь ты легокъ, вопрошая. Скрыта тяжесть здѣсь большая.
Но напрасно, поспѣвая, нудишь ты сейчасъ отвѣтъ.
Грусть чрезмѣрна, чрезвычайна. Стогъ не вырвался случайно.
И на зовъ — «Скажи, въ чемъ тайна», — я одно промолвило — «Нѣтъ».

«Если-бъ знала ты, откуда», молвить онъ, «вникая въ чудо,
Я пришелъ, тогда-бъ отсюда не гнала съ пустой рукой.
Пусть, тебѣ надоѣдая, я тѣсно тебя, но, зная,
Какъ молю я, убъжая, не робѣй же предо мной».

Дѣва молвить: «Кто ты? Что ты? Этотъ гнетъ зачѣмъ заботы?
Скаль угрюмыхъ повороты солнце скрыли отъ меня.
Ты пришелъ, морозный холодъ. Долгой рѣчью умъ расколотъ.
Хоть моли, хоть бей, какъ молотъ, — здѣсь не выманишь огня».

Вновь колѣнопреклоненья, уговоры, убъжденья.
Тщетно все. Отъ нетерпѣнья ярымъ гнѣвомъ онъ зажжень.
На лицѣ негодованье, крови брызнуло пыланье.
Дѣву за косы онъ дланью, къ горлу ножъ приставилъ онъ.

Восклицаетъ витязь страстно: «Что-жъ, я плакалъ здѣсь напрасно?
Такъ зловолье безучастно? Насъ обоихъ не губя,
Быть не дай въ мученьи строгомъ. Или, вотъ клянуса Богомъ,
Смерть врагу, и предъ порогомъ смерть тебѣ, убью тебя».

Дѣва молвить: «Цѣли силой добиваться — путь постылый.
Разъ убиль, — взята могилой. Тайну гробъ укроет мой.
Почему, пока терзанья длятся, дѣлать мнѣ признанья?
Но убьешь, — для упованья заодно могилу рой».

И еще она сказала: «Или горя было мало?
Для чего меня искало это сердце? Для чего?
Въ языкѣ нѣтъ силъ, ни знанья, чтобъ сказать повѣствованье.
Я — прочтенное посланье. Увидалъ, — порви его».

Знай, что смерть мнѣ не лишенье. Прекратить тщету томленья.
Въ ней запруда для мученья. Что мнѣ, если я жива?
Миръ — мякина мнѣ пустая. Но, тебя совѣмъ не зная,
Какъ сказать мнѣ, довѣряя сокровенныя слова?»

Витязь мыслить: «Эти рѣчи, можетъ быть, другимъ предтечи.
Но онѣ еще далече. Какъ сплести вѣрнѣе нить?»
Сѣлъ, заплакалъ. Молвить дѣвѣ: «На меня ты, знаю, въ гнѣвѣ.
Злое сѣмя было въ сѣвѣ. Это мнѣ не пережить».

Дѣва въ ликѣ омрачилась. Еще сердце не смягчилось.
Витязь плачетъ. Все затмилось. Больше онѣ не говоритъ.
Розовцѣтныи садъ свѣтлѣетъ. Нѣжныи цвѣтъ росу леплѣтъ.
Дѣва плачетъ и жалѣетъ. Сердце къ грустному стремитъ.

Жаль ей витязя. Но дума непокорная угрюма.
Туча такъ струитъ безъ шума на деревья мракъ тѣней.
И съ чужимъ сидитъ чужая. Витязь, все въ ней замѣчая,
Видитъ — вотъ она другая. На колѣно сталь предъ ней.

Говорить, склоняя вѣжды: «Разсердилась. Нѣтъ надежды.
Какъ безъ пиши, безъ одежды — здѣсь я. Вовсе не затми.
Мнѣ шепнуло помышленье, что простишь ты прегрѣшенье.
Мы должны давать прощенье, и не разъ, а до семи».

Хоть мое начало службы было дурно, почему-жъ бы,
Пожалѣвъ любовь, ты дружбы не явила мнѣ сейчасъ?
Мнѣ помочь никто не можетъ. Сердце жизнь тебѣ предложить.
Все возьми. Но пусть поможетъ мнѣ сестра на зтотъ разъ».

Գ. Բ. ԲՈՒՆՅԱՆ

О любви его услыша, дѣва плачетъ, громче, тише.
Перемѣнно такъ по крышѣ свѣтлый дождь стучить весной.
Вырастаетъ жалобѣ сила. Влага розу оросила.
Богъ къ желанью Автандила ликъ склонилъ привѣтныи свой.

Мыслить онъ: «Она, блѣднѣя, ужь не роза, а лилея.
Вѣрно любить». И смѣлѣя, снова молвить: «О, сестра!
Въ комъ любовь яритъ горѣнье, жалость къ тѣмъ — безъ исключенья.
Врагъ тутъ знаетъ сожалѣнье. Смерть въ любви — всегда пора.

Я въ любви, я влюбленный, словно разума лишенный.
Я, зарей моею зажженный, посланъ витязя найти.
Гдѣ я въ поискахъ считался, даже день не зажитался.
Сердцемъ я тебя дождался. Сердце дай мнѣ обрѣсти.

Въ мысли, въ тайнѣ сокровенной, онъ живетъ запечатлѣнный.
Ликъ его какъ ликъ священный. Свѣта нѣтъ душѣ моей.
Мчусь безумный въ мѣръ суровый. О, разбей мои оковы.
Дай зажечь мнѣ жизнью новой, или, скорбь сгустить, убей».

Чувства полная иного, ужь не такъ теперь сурово
Дѣва, глянувъ, молвить слово: «Больше здѣсь теперь добра.
Ты вражду сейчасъ посѣялъ, и вражду, печалясь, свѣялъ.
Друга ты во мнѣ взлелѣялъ, я вдвойнѣ тебѣ сестра.

Если, помощи желая, говоришь къ любви зывая,
Я тебѣ сестра родная, вѣрь въ усердную слугу.
Если сердца не явлю я, обезумленный, тоскуя,
Ты погибнешь. Пусть умру я, но тебѣ я помогу.

Такъ внимай моимъ внушеньямъ. Отнесись съ повиненьемъ
Къ указаньямъ и велѣньяамъ, и придетъ конецъ бѣдѣ.
Если-жь слушаться не будешь, состраданья не пробудишь,
Достиженье не принудишь, и, скорбя, умрешь въ стыдѣ.

Хоть страдаетъ сердце страстно, но другое — безучастно,
Если ты упрямя напрасно. Въ чемъ твой долгъ, ты самъ суди.
Витязь, рѣчью доводъ строя, слово вымолвилъ такое: —
«Гдѣ-то странствовали двое. Проходившій впереди

Паль въ колодець, не выдавши. Задній, быстро подбѣжавши,
Вскрикають — «Горе!» Повздыхавши, молвить другу: «Ты пожди.
Здѣсь помедли. Я же, ловкій, побѣгу, вернусь съ веревкой,
И тебя моей споровкой кверху вытяну, гляди».

Тоть въ колодцѣ дивовался, снизу громко разсмѣялся: —
«А куда бы я дѣвался? Расскажи, куда пойду?»
Такъ веревкою своею ты, сестра, обвей мнѣ шею.
Безъ тебя я не сумѣю разрѣшить мою бѣду».

Дѣва молвить: «Рѣчь угодна мнѣ твоя, и съ правдой сходна.
Витязь добрый, благородно мыслишь ты и говоришь.
Коль, блудя въ чуждали, зналъ такія ты печали,
Пусть тебѣ бы отдых дали, пусть ты боль свою смиришь».

Коль въ исканьи неустанномъ хочешь сердцемъ постояннымъ
Знать о витязѣ томъ странномъ, о себѣ онъ скажетъ самъ.
Кто такъ долго ждалъ, дождется и того, что онъ вернется.
Роза снѣгомъ не затрется. Не давай ее слезамъ».

Какъ зовемся здѣсь мы сами, знай, владѣя именами: —
Съ безнадежными мечтами грустный витязь — Таріэль.
Я — Асмать. Всегда сгораю. Нѣтъ тоскѣ конца, ни краю.
Вздохъ ко вздоху подбираю, и стенаю, какъ свирѣль».

О красивомъ, что на волѣ бродить, сѣтуя о долѣ,
Не могу сказать я болѣ, хоть желала-бъ, ничего.
Тѣмъ кормлюсь, что безпокойный привезетъ съ охоты знойной.
Можетъ, вдругъ вернется стройный. Можетъ, долго ждать его».

Подожди. Какъ возвратится, можетъ, сердце въ немъ смягчится.
Съ нимъ смогу я сговориться, и полюбить онъ тебя.
Самъ тебѣ онъ все расскажетъ, сердце скорбное покажетъ.
И вѣнокъ — твой разумъ свяжетъ — той, о комъ скорбишь, любя».

Словно нѣжный звукъ напѣва, слушалъ онъ, какъ молвить дѣва.
Оглянувшись, — слышенъ слѣва отъ прогалинъ всплескъ воды.
Это мѣсяць, весь лучистый, приближался серебристый,
И они къ пещерѣ мглистой поспѣшаютъ отъ звѣзды».

Дѣва молвить: «Витязь, горе Богъ твое разсѣть вскорѣ.
Горькихъ слезъ изсякнетъ море. Спрячься тамъ внутри скорѣй.
Всякъ ему да подчинится, или злое приключится.
Можеть, гнѣвность въ немъ смягчится, овладѣть сумѣю ей».

Въ глубь пещеры Автандила дѣва въ спѣшности сокрыла.
Витязь слѣзъ съ коня. Свѣтило стрѣль въ колчанѣ остріе.
Мечъ его горитъ блестящій. Плачутъ оба. Чаше, чаше
Слезы льютъ. Потокъ дрожащій. Скорбь сильна. Не скрыть ее.

Грустный витязь съ дѣвой черной въ скорби плакали упорной.
Быль печаленъ стонъ повторный. Автандиль изъ-за угла
Видитъ все, сокрытъ стѣною. Поводъ взявъ своей рукою,
Вороного за собою дѣва молча увела.

Автандиль въ тюрьмѣ, но воленъ. Онъ ужъ больше не бездоленъ.
Здѣсь разгадка, — онъ доволенъ. Шкура барсова снята.
Онъ на ней сидитъ, суровый, витязь, знающій оковы
Тяжкой грусти вѣчно новой. Слезъ янтарна красота.

Тѣхъ рѣсницъ, того агата ткань сквозная кровью смята.
Но добыча дна богата. Дѣва жаритъ дичь ему.
Не смотря, кусокъ онъ сунулъ въ ротъ себѣ, жевнулъ, отплюнулъ.
Онъ не свѣялъ, онъ не сдунулъ тѣнь, что клонитъ умъ во тьму.

Онъ прилежъ. Уснулъ. Но вскорѣ, съ болью тайной въ разговорѣ,
Крикъ за крикомъ, словно въ хорѣ, устремляеть онъ въ борьбѣ.
Палкой въ темя ударяеть, камнемъ грудь обременяеть.
Дѣва смотреть, и терзаеть ногтемъ все лицо себѣ.

Плача, дѣва молвить слово: «Почему вернулся снова?
Что въ пути ты встрѣтилъ злого?» Витязь молвить ей въ отвѣтъ: —
«Тамъ охотничьи забавы. Царь какой-то въ блескахъ славы.
Ловчихъ цѣлыя оравы. Звѣря выслѣдили слѣдъ.»

Видь людей мнѣ былъ докучень. Крикъ людской былъ слишкомъ звучень,
Въ лѣсъ я спрятался, измучень, прочь отпугнутый толпой.
Не погонятся за мною, — завтра выѣду съ зарею». —
Дѣва съ новою тоскою смотреть, взоръ блестя слезой.

Говорить ему: «Лишь в чаще твоей товарищ — зверь рыкащий.
Степь кругом и лес молчалив. Горы в сумрачной тьме.
В чем имешь разлеченье? И кому свое томленье
Довбьрешь в миг сомненья? Ты напрасно губишь дни.

Сколь обширна ширь земная. Где же та душа родная,
Чтоб, тебя не раздражая, быть с тобою в беге дней?
И, впадая в раздраженье, не уменьшил ты мученья.
Коль умрешь, тут нет спасенья. Этим как поможешь ей?»

Он сказал: «Сестра! В пвучей рече — свет, как свет есть в туче.
Но для этой раны жгучей на земле бальзама нет.
Пусть уж встанет смерть предлом, чтоб душа разсталась с телом.
Стихну сердцем онмьмым. Будет в этом нжный свет.

Где под тою же планетой дух явился, в плоть одетый?
Песни, тем же звуком светой, где знакомая игра?
Кто мои тяготы примет? Тяжесть доли приподымет?
Одного лишь не отнимет мрачный рок — тебя, сестра.

Два молвила с мольбою: «Если мне перед тобою
Суждено моей судьбою быть как визирем тебе,
Не могу скрываться, зная. В том, что крайность, сила злая.
Ты же все предлы края перешел в своей борьбе».

Витязь молвить: «За твоими здесь словами все как в дыме.
Что сказать ты хочешь ими? Говори ясней со мной.
Как найти могу такого, чтобы в нем была основа?
От страдания нмого сам я стал как зверь лесной».

Два молвить снова: «Знаю, я тебя обременяю.
Но тебя я вопрошаю: Если-б я нашла кого,
Кто своею доброй волей жить твоей хотел бы долей,
Жить с тобой среди раздолей, — вдь не ранишь ты его?»

Отвчаает: «Сердцем буду только радоваться чуду.
Той, которой не забуду, кьм безумно брежу я,
С ним клинусь я быть любезным, не коснусь мечом желбаным,
Как звезд в луче созвездном — вот ему любовь моя».

Дѣва вышла. Автандила, ободряя, говорила: —
«Онъ не гнѣвень». Приходила вмѣстѣ съ нимъ рука съ рукою.
Какъ звѣзда съ луною ясной. Таріэль четой согласной
Восхищенъ: «Здѣсь ликъ прекрасный солнца съ утренней зарей».

Таріэль предъ Автандиломъ какъ свѣтило со свѣтиломъ.
Свѣтъ по тучкамъ среброкрылымъ плавить солнце и луна.
Передъ ними и алоэ — точно дерево любое.
Семь планетъ въ небесномъ роѣ — ихъ краса нѣжна, сильна.

Въ чемъ еще найти сравненья? Вотъ, не чувствуя смятенья,
Хоть чужіе, безъ смущенья, будто были дружны встарь,
Обнялись, поцѣловались, розы губъ ихъ раскрывались,
Гіацинты измѣнялись, обращенъ рубинъ въ янтарь.

Таріэль, схвативши руку Автандила, вылилъ муку
Въ тонѣ слезномъ. Ту науку четко зналъ и Автандиль.
Шепчетъ имъ Асмаъ внушенья, диво-слово утѣшенья: —
«Да не будетъ вамъ затмѣнья. Небо мертво безъ свѣтиль».

Словно утреннимъ морозомъ холодъ чуть прошелъ по розамъ
Таріэля. Все же грезамъ духъ его еще открыть.
Говоритъ: «Отвѣтъ скорѣе. Кто ты? Что въ умѣ лелѣя,
Въ міръ пошелъ ты? Я, блѣднѣя, даже смертью здѣсь забыть».

Автандиль ему, учтивый, въ рѣчи мѣрной и красивой,
Говоритъ отвѣтъ правдивый: «Таріэль! Смѣльчакъ и левъ!
Я — Арабъ и приближенный. Край Арабовъ благовонный
Я оставилъ, весь сожженный, на огнѣ любви сгорѣвъ».

Дочь царя, царицу нынѣ, я люблю. Тебя въ кручинѣ
Видѣлъ я давно. Въ пустынѣ то случилось лѣсной.
Вспомни день, когда ты, сильный, смерти далъ уловъ обильный, —
Устремивши въ мракъ могильный нападавшихъ цѣлый рой.

На равнинѣ ты томился. На тебя мой царь гнѣвился.
Въ скорѣ этотъ гнѣвъ излился. Звали мы, но медлили ты.
Звали мы тебя трикраты. За тобой пошли солдаты.
Расцвѣтилъ ты цвѣтъ богатый, все кровавые цвѣты.

Ты, меча не обнажая, лишь съ плеча свой хлысть вздымая,
Равиль, черепь разсыкая, — свисть, и пасть бойцы должны.
Царь въ погону, но въ мгновенье ты сокрылся, какъ видѣнье.
Всѣхъ объяло изумленье. Были мы поражены.

Въ скорби царь былъ ночи равенъ. Разумъ царскій своенравенъ.
Захотѣль, чтобъ былъ ты явель, обнаружень передъ нимъ.
Розыскъ шель, и ходомъ ярымъ. Всѣ старанья были даромъ.
И ни юнымъ ты, ни старымъ не былъ вѣдомъ, былъ незримъ.

Тутъ она меня послала, та, предъ кѣмъ и солнце мало,
Не вполне сянеть ало, кто нѣжнѣе, чѣмъ эфиръ.
Говорить: «Узнай объ этомъ солнцеликомъ». И съ обѣтомъ —
«Все, что хочешь» — какъ съ завѣтомъ, я пошелъ въ широкій мѣръ.

Три мнѣ года было срока. Безъ нея скорбѣлъ глубоко.
Я скитался одиноко. Но никто тебя не зналъ.
Повстрѣчались мнѣ три брата. И на нихъ была подъята
Длань твоя. Страшна расплата. Старшій все мнѣ разсказалъ».

Бой давнишній, что напрасно начать быть, припомнилъ ясно
Таріэль, и все, согласно съ точной правдой, влилъ въ слова.
Мольвилъ: «Четко помню дѣло. Хотъ ужъ много пролетѣло
Дней съ давнишняго предѣла, память ихъ еще жива.

Вы охотничьи забавы длили, полны гордой славы.
Утопали всюду травы. Я же плакалъ надъ рѣкой.
Мыслилъ я о томъ, чья сила счастье сердца погубила.
Что вамъ трогать нужно было сердце, взятое тоской?

Въ этомъ сумрачномъ предѣлѣ отъ меня чего хотѣли?
Сколь несхожи въ самомъ дѣлѣ смѣхъ — и слезы на щекахъ!
Вы схватить меня желали. Къ потонувшему въ печали,
Вы рабовъ но мнѣ послали. Что же? Спать они въ гробахъ.

Раздались повсюду крики. Оглянулся, вижу лики.
Жаль царя мнѣ, — и, владыки не коснувшись, скрылся я.
Конь бываетъ мой незримымъ. Онъ исчезнуть можетъ дымомъ.
Какъ о немъ, неукротимомъ, скажетъ лучше рѣчь моя?

Не моргнешь, въ мгновенье ока вотъ ужъ я совсѣмъ далеко.
Тѣ, напавшіе, жестоко пострадали отъ меня.
Только дерякіе посмѣли, длань качнуть я еле-еле,
Руки ихъ оледенѣли, дерзновенный паль, стенья.

Ты же, съ помысломъ достойнымъ, солнцеликимъ, солнцезнойнымъ,
Кипарисомъ всталъ здѣсь стройнымъ, ты, испытанный во дняхъ.
Знаешь, что есть сердца смута. Но не каждая минута
Дастъ того, чье бремя, пута — Богъ, забывшій въ небесахъ».

Автадилъ сказалъ: «Меня ли будешь ты хвалить? Въ печали
Непоблекшему пристали всѣ высокія хвалы.
Мнѣ-ль съ тобой идти въ сравненье? Ликъ небесъ, что паль въ теченье
Дней земныхъ, чрезъ помраченье ты прошелъ — не взявши мглы.

Нынѣ та, чей блескъ и сила сердце мнѣ въ любви затмила,
Мной забыта. Чтoby служила лишь тебѣ душа, хочу.
Гіацинтъ горитъ прекрасно. Но хочу эмали страстно.
Вплоть до смерти, полновластно, ты. Съ тобой служу лучу».

Таріэль сказалъ: «Смущенный, предъ тобой я — изумленный.
У тебя, въ душѣ зажженной, вижу, огонь — ко мнѣ зажженъ.
Что въ отплату ты имѣешь? Вѣдь о милой пламенѣешь.
Но влюбленного жалѣешь, какъ влюбленный. Въ томъ — законъ».

Госпождѣ своей — примѣрный быть слуга ты въ службѣ вѣрной.
Богъ дорогой достовѣрной вель тебя: Мы здѣсь сидимъ.
Какъ же только я сумѣю подѣлиться той моею
Тайной? Чуть въ словахъ я съ нею, — буду пламя, буду дымъ».

Таріэль молчалъ мгновенье. Былъ онъ весь воспламененье.
И Асматъ его реченье: «Только твой со мной былъ ликъ.
Что-жъ меня такъ знаешь мало? Развѣ внешне это жало?
Но — и въ немъ печаль пылала. Я предъ витяземъ — должникъ».

Онъ промолвилъ къ Автадилу: «Посвящая брату силу,
Должно смерть принять, могилу. Здѣсь утрата не страшна.
Губить Богъ одной рукою, чтoby спасти кого другою.
Что бы ни было со мною, расскажу я все сполна».

Онъ сказалъ Асмать: «Пока я буду, мысль свою терзая,
Рѣчь вести, быть можетъ, злая пытка чувствовать лишитъ меня.
Ты мнѣ грудь облей водою. Трупъ же видя предъ собою,
Плачь, стеная надо мною, плачь, могилой затѣня».

Сталъ готовиться онъ къ рѣчи. Разстегнулся. Наги плечи.
Былъ какъ солнце, что далече, съ потухающей зарей.
Роза устъ сверкнуть безильна. Губы сжаты. Скорбь могильна.
Вскрикнулъ. Слезы льютъ обильно. Влажный огонь бѣжитъ струей.

Простоналъ. «Любовь! Родная! Мысль моя! Видѣнье Рай!
Съ древа жизни вѣтвь живая! Чѣй ты срѣзана рукой?
Столько разъ воспламенилось, сердце, ты. Такъ больно билось.
Какъ же не испепелилось до сихъ поръ въ борьбѣ такой!»

5. СКАЗЪ ТАРИЮЛЯ О СЕБЪ, КОГДА ОНЪ ВПЕРВЫЕ
СКАЗАЛЪ ЕГО АВТАНДИЛУ.

АКЪ даруй же мнѣ вниманье. Я скажу повѣствованье,
Чувство выявлю, дѣянья, — ужь такихъ не будетъ вновь.
Я не жду отъ той покоя, кѣмъ я брошенъ въ пламя зноя,
Ей безумень, мракъ свой строя, изливаю токомъ кровь.

Знаешь ты, и всѣмъ извѣстно, семь есть въ Индіи
Семь царей. Но повсемѣстно Фарсадану — шесть чудесной,
Онъ властитель былъ великій, смѣлый, пышный, львиноликій, коронь.

Вождь царей, и въ битвѣ дикой предводитель воинствъ онъ.

Царь седьмой, и съ нравомъ рьянымъ, былъ отецъ мой, Сариданомъ
Звался онъ. Предъ вражьиъ станомъ не былъ гибельный вторымъ.
Кто имѣлъ бы дерзновенье, явно-ль, тайно-ль, оскорбленье
Нанести тому, чье зрѣнье, какъ копье, пронзить и дымъ.

Не любя уединенья, онъ любилъ охоту, пѣнье,
Принималъ судьбы рѣшенья, не заботясь ни о чемъ.
Но съ грозой идутъ темноты, и къ нему пришли заботы.
Вопросилъ себя онъ: «Кто ты?» И сказалъ: «Беру мечомъ».

Въ краѣ всѣ храню я части отъ враговъ и отъ напасти.
Недругъ прогнанъ. Твердъ во власти, я царю, и блескъ мнѣ данъ.
Такъ пойду же къ Фарсадану, предъ властительнымъ предстану.
Передъ нимъ склоняясь, я встану, новымъ свѣтомъ осіянь».

Принимает онъ рѣшеніе. Фарсадану извѣщеніе
Шлетъ: «Всей Индіей правленіе надлежитъ царю, тебѣ.
Сердцемъ всѣмъ и всей душою, нынѣ я передъ тобою
Говорю: Твоимъ слугою буду въ славѣ и въ борьбѣ».

Фарсаданъ, услыша это, полонъ радости привѣта.
Слово шлетъ ему отвѣта: «Бога я благодарю.
Царь ты въ Индіи вѣчанный, какъ и я. Когда нежданннй
Даръ мнѣ шлешь, ты мнѣ желанный. Молвлю брату и царю».

Царствомъ чтить его, какъ даромъ. Назначаетъ амирбаромъ,
Также амирпасаларомъ, — полководецъ главный то.
Правя властью полноправной, царь онъ не самодержавннй,
Съ главнымъ въ этомъ лишь неравннй, а въ другомъ надъ нимъ никто.

Моего отца съ собою равннмъ царь считалъ. Порою
Молвилъ: «Гордъ моею судьбою: Гдѣ такой есть амирбаръ!»
То въ охотѣ безпокойной, то въ войнѣ и битвѣ знойной,
Все вдвоемъ четою стройной. Знакъ былъ въ немъ особыхъ чаръ.

Я — не онъ. Хоть благородство есть во мнѣ мое. Но сходства
Нѣтъ межъ двухъ. И превосходство было въ немъ свое всегда.
Быть бездѣтенъ царь съ царицей, хоть лучистой, грустнлицой.
Оттого своей сторицей за бѣдой пришла бѣда.

Горе! Въ часъ огнемъ богатый грозъ готовятся раскаты.
Амирбару въ день проклятнй былъ дарованъ я какъ сынъ.
Царь сказалъ: «Того же рода онъ, что я, — одна природа.
Пусть онъ, — въ этомъ мнѣ угода, — возростетъ какъ властелинъ».

Царь меня съ царицей взяли, какъ свое дитя. Печали
Я не зналъ. Меня качали, пѣли ласковнй напѣвъ.
Люди мудрые учили, возрошали въ царской силѣ.
И какъ солнце былъ я или какъ встряхнувшнй приву левъ.

Я къ Асмать сейчасъ взываю. Если ложно, что вѣщаю,
Ты скажи. Я утверждаю, что, когда пяти былъ лѣтъ,
Нѣжной розой я свѣтился, льва убить не тяготился,
Фарсаданъ ужъ не мрачила, что родного сына нѣтъ.

Блѣдень. Крови въ ликѣ мало. Но Асмать разсвѣтъ мой знала,
Знаеть, какъ заря блистала, расцвѣчая юный день.
Хороша краса младая. Говорили: «Онъ изъ рая».
А теперь я что? Нѣмая мгла того, что было. Тѣнь.

Пять годовъ — какъ свѣтъ зарницы. А у царской роженицы,
Дочь родилась у царицы». Юный горестно вздохнулъ.
Грустный взоръ блеснулъ слезою. Обомлѣлъ онъ, взять тоскою.
Грудь Асмать ему водою освѣжила. Отдохнулъ.

Молвилъ: «Сила огневая, что горить во мнѣ сжигая,
И тогда была золотая. Мой безсилѣетъ языкъ
Въ похвалахъ. Предъ Фарсadanомъ, торжествующимъ, румянымъ,
Всѣ цари — въ усерды рьяномъ. Многократный даръ великъ.

Отъ царей дары богаты. Свѣтлой радостью объаты,
Принимаютъ ихъ солдаты. Гости — въ празднествѣ живомъ.
Царь съ царицей, насъ лелѣя, смотреть вдвое веселѣе.
Имя той скажу, что, рдѣя, сердце мнѣ сожгла огнемъ».

Имя вымолвить онъ тщится. Взоръ сверкнетъ, и взоръ затмится.
Чувствъ лишился. Потъ струится съ поблѣднѣваго чеа.
Въ пытки, съ этой пыткой схожей, Авандилъ тоскуетъ тоже.
Тотъ очнулся. Молвилъ: «Боже! Нынѣ смерть моя пришла.

Дѣвы, ликъ чей свѣтитъ ало, что семи годовъ блистала,
Что луной и солнцемъ стала, имя — Нѣстанъ-Дараджанъ.
Съ нѣжной, съ ней терпѣтъ разлуку, какъ такую вынести муку?
Защитишь алмазомъ руку, — сердцу-жъ гдѣ алмазь тотъ данъ?

Такъ въ порѣ своей напѣвной возросла она царевой.
Я возросъ, чтобъ въ бой стозвѣнный устремить горячій взглядъ.
Вновь къ отцу попалъ я въ руки. Въ мячъ игралъ, былъ ловокъ въ лугѣ.
Силень въ воинской наукѣ. Львовъ сражалъ я, какъ котятъ.

Царь воздвигъ дворець. Какъ чара, въ немъ чертогъ изъ безоара,
Изъ рубинового жара, гяцинтовъ вырѣзныхъ.
Для нея. А передъ домомъ — садикъ малый съ водоемомъ.
Розы въ зеркалѣ знакомомъ длили пламень грезъ своихъ.

Днемъ и ночью, въ пряномъ зноѣ, изъ кадильницъ въ томъ покоѣ
Дымы синіе алоэ, желтыхъ пламеней игра.
То въ саду она, гдѣ тѣни, то на башнѣ, въ сладкой лѣни.
Въ этой свѣтлой миговѣ смѣнѣ няня — царская сестра.

Овдовѣвшая въ Каджэти, съ ней Даваръ. Не жестки сѣти.
Дѣва въ ласковомъ привѣтѣ научается уму.
Въ томъ чертогѣ озаренномъ, отъ другихъ отъединенномъ,
Дѣва въ мирѣ благовонномъ провожаетъ день во тьму.

За завѣсой, какъ изъ дыма золотистаго, хранима,
За парчой она незримо возросла, кристалль рубинъ.
Съ ней Асматы и двѣ рабыни. Вмѣстѣ игры безъ гордыни.
Расцвѣла, какъ цвѣтъ въ пустынѣ и какъ дерево долинь.

Мнѣ пятнадцать лѣтъ ужъ было. Сердце было полно пыла.
Воля царская возросла какъ царевича меня.
Силой левъ и солнце взглядомъ, какъ взлелѣянь райскимъ садомъ,
Предавался я отрадамъ: Стрѣлы, мечъ, и бѣгъ коня.

Съ тетивы стрѣла летѣла, — бездыханно было тѣло
Птицы-ль, звѣря ли. И смѣло попадалъ я въ цѣль мячомъ.
Пированіе безъ срока. Но отдѣльно, волей Рока,
Быль отъ той, что огнеока съ свѣтло-розовымъ лицомъ.

Знаютъ смерть и властелины. Умеръ мой отецъ. Кончины
Этой день былъ день кручины для верховнаго царя.
Скорбь застыла въ Фарсаданѣ. Умеръ — страшный въ вихряхъ брани.
И восторгъ — во вражьемъ станѣ. Льва страшилися не зря.

Уничтоженный Судбою, цѣлый годъ я былъ тоскою
Омраченъ, какъ цѣпкой мглою, неутѣшенный никѣмъ.
Вдругъ придворные предстали, и приказъ мнѣ царскій дали: —
«Таріэль, не будь въ печали. Ужъ конецъ рыданьямъ всѣмъ».

Тосковали мы и болѣ о печальной нашей долѣ.
Не минуешь Божьей воли. Всѣмъ приходитъ намъ конецъ.
Трауръ конченъ. Съ вѣномъ старымъ день приводитъ къ новымъ чарамъ.
Будь отнынѣ амирбаромъ, и служи намъ, какъ отецъ».

Вспыхнул я, воспламенился. По отцѣ горѣлъ, томился.
Рой придворныхъ преклонился, вывода меня изъ мглы.
И Индійскіе владыки до меня склонили лики,
Какъ родители, велики, но любовны и свѣтлы.

Близъ своихъ сажали троновъ, возвѣщали власть законовъ,
Чтобъ служить я безъ уклоновъ, долгу весь отдавъ свой жаръ.
Я упрямился, страшился замѣнять отца. Но длился
Споръ недолго. Подчинился. Отдалъ честь — какъ амирбаръ».

6. СКАЗЪ ТАРИЯЛЯ О ТОМЪ, КАКЪ ОНЪ ПОЛЮБИЛЪ,
КОГДА ВПЕРВЫЕ ОНЪ ПОЛЮБИЛЪ.

ОДАВИВЪ свои рыданья, онъ продлил повѣствованье.
«Въ нѣкій день, — воспоминанье жжетъ, ему не
скрыться прочь, —
Отъ забавъ охоты дикой я домой пришелъ съ
владыкой.
Онъ сказалъ мнѣ, свѣтлоликій: «На мою посмотришь
дочь».

Руку взять мою... Ужели не дивишься въ самомъ дѣлѣ,
Что душа осталась въ тѣлѣ, вспоминая эти дни?
Садъ увидѣлъ я блестящій. Голосъ птиць тамъ былъ журчащій.
Не споетъ сирена слаще. Водометъ струилъ огни.

Ароматы розы сладки. Ткань надъ дверью. Златы складки.
Тѣ лѣсныя куропатки, что съ охоты несъ съ собой,
Ей отдать — царя велѣнье. Тутъ мое воспламененье.
Здѣсь начальный мигъ служенья. Долгъ, назначенный Судьбой.

Чтобы сердце изъ гранита было чѣмъ-нибудь пробито,
Что найдешь? Но жало свито алмазнымъ копьемъ.
Царь, я вѣдалъ, не желая, чтобъ была его золотая
Кѣмъ увидѣна, сдвигая ткань завѣсы, входитъ въ домъ.

Я стоялъ въ саду, предъ домомъ, возлѣ розъ надъ водоемомъ,
Сердцемъ отданный истомамъ ожиданія и чарь.
Слышитъ ухо шелестѣнье, рѣчь Асмать, и повелѣнье
Дать царевнѣ приношенье, что поднести амирбарь.

Колыхнулась ткань волною. За завѣсой той дверною,
Вижу, дѣва предо мною. Въ сердце мнѣ вошло копье.
И Асматъ взяла добычу. Я же вспыхнулъ. Вѣчно кличу: —
«Жарь! Горю!» Но возвеличу тѣмъ лишь рдѣние мое».

Тотъ, что солнечнаго свѣта ярче былъ, сказавши это,
Не найдя на воскликъ отвѣта, палъ, издавши горькій стонъ.
Автандилъ съ Асматъ рыдали, горы эхо повторяли.
Въ мрачной молвилъ печали: «Всѣхъ сражавшій самъ сраженъ».

Вновь обрызганъ онъ водою. Съль, объять кручиной злою.
Стонеть. Лѣтся за слезою, щеки жгущая, слеза.
«Горе мнѣ!» его реченье. «Сколь великое волнение!
Только вспомню, — помышление, мысль о ней мнѣ какъ гроза».

Я недаромъ горько плачу. Тотъ, кто вѣруеть въ удачу,
Зналъ восторгъ — и скорбь въ придачу: Обольститъ, — чтобъ обмануть.
Мудрость тѣхъ скорѣй хвалю я, кто не жаждетъ поцѣлуня
Отъ Судьбы. Все доскажу я, коль смогу еще вздохнуть».

Были взяты куропатки. Я-жь, исполненный загадки,
Не бѣжалъ я безъ оглядки, — на земь рухнулъ бездыханъ.
Какъ пришелъ въ себя, рыданья вокругъ меня и восклицанья,
Словно звуки провожанья, мой корабль — до дальнихъ странъ».

Въ пышной я лежу постели. Царь съ царицею сидѣли
Возлѣ. Плачь — какъ звукъ свирѣли. Стоны слиты въ долгій гулъ.
Щеки ранятъ. Кровь струею. И муллы сидятъ толпою.
Говорятъ, что надо мною колдовалъ Вельзевулъ».

Увидавъ, что жизнь летѣю я еще, меня за шею
Обнялъ царь рукою своею: «Сыгъ! Хоть слово мнѣ одно!»
Страхомъ взятый изступленнымъ, снова чувствъ я былъ лишеннымъ.
Кровь потокомъ разъяреннымъ въ сердце канула на дно».

А въ молчаніи глубокомъ всѣ муллы слѣдили окомъ,
Знакъ какой здѣсь посланъ Рокомъ. Былъ въ рукахъ у нихъ Коранъ.
«Недругъ рода здѣсь людского», — таково ихъ было слово.
Трое сутокъ чуть живого, жегъ огонь, и былъ онъ рдянь».

Меж врачей опять сомнѣнье и одно недоумѣнье: —
«На такой недугъ лѣченья — нѣтъ. Печаль владѣетъ имъ».
Прыгаль, какъ умалишенный. Рѣчь была лишь бредъ сплетенный.
Слезы въ горести бессонной литье царца. Дни — какъ дымъ.

Трое сутокъ во дворцѣ я былъ, межъ смертью-жизнью рѣя.
Умъ вернулся. Разумѣя, что случилось со мной,
Я сказалъ: «Увы! Лишенный жизни, призракъ я смущенный».
И въ молитвѣ вознесенной вскрикнулъ я: «Создатель мой!

Узри терны затрудненья, и услышь мои моленья.
Дай мнѣ силъ выздоровленья. Встать съ постели дай мнѣ силъ.
Тайну здѣсь я ненарокомъ расскажу въ бреду глубокомъ».
Богъ услышалъ. Съ должнымъ срокомъ раны сердца закалалъ.

Я сидѣлъ. Къ царю послали съ вѣстью: «Кончены печали».
Царь съ царицей прибѣжали. Смотрятъ съ лаской на меня.
Съ головою непокрытой царь стоялъ, въ молитвѣ — слитый
Съ ней, царицей, и со свитой. Богъ щедротенъ, насъ храня.

Сѣли оба. Подкрѣпился пищей я. И оживился.
Молвилъ: «Царь! Возвеселился духъ во мнѣ. Я сталъ сильнѣй,
Я хочу увидѣть поле. На конѣ скакать на волѣ».
Царь со мной среди раздолій. Мчимся мы въ просторъ полей.

Конскій духъ исходитъ паромъ. По рѣчнымъ проѣхавъ ярамъ,
Мы вернулись къ базарамъ. Возвратился я домой.
Царь простился у порога. Вновь недугъ нахлынулъ строго.
«Что мнѣ ждать еще отъ Бога? Смерть нависла надо мной».

То лицо, что было рдяно, стало нынѣ цвѣтъ шафрана.
Въ сердцѣ рѣжущая рана, десять тысячъ въ немъ ножей.
Вотъ привратникъ въ дверь вступаетъ, къ управителю взываетъ.
«Вѣсть какую зтотъ знаетъ? Тотъ ли мнѣ принесъ вѣстей?»

«Рабъ Асмать пришелъ». — «Зови же». — Онъ вошелъ. Подходить ближе.
Поклонился низко, ниже. И посланье подаетъ.
Въ буквѣхъ строкъ — огонь влюбленный. Я читаю наумленный.
Въ сердцѣ я другомъ — заяженный. И въ моемъ — огней полетъ.

Возрастает удивленность. Как сумѣль зажечь влюбленность?
И откуда непреклонность — изъясненье въ строки влить?
Надежить здѣсь послушанье. Обвинила бы молчанье.
Написалъ въ отвѣтъ посланье, свивши словъ цвѣтную нить.

Дни пришли и миновали. Въ сердцѣ, знаемъ печали,
Рдѣнья пламени сгорали. Не ходилъ я въ станъ бойцовъ.
Не являлся ко двору я. Принималъ врачей, тоскуя.
Миръ однако жилъ, ликуя, дань беря моихъ часовъ.

Ничего врачамъ незримо. Въ сердцѣ точно сумракъ дыма.
Чѣмъ печальное палимо, не узналъ никто изъ нихъ.
«Кровь», сказали, «въ ней пыланье». Царь велѣлъ кровопусканье
Сдѣлать мнѣ. Чтобъ скрыть страданье, далъ коснуться рукъ моихъ.

Кровь пустили, капли рдѣли. Грустный, я лежалъ въ постели.
Рабъ пришелъ. Молъ, рѣчь о дѣлѣ. — «Что такое?» — «Рабъ Асматы».
«Приведи». А про себя я размышляю, вопрошая: —
«Въ этомъ всемъ она какая, и къ чему ведетъ мой ваглядъ?»

Рабъ вручаетъ мнѣ посланье. Весь исполненный пыланья,
Я читаю указанье: «Нужно мнѣ сейчасъ придти».
Отвѣчаю: «Поскорѣ. Часъ торопитъ. Не робѣя,
Приходи ко мнѣ смѣлѣе, и не медли на пути».

Я сказалъ себѣ: «Сомнѣнья для чего, когда стеченье
Всѣхъ минутъ даетъ рѣшенье? Я же царь и амирбаръ.
Вѣс Индѣйцы мнѣ подвластны. Такъ не буду я несчастный.
Коль узнають, бурей страстной не такой зажгутъ пожаръ».

Отъ царя гонецъ спѣшавшій. Вопрошаетъ: «Какъ болящій?»
«Кровь пустили. Въ настоящій часъ отрадѣй мнѣ дышать.
Я къ тебѣ хочу явиться. Мнѣ пристало веселиться.
Лицезрѣнемъ насладиться будетъ радость мнѣ опять».

Ко двору пришелъ. «Ужъ болѣ», царь сказалъ, «не будь въ неволѣ».
На коняхъ мы ѣдемъ въ поле. Безъ колчана, безъ меча.
Сокола летать какъ стрѣлы. Куропатокъ рой несмѣлый
Вьется рябью сѣро-бѣлой. И стрѣлки спѣшатъ, крича.

Тѣмъ, что были на равнинѣ, дома пирь веселый нынѣ.
Камень красный, камень синій многимъ данъ, какъ даръ, царемъ.
И конечно ужъ свирѣли въ этотъ день не онѣмѣли.
Пѣснопѣвцы звонко пѣли. Шумъ веселія кругомъ.

Я борьбу съ самимъ собою велъ, но взять тоской быть злою.
Въ сердцѣ огненной волною мысль о ней и мысль о ней.
Пламень — токомъ безпокойнымъ. Я сидѣлъ въ кругу достойномъ.
Пилъ. Зовуть — алоэ стройнымъ. Пироваль среди друзей.

Вдругъ я вижу казначая. Шепчетъ на ухо: «Робѣя,
И покроями бѣлѣя, амирбара ждешь одна,
Кто-то». Скрытность восхвалилъ онъ. Я велѣлъ, чтобъ проводилъ онъ
Въ мой покой ее. Укрылъ онъ тамъ ее. И ждешь она.

Всталъ. Друзья хотятъ прощаться. Я прошу ихъ не стѣсняйся,
Пировать, увеселяйся. «Я сейчасъ вернусь сюда».
Рабъ стоялъ въ дверяхъ на стражѣ. Трепеща, какъ пойманъ въ кражѣ,
Я вхожу, и въ сердцѣ даже не могу унять стыда.

Женскій призракъ, какъ видѣнье. Изъявляетъ знакъ почтенья.
Говоритъ: «Благословенье тѣмъ, кто можетъ быть съ тобой».
Я дивлюсь на восклицанье. «Нѣтъ умѣнья въ ней и знанья,
Какъ любовное признанье скромно выразитъ душой».

Говоритъ: «Изнемогая отъ стыда, пришла сюда я.
Мыслишь — мысль во мнѣ есть злая. Но пришелъ сюда, спѣша.
Уповаю я и вѣрю, что простишь стыда потерю.
Этимъ спѣхомъ — счастье мѣрю. Успокоилась душа».

Говоритъ: «Мое реченье ты прими безъ подозрѣнья.
Исполняю повелѣнье — той, въ чьемъ сердцѣ страхъ тебя.
Госпожи моей желанье, вотъ откуда то дерзанье.
Принесла тебѣ посланье. Слово скажетъ за себя».

7. ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ, КОТОРОЕ НЭСТАНЪ-ДАРЭДЖАНЪ
НАПИСАЛА СВОЕМУ ВОЗЛЮБЛЕННОМУ.

ВЗГЛЯНУЛЬ. Прочель посланье отъ нея, къ кому
пыланье.
Лучь писалъ слова-сіянья: «Левъ! Ты ранень.
Рану скрой.
Я твоя. Не гасни въ млѣньѣ. Ненавижу разслабленье.
Пусть Асмать мои реченья повторить передь тобой.

Тоскованье, помиранье, это-ль страсть, любви дѣянья?
Лучше — той, къ кому пыланье, мощь свершенія яви.
Съ Кхатаэти ждемъ мы дани. А они, таясь въ обманѣ
И въ зловольи, ищуть брани. Эту дерзость оборви.

Еще прежде помышленье мнѣ внушало обрученье.
Не нашла для говоренья я минуты до сего.
Словно на смерть пораженнымъ и ума совсѣмъ лишеннымъ,
Зрѣла я тебя взметеннымъ. Золь недугъ. Срази его.

Въ путь же. Въ бранныя забавы. Да узнають ихъ Кхатавы.
И вернись въ сіянья славы. Это лучше, говорю.
Такъ не плачь. Чтось не снѣжила влага — розъ. Отъ солнца — сила.
Посмотри, я обратила ночь темнотъ твоихъ въ зарю».

8. ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ, КОТОРОЕ НАПИСАЛЪ ТАРІЭЛЪ
СВОЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ.

АМЪ я видѣлъ эти строки. И отвѣтъ, не медля въ срокѣ,
Написалъ: «О, свѣтъ высокій, проникавшій синеву.
Лунноликое свѣченье. Лишь тебя хочу въ горѣньѣ».
Былъ я точно въ сновидѣньѣ. И не вѣрилъ, что живу.

Я сказалъ Асмать: «На это больше нѣтъ сейчасъ отвѣта.
Молви ей: «Ты солнце лѣта. Ты взошла, и свѣтелъ я.
Мертвый, знаю воскресенье. Въ чемъ бы ни было служенье,
Позабывъ изнеможенье, я служу. Въ томъ жизнь моя».

Говоритъ Асмать: «Сказала мнѣ она: «Въ томъ смысла мало,
Чтобы вѣсть о томъ блуждала. Пусть не знаютъ ничего.
Любить пусть тебя для виду, не вмѣняя то въ обиду.
Онъ придетъ, къ нему я выду, встрѣчу должно я его».

Я внималъ словамъ совѣта. Мнѣ казалось мудрымъ это.
Та, что солнечнаго свѣта не пускала въ свой покой,
Возникать не давши слѣду, даровала мнѣ побѣду,
И дозволила бесѣду съ лучезарною, съ собой.

Даль Асмать я въ награжденье драгоцѣнные каменя.
Кубокъ златъ. Ея реченье: «Нѣтъ. Мнѣ пышный выборъ данъ.
Но промолвлю безъ пристрастья: Ужъ имѣю я запястья.
Лишь одно кольцо для счастья я беру какъ талисманъ».

Дѣва вышла. Свѣтъ со мною. И не ранено стрѣлою
 Сердце. Съ мукой огневою суждено разстаться мнѣ.
 Стихъ пожаръ. Я вновь съ друзьями. Надѣляю ихъ дарами.
 Смѣхъ, вино и шутка съ нами. Ликованіе вдвойнѣ».

9. СКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ ТАРИЭЛЬ НАПИСАЛЪ
ПОСЛАНИЕ И ОТПРАВИЛЪ ЧЕЛОВЪКА КЪ КХАТАВАМЪ.

ЕЛОВЪКА въ Кхатаэти я послалъ, и строки эти
 Начерталь я: «Въ яркомъ свѣтѣ царь Индiйскiй
 вознесень.
 Власть дана ему отъ Бога. Вѣрный — сътъ съ нимъ.
 А дорога
 Непокорныхъ — знать, какъ строго покарать
 умѣеть онъ.»

Братъ и царь, внемли велѣнье. Да не знаемъ огорченья.
 Приходи безъ промедленья. Не придешь, такъ мы придемъ.
 И прибудемъ, не украдкой. Тотъ удѣлъ не будетъ сладкiй
 Для тебя. Вотъ зовъ нашъ краткiй. Въ тѣлѣ кровь щади своею».

Вѣстникъ отбылъ. Я душою снова съ радостью живою.
 Нестерпимую струю ужъ не жегъ огонь меня.
 Еще радостей не мало мнѣ тогда Судьба давала.
 А теперь тоска, опала. Глянешь звѣрь, уйдетъ, кланя.

Въ мысляхъ было дерзновенье. Примѣнялъ я мощь смиренья.
 Но великой жажды тлѣнье отравляло радость мнѣ.
 Я съ друзьями веселился. Но не разъ тоской затмился.
 Противъ Рока возмущился не однажды въ тишинѣ.

Какъ то подъ вечеръ сижу я. Мысль о ней, меня волнуя,
 Нѣжно жжеть меня. Не сплю я. Ночь въ любви свѣтлѣе дня.
 Вдругъ привратникъ шепчетъ что-то. Въ немъ и радость и забота.
 Возвѣщаетъ — рабъ тамъ. Кто-то съ тайной вѣстью до меня.

Рабъ Асмать. Она писала, что придти повелѣвала
 Та владычица, чье жало жгло мнѣ сердце лезвиемъ.
 Вмигъ сняла съ меня оковы. Свѣтъ ниспалъ во мракъ суровый.
 И объятый жизнью новой я пошелъ своимъ путемъ.

Въ садъ вхожу. Уединенье. Въ сердцѣ чувствую стѣсненье.
 И Асмать мнѣ въ утѣшенье, улыбаясь, говоритъ: —
 «Вотъ, смягчила я угрозу. Въ сердцѣ вынула занозу.
 Подойди, увидишь розу. Неувядающая горитъ».

Подъ волшебнымъ балдахиномъ, гдѣ огонь шелъ по рубинамъ,
 Съ ликомъ престола единымъ, возсѣдала тамъ она.
 Слово вышнее свѣтило. Очи черны какъ чернила.
 На меня свой взоръ стремилась, лучезарна, какъ весна.

Зачарованный, стоялъ я. Слова ласкового ждалъ я.
 И увя, не услышавъ я отъ прекрасной ничего.
 Вотъ къ Асмать она блеснула. Та мнѣ на ухо шепнула: —
 «Уходи!» Душа вздохнула. Пламя было вновь мертво.

За Асмать иду, вздыхая. Скрыла все завѣса алая.
 И Судьбу я обвиняя, молвилъ: «Вспыхнулъ въ сердцѣ свѣтъ.
 Было нѣжное стремленье. И вдвойнѣ опустошенье
 Въ этой мукѣ разлученья. Больше радости мнѣ нѣтъ».

Черезъ садъ идемъ мы двое. Слово мнѣ Асмать такое: —
 «Не печалься, будь въ покоѣ. Для тревоги дверь закрой.
 И открой для ликования. Застыдилась, и молчанье
 Было скрытое признанье. Оттого была такой».

Я сказалъ: «Сестра, мятеженъ мракъ души. Бальзамъ твой нѣженъ.
 Чтобъ я не былъ безнадеженъ, часто вѣсти посылай.
 И не дѣлай перерыва. Сердце будетъ тѣмъ счастливо.
 Лишь водой живится ива. Влагу жизни не скрываетъ».

На коня вскочилъ, и ѣду. Скорбь — за мной, какъ бы по слѣду.
 Слезы празднуютъ побѣду. Я въ постель, и нѣтъ мнѣ сна.
 Былъ какъ цвѣтъ я на долинѣ. Былъ въ кристаллѣ и рубинѣ.
 Стали щеки густо-сини. Ночь — желанна лишь она.

Вот пришли из Кхатаэти. Я ужь думаль обь отвѣтъ.
Были дерзки люди эти. Принесли отвѣтъ такой: —
«Не трусливы мы сердцами. Мы за крѣпкими стѣнами.
Царь твой вздумаль править нами? Иль онъ властенъ надо мной?»

10. ПОСЛАНИЕ, НАПИСАННОЕ ХАНОМЪ КХАТАВОВЪ
ВЪ ОТВѢТЪ ТАРИЭЛЮ.

ОТЪ слова того деразья: «Царь, чье слово —
приказанье,
Я, Рамазь, пишу посланье къ Таріэлю. Я дивлюсь,
Какъ послалъ ты слово зова мнѣ, кто есть племень
основа.
Если мнѣ напишешь снова, я прочеть не потружусь».

Я велѣлъ созвать дружины. И явились властелины
Отъ границъ. Какъ строй единый, вышнихъ звѣздъ сошлись войска.
Силы Индіи могучи. Отовсюду шли, какъ тучи.
Дали воиновъ мнѣ кручи, горы, доли, и рѣка.

Шли они безъ промедленья. Осмотрѣлъ я ихъ скопленья.
Все въ порядкѣ, всюду рвенье. Души полныя огня.
Словно лѣсъ возсталъ зеленый. Чудо видѣть эскадроны.
Кони ржутъ. Горятъ попоны. Хваразмійская броня.

Поднялъ царское я знамя. Черный съ краснымъ. Рдѣетъ пламя.
Я съ несчетными войсками долженъ завтра выйти въ путь.
Самъ я плачу и тоскую. На судьбу пеняю злою.
Какъ увидѣть мнѣ златую? Словно камень палъ на грудь.

Полонъ я тревоги жагучей. Слезы льютъ какъ ключъ кишучій.
О, Судьба, меня не мучай. Сердце ранено мое.
Вотъ какой мой рокъ злосчастный, говорилъ я въ пылкѣ страстной.
Я коснулся розы красной, — я не могъ сорвать ее.

Рабъ пришель. Случилось диво. Въ сердцѣ стало вновь красиво.
Отъ Асмать слова призыва. Проблескъ въ сумракахъ борьбы.
Говорило то посланье: «Солнце кличетъ. Будь въ сянѣхъ.
Это лучше, чѣмъ рыданье о дѣянїяхъ Судьбы».

Въ скорби мрачной и суровой засвѣтился свѣтъ мнѣ новый.
Къ дверцѣ я пришель садовой. Сумракъ былъ и тишина.
Тамъ Асмать меня встрѣчала, улыбалась, привѣчала: —
«Левъ! Ты мучился немало. Смѣло, ждетъ тебя луна».

Я вошелъ для счастья часа. Весь чертогъ одна прикраса.
Надъ террасою терраса. Свѣтъ луны былъ блескъ воплѣт.
Подъ завѣсою, въ сянны, и въ зеленомъ одѣяны,
Призракъ тонкій въ очертанїи, такъ она явилась мнѣ.

Я вошелъ. Взглянуть забвенно. На краю ковра смиренно
Я стоялъ. А въ сердцѣ плѣнно утихать потокъ огня.
До подушки станъ склоняя, блескомъ солнце затѣняя,
Ликъ свой спрятала золотая, быстро глянувъ на меня.

До Асмать ея велѣнье: «Амирбару знакъ почтенья».
Сѣсть велить, и для сидѣнья, вотъ подушка мнѣ дана.
Сѣлъ. А сердце было радо, послѣ грусти, силой взгляда
Нѣжить то, что счастье надо. И сказала мнѣ она: —

«Въ тотъ послѣдній разъ безъ слова ты отпущень былъ. Сурово
Это было. Точно злого зноя принять въ полѣ цвѣтъ.
И нардишь засохъ на камнѣ. Грусть твоя была видна мнѣ.
Но стыдливость суждена мнѣ. Въ томъ дѣвическїй завѣтъ.

Предъ мужчиною смиренье, это — наше назначенье.
Но молчать про огорченья — быть съ бѣдою вдвое злой.
На лицѣ была улыбка. Но, какъ горькая ошибка,
Въ сердцѣ скорбь дрожала зыбко. Я послала за тобой.

Мало знали мы другъ друга. Больше не было досады.
Но клянусь я, что супруга буду я твоя во дняхъ.
Клятва — съ силой неумной. Если жъ буду вѣроломной,
Да сравнюсь съ землею темной, и не буду въ небесахъ.

Въ путь. Узнай Кхатавовъ въ бѣгѣ. Есть въ побѣдѣ много нѣги.
Соверши свои набѣги. Битва кличетъ, — такъ въ нее.
Безъ тебя я въ млѣны сонномъ. Сердце мнѣ свое, произненнымъ,
Ты отдай нераздѣленнымъ. А возьми взамѣнъ мое».

«Этой радостью вѣчанный, незаслуженной, нежданной,
Буду, духомъ необманный», — я промолвилъ, — «весь я твой.
Темень былъ, но свѣтитъ чудо. Этотъ Божій свѣтъ — оттуда.
Буду я твоимъ, покуда ликъ не будетъ скрытъ землей».

И на книгѣ клятвъ мы клялись. Оба сердцемъ общались.
Такъ слова ея слагались, въ подтвержденіе любви: —
«Да пошлетъ мнѣ Богъ кончину, если я къ тебѣ оступлю.
Все тебѣ какъ властелину. Ты меня своей зови.»

Я стоялъ предъ ней мгновенья. Нѣжны были всѣ реченья.
Мы въ минутѣ развлеченья ѣли сладкіе плоды.
И потомъ, проливши слезы, я ушелъ отъ нѣжной розы.
Унося лелѣино грезы, отошелъ я отъ звѣзды.

Въ томъ, конечно, было жало, — уходить мнѣ отъ кристала.
Мнѣ рубина было мало и прозрачнаго стекла.
Вновь заяглась мнѣ радость въ мірѣ. Видѣлъ солнце я въ эфирѣ.
Міръ разяты, и пропасть шире. Все же твердь я какъ скала.

На конѣ я былъ съ зарею. Къ битвѣ рогъ звучаль съ трубою.
Сколько войскъ пошло со мною, какъ разсказъ о томъ вести?
Въ Кхатаэти, левъ суровый, чую ширъ войны багровый,
Я пошлеть стезею новой, по дорогамъ безъ пути.

За Индійскіе предѣлы выйдя, шель я мѣсяцъ цѣлый.
Вѣстникъ былъ ко мнѣ, несмѣлый. Ханъ Рамазъ, черезъ него,
Говорилъ: «Хоть вы козлами появляетесь передъ нами,
Будь мы даже и волками, передъ вами все мертво.»

Для снисканья примиренья, онъ принесъ мнѣ подношенья,
Даръ достойный изумленья. «Говоритъ тебѣ Рамазъ: —
Мы тебѣ простерли шею. Ты же силою своею
Не губи. Смотри: Робью. Все бери. Дѣтей и насъ.»

Предъ тобой мы согрѣшили. Не являйся въ полной силѣ.
Если мы неправы были, по странѣ не мчись грозой.
Да не вѣдаемъ отмщенья. Замки всѣ и укрѣпленья
Отдаемъ мы безъ боренья. Лишь отрядъ возьми съ собой.»

Я совѣтъ держалъ съ вождами, какъ поступимъ въ этомъ сами.
Говорили: «Ты — съ врагами. Ты неопытенъ и юнъ.
Видь ихъ кроткій — ликъ заемный. Этотъ людъ и злой, и темный.
Духъ всегда въ нихъ вѣроломный. Каждый между ними лгунъ.»

Такъ совѣтуемъ мы сами: Лишь съ отборными бойцами
Въ путь поидемъ, — и пусть за нами близко слѣдуютъ войска.
Если явять ликъ покорный, — благо. Если жь — духъ упорный,
Да прольется гнѣвъ повторный на невѣрныхъ, какъ рѣка.»

Былъ доволенъ я совѣтомъ. Укрѣпившись мыслью въ этомъ,
Вотъ я вѣстника съ отвѣтомъ отсылаю: «Царь Рамазъ,
Знаю я твое рѣшенье. Жизнь отрадишь убienья.
Дамъ войскамъ отдохновенье. Самъ иду къ тебѣ сейчасъ.»

Въ мысли, въ дѣйствіи проворныхъ, триста взявъ бойцовъ отборныхъ,
Смѣло я пошелъ до спорныхъ и невѣрныхъ этихъ встрѣчъ.
А войскамъ сказалъ: «Слѣдите, гдѣ пойду, и какъ по нити
Тамъ же, вслѣдъ за мной, идите. Кликну, — вамъ поможетъ мечъ.»

День прошелъ, и два дня снова. Ханъ послалъ еще другого
И сказалъ такое слово, не одинъ приславъ покровъ: —
«Сильный ты, скажу безъ лести. Гордый ты, и стоишь чести.
Въ часъ, когда мы будемъ вмѣстѣ, много дамъ тебѣ даровъ.»

Правду я тебѣ вѣщаю. Самъ навстрѣчу послѣшаю».
Я въ отвѣтъ промолвилъ: «Знаю, щедрый ханъ твой властелинъ.
Возвѣсти, что волей Бога до него ведетъ дорога.
Будеть радости намъ много. Будемъ мы — отецъ и сынъ.»

Дальше путь. Вблизи глухого лѣса, отдыха и крова
Я искалъ. Послы мнѣ снова. Привели лихихъ коней.
Мнѣ почетъ и мнѣ участие. Ты, моль, солнце средь ненастья.
«Быть съ тобою, это — счастье для властительныхъ царей.»

Отъ владыки извѣщенье: «Завтра намъ соединенье.
Утромъ встрѣчу, безъ сомнѣнья. Изъ твердынь спѣшу своихъ.»
Я велѣлъ разбить палатки. Взоры свѣтлы, рѣчи сладки.
Не играть мнѣ съ ними въ прятки. Принялъ ихъ какъ стремянныхъ.

И возникла тутъ услуга. Наградить мнѣ нужно друга.
Изъ злокозненнаго круга вывелъ онъ меня, любя.
Нѣкій вѣстникъ возвратился, и со мной договорился.
«Я должникъ. И грѣхъ случился. Не покину я тебя.

Не боясь заботы бремя, твой отецъ въ былое время
Пріютить меня. То сѣмя не на пыльный пало путь.
На тебя куются ковы. Противъ розы ножъ суровый.
Въ той измѣнѣ вскрой основы. Все узнай, и твердымъ будь.

Ты не вѣрь тѣмъ вѣроломнымъ. Знай, въ измѣнничествѣ темномъ,
Въ мѣстѣ нѣкоемъ укромномъ, сотня тысячъ ждетъ солдатъ.
И въ другомъ еще засада. Тридцать тысячъ битися радо.
Предпринять немедля надо мѣръ разумныхъ цѣлый рядъ.

Выидеть царь тебѣ навстрѣчу, въ сердцѣ самъ готовя сѣчу.
Ложь избравши какъ предтечу, войско выстроить тайномъ.
И пока ты будешь лаской окруженъ, какъ хитрой сказкой,
Вдругъ нагрянетъ бой развязкой, ты одинъ, ихъ тѣма кругомъ.»

За совѣтъ благодарю я. Говорю: «Коль не умру я,
Ужъ достойно награжу я. Счастливъ будешь ты вовѣкъ.
Лишь скажи свои хотѣнья. Коль подобное раченье
Будетъ брошено въ забвенье, я пропащій человекъ.»

Никому о томъ ни звука. Тайна будетъ мнѣ порука.
Коль стрѣла ушла изъ лука, свистъ ея услышимъ мы.
Но своимъ войскамъ велѣнье я послалъ изъ отдаленья: —
«Всѣ сюда безъ промедленья, черезъ горы и холмы.»

Утромъ вѣстниковъ съ отвѣтомъ я послалъ. И въ дѣлѣ этомъ
Счель, что съ ласковымъ привѣтомъ пусть они идутъ къ врагу.
«Приходи. Иду.» Дорога вновь полдня. Здѣсь все отъ Бога.
Если смерть приходитъ строго, гдѣ укрыться я могу?

На утесъ взошелъ высокій. На равнинѣ на далекой
Пыль клубится поволокой. «Тамъ приходитъ царь Рамазъ.»
Мыслью: «Сѣтъ онъ мнѣ раскинулъ. Но коня не опрокинулъ.
Острый мечъ мой не содвинулъ. Приходи же въ добрый часъ.»

Говорю бойцамъ: «Какъ стѣны станемъ противъ мы измѣны.
О скалу лишь въ брызгахъ пѣны валъ ударить въ мигъ встрѣчь,
Кто за власть идетъ, вставая, духъ того парить, залетая.
На Кхатавовъ нападая, не напрасно вынемъ мечъ».

Гордо, рѣзкими словами, я велѣлъ, пройдя рядами,
Чтобъ одѣлись всѣ бронями, въ сталь замкнуть скопленье силъ.
Блещутъ шлемы, свѣтятъ латы. Въ бой стремимся мы крылатый.
Въ этотъ день, борьбой богатый, мечъ мой ворога рубилъ.

Вотъ изъ дали изъ туманной видить врагъ нашъ строй, нашъ бранный,
Видъ неожиданный, нежеланный. Шлетъ къ намъ вѣстника Рамазъ.
Для чего же вы нестати въ боевой явились рати?
Нѣтъ въ измѣнѣ благодати. Огорчае вы насъ».

Былъ отвѣтъ: «Свой часъ расчисли. Знаю всѣ твои я мысли.
Ковы въ воздухъ повисли. Порвалась въ сплетеньяхъ нить.
Приходи съ своей толпою. Буду мѣряться съ тобою.
Поднять мечъ готовый къ бою, чтобъ тебя въ бою убить».

Обмѣнялися словами. Тотчасъ дымъ пошелъ клубами.
Съ двухъ сторонъ враги рядами изъ засады въ бой пошли.
Дымъ огней, всходившій мракомъ, для бойцовъ былъ скрытыхъ знакомъ.
Въ токъ ринулись двоякомъ, но вредить мнѣ не смогли.

Взявъ копье, своей рукою шлемъ скрѣпивъ надъ головою,
Рвался я, горячій, къ бою, быстрой смѣлостью гонимъ.
Мною длинный строй построенъ. Ходъ стремительный удвоить.
Видъ враговъ моихъ спокоенъ, многочисленъ, недвижимъ.

«Онъ безуменъ», говорили. Тамъ, гдѣ врагъ былъ въ полной силѣ,
Всталъ я, словно въ плескахъ крылій. Двинулъ въ волна копье, —
Вмигъ коня я опрокинулъ, ихъ обоихъ въ смерть содвинулъ.
Трескъ копья. И мечъ я вынулъ, восхваляя лезвіе.

Вижу, имъ довольно прятокъ. И на стаю куропатокъ
Соколь палъ. Въ кипѣннхъ схватокъ, на бойца швырнулъ бойца.
Тамъ, гдѣ мечъ мой свѣтомъ машеть, стрекозою воинъ пляшетъ.
Смертнй плутъ мнѣ ниву пашеть. Прорванъ строй ихъ въ два конца.

Вкругъ меня шума, вскипая, плещеть вражеская стая.
Я ликую, ударяя. Кровь какъ брызги изъ ручья.
Тотъ, надъ кѣмъ клинокъ мой свисеть, и кого къ сѣдлу притиснеть,
Какъ мѣшокъ съ коня повиснеть. Всѣ бѣгутъ, гдѣ гляну я.

Въ часъ зари, предъ ночью черной, съ вышины горы узорной,
Возгласилъ къ врагамъ дозорный: «Бой кончайте. Грозный часъ.
Глѣвъ небесный — полновластный. Прахъ вздымается ужасный.
Силы токъ идти запасный. До конца погубятъ насъ».

Тѣ, кого я за собою велъ, призывъ услышавъ къ бою,
Шли поспѣшною стопою, устремляясь до борьбы.
Что утесы имъ и горы! Сломать всякіе запоры.
Бьютъ литавры, кличутъ хоры, слышенъ громкй гласъ трубы.

Въ бѣгство врагъ пустился смятый. Были овцы ихъ солдаты.
Мы въ погонѣ. Блещутъ латы. Наше поле. Кликъ и стонъ.
Царь Рамазъ съ коня былъ скинутъ, изъ сѣдла мной опрокинутъ.
Мечъ и мечъ, скрестясь, содвинуть. Всѣхъ забрали мы въ полонъ.

Вотъ хватаютъ полоненныхъ, слѣпотой какъ бы сраженныхъ,
Рушатъ на земь побѣжденныхъ. Страхъ всеисентъ, пастъ должны.
А моимъ бойцамъ — награды. Ждали битвы, битвѣ рады.
Всѣ враги — ихъ смутны вагляды — стонуть, точно чѣмъ больны.

Мигъ побѣды необманенъ. Отдыхъ свѣтель и желаненъ.
Лезвиемъ я въ руку раненъ. Что мнѣ этотъ царяпонъ.
За дружиною дружина рада видѣтъ властелина.
Сердце ихъ со мной едино. Мною духъ бойцовъ высокъ.

Въ сердцѣ смѣлыхъ восхваленя — за труды вознагражденя.
Тѣ мнѣ плоть благословеня, этимъ хочется обнять.
Благородные, которымъ быть какъ сынъ я, дружнымъ хоромъ
Хвалить, видно было взорамъ, какъ мечомъ кладу печать.

Разослалъ солдатъ я всюду. Принесли добычи груду.
Этой битвой гордь пребуду. Кровью выкрасилъ просторъ.
Кровью тѣхъ, кто смерть мнѣ тшилъ дасть. У вратъ градскихъ не билъся.
Каждый городъ мнѣ открылся, отодвинувъ свой запоръ.

Говорилъ царю Рамазу: «То, что скрыто, видно глазу.
Такъ оправдывайся сразу, если ты попался въ плѣнъ.
Открывай свои твердыни. Всѣ сочти ихъ въ длани нынѣ.
А не то, въ твоей кручинѣ, счетъ сочту твоихъ измѣнъ».

Отвѣчалъ Рамазъ: «Моею волей больше не владѣю.
Черезъ тебя лишь власть имѣю. Пусть придетъ ко мнѣ скорѣй
Изъ моихъ любой властитель. Въ замкахъ каждый охранитель
Будетъ знать, кто побѣдитель. Замки всѣ въ рукѣ твоей».

Словно вѣтеръ по долинѣ, власть моя стремилась нынѣ.
Были отданы твердыни, всѣ, ихъ сколько тамъ ни есть.
Вражгихъ всѣхъ вождей собралъ я, и раскатъся имъ далъ я.
А сокровищъ сколько взялъ я? Столько, столько, что не счесть.

Такъ, мои твердыни эти. Я прошелъ по Кхатаэти.
Въ изобиліи, въ самоцвѣтѣ, открывалась мнѣ казна.
Тѣмъ, что мнѣ ключи вручили, я сказать: «Безъ страха, въ силѣ,
Будьте. Чаша изобилій мной не будетъ сояжена».

Чтобъ отмѣтить кладъ отъ клада, самоцвѣты, радость взгляда,
Много времени бы надо, много взять сокровищъ я.
Я нашелъ покровъ чудесный, былъ онъ видомъ какъ небесный,
Въ немъ составъ волшебнo-тѣсный былъ какъ твердая струя.

Ни съ ковромъ онъ, ни съ парчюю быть несходенъ, но волною,
И цвѣтною, и стальною, полюбился очень мнѣ.
Взялъ я эту ткань оттуда. Всякъ, кто глянетъ, молвить «Чудо».
Цвѣтъ цѣннѣе изумруда, закаленного въ огнѣ.

Это въ даръ для той лучистой, кто мнѣ свѣтитъ въ жизни мглистой,
Какъ свѣтильникъ золотистый. Изъ отборнаго, что есть,
Для царя въ родныя страны потянулись караваны.
И какъ духъ цвѣтовъ медвяный — черезъ дары благая вѣсть.

11. ПОСЛАНИЕ ТАРИЭЛЯ КЪ ЦАРЮ ИНДИЙСКОМУ,
КОГДА ОНЪ ПОБЪДИЛЪ КХАТАВОВЪ.

АПИСАЛЪ царю посланье: «Царь, Судьба намъ шлетъ даянья,
А Кхатавамъ наказанье за измѣну и бѣду.
Знай изъ вѣсти замедленной — самый царь ихъ
полоненный.
Я, добычей нагруженный, много плѣнныхъ приведу».

Живъ законъ, въ порядкѣ сила. Такъ добычи
много было,

Что верблюдовъ не хватило. На быковъ я грузы клалъ.
Добылъ чести я и славы. Были сломлены Кхатавы.
Черезъ бранныя забавы получилъ, чего желалъ.

Царь Кхатавовъ оробѣлый былъ въ Индійскіе предѣлы
Приведенъ рукою смѣлой. И отецъ пріемный мой
Возносилъ мнѣ восхваленя. Тѣмъ хваламъ, что внѣ сравненя,
Да не будетъ повтореня. И какъ врачъ онъ былъ со мной.

Все ли сказывать я стану? Онъ осматривалъ мнѣ рану.
А потомъ повелъ къ майдану. Площадь вся была въ шатрахъ.
Кто хотѣлъ, вступалъ въ бесѣду. Званъ былъ къ царскому обѣду.
Говорилъ онъ про побѣду. Свѣтъ горѣлъ въ его глазахъ.

Эту ночь мы безъ печали веселились, пировали.
Утромъ въ городъ путь держали, удаляясь отъ шатровъ.
Царь сказалъ: «Пусть радость славы явятъ плѣнные Кхатавы.
Да придетъ ихъ строгъ лукавый предъ лицо моихъ бойцовъ».

Туть для перваго я раза, въ исполненіе наказа,
Привожу царя Рамаза. Ласковъ былъ ему пріемъ.
Царь встрѣчаетъ какъ родного. Объ измѣнѣ ни полслова.
Если храбрость не сурова, доблесть высшая есть въ томъ.

Часть не малый, часть пристойный, съ нимъ онъ былъ въ бесѣдѣ стройной.
Если токъ течетъ спокойный, онъ не роетъ берега.
А съ зарею, въ мигъ свиданья, слово молвилъ состраданья: —
«Наложу ли наказанье на сраженнаго врага?»

Я дерзнулъ сказать: «Отъ Бога милосердыя къ грѣшнымъ много.
Такъ и ты суди не строго пораженнаго его».
Царь сказалъ ему: «Прощенье — для проступка заблужденья.
Но ужь только повторенья чтобы не было того».

Взявъ стократно сто драханы, и хкатаури, и дани
Какъ парча, и шелкъ, и ткани, гдѣ главенствуетъ атласъ,
Онъ ему, съ толпой придворныхъ, далъ какъ даръ одеждъ узорныхъ.
И безъ всякихъ словъ укорныхъ былъ отпущенъ царь Рамазъ.

Отъ склоненнаго Ххатава — благодарность, честь, и слава.
«Богомъ я клянусь, лукаво поступилъ я предъ тобой.
Но убей меня, коль вдвое совершу еще такое».
Съ этимъ отбылъ онъ въ покоѣ, взявши всѣхъ своихъ съ собой.

Минулъ часъ сѣдой разсвѣта. Отъ царя письмо привѣта.
Такъ гласило слово это: «Я съ тобой былъ разлученъ.
Ужъ три мѣсяца томленья. На охотѣ развлеченья
Я не зналъ. На приглашенье приходи, хоть утомленъ».

Я нарядъ надѣлъ не темный, и въ чертогъ пришелъ пріемный.
Встрѣченъ былъ толпой огромной, цѣлой стаей соколовъ.
Царь какъ солнце. Въ блескѣ взгляда — сердца видится усада.
Видь меня — ему отрада. Я служить ему готовъ.

Онъ шепнулъ царицѣ тайно, — я узналъ о томъ случайно, —
Что ему необычайно милъ вернувшись я съ войны.
«Таріэль — одно сіянье. Въ немъ и темному сверканье.
Молвить, — мы его желанья тотчасъ выполнить должны».

Вот рѣшеніе какое принялъ я: Онъ побылъ въ боѣ.
Пусть же тотъ, чей станъ — алоэ, кто какъ солнце скрытъ въ лицѣ,
Знаетъ также путь къ отрадамъ, и съ тобой увидить рядомъ
Дѣву-розу съ царскимъ взглядомъ. Встрѣтите обѣ насъ въ дворцѣ.

Цѣлымъ выводкомъ орлинымъ, по холмамъ и по стремнинамъ,
По равнинѣ и долинамъ, чтобъ звѣрей въ бѣгу настичь,
Мчались весело мы съ псами, забавлялись соколами,
Не играли мы мячами, дважды подняли мы дичь.

Чтобъ мои увидѣть чары, шли толпами на базары.
Тѣ, кто юны, тѣ, кто стары, на меня смотрѣли съ крышъ.
Я, въ нарядахъ съ бахромою, розой блѣдною былъ съ росою,
Мгѣли всѣ, пьяняся мною, — то не ложь, а правда лишь.

Я надѣлъ покровъ богатый, у Кхатавовъ съ бою взятый.
Каждый, блескомъ чаръ объятый, отъ меня съ ума сходилъ.
Я, мой царь съ коня спустился. Мы въ дворцѣ. Тамъ ликъ свѣтился
Солнцесвѣтлой. Я смутился. Задрожалъ въ упадкѣ силъ.

Облеченъ былъ станъ прекрасной пышной тканью желто-красной,
Строй былъ дѣвъ за ней согласный, — словно воды въ берега
Влились, токъ мягча разлива. Рдѣли розы щекъ красиво.
Заревого свѣтъ отлива, и кораллъ, и жемчуга.

Я стоялъ тамъ. Стройно тѣло. Но одна рука висѣла
На повязкѣ. Поглядѣла тутъ царица на меня.
Съ трона быстро возставала, и какъ сына цѣловала.
«Отъ тебя твой врагъ», сказала, «побѣжить какъ отъ огня».

Я царями былъ уваженъ, рядомъ съ ними былъ посаженъ.
Противъ — солнце. Ликъ тотъ важенъ и прекрасенъ былъ въ огнѣ.
Мы почти сидѣли рядомъ, мы тайкомъ мѣнялись взглядомъ.
Весь я отданъ былъ уладамъ. Жизнь безъ нихъ отрава мнѣ.

Начать пиръ. Все время наше. Въ бирюзовой пышной чашѣ
Свѣтъ вина. И въ цвѣтѣ краше по лазурному рубинъ.
Ликованье въ сравненья. Отъ царя — постановленье: —
«Не уйдетъ безъ опьяненья съ пированья ни одинъ».

Быль я радостень вь избыткѣ. Вь томъ причина не напитки.
Золотые вь сердцѣ слитки и расплавленная мѣдь.
Вь сердцѣ я смиряль пожары, молній пламенныхъ удары.
Сколь плѣнительны тѣ чары — на любимую глядѣть.

Пѣсни звонкія звучали. Вдругъ пѣвцы все замолчали.
Царь велѣль. Ему внимали. Молвилъ: «Сынъ мой Таріэль,
Мы ликуемъ вь упоеніи. Врагъ нашъ вь тяжкомъ пораженьи.
Ты какъ свѣточъ вь вознесеніи. Твой ударъ доходить вь цѣль».

Ты склоняеть не должень вѣжды. На тебя всехъ насъ надежды.
Нужно бь дать тебѣ одежды, но нельзя снимать твоихъ.
Твой нарядъ — нарядъ прекрасный. И зарей горшишь ты ясной.
Славой свѣтишь полновластной. Сто богатствъ — имѣешь ихъ».

Вновь, веселый, онъ садится. Пьютъ вино и пѣсня длится.
Арфы нѣжный звонъ струится. Веселится пѣнье лирь.
Вь мглѣ закатной огневницы отошли къ себѣ царицы.
Къ краю сна зовутъ рѣсницы. Тутъ ужь больше пирь не пирь».

Ночь идетъ, вѣдетъ туманы. Встали мы. Долой стаканы.
Мы и такъ довольно пьяны. Вотъ я вь комнатѣ своей.
Надъ собой утратилъ власть я. Плѣнникъ нѣжного участка.
Вспоминаю, полонъ счастья, какъ смотрѣла. Вь мысли — съ ней».

Рабъ пришелъ. Восторгъ мнѣ вновь. Ждетъ тамъ женщина вь покровѣ.
Это вѣстница любви. Я вскопиль. Горитъ мой взглядъ.
Я бѣгу скорѣй навстрѣчу. Лаской вѣстницу привѣчу.
Знаю счастья предтечу, то пришла ко мнѣ Асмагъ».

Весь я вь ласкѣ необманной. Вѣдь приходитъ отъ желанной.
Отъ Нэстанъ, лучомъ вѣнчанной. Удержавъ ея поклонъ,
Съ поцѣлуемъ обнимаю, на постель съ собой сажаю,
«Ты какъ тополь,» возглашаю. «Онъ красивымъ сотворень».

Говори о ней. Внемлю я. Только ей горю, тоскую».
Отвѣчаетъ: «Все скажу я. Но не только счастье есть.
Вы другъ друга повстрѣчали. Вь этомъ отдыхъ отъ печали.
Взоры, встрѣтятся, свѣтъ начали. Отъ нея несущи вѣсть».

12. ПОСЛАНИЕ НЭСТАНЪ-ДАРЭДЖАНЪ
КЪ ВОЗЛЮБЛЕННОМУ ЕЯ.

НѢ дала она посланье. Я взглянулъ. Тамъ лучъ
сіянья.
Такъ гласило написанье: «Поспѣшая на конѣ,
Самоцвѣтъ ты былъ блестящій. Послѣ боя, какъ
изъ чаши,
Глянулъ ты, цвѣтокъ горящій. Вижу, плакать
нужно мнѣ».

Если Богъ даетъ мнѣ слово, — чтобъ хвалить
тебя. И снова

Я безъ свѣта дорогого умирать должна въ борьбѣ.
Садъ для льва, цвѣтникъ, гдѣ розы и родникъ, струящій слезы,
Садъ, гдѣ солнечныя грезы, все мое даю тебѣ.

Ты скорбѣлъ, но не напрасно. Къ намъ Судьба не безучастна.
Милый, все въ тебѣ прекрасно. Тѣмъ, кто смотритъ на тебя,
Всякъ завидуетъ глядящій. Ткань твою, кушакъ блестящій,
Мнѣ, въ любовной мглѣ грустящей, подари, прошу, любя.

Дай твое мнѣ украшенье. Будеть встрѣча, въ то мгновенье
Ощутишь ты наслажденье, что украшена я имъ.
Намъ обоемъ будетъ счастье. И надѣнь мое запястье.
Чуя нѣжное участие, въ ночь не будешь ты томимъ».

Таріэль остановился. Словно въ звѣря превратился.
Плачетъ. Пыткой думъ упился. Снявъ запястье, онъ до губъ
Приложилъ его, безцѣнный талисманъ въ тоскѣ забвенной.
И, скорбя о несравненной, рухнулъ онъ безъ чувствъ, какъ трупъ.

Недвижимъ и весь застылый, какъ въ преддверіи могилы,
Такъ лежалъ онъ. Видъ унылый. Горькій, билъ онъ въ грудь себя.
Грудь покрылась синяками. И Асмать себѣ ногтями
Ранить щеки. И струями на него кропить, скорбя.

На недвижнаго взирая, Автандилъ, грустилъ, vzdыхая.
Слезы, камни прожигая, у Асмать струятся вновь.
Но пожаръ смягченъ водою. Таріэль вздохнулъ, съ тоскою: —
«Мучимъ я судьбою злою, испивающею кровь».

Онъ глядѣлъ ошеломленнымъ. Блѣдный, сълъ, съ лицомъ смущеннымъ.
Былъ онъ стеблемъ затѣненнымъ. Роза стала какъ шафранъ.
Ничего не говорилъ имъ. Былъ безгласнымъ и унылымъ.
Смертный часъ ему былъ милымъ, но ему онъ не былъ данъ.

Вотъ онъ молвитъ Автандилу: «Слушай. Чуть имѣю силу,
Но о той, къѣмъ я въ могилу вверженъ, кончу я рассказъ.
Для меня одна отрада: Въ скорби друга видѣть надо, —
Есть мнѣ этотъ свѣтъ для взгляда, и поддержка въ горькій часъ».

Встрѣтилъ я въ Асмать участие отъ сестры въ путяхъ несчастья.
Я надѣлъ тогда запястье, здѣсь, на руку на мою.
Съ головы покровъ тотъ странный снялъ, и въ даръ послалъ желанной,
Тканъ съ игрою осіянной, плотно-крѣпкую струю».

13. ОТВЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ ТАРИЭЛИ
КЪ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ ЕГО.

ПИСАТЬ: «Заря златая! Лучь твой, въ сердце упаяя,
Поразить его, и, тая, смѣлый духъ попался въ плгнѣ.
Я беаумень, я тоскую. И, зарю узнавъ златую,
Чѣмъ уважу я младую? Что я дамъ тебѣ взамятъ?»

Помиралъ совсѣмъ я прежде, смертный сонъ
склонялся къ вѣждѣ.
Ты велѣла быть надеждѣ. Я на вѣрномъ берегу.

Не тону въ моряхъ несчастья. Ты являешь мнѣ участь.
Я ношу твое запыстье. Чѣмъ явить восторгъ могу?

Но въ горѣнии порыва вся душа моя правдива.
Ткань, которая красива, ты хотѣла получить.
Плащъ еще такой же шлю я. И вадыхая, и тоскую, —
Не покинь, приди, — молю я. Въ мѣрѣ мнѣ кого молить?»

Дѣва вышла. Легъ и спалъ я. Такъ пріятно задремалъ я.
Но внезапно задрожалъ я. Вижу милую во снѣ.
Я проснулся. Гдѣ видѣнье? Отошло въ одно мгновенье.
Жизнь мнѣ бремя и мученье. Милый звукъ не слышенъ мнѣ.

Тьма и время день творили. Въ этотъ часъ, въ дремотной снѣ,
Я разбужень. Пригласили во дворецъ — какъ бы въ семью.
Прихожу. Въ ихъ лицахъ, мнится, что-то словомъ озарится.
Чуть вошелъ, велеть садиться. Съѣлъ предъ ними на скамью.

Говорятъ: «Нашъ вѣкъ преклонный. Возрастъ нашъ — изнеможенный.
Нѣтъ ужъ больше окрыленной легкой юности, — ушла.
Не быть сынь Судьбой дарованъ. Все жъ удѣль нашъ облюбованъ.
Дочь сияеть. Духъ не скованъ, и не видимъ здѣсь мы зла.

Нуженъ мужъ царевнѣ стройной. Гдѣ найдется онъ, достойный,
Чтобы мысль была спокойной, чтобы тронъ одѣтъ въ лучи, —
Чтобъ въ себя онъ принялъ сходство, ликъ нашъ, полный благородства,
Чтобы врагъ, ища господства, не точилъ на насъ мечи?»

Молвилъ я: «У васъ нѣтъ сына, и конечно въ томъ кручина.
Но опора наша львина. Свѣтитъ яркимъ солнцемъ дочь.
Зять, кого бы вы ни взяли, будетъ править безъ печали.
Что скажу? Вы все сказали. Видно, какъ бѣдѣ помочь».

Мы мѣнялися совѣтомъ, что пристойнѣй въ дѣлѣ этомъ.
Стало тьмой, что было свѣтомъ. Я молчалъ, томясь тоской.
Царь сказалъ: «Хваразмша силенъ. Хваразмійскій край обилень.
Сынъ Хваразмши юнъ, умиленъ. Есть-ли гдѣ еще такой?»

Все впередъ они рѣшили. Приговоръ быть въ полной силѣ.
Рѣчи сдержанны ихъ были. Чѣмъ бы могъ я помѣшать?
Возражать имъ не дерзалъ я. Какъ земля, какъ пепельъ сталъ я.
Въ сердцѣ трепетномъ дрожалъ я. Трудно было мнѣ дышать.

Задержу-ли ходъ я тучи? Я сорвался точно съ кручи.
«Царь Хваразмша — царь могучій. Зять прекрасный — сынъ его».
Такъ царица говорила. Согласиться нужно было.
Часть Судьба постановила низверженья моего.

Вѣсть Хваразмшѣ посылаемъ: «Нѣтъ царевича надъ краемъ.
Мужа дочери желаемъ, чтобъ имѣла съ нимъ дѣтей.
Если къ ней пришлешь ты сына, примемъ здѣсь какъ востелина.
Нежеланна ей чужбина. Пусть же онъ придетъ скорѣй».

Вѣстникъ прибылъ, съ нимъ и дани, драгоцѣннѣйшія ткани.
Весь исполненъ обаяній, царь Хваразмша шлетъ слова: —
«Богъ послалъ благословенье, наше выполнить хотѣнье.
Ваше чадо — упоенье. Да пребудетъ вѣкъ жива».

Къ жениху опять послали. «Будь безъ горя и печали, —
Черезъ вѣстника сказали. — Приходи сюда скорѣй».
Въ мячъ игралъ я, утомился, у себя уединился.
Духъ печалью тяготился въ скрытной горести своей.

Въ сердцѣ скорбь горѣла знойно. Точно ножъ тамъ безпокойно
Трепеталъ. Но гордо, стройно, принявъ вѣсть я отъ Асмать.
«Та, чей стройный станъ — алоэ, шлеть вѣлѣнїе такое: —
Поспѣши, мы будемъ двое. Твой да здѣсь увижу взгляды».

На конѣ прїѣхалъ къ саду. За его прошелъ ограду.
Въ сердцѣ чувствую отраду. Передъ башенкой, смотрю,
Ждетъ Асмать. И ждетъ, и плачетъ. Видь такой не озадачить.
Знаю я, что это значить. Ничего не говорю.

Вижу ликъ ея суровый. Полонъ я печали новой.
На устахъ застыло слово, — молча, плачетъ лишь, блѣдна.
Раньше мнѣ была улыбка. Нынѣ грусть трепещетъ зыбно.
Это горькая ошибка, мнѣ не дѣлать боль она.

Мысль далеко — во вчерашней, въ свѣтлой радости всегдашней.
Вотъ иду я съ нею башней. И завѣса поднялась.
Я вошелъ. Луна сіяла. Въ сердцѣ вдругъ утихло жало.
Скорбь ушла. Но было мало въ сердцѣ счастья въ этотъ часъ.

Грусть и здѣсь владѣла кровомъ. Свѣтъ былъ свѣтомъ, но суровымъ.
Ликъ золотой былъ скрытъ покровомъ, что прекрасной я послалъ.
Несравненное видѣнїе, въ томъ зеленомъ облаченїи,
Вся въ слезахъ, въ изнеможенїи, полный росами фїаль.

Скорбь исчерпавъ полной мѣрой, — разъяренно пантерой,
Что скалой крадется сѣрой, вотъ не солнце ужъ она.
Не дуна, и не алоэ. Съѣлъ вдали я. Въ сердцѣ — злое.
Въ сердцѣ вдругъ конь сквозное. Съѣла. Хмурить взоръ. Грозна.

Говорить: «Дивлюсь, невѣрный, клятвъ ломатель безпримѣрный,
Для чего, недостоверный, ты пришелъ, обманъ тая.
Вижу, слабымъ былъ всегда ты. Отъ Небесъ дожидешься платы.
И отвѣтишь имъ тогда ты». Я сказалъ: «Что знаю я?»

Молвилъ: «То, о чемъ не знаю, безъ отвѣта оставляю.
Въ чемъ теперь я прегрѣшаю? Ты отвѣтъ мнѣ», говорю.
Говорить въ печали темной: «Что сказать мнѣ, вѣроломный?
Я въ обидѣ неумной. Я обманутой горю.

Что жъ, Хваразмша — нареченный? Ты совѣтчикъ быть смиренный.
Съ клятвою твоей забвенной, тамъ давалъ совѣты кто?
Растоптавъ бывшее ренье, весь ты въ зыби измѣненъя.
О, когда бъ твои внушенья обратила я въ ничто.

Вспомни, вспомни, какъ, вздыхая, жилъ ты, слезы проливая,
Какъ твоя недужность злая не нашла себѣ врачей.
О, измѣнчивость мужнины. Ты отрекся, ты, единый.
Отрекись и я. Кручины будутъ чьи сильнѣй и злѣй?

Знай, хоть въ этомъ ты лукавилъ, ты плохой совѣтъ составилъ: —
Кто бы Индѣи ни правиль, буду править также я.
Здѣсь не быть тебѣ, — предъ Богомъ, — ты пойдешь по всѣмъ дорогамъ.
Иль убью я, въ гнѣвѣ строгомъ». Витязь вскрикнулъ: «Жизнь моя!»

Онъ сказалъ: «Услышавъ это отъ нея, какъ звукъ привѣта,
Принявъ я упрекъ, и свѣта власть во мнѣ струилась вновь.
Нынѣ нѣтъ въ глазахъ сіянъя. Какъ споню существованье?
Мирь! Зачѣмъ мои терзанья? Пьешь зачѣмъ мою ты кровь?»

Въ нѣгѣ, съ болью перевитой, на подушкѣ на забытой,
Вижу тамъ Коранъ раскрытый. Богу слава, въ Богѣ свѣтъ.
«Солнце!» я сказалъ. «Сжигая, все жъ даешь мнѣ жить, златая.
Я, тебѣ хвалы слагая, дать дерзну теперь отвѣтъ.

Если ложь тебѣ скажу я, если хитрости сплету я,
Пусть же небо, негодуя, вмигъ сожжетъ меня въ огнѣ.
Ничего не дѣлалъ злого». Отвѣчасть: «Молви слово». —
И ко мнѣ добрѣ снова. Головой кивнула мнѣ.

Я сказалъ: «Коль, вѣроломный, я во лжи пребуду темной,
Молній пусть огонь изломный существо пронзитъ мое.
Въ чемъ лигъ я солнце встрѣчу? Лаской я кого привѣчу?
Буду ль жить, и какъ отвѣчу, если ты вонзишь копье?»

Кo двору меня позвали. Тамъ мой духъ застылъ въ опалѣ.
 Что совѣтъ? Все раньше знали и рѣшили мать съ отцомъ.
 Въ чемъ я могъ явить боренье? Множить лишь свои мученья.
 Я сказалъ себѣ: «Терпѣнье. Твердымъ будь въ себѣ самомъ».

Что мой духъ свершить посмѣеть, если царь не разумѣеть,
 Что надъ Индїей не смѣетъ стать никто другой, — лишь я?
 Съ правомъ я лишь притязаю — быть царемъ родному краю.
 Кто придетъ сюда, — не знаю. Въ этомъ воля не моя.

Я сказалъ: «То дѣло злое. Что-нибудь найду другое.
 Не тревожся, будь въ покоѣ». Въ сердцѣ быть я словно звѣрь.
 Я хотѣлъ бѣжать равниной, устремить полетъ орлиный.
 «Разлучусь-ли я съ единой? Вдругъ-ли взять тебя теперь?»

Я для сердца продалъ душу. Башня — рынокъ. Все разрушу.
 Какъ волна бѣжитъ на сушу, я пришелъ, чтобъ быть въ огнѣ.
 Дождь холодный сталъ теплѣе, роза красная нѣжнѣе.
 Жемчугъ ядалъ, въ кораллѣ млѣя. «Что жь въ неправомъ быть и мнѣ?»

Такъ, вздохнувъ, она сказала. Гнѣвъ усталъ, исчезло жало.
 «Да, въ тебѣ измѣны мало. Бога чтить и помнишь ты.
 Обо мнѣ царя проси ты. Будемъ мы другъ съ другомъ слиты.
 Тронъ займемъ мы знаменитый, въ краѣ, полномъ красоты».

Разъяренность гдѣ пантеры? Вновь нѣжна она безъ мѣры.
 И кругомъ не сумракъ сѣрый, свѣтитъ солнце и луна.
 Вотъ меня сажаетъ рядомъ. И, лаская, свѣтлымъ взглядомъ
 Предаетъ меня усладамъ. Стихъ пожаръ, душа нѣжна.

Возвѣщаетъ: «Осторожный, не пойдя тропой тревожной,
 Лучшій путь найдешь возможный, согласуя мысль съ Судьбой.
 Жениху притти мѣшая, и паря тѣмъ раздражая,
 Что свершишь ты? Сора злая растерзаетъ край борьбой».

А придетъ женихъ, — намъ мука, намъ терзанья и разлука.
 Выбѣго радостнаго звука, пѣсня траура и золь.
 Намъ страданья въ грозной силѣ, имъ же блески изобилій.
 Не хочу, чтобъ захватили Персы власть и нашъ престоль».

Я сказалъ: «Да не случится, волей Бога да свершится,
Сватовство да отворотится. Если жь юноша придетъ,
Онъ узнаеть, гдѣ могила, какъ моя отважна сила.
Сколько бь съ нимъ ни приходило, кончатъ въ Индіи свой счетъ.

Отвѣчала: «Для любви я живу. Пролитье крови
Не идетъ къ моей основѣ. Такъ велить мой женскій полъ.
Быть зерномъ раздора больно. Жениха убей, — довольно.
Правосудью сдѣлать вольно, чтобъ и стволъ сухой зацвѣлъ.

Левъ мой, вождь необычайный, да не будетъ смерть безкрайной.
Жениха убей ты въ тайной быстрой скрытности, одинъ.
За дружиной же дружину убивая какъ скотину,
Лишь умножишь ты кручину. Бремя крови — тяжесть льдинъ.

Какъ убьешь его, такъ пути разомннутся. И царю ты
Скажешь: «Съ шею согнутой для Персидскаго ярма,
Быть такъ — я не разумью. Будетъ Индія — моею.
А коль мнѣ разлучность съ нею, — будетъ въ градѣ бой и тьма».

Что моей любви ты хочешь, скрой. Ты тѣмъ успѣхъ упрочишь.
Счастье лишь на часъ отерочишь. Будетъ царь молить вдвойнѣ.
Я въ твои предамся руки. Будемъ царствовать безъ муки.
Пѣснь одна въ согласномъ звукѣ, я къ тебѣ, и ты ко мнѣ».

Быть согласенъ съ ней я въ этомъ, и обрадованъ совѣтомъ.
Мечъ пойдетъ мой за отвѣтомъ къ приходящему врагу.
Всталъ. Хочу уйти, нѣмью. Просить съѣсть, помедлить съ нею.
Я обнять ее не смѣю. Быть въ отрадѣ не могу.

Медлил я еще мгновенья. Ухожу въ отъединенье.
Въ разумъ пало ослѣпленье. Предо мной идетъ Асмать.
Плачу горько, слезы ягучи. Скорби выросли какъ тучи.
И душой, въ тоскѣ тягучей, уходя, стремлюсь назадъ.

Рабъ сказалъ: «Женихъ приходитъ». Горе горькихъ тайно бродить.
То, къ чему Судьба приводитъ, если бь знать онъ, быть живой.
Царь позвалъ, быть свѣтель ваглядомъ. Мнѣ велѣлъ садиться рядомъ.
Мыслилъ — часъ вестъ къ усладамъ, и кивнуть мнѣ головой.

Говорилъ мнѣ: «День веселый. Какъ медовый сотъ тяжелый.
Поработали тутъ пчелы. Свадьбы часть не за горой.
Раздадимъ-ка людямъклады. Веселить подарокъ взгляды.
Гдѣ дары, сердца тамъ рады. Скупость глупость, ликъ тупой.

За сокровищами всюду я послалъ, и чудо къ чуду,
Принесли сокровищъ груды. Да не медлил и женихъ.
Хваразмійцы прибываютъ, наши ихъ толпой встрѣчаютъ,
И поля ужъ не вмѣщаютъ столько полчищъ, — сонмы ихъ.

Царь сказалъ: «Шатры заранѣ приготовь ты на майданѣ.
Принеси спать въ ночномъ туманѣ. И женихъ пусть отдохнетъ.
Въ этомъ лишь твой трудъ единый. Безъ тебя придутъ дружины.
Здѣсь сойдутся властелины. Все наступитъ въ свой чередъ».

Вотъ шатры, уютъ для часа, тамъ изъ краснаго атласа.
Юный веселъ какъ прикраса, какъ картина, гдѣ весна.
Есть-ли грусть въ мечтахъ любовныхъ? Много ходить тамъ сановныхъ.
И въ рядахъ солдаты ровныхъ образуютъ племена.

Кончивъ трудъ свой запоздалый, сонъ шатровъ построивъ алый,
Я пришелъ домой усталый, чтобъ въ постели быть своей.
Спѣшной рабъ идетъ походкой, отъ Асмать письмо отъ кроткой.
«Та, чей станъ — прямой и четкій, говорить: Приди скорѣй».

Мой отвѣтъ на то посланье — въ томъ же мнѣ послушанье.
Въ ликѣ дѣвы слѣдъ рыданья. Вопросаю: «Почему?»
Отвѣчаетъ: «Не умѣю быть защитою твоею
Непрестанно передъ нею. Есть смущенье тутъ уму».

Мы вошли въ предѣлы крова. На подушкѣ, грозно снова,
Тамъ сидитъ она, сурово смотритъ, клонитъ гибкій станъ.
Говорить: «Чего зриаешь? Битвы день — ты это знаешь?
Или снова покидаешь? Или вновь въ тебѣ обманъ?»

Гнѣвъ во мнѣ, негодованье. Быстро я, храня молчанье,
Ухожу, и на прощанье, обернувшись, говорю: —
«Нынѣ ликъ свой явить сила. Храбрость, что-ль, во мнѣ остыла,
Чтобы женщина учила, какъ сражать, что сотворю?»

Я замыслиў убіенне. Отдаць сотні повеленне: —
«Приготовьтесь для сраженья». Быть ужь ночи поздній чась.
Этой ночью схороненный, наш отряд поѣхал конный,
Через тихій городь сонный. И никто не видѣль насъ.

Быль набѣгъ мой не напрасный. И вступилъ въ шатеръ я красный.
Расскажу-ли видѣ ужасный я свершенья моего?
Съ головой своей пробитой, тамъ лежалъ женихъ убитый,
Мертвый, съ кровью непролитой, хоть кричала кровь его.

Тѣ мгновенья были кратки. Срѣзалъ я конецъ палатки.
И, ворвавшись, безъ оглядки, ноги спяща схватилъ.
Головой о столбъ. Въ могилѣ. Тѣ, что двери сторожили,
Дивнымъ воплемъ возгласили. Конь мой вскокъ, что было силъ.

Цѣлый строй летѣль за мною. Но покрыть я былъ бронєю.
Мѣткой бую моею рукою тѣхъ, кто гонится востѣдъ.
Мчусь какъ вѣтеръ по равнинѣ. Вотъ ужь я въ моей твердынѣ.
Приходи кто хочеть нынѣ. Я не раенѣ. Входа нѣтъ.

Я послалъ къ моимъ дружинамъ вѣсть: «Сию въ гнѣздѣ орлиномъ.
Будемъ въ дѣйствиі единомъ. Приходите всѣ сюда».
Тѣ, что гналися за мною, ночью шли густой толпою.
Но, признавъ меня, безъ бою, отошли. Страшить бѣда.

Въ часъ, какъ мракъ въ разсвѣтъ смѣнился, я въ нарядѣ мой облачился,
На совѣтъ пословъ явился. Вѣсть царя ко мнѣ пришла.
Такъ гласило это слово: «Знаеть Богъ, что дорого
Сына я въ тебѣ родного видѣль. Нынѣ жь — бремя зла.

Для чего на домъ мой чинный пролилъ крови токъ невинной?
Если гнѣвъ не безпричинный, жаждалъ дочери моей, —
Для чего жь скрываться было? Нынѣ жизнь моя постыла.
Мнѣ бь твоя служила сила до конца преклонныхъ дней».

Я послалъ царю посланье: «Царь! Изъ бронзы изваянне
Мягче, чѣмъ мое дерзанье. Въ смертныхъ я огняхъ хранимъ.
Пусть событія плачевны. Будь судья, но будь не гнѣвный.
Не ишу руки царевны. Солнцемъ я клянусь твоимъ».

Сколько въ Индіи есть троновъ, знаешь ты. И власть законовъ,
Какъ вѣщанье громкихъ звоновъ, говоритъ: Наслѣдникъ — я.
Край и край, гдѣ связь сосѣдства, — знаю это съ малолѣтства, —
Черезъ тебя мое наслѣдство. Это собственность моя.

Я къ твоей зываю чести. Говорю тебѣ безъ лести: —
Сына нѣтъ, есть дочь. Невѣстѣ будетъ мужемъ и паремъ
Царь Хваразмша, — мнѣ взамѣну что-жъ осталось? Эту стѣну,
Я, владыка правый, въ пѣну обращу моимъ мечомъ.

Камни брошу я на камни. Дочь твоя? Да не нужна мнѣ.
А нужна въ удѣлъ страна мнѣ. Вторю. Индія — моя.
Каждый, кто мое отниметь, онъ немедля кару приметъ.
Мечъ съ земли его подниметь. Умертви. Но правъ здѣсь я.

14. СКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ ТАРИЭЛЬ УСЛЫШАЛЪ
ОБЪ ИСЧЕЗНОВЕННИ НЭСТАНЪ-ДАРЭДЖАНЪ.

ВСТЪ отправилъ я съ послами. Умъ мой полонъ
быть углями,
Сумасшедшими огнями неизвѣстности томимъ.
Со стѣны смотрю въ равнину. То узнать, что
вдругъ я стыну.
Но, узнавъ мою кручину, духомъ былъ
несокрушимъ.

Тамъ идутъ два пѣшехода. Я встрѣчаю ихъ у входа.
Съ ними шествуетъ невзгода. Рабъ и скорбная Асматы.
Разметалась волосами. Кровь лицомъ течетъ струями.
Не привѣтными огнями, не улыбкой полонъ взглядъ.

Вижу издали — съ бѣдою. Дрогнуль я и взята тоскою.
Восклицаю: «Что съ тобою? Что несешь огнистый часъ?»
Плачетъ горестнымъ рыданьемъ. Чуть лепечетъ восклицаньемъ.
«Небо дышетъ наказаньемъ. Ополчился Богъ на насъ».

Подхожу. Вопросъ мой снова: «Что случилось съ нами злого?
Если правда и сурова, говори». Рыданья вновь.
Скажетъ, вновь молчитъ, вздыхая. Бьется мука огневая.
Грудь моча и обагрятъ, со щечи струится кровь.

Наконецъ она сказала: «Для чего бы я скрывала?
Но тебѣ услады мало будетъ въ повѣсти моей.
Такъ имѣй же состраданье. И, узнавъ мое сказанье,
Прекрати мое страданье. Передъ Господомъ убей».

Какъ свершилось убіенье жениха, въ одно мгновенье
Поднялось вездѣ смятенье. Царь вскочилъ и оробѣлъ.
Чуеть, вѣсть подходитъ злая. Кличетъ онъ тебя, взывая.
Дома нѣтъ тебя. Вадыхая, какъ о томъ онъ пожалѣлъ.

Тутъ ему промолвилъ кто-то: «Онъ проѣхалъ за ворота.
И умножилась забота. Царь сказалъ: «Все видно мнѣ.
Дочь мою любить онъ, знаю. Пролить кровь, — несчастье краю.
Слишкомъ четко понимаю. Было сердце ихъ въ огнѣ».

Такъ клянусь же головою. Ту, кого зову сестрою,
Я, убивъ, землей покрою. Быль о Богѣ мой прикажь.
Какъ же дочь она взростила? Въ сѣти Дьявола вмѣстила.
Чѣмъ любовь ихъ такъ прельстила? Смерть предъ Богомъ ей сейчасъ».

Царь чтобъ клялся головою? Это рѣдкость. И грозою
Онъ не медлитъ надъ виною. Клятву молвилъ, — вотъ ударъ.
Божій врагъ ту клятву слышитъ. Онъ къ Даваръ той вѣстью дышитъ.
Даже въ небѣ все расслышитъ эта Каджи властью чаръ.

«Братъ мой клялся головою, что не буду я живою.
Эта вѣсть идетъ толпою». Говоритъ она, стена: —
«Эта гнѣвность безпричинна. Знаетъ Богъ, что я невинна.
Пусть же знаетъ, кѣмъ пустынна я, и кто убилъ меня».

Госпожа моя такая все была, какъ, убѣгая,
Видѣлъ ты, заря золотая. Ткань волшебная къ ней шла.
Тутъ Даваръ явила жало. Словъ такихъ я не слыхала.
А, распутная! Немало, ты, убійца, встрѣтишь зла.

Ахъ, развратная ты сила! Жениха зачѣмъ убила?
Для чего ты погубила вмѣстѣ съ нимъ и кровь мою?
Не погибну я напрасно. Будешь мучиться ужасно.
И его, что любишь страстно, отъ тебя я утаю».

Тотчасъ руку налагала, и за волосы таскала,
И побоямъ подвергала, въ кровь изранила Нэстанъ.
Стонетъ та, не видя свѣта, и вадыхаетъ безъ отвѣта.
Вся какъ въ кровь и синь одѣта. Не залѣчишь этихъ ранъ».

Вот Даварь терзать устала. Казни все в ней было мало.
Вмиг рабовъ она призвала. Каджи кликнула она.
Тѣ носилки приносили, наглы, держаки въ грубой силѣ,
Солнце въ скрытность помѣстили, и золотая плѣнена.

Мимо оконъ тѣхъ, что въ море смотреть, шествуютъ. Въ просторѣ
Скрылось солнце. Горе, горе! И промолвила Даварь: —
«Кто за то меня камнями не побьетъ? Сыта я днями». —
Ножъ схватила. Кровь струями. Нанесла себѣ ударъ.

Не дивишься, что жива я? Что копьемъ не пронзена я?
Коль со мною вѣсть такая, умоляю Богомъ я,
Этой жизни сбросить бремя, остановится пусть время,
Растопчи же злое сѣмя». Льется, льется слезъ струя.

Я сказала: «Сестра! Родная! Въ чемъ вина твоя? Какая?
Чѣмъ тебя я награждаю, долгъ отдать сумѣю своей?
Путь мой нынѣ — за золотою. Я землею и водою
Все за ней пойду». Душою сталъ я каменной скалой.

Ужась въ сердце палъ огромный, съ лихарадкою истомной.
Умъ безумный сталъ и темный. Молвить я: « Не умирай.
Если въ тишь уйдешь могилы, расточишь напрасно силы.
Лучше въ путь пойдемъ за милой. Кто со мной? Я въ дальній край».

Вотъ я въ латахъ, на конѣ я. Вотъ со мною, не робѣя,
Стая вѣрныхъ, нѣтъ вѣрнѣе. Ихъ число — сто шестьдесятъ.
Воля — строю боевому. Къ побережью путь морскому.
Ждетъ корабль. Ему какъ дому я съ отрядомъ смѣлыхъ радъ.

Волны бьются, волны въ спорѣ. Съ кораблемъ мы вышли въ море.
Долго плавалъ я въ просторѣ. Вель опросъ я кораблей.
Ничего не услышалъ я. Совсе разумъ потерялъ я.
Божій гнѣвъ такой снискалъ я, что забыть былъ въ безднѣ дней.

Мѣсяцъ къ мѣсяцу, двѣнадцать. Годъ прошелъ. И словно двадцать
Въ каждомъ мѣсяцѣ. Двѣнадцать! Не помогъ мнѣ даже сонъ.
Сны ее мнѣ не являли. Тѣ, что мнѣ въ моей опалѣ
Были вѣрны, погибали. Божья воля. Богъ — законъ.

Не идти же противъ Бога. Я скитался слишкомъ много.
Будетъ. Водная дорога замѣнилася землей.
Счетъ утратилъ я потерямъ. Сердцемъ сталъ я дикимъ звѣремъ.
Въ жизнь когда ужъ мы не вѣримъ, Богъ хранить отъ доли злой.

Лишь Асмать была на свѣтѣ. Съ ней дѣлиться могъ въ совѣтѣ.
Два раба еще. И эти души были отдыхъ мнѣ.
Гдѣ Настанъ? Гдѣ радость вагляда? Вѣсти нѣтъ. А знать мнѣ надо.
Слезы — вся моя отрада. Горько плакать въ тишинѣ.

15. СКАЗЬ О ТОМЪ, КАКЪ ТАРИЭЛЬ ВСТРѢТИЛЪ
НУРАДИНА ФРИДОНА НА МОРСКОМЪ БЕРЕГУ.

Ъ НОЧЬ простился я съ волнами. Берегъ былъ
покрытъ садами.
Зрѣлся нѣкій градъ. Скалами ходы выдолблены тамъ.
Видь людей мнѣ былъ постыльный. Въ сердцѣ пламень
съ полной силой.
Легъ я тамъ, гдѣ мракъ унылый тканъ развѣсилъ
по стволамъ.

Спалъ. И вновь напрасна пряха. Пробудился. Въ сердцѣ сажа.
Что узналъ въ скитаньяхъ? Даже нѣтъ мнѣ нити для путей.
Такъ томясь и такъ тоскуя, подъ деревьями лежу я.
Что же нынѣ предприму я? Слезы льются какъ ручей.

Крикъ я слышу ненарокомъ. Вижу, витязь мчится скокомъ.
На прибрежьи недалекомъ, онъ скакалъ во весь опоръ.
Видь его былъ гнѣвно страненъ. Мечъ былъ сломанъ, онъ былъ раненъ.
Смысль проклятій былъ туманенъ. Былъ угрозы полонъ взоръ.

Горячилъ онъ вороного. Мой теперь онъ. И сурово,
Словно вѣтръ, шумѣлъ онъ снова. Выражалъ кипучій гнѣвъ.
Съ нимъ бесѣдовать хочу я, и раба со словомъ шлю я: —
«Стой! Кому ты, негодуя, шлешь свои угрозы, левъ?»

Онъ не слышитъ слово это. Не приноситъ рабъ отвѣта.
Самъ, исполненный привѣта, на конѣ спѣшу къ нему.
«Стой! Отвѣтъ», кричу я смѣло, «въ чемъ твое, скажи мнѣ, дѣло?»
Что-то въ немъ ко мнѣ пропѣло. Вижу, нравлюсь я ему.

Бѣгъ сдержалъ онъ безпокойный. Глянулъ. «Боже! Тополь стройный
Здѣсь мнѣ явленъ въ мукѣ знойной». Говорить, склонясь къ коню: —
«Я враговъ считалъ козлами. Оказались нынѣ львами.
Съ вѣроломными ножами. Не успѣлъ надѣть броню».

«Часъ пришелъ отдохновеню», я сказала. «Подъ этой тѣнью
Ходъ дадимъ мы разсужденю. Дальше — власть меча ясна.
Не отступимъ». За собою я веду его. Красною
Восхищаюсь молодою. Прелестъ юнаго нѣжна.

Рабъ мой мастеръ былъ лѣченья, болямъ далъ онъ облегченье.
Обвязалъ всѣ пораненья, и извлекъ головки стрѣль.
Только кончились заботы, и его спросилъ я: «Кто ты?
Кто сводилъ съ тобою счеты?» О себѣ онъ возскорбѣлъ.

Молвилъ: «Ты кто, — я не знаю. Кто велѣлъ быть грустнымъ Маю?
Ликъ твой словно кликъ: «Сгораю!» Ты ущербная луна.
Солнце цвѣтъ обезопасить, — холоду розу не украсить.
Богъ свѣчу зачѣмъ же гасить, коль она Имъ зажжена?»

Этотъ градъ — Мульгхазанзари. Невеликъ онъ въ нѣжной чарѣ.
Но, когда въ красивомъ дарѣ все желанно, цѣненъ онъ.
Я съ тобой у самой цѣли: Вы здѣсь стали на предѣлѣ.
Здѣсь царю на самомъ дѣлѣ. Нурадинъ зовусь Фридонъ.

Часть отцу, другую дядѣ отдалъ дѣдъ, и быть бы въ ладѣ,
Это вѣрный путь къ отрадѣ. Дядѣ островъ данъ морской.
Ранень я его сынами. Тамъ охота. Между нами
Споръ былъ въ этомъ, длился днями. А за ссорой — этотъ бой.

Споримъ мы или не споримъ, въ этомъ, мыслилъ, только вздоримъ.
Я охотился надъ моремъ, переплывъ чрезъ зыбь валовъ.
Я не бралъ съ собой отряда. Пять загонщиковъ лишь надо.
Мнѣ охотиться — услада. Пять беру я соколовъ.

Силой быстрого порыва проплываю въ глубь залива.
Малый мось глядитъ красиво. Я не бралъ бойцовъ моихъ.
Что бы тамъ я дѣлалъ съ ними? Островъ полонъ былъ моими.
Съ зовомъ, съ криками лихими, былъ я тамъ отнюдь не тихъ.

Въ чемъ я видѣлъ развлеченье, усмотрѣли въ томъ презрѣнье.
Вижу цѣпь я окруженья. Нѣтъ дороги къ кораблямъ.
И двоюродные братья, — Чѣмъ такъ вызвалъ ихъ проклятья? —
Чѣмъ въ толпу ихъ могъ согнать я? — вижу, ѣдутъ биться тамъ.

Блескъ мечей я вижу четко. Я къ водѣ. Качнулась лодка.
Поплыла со мною ходко. Вражьи силы какъ приливъ.
Много ихъ, и ворогъ въ силѣ. Путь готовить мнѣ къ могилѣ.
Окружаютъ, окружили, все въ кольцо не заключивъ.

Но еще идутъ рядами. Тутъ не могутъ взять мечами, —
Тамъ достать хотятъ стрѣлами. Не дерзнуть лицомъ къ лицу
Встать со мной, я смѣло бился. Я на мечъ мой положился.
Мечъ иззубренный сломился. Стрѣлы все пришли къ концу.

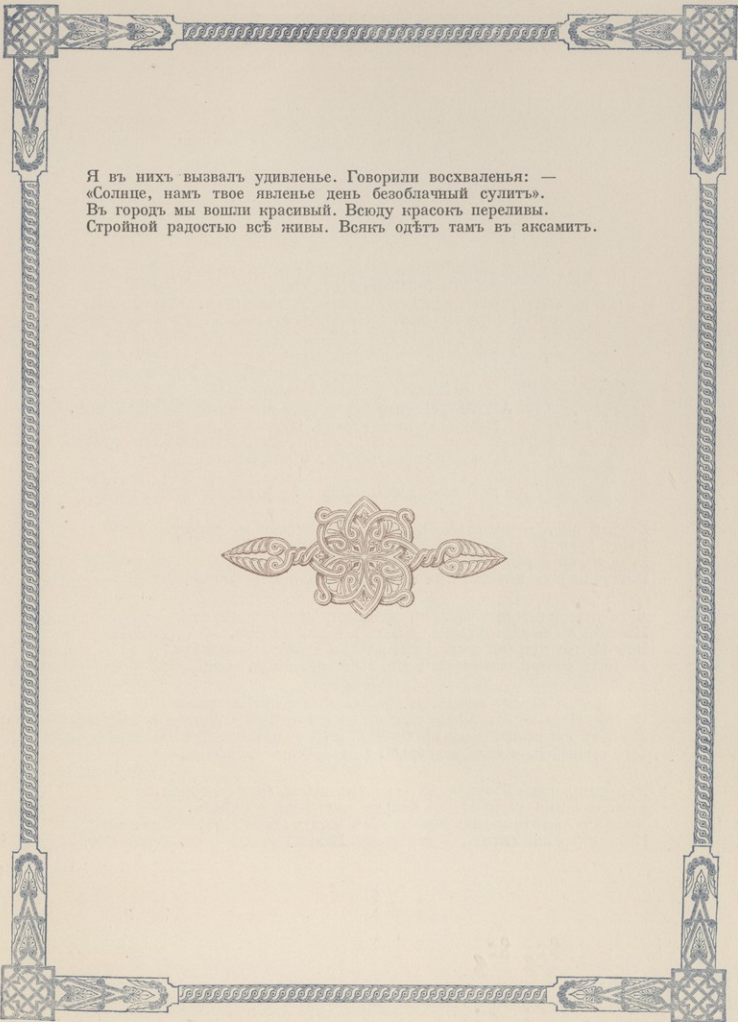
Ослабѣлъ въ неравномъ спорѣ. На конѣ я прыгнулъ въ море.
И поплылъ въ его просторѣ, изумленье возбудивъ.
Всѣхъ, что были тамъ со мною, всѣхъ густой своей толпою
Умертвили. Я жъ съ волною плыль, примчалъ меня приливъ.

Волѣ Божьей — быть свершенной. Кровь моя неотомщенной
Не останется. Смущенный взоръ ихъ встрѣтитъ новый мѣръ.
Будетъ утро ихъ — мученье. Будетъ вечеръ ихъ — смятенье.
Ихъ тѣла я брошу въ тлѣнье. Кликну вороновъ на пиръ».

Мнѣ тотъ юный полюбился. Сердцемъ я къ нему склонился.
«Этотъ случай п сть случился», я сказалъ. «Отмщене ждеть.
Знай, что я рука съ рукою противъ нихъ пойду съ тобою.
Двое, вызовемъ ихъ къ бою. Покараемъ въ свой чередъ.

Расскажу мой скитанья. Въ должный часъ повѣствованье
Встрѣтитъ должное вниманье. Но не часъ еще теперь.
Молвилъ: «Все есть, что мнѣ надо. Велика моя отрада.
Жизнь возьми — твоя награда. Буду твой до смерти, вѣрь».

Въ градъ вошли, идя равниной. Былъ онъ встрѣченъ тамъ дружиной.
Всѣ исполнились кручиной. Ранилъ всякъ себѣ лицо.
Прахъ, скорбя, они вздымали, и героя обнимали,
Мечъ избитый цѣловали, рукоятку и кольцо.

Я въ нихъ вызвалъ удивленья. Говорили восхваленья: —
«Солнце, намъ твое явленье день безоблачный сулить».
Въ городъ мы вошли красивый. Всяду красокъ переливы.
Стройной радостью всё живы. Всякъ одѣтъ тамъ въ аксамитъ.

16. СКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ ТАРИЭЛЬ ПОМОГЪ ФРИДОНУ,
И КАКЪ ОНИ ВОСТОРЖЕСТВОВАЛИ НАДЪ СВОИМИ ВРАГАМИ.

АЛЪЧИЛЪ свои онъ раны. Сталь здоровый и румяный.
Конь подь нимъ игралъ. И, рьяный, надѣвалъ ужъ
онъ броню.
Снарядили мы галеры. Строй бойцовъ, и строй
не сѣрый.
Всѣ безстрашные безъ мѣры, всѣ подобные огню.

Видѣтъ ихъ, — молится Богу. Приготовились въ дорогу.
Вижу вражью я берлогу. Тамъ готовы дать отпоръ.
Вотъ ладьи передо мною. Пнулъ одну своей ногою.
И покрылъ ее волною. Плачутъ, словно женскій хоръ.

Вотъ къ другой я обратился, за передь ладьи схватился.
Каждый въ морѣ очутился. Убивалъ я ихъ мечомъ.
Всѣ другіе устрашились. Поскорѣ въ пристань скрылись.
На меня смотря, дивились. Былъ восхваленъ я во всемъ.

Вотъ мы къ берегу пристали. На коняхъ враги насъ ждали.
Въ бой. Намъ въ битвѣ нѣтъ печали. Въ схваткѣ любъ былъ мнѣ Фридонъ.
Левъ въ сраженьи, токъ прибойный, солнце ликомъ, пламень знойный,
Онъ сражался, тополь стройный, весь красиво-разъярень.

Два двоюродные брата — въ немъ имъ гибель безъ возврата.
Были цѣлыми когда-то, — пальцы рукъ имъ обрубилъ.
Двое ихъ, ведеть двоихъ онъ. Въ боѣ быстръ, и въ схваткѣ лихъ онъ.
Каждый вражій витязъ, — стихъ онъ. Каждый нашъ, — онъ веселъ быть.

Прочъ бѣжали ихъ дружины. Мигъ не тратя ни единый,
Мы за ними, бьемъ ихъ въ спины. Камнемъ ноги пополамъ.
Кожу въ шкуру превратили. Смерть мнѣ, сколько изобилій.
Тамъ какіе клады были. Всѣ сокровища ихъ — намъ.

Мы сразили вражьи рати. Все, что было, было кстати.
Наложилъ Фридонъ печати на сокровища враговъ.
Двухъ зачинщиковъ раздора взялъ, и кровь ихъ пролилъ скоро.
Обо мнѣ какъ пѣсня хора: «Божій тополь, свѣтъ лѣсовъ».

Воротились въ градъ Фридона. Ото всѣхъ намъ честь поклона.
Вторягъ: «Въ васъ намъ оборона». Ликованье и почетъ.
Какъ бойца и властелина, и меня и Нурадина
Вознесли. «Въ васъ сердце львино. Кровь враговъ еще течеть».

«Царь Фридонъ!» кричатъ солдаты. Мнѣ: «Ты царь царей богатый!»
Всѣ покорностью обьяты. Вышній имъ владыка я.
Въ мрачномъ духѣ пребывалъ я. Розъ румяныхъ не срывалъ я.
Еще сназь имъ не сказалъ я. Повѣсть трудная моя.

17. СКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ ФРИДОНЪ СООБЩАЕТЪ
ТАРИЭЛЮ ВѢСТИ О НѢСТАНЪ-ДАРЭДЖАНЪ.

О ПРОСТРАНСТВАМЪ я зеленымъ разъ охотился
съ Фридономъ.
Мы цѣплялись горнымъ склономъ. Мысомъ къ морю
шелъ тотъ срывъ.
Мнѣ сказалъ Фридонъ: «Охота — до крутого поворота
Разъ пришла. Я видѣлъ что-то. Видь, который
быть красивъ».

Я спросилъ. Фридонъ отвѣтилъ: «Помню, день былъ очень свѣтель.
Въ морѣ что-то я замѣтилъ. Утка-ль тамъ въ морской волнѣ.
Соколъ, что-ли, вьется смѣлый. Я слѣдилъ за точкой бѣлой.
Шель мечтою въ тѣ предѣлы. Самъ сидѣлъ я на конѣ».

Проѣзжаю такъ утесомъ. Самъ дивуюсь я вопросомъ: —
«Что такъ быстро подъ откосомъ по волнѣ спѣшитъ морской?»
Я смотрѣлъ и я дивился. Смыслъ явленья не открылся.
Я понять напрасно тщился. Прйти я не зналъ такой.

«Звѣрь иль птица? Что такое? Поле мѣряетъ морское».
Паруса трепещуть въ зноѣ. Рулевой ладью стремить.
Я смотрю. Тамъ въ паланкингѣ — словно мѣсяцъ на картинѣ.
На девятомъ небѣ нынѣ быть бы долженъ этотъ видъ».

Дѣва, свѣтовъ всѣхъ свѣтлѣе. Что же дальше? Жду, нѣмѣя.
Два раба, смолы чернѣе, на песокъ ужъ съ дѣвой той.
Длинные волосы густые. Съ чѣмъ сравню красы такія?
Блески молній сны пустые передъ этой красотой».

Въ сердцѣ дрогнуло томленье. Полюбилъ я то явленье,
Эту розу внѣ сравненья, что какъ будто сорвана.
Мыслью: «Въ скокъ пущу лихого моего я вороного.
Прежде чѣмъ достигнетъ слово, тамъ я буду, гдѣ она».

Съ сердцемъ я своимъ не спорилъ. Вороного вмгъ пришпорилъ.
Въ тростникахъ былъ шумъ. И вторилъ къ валу валъ. Простылъ ихъ слѣдъ.
Все прибрежье озирая, вижу, гаснетъ тамъ златая,
Путь свой къ дали продолжая. Я горю. И гдѣ мой свѣтъ?»

Вотъ какой былъ сказъ Фридоны. Въ сердцѣ, тамъ, гдѣ все спалено,
Новый вспыхнулъ пламень стона. Внизъ я бросился съ коня.
Съ прахомъ скорби я сравнился. Кровью щекъ я обагрился.
Смерть мнѣ! Свѣтъ мой здѣсь свѣтился, и горѣлъ — не для меня!

Въ сердцѣ друга удивленье. Странно это поведенье.
Все-жъ въ немъ сильно сожалѣнье. Слезы капаютъ изъ глазъ.
Блещутъ очи жемчугами. И, какъ сынъ отца, словами
Ласки — свѣтитъ мнѣ лучами, чтобъ смягчить мнѣ трудный часъ.

Воскликаетъ онъ, вздыхая: «Что сказалъ я, огорчая
Такъ тебя? О, доля злая! Въ этомъ былъ безуменъ я.
«Брось! Бѣда въ томъ не большая», я сказала. «Луна златая,
Мой огонь. И, въ немъ сгорая, вотъ, скажу, въ чемъ боль моя».

Все Фридону говорю я. Отвѣчаетъ онъ, горя: —
«Сгдѣ свой въ разумъ не возьму я. Что такое я сказалъ?
Царь Индійскій ты всеильный. Что-жъ ты путь избралъ столь пыльный?
Трогъ тебѣ, дворець обильный, твой блестящій каждый залъ».

Говорить: «Коль волей Бога кипарисъ ты, пусть тревога
Ранить сердце, пусть въ немъ строго повернется лезвие, —
Самъ о насъ Онъ порадуется, громы съ неба онъ отвѣдетъ,
Въ горѣ счастье возлелѣетъ, отведетъ свое копые».

Мы пошли домой въ печали. Во дворцѣ мы възсѣдали.
Я сказалъ: «Изъ дальней дали я пришелъ къ тебѣ сюда.
Ты одинъ моя подмога. Нѣтъ такихъ другихъ у Бога.
Не страшна съ тобой дорога. Ты мнѣ свѣтишь какъ звѣзда».

Ты горюшь как свѣтъ жемчужный. Въ часъ тебя я самый нужный
Повстрѣчалъ. Мы стали дружны. Дай теперь мнѣ своей совѣтъ.
Что теперь мнѣ сдѣлать надо, чтобы ей и мнѣ отрада
Засвѣтилась свѣтомъ взгляда? Ждать во мнѣ ужъ силы нѣтъ.

Онъ сказалъ: «Къ тебѣ участие выражать — мнѣ только счастье.
Ты мнѣ свѣтъ среди ненастья. Царь Индійскій, ты великъ.
Долей счастливъ я такую. Не смѣю ее съ иною.
Вотъ, стою передъ тобою, рабъ и вѣчный твой должникъ.

Этотъ городъ путь-дорога кораблямъ. Ихъ видимъ много.
Здѣсь имъ отдыхъ и подмога. Съ ними много и вѣстей.
Дастъ ихъ множество морское что-нибудь тебѣ такое,
Чтобъ бальзамъ пролился въ зноѣ, какъ конецъ тоски твоей.

Моряковъ, бывалыхъ въ морѣ, мы пошлемъ искать въ просторѣ.
Мы развѣять сможемъ горе, и узнаемъ, гдѣ луна.
А пока, скрѣпи терпѣнье. Не на вовсе же мученья.
Будетъ имъ и завершенье. Радость будетъ суждена.

Вотъ и люди передъ нами, что направлятъ бѣгъ морями.
«Вы плывите съ кораблями тамъ, гдѣ свѣтъ, и тамъ, гдѣ темь.
Вы исполните хотѣнье сердца, гдѣ любви горѣнье.
Тысячу принявъ лишенья, а не восемь или семь».

Онъ велѣлъ: «Ищите честно. Гдѣ есть пристань, повсемѣстно.
Можетъ, что-нибудь извѣстно гдѣ-нибудь», сказалъ Фридонъ.
Ждать мнѣ было утѣшенье. Тяжкимъ пыткамъ облегченье.
Зналъ я даже наслажденье. Нынѣ этимъ пристыженъ.

Тронъ велѣлъ онъ мнѣ поставить, чтобъ меня сильнѣй прославить.
Говорилъ: «Къ чему лукавить? Не видалъ, кто ты такой.
Царь Индійскій, чѣмъ возможно угодить тебѣ неложно?
Кто не хочетъ безтревожно быть во всемъ твоимъ слугой?»

Длить - ли мнѣ повѣствованье? Были тщетны всѣ исканья.
По пустымъ мѣстамъ скитанья, — руки пусты каждый разъ.
Вѣсти нѣтъ, и я тоскую. И плывутъ въ страну другую.
Нѣтъ. Утратилъ я златую. Слезы льютъ и льютъ изъ глазъ.

Так Фридону возглашаю: «Нѣтъ тоскѣ конца, ни краю.
Говорить о томъ — страдаю. Мнѣ свидѣтель въ небѣ Богъ.
Безъ тебя вся жизнь мнѣ бремя, день и ночь — ночное время.
Вижу, цѣлко злое сѣмя. Радость — гдѣ? Все сердце — вздохъ».

Больше вѣсти ужъ не жду я, Что жь мнѣ медлить здѣсь, тоскуя?
Отпусти меня, прошу я. Позволенья я молю».
Услыхалъ Фридонъ, и въ слезы. Окропилъ онъ кровью розы.
«Нынѣ дни мои — морозы. Больше жизнь я не люблю».

Онъ дасть мнѣ имя брата. И для каждаго солдата
Мой уходъ — печаль, утрата. На колѣни предо мной.
Плачутъ всѣ, я съ ними плачу. Сколькихъ здѣсь друзей утрачу.
«Не покинь. Намъ дай удачу. Дай всю жизнь намъ быть съ тобой».

Я промолвилъ къ нимъ: «Разлука мнѣ, какъ вамъ, тоска и мука.
Сердце вамъ мое порука — нѣтъ мнѣ жизни безъ нея.
Какъ я плѣвную покину? Какъ въ огнѣ моемъ остыну?
Всѣ преграды я содвину. Долженъ въ путь. Хоть на копье».

Тутъ Фридонъ для дорогого брата — ласковое слово,
И приводитъ вороного. Молвить: «Глянь-же, твой онъ, конь.
Кипарисъ ты солнцеликій, даръ возьми, хоть невеликій.
Будетъ любовь тебѣ, онъ, дикій и проворный какъ огонь».

Провожалъ меня. Съ слезами разставались. И устами
Цѣловались. И сердцами всѣ нежливими грустя,
Не словами, а на дѣлѣ, цѣлымъ войскомъ тамъ скорбѣли.
Мы, прощаясь, такъ горѣли, какъ родитель и дитя.

Я одинъ ушелъ въ скитанья. Продолжалъ вездѣ исканья.
Я не вынулъ признанья у земли въ путяхъ потерь.
Прахъ молчалъ, молчало море. Я съ Судьбой въ напрасномъ спорѣ.
Въ тщетномъ съ кѣмъ-то разговорѣ. Обезумѣлъ я какъ звѣрь».

Я сказалъ себѣ: «Не буду тщетно я скитаться всюду.
До меня пути нѣтъ чуду. Буду жить среди звѣрей».
Семь или восемь словъ съ рабами и къ Асматы: «Я васъ скорбями
Утомила. Вы сыты диями. Сыты горестью моею».

Разорвите жъ эти нити. Не со мною услать ищите.
Плачу горько, не глядите. Слезы пусть текутъ изъ глазъ». Чуть услышали, въ печали: «Горе! Горе», миѣ вскричали. Что уста твой сказали! Что промолвилъ ты до насъ!

О другомъ тобѣ господинѣ стали думать мы отнынѣ.
За тобой хоть по пустынѣ, за конемъ, гдѣ знакъ подковъ.
Лишь съ тобой, и прочь сомнѣнья. Ты прекрасное видѣнье». Кто извѣдалъ власть мученья, онъ своихъ не слышитъ словъ.

Рѣчью слугъ я такъ смутился, что отъ нихъ не отлучился.
Но въ пустыню удалился отъ людей, какъ отъ чумы.
Лучше, мнилъ я, быть съ козлами и съ оленьими стадами.
Я бродилъ одинъ лугами и взбирался на холмы.

Лучше птицы, въ ихъ напѣвѣ. Рядъ пещеръ, гдѣ были Дэви,
Встрѣтилъ, — въ схваткѣ, въ дикомъ гнѣвѣ, духовъ всѣхъ я истребилъ.
Противъ нихъ былъ въ полной силѣ. Но рабовъ они убили.
Латы ихъ не защитили. Дождь Судьбы меня кропилъ.

Видишь, братъ, стѣсненъ я днями. Безъ ума брожу полями.
Обольюсь порой слезами. Рухну, тяжкій, словно мѣдь.
Эта дѣва лишь со мною. Той же горечью больною
Все по ней скорбить душою. Что осталось? Умереть.

Тускло все, темно и сѣро. Словно барсъ или пантера
Миѣ она. Въ нее вся вѣра. Эта шкура — миѣ какъ гербъ.
Эта женщина, вздыхая, видитъ — скорбь какъ ночь густая.
Я какъ колосъ, увядая. Тщетно рядомъ острый серпъ.

Объ утраченной тоскою. Гдѣ найду зарю золотую?
Жизнь влачу какъ кару злую. Звѣрь, живу среди звѣрей.
Смерть была бы миѣ желанна. Смерть одна лишь необманна.
Смерть я кличу постоянно. Нѣтъ ея въ темнотахъ дней».

Онъ лицо свое терзаетъ. Щеки - розы разрываетъ.
И рубинъ преображаетъ онъ въ янтарь, тоской томимъ.
Восплицаетъ: «Смерти, Боже!» Автандиль тоскуетъ тоже.
Сердце съ сердцемъ въ пылкѣ схоже. Дѣва плачетъ передъ нимъ».

Таріэль, Асмать смягченный, Авандилу, огорченный,
Говорить: «Тоски безсонной нынѣ знаешь ты рассказъ.
Рассказать все было надо. Брату въ томъ была отрада.
Въ путь теперь. Твоя услада ждетъ тебя. И близьъ часть».

Авандиль сказалъ: «Разстаться мнѣ съ тобою — съ горемъ знаться, —
И слезами обливаться. Брошу брата моего.
Но, хотя заплачу снова, — не сердчай на это слово, —
Толку нѣтъ въ томъ никакого для терзанья твоего.

Если врачъ — пускай похвальный — самъ узналъ недугъ печальный,
Тутъ, въ нуждѣ многострадальной, онъ другого позоветь.
Скажетъ, въ чемъ его горѣнье, гдѣ страданья и мученья.
И другой найдетъ лѣченье — лучше, чѣмъ онъ самъ найдетъ.

Слушай, крикъ напрасенъ шумный. Ты меня не какъ безумный,
Слушай мудро. Въ многодумной ты провѣрѣ все провѣрь.
Тотъ, кто сердцемъ столь свирѣлый, въ дѣлѣ всѣ разрушить скрѣпы.
Къ той, чи чары нѣжно-лѣпы, я, горя, пойду теперь.

На нее взглянуть хочу я, сердце милой подтвержу я,
Что узналъ, ей расскажу я, и любви услышу вздохъ.
А тебя прошу какъ друга, въ томъ взаимная услуга,
Будемъ помнить другъ про друга, небо въ Небѣ, Богъ есть Богъ.

Если дашь мнѣ обѣщанье претерпѣть здѣсь ожиданье,
Обѣщаюсъ всѣ скитанья предпринять я для тебя.
Пусть томлений будетъ много, въ честь тебя легка дорога,
И найду я, съ волей Бога, ту, къмъ ты горшишь, любя.

Онъ отвѣтилъ: «Чужестранный, любишь ты меня, желанный,
Какъ въ любви необманной любить розу соловей.
Какъ же я тебя забуду? Ты чудесенъ, вѣрю чуду.
Богъ дозволить, снова буду съ юной прелестью твоей.

Если ты со мной, алоэ, я взгляну въ лицо живое, —
Сердцемъ въ поле я пустое для чего къ козламъ пойду.
Коль солгу передъ тобою, строгимъ будь мнѣ Богъ судьбою.
Ты придешь, и колдовскою чарой прочь умчишь бѣду».

Клялись тутъ они сердцами, братья съ мудрыми словами
И безумными умами, гиаинты съ янтарежь.
Дружбы пламенемъ палимы, говорили побратимы.
Ночь пока струила дымы, были все часы вдвоемъ.

Таріэль до Автандила. Тотъ къ тому. Ихъ грусть роднила.
Утро свѣты засвѣтило, и прощались двѣ тоски.
Таріэль былъ весь взметеннымъ. Автандилъ былъ огорченнымъ.
Съ сердцемъ ѣхалъ онъ стѣсненнымъ, путь держа чрезъ тростники.

Провожая Автандила, и Асмать его молила,
Заклиная, говорила: «Твой пріѣздъ — всегда пора».
Пальцы кверху поднимала. Было горькихъ слезъ немало.
Какъ фіалка увядала. Тотъ сказалъ: «Вернись, сестра».

Правдѣ вѣрь, не вѣрь обману. Замедляться тамъ не стану.
Онъ же да не мучитъ рану. Не пускай блуждать его.
Чрезъ два мѣсяца — свиданье. Коль промедлю ожиданье,
Въ томъ постыдное дѣянье. Знакъ несчастья моего».

18. СКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ АВТАНДИЛЪ ВОЗВРАТИЛСЯ
ВЪ АРАВІЮ ПОСЛЪ ТОГО, КАКЪ ОНЪ НАШЕЛЪ
ТАРИӘЛЯ И РАЗСТАЛСЯ СЪ НИМЪ.

УТЬ держа въ далекой дали, онъ конечно былъ
въ печали.
Руки розы разрывали, и едва онъ могъ вздохнуть.
И хотъ ѣхалъ онъ къ побѣдамъ, путь кровавый
звѣрю вѣдомъ.
Звѣрь лизалъ ту кровь, и слѣдомъ продолжалъ
за юнымъ путь.

Прибыль къ мѣсту рааставанья. Дождались бойцы свиданья.
Началось ликованье. Къ Шермадину въ тотъ же часъ
Вѣсти шлютъ, бѣгутъ проворно: «Безъ кого все было черно,
Прибыль, день горитъ узорно, солнце вновь горитъ для насъ».

Онъ идетъ къ нему до встрѣчи. Говоритъ такія рѣчи:
«Истребитель въ ярой сѣчѣ! Это ты и ты не тѣнь?»
Руки онъ ему пѣлуя, молвить: «Сплю или не сплю я?
Живь, здоровъ ты, и, ликуя, къ намъ пришелъ какъ яркій день».

Витязь низко поклонился. Ликомъ къ лику приложился.
«Случай злой здѣсь не случился. Слава Богу!» говоритъ.
Праздникъ встрѣчи длится, строенъ. Цѣловали, кто достоинъ.
Всякъ сановный, всякій воинъ, всѣ ликуютъ, свѣтлый видъ.

Восклицаютъ: «Слава Богу!» Всея толпою въ путь-дорогу
Къ новозданному чертогу. Видѣть всѣ хотятъ его.
Онъ за свѣтлый пиръ садится. Гордый, смѣлый, веселится.
Сколько словъ ни сгромоздится, не опишешь здѣсь всего.

Шермадину повѣствуетъ, какъ нашель того, кто чуеть
 Въ сердцѣ жало, и тоскуеть. И, глаза полузакрывъ,
 Говоритъ о Таріэлѣ: «Онъ мнѣ солнце, цвѣтъ въ апрѣлѣ.
 Въ саклѣ бѣдной, во дворцѣ-ли, безъ него я живъ не живъ».

Знакъ являя должной чести, Шермадинъ во всемъ съ нимъ вмѣстѣ,
 Говоритъ о домѣ вѣсти: «Твой отъѣздъ былъ скрытъ отъ всѣхъ.
 Все — какъ далъ ты повелѣнье». Въ зтотъ день — отдохновење.
 Пиръ съ друзьями, развлечење и безоблачность утѣхъ.

На конѣ ужъ онъ съ зарею. Шермадина предъ собою
 Выслалъ съ вѣстію благою: «Возвѣсти, что я, моль, тутъ». —
 Быстроты исполненъ вспѣвнй путь въ три дня десятидневнй.
 Узритъ левъ красы царевны, что такъ солнечно цвѣтуть.

Вѣсть онъ шлетъ царю: «Властитель! Мощнй, гордый повелитель!
 Осмотрительнй служитель — предъ величествомъ твоимъ.
 Самъ себѣ я былъ презрѣннй, не узнавъ, кто тотъ забвеннй.
 Нынѣ — съ вѣстію полноцѣннй, весель, здравъ и невредимъ».

Съ Ростѣваномъ солнце рядомъ. Шермадинъ къ нему съ докладомъ: —
 «Витязь нѣкй встрѣченъ взглядомъ. Все развѣдалъ Автандилъ».
 И промовилъ царь могучй: «Вотъ Господь развѣялъ тучи.
 Я о томъ въ тревогѣ жгучей Бога ревностно молилъ».

Къ Тинатинѣ, къ зарѣ безночной, обращене съ вѣстію точной: —
 «Онъ приходитъ въ часъ урочнй. Вѣсти свѣтлыя несетъ».
 Отъ нея — огонь привѣта, ярче солнечнаго свѣта.
 Даръ богатый въ знакъ отвѣта. И одѣтъ ей весь народъ.

На коня Ростѣнъ садится, встрѣчу витязя стремится.
 Солнцеликй не затмится, расточивъ свои огни.
 Встрѣча — радость. Два верховныхъ полны свѣтлыхъ чувствъ любовныхъ.
 И толпа кругомъ сановныхъ. Словно пьяные они.

Предъ минутою сближења витязъ прочъ съ коня въ мгновење.
 Воздасть царю почтене. Отмѣчая торжество,
 Царь дасть ему лобзанье. И въ дворецъ для пиrowанья.
 Тамъ пресвѣтлое собранье, чтобъ привѣтствовать его.

Солнцу солнць отъ лъва надъ лъвами поклоненье. Хрусталами
Розощѣтными огнями свѣтитъ нѣжная краса.
Этимъ нѣжнымъ токомъ свѣта какъ зарей она одѣта.
Ихъ жилище, нѣтъ, не это, — ихъ обитель небеса.

Радость пира свѣтъ - картина. Ласковъ ликъ у властелина.
Любить витязя какъ сына. И на свѣжѣе свѣга
Нѣжно падаютъ снѣжинки, и на розѣ дрожь росинки.
Но обильнѣй, чѣмъ слезинки, рассыпаеть жемчуга.

Пили, ѣли, упивались. Гости хмѣльные разстались.
Лишь сановные остались, внемлютъ витязю кругомъ.
Онъ къ царю, на вопрошанья, говоритъ про испытанья,
Также все, что въ дняхъ скитанья онъ узналъ о странномъ томъ.

«Не дивись, что, повѣствуя, много разъ о немъ вадохну я.
Съ солнцемъ смѣлаго сравню я, съ солнцемъ въ зыби облаковъ.
На него едва кто глянетъ, безъ ума сейчасъ же станеть.
Ахъ, далеко онъ, и вянетъ, диво-роза средъ шиповъ.

Если рокъ сразить обманомъ, и откроеть сердце ранамъ,
Станеть здѣсь кристалль шафраномъ, и терновникомъ тростникъ».
Щеки тугъ у Автандила влага грусти оросила.
Разказалъ онъ все, какъ было, какъ къ безумцу онъ проникъ.

«Тамъ, гдѣ Дэви обитали, пребываетъ онъ въ печали.
Вѣрность дѣвы, въ этой дали, служить витязю въ скорбяхъ.
Въ шкуру барсову одѣтый, бархатъ, золото, и свѣты
Презираетъ, — лишь согрѣтый въ пожирающихъ огняхъ».

Вотъ, предметъ для тоскованья, кончилъ онъ повѣствованье.
Къ зорямъ нѣжного сіянья, взоръ его стремится къ ней.
Силу рукъ его хвалили. Дивовались грустной были.
«Дни тебя не истребили, — истребитель ты скорбей».

Тинатинъ въ вѣстяхъ услада. Ысть и пить сегодня рада.
Плѣвникъ принялъ ласку взгляда. Онъ вошелъ въ ея покой.
Путь тревожный былъ не вѣченъ. Онъ пріязнымъ словомъ встрѣченъ,
Солнцеликою отмѣченъ. Полонъ радости живой.

Витязь гордь, горить очами, полонъ нѣжными рѣчами.
Левъ, бродилъ въ поляхъ онъ съ львами, и утратилъ цвѣтъ лица.
Быль онъ витяземъ единымъ, драгоцѣннѣйшимъ рубиномъ,
Встрѣтилъ сердце сердцемъ львинымъ, только такъ живутъ сердца.

Смѣло солнце на престолѣ. Цвѣтъ алоэ въ нѣжной холѣ.
Юный стебель въ райской волѣ. Окропилъ его Ефратъ.
Брови дугами подъяты. И волосъ блестятъ агаты.
Я бѣ Аюнянъ — тамъ богаты краснорѣчьемъ — слушать радъ.

Самъ хвалю — и не умю. На скамьѣ онъ сѣлъ предъ нею,
Предъ владычицей своею. Любъ имъ стройный разговоръ.
Говорятъ они красиво. Ихъ бесѣда такъ учтива.
«Встрѣтивъ бѣды терпѣливо, ты не тщетно шель въ просторъ?»

Онъ отвѣтилъ: «Коль хотѣнье знаетъ счастье достиженья,
Говорить про огорченье — вспоминать о днѣ, что былъ.
Мною найденъ тополь дальный, что омытъ рѣкой кристальной.
Роза — ликъ его печальный, цвѣтъ онъ, вянущій безъ силъ.»

Кипарисомъ тонкостаннымъ, въ тоскованьи непрестанномъ,
Онъ во снѣ какомъ-то странномъ. Потерялъ онъ свой хрусталь.
Нѣтъ пути соединенья. Въ пылкѣ вѣчной онъ горьня.
Вмѣстѣ съ нимъ терплю мученья, и о немъ моя печаль.

Разказалъ онъ всѣ печали, что его повсюду ждали
Въ дни скитаній въ чужедали. Разказалъ, какъ Богъ судить,
Чтобъ нашеть, чего искалъ онъ. «Жизнь и мѣръ, все отвергалъ онъ.
Средь звѣрей, средь дикихъ скалъ онъ — словно гѣнь среди могилъ.»

Не проси, чтобы хваленя я сказалъ для разумѣнья
Ворожащаго видѣнья. Глянъ — и въ мѣрѣ лучше нѣтъ.
Смотришь, нѣтъ, не цвѣтъ шафрана, — роза, пусть и не румана.
И фіалки средь тумана, въ цѣлый свяжешь ихъ букетъ.»

Все, что зналъ, сказалъ подробно. Какъ Асмаъ въ скорбяхъ беззабобна.
«Барсу дикому подобно, ходитъ онъ, и слѣдъ за нимъ.
Свѣтъ его лишь сумракъ сѣрый. Домъ его лишь глубь пещеры.
Тамъ страдаетъ онъ безъ мѣры. Жизнью каждый здѣсь томимъ.»

Услыхавъ повѣствованье, дѣва молвила: «Желанье
Сердца — вотъ». И въ ней сіянье. Полнолунная она.
Возвѣщаетъ: «Какъ привѣчу? Какъ на зовъ такой отвѣчу?
Чѣмъ, такую вѣдавъ сѣчу, рана будетъ смягчена?»

Отвѣчалъ: «Того намъ трудно знать, въ комъ сердце безразсудно.
Мы страдаемъ обоюдно. Хочетъ онъ горѣть борьбой.
Не его въ томъ назначенье. Обѣщалъ я возвращенье.
На себя принять лишенья. Солнце, клялся я тобой.

Хоть бы тяжкія услуги, другу помощь только въ другѣ.
Сердце — сердцу. Черезъ вьюги вѣрный путь и мость любовь.
Но печаль ложится дымомъ — видѣть грусть въ лицѣ любимомъ.
Снова быть Судьбой гонимымъ, по тебѣ томиться вновь!

Безъ него ничто отрада. Въ самомъ счастьи капли яда.
«Все, что сердцу было надо», нить ведетъ она словамъ.
«Найдена тобой утрата. И любовь твоя не смята.
Цвѣтъ въ ней, полный аромата, Сердцу я нашла бальзамъ.

Какъ природѣ, намъ знакомы — солнце свѣтлое и громы.
То мы къ радости влекомы, то бываетъ сердцу жаль.
Въ небѣ нѣтъ грозы и злобы, нѣтъ угрозъ земной утробы,
Въ мірѣ радость, — для чего бы стала нѣжить я печаль.

Клятву молвилъ ты неложно, измѣнить ей невозможно.
Сердцу друга, что тревожно, посвяти полеть огня.
Знай незнаемое нынѣ. Излѣчи его въ кручинѣ.
Но въ какой мнѣ быть пустынь! Свѣтъ уходитъ отъ меня!»

Витязь молвилъ: «Я съ тобою, — стало семь скорбей съ восьмою.
Надъ горячею водою не согрѣется морозъ.
Дуй не дуй, а быть тутъ снау. И занать раскинетъ ризу, —
Хоть цѣлуетъ солнце снизу, росы тугъ, какъ капли слезъ.

Быть съ тобой — съ собой быть въ боѣ. Прочъ иди — терзанье злое,
Въ десять сотенъ разъ лихое. Въ сердце стрѣлы бьютъ какъ въ цѣль.
Вѣтеръ ягучій вѣетъ въ очи. Стала жизнь моя короче.
Полны горя зрѣютъ ночи, и тоска моя постель.

Слышалъ я твое реченье. Сердцемъ понялъ повелѣнье.
Въ розѣ нѣжное горѣнье, но растутъ и острія.
Солнце, будь моею зарею, и, прощаяся со мною,
Дай мнѣ знакъ, чтобы живою жилъ въ пути надеждою я».

Онъ настойчивъ, не докучный, витязь въ горести разлучной.
Звукъ Грузинской рѣчи звучной на устахъ его какъ медь.
Благо къ благу, око въ око. Слово нѣжнаго урока
Говорить. Вздохнувъ глубоко, дѣва жемчугъ отдастъ.

Что нѣжнѣй? Прижать агаты до рубиновъ. И богаты
Отъ алое ароматы. Строенъ воатъ — кипарисъ.
Возрости въ саду ихъ рядомъ. Но скажи «Прости» усладамъ —
Кто разлучнымъ смотреть взглядомъ, гдѣ дороги разошлись.

Весь восторгъ ихъ — въ долгомъ взорѣ. И разстались. Въ сердцѣ горе.
Если между ними море, не нагнать струѣ струю.
Солнце красное палимо. Молвить скорбный какъ изъ дыма: —
«О, Судьба ненасытима, испивая кровь мою».

Витязь, грудь свою терзая и удары повторяя,
Плачетъ. Сердце, полюбляя, говоритъ въ себѣ: «Горю!»
Если солнце скрылось въ тучѣ, темны доли, темны кручи.
И разлуки мракъ тягучій ночь ведетъ, а не зарю.

Кровь и слезы льютъ щеками, точатъ тропки ручейками.
«Солнце», молвить, «облаками затянuloсь предо мною.
Жертва пусть моя невольна, солнце все же недовольно.
О, дивлюсь, какъ въ сердцѣ больно. Но хочу я жить — тоской.

Райскимъ быть, вчера лишь, дровомъ, быть овѣяну напѣвомъ,
И Судьба съ внезапнымъ гнѣвомъ ножъ вонзаетъ, счастья нѣтъ.
Гнетъ тоски какъ тяжесть гири. Я въ сѣтяхъ. Огонь все шире.
Такъ идутъ дороги въ мирѣ. Миръ есть сказка. Миръ есть бредъ!»

Брызги слезъ, дрожанье, лепетъ. Въ сердцѣ вздохъ, и стонъ, и трепеть.
Часъ разлуки, чуть зацѣпить, онъ идетъ до дна сердець.
Быть съ любимой — жизнь золотая. Быть въ разлукѣ — ночь глухая.
Ахъ, начало пеленая, саванъ вѣтъ всегда конецъ.

У себя, въ своемъ покоѣ, витязь въ пламени и зноѣ.
Но лицо ея живое гдѣ-то близко. Дышетъ свѣтъ.
Чувствъ лишился. Сердце таетъ. Тополь въ стужѣ, увядаеъ.
Ахъ, безъ солнца не блистаеъ, а темнѣеъ розоцвѣеъ.

Что есть сердце человекѣ? Ненасытнѣйшій калѣка.
Въ свѣтъ идеть, и въ тѣмѣ отъ вѣка. Путь невидящій стѣпецъ.
Все въ превратномъ цѣпенѣеъ. Жить для жизни не умѣеъ.
Даже смертью не владееъ. Острія плететь въ вѣнецъ.

Съ сердцемъ такъ онъ споръ сердечный велъ въ минутѣ скоротечной.
Жемчугъ взялъ, и свѣтъ тотъ млечный приложить къ губамъ былъ радъ.
Этотъ знакъ душѣ былъ нужень. Умъ въ тоскѣ обезоружень.
Слезы леть онъ до жемчужинъ, токомъ свѣтлымъ, какъ Ефратъ.

Ко двору зовуть съ зарею. Бодрой онъ пошелъ стопою.
Встрѣченъ людною толпою. Онъ склоняетъ гордый станъ.
Царь одѣлся для охоты. Да развѣются заботы.
Утро въ блескахъ позолоты. Кличетъ рогъ и барабанъ.

Повѣсть этой пышной были какъ разскажешь въ полной силѣ?
Всѣхъ литавры оглушили. Слово на ухо кричи.
Солнце скрыто соколами. Своры псовъ бѣгутъ полями.
Рдѣеъ пурпуръ какъ цвѣтами, — словно рѣчь вели мечи.

Были ловли, были крики. Возвращаются владыки.
Всѣ князья здѣсь, свѣтлолики. Сѣлъ Ростанъ, сіяетъ взоръ.
Былъ шатеръ воздвигнуть красный не одинъ съ игрой атласной.
Арфы съ лютней — звукъ согласный. Полнозвучный грянул хоръ.

Витязь рядомъ съ властелиномъ. Такъ отецъ бываетъ съ сыномъ.
Ихъ кристаллъ горитъ съ рубиномъ. Вспышки молній — свѣтъ зубовъ.
Кто достоинъ — въ приближеньи внемлетъ сказу о томлени.
А дружины — въ отдалени. Таріэль — надъ вязью словъ.

Витязь съ горечью заботы возвращается съ охоты.
Лучъ одинъ въ его темноты проникаетъ, — нѣжный ликъ.
То онъ встанетъ, то ложится. Отъ безумныхъ сонъ стремится.
Если сердце загорится, кто придетъ на этотъ крикъ.

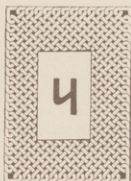
Легь и молвить: «Утѣшенье въ чемъ найду для огорченья?
Я въ печали разлученъ. Ты въ далекой сторонѣ.
Райскій стебель, цвѣтъ достойный, надъ волной всегда прибойной
Ты тростникъ свѣтло-спокойный. Появись мнѣ хоть во снѣ».

И течетъ слеза, другая. Снова сердце унимая,
Молвить: «Мудрость золотая — въ томъ, что нужно — такъ терпи».
Если въ Богъ намъ отрада, и печаль принять намъ надо.
Не томи напрасно взгляда. Ночь сгустила сумракъ. Спи».

Снова къ сердцу увѣщанье: «Знаю, смерть твое желанье.
Но — живи и знай терзанье. Не жалѣй для жертвы кровь.
И, боясь чужого зрѣнья, ты скрывай свое горѣнье.
Недостойно есть любленья выявлять свою любовь».

19. СКАЗЬ О ТОМЪ, КАКЪ АВТАНДИЛЬ ОБРАТИЛСЯ
СЪ ПРОСЬБОЙ КЪ ЦАРЮ РОСТЭВАНУ, И О ТОМЪ,
ЧТО СКАЗАЛЪ ЕМУ ВИЗИРЬ.

АСЪ разсвѣтнй засвѣтился, витязь въ строй
свой нарядился.

«Если бь огонь любви длился», молвилъ,
«въ скрытности во мнѣ».

Просить сердце о терпѣннѣ. Лунноликое видѣннѣ.
Къ дому визиря стремленье. Вотъ онъ ѣдетъ на конѣ.

Визирь слышитъ, и, встрѣчая, говоритъ: «Заря
златая

Входитъ въ домъ ко мнѣ, блистая: Этотъ день есть вѣсть уснаде.
Какъ цвѣтокъ благоуханный — звукъ привѣта златотканнй.
Есть гость пришелъ желанный, и хозяинъ сердцемъ радъ».

И хозяинъ просить къ дому. Быстро къ гостю дорогому.
Слѣзть съ коня помогъ младому. Тотчасъ подъ ноги коверъ.
Изъ богатаго Хатая. Въ домѣ гость какъ солнце Рая.
Молвятъ: «Розы расвѣчая, легкой вѣтегъ вѣтеръ съ горъ».

Слѣ. Безумѣютъ сердцами, кто приникъ къ нему глазами.
Въ честь вмѣняютъ — рдѣть огнями, передъ юнымъ обомлѣть.
Ликъ его — имъ наслажденье. Вздохи — счетъ ихъ вѣ счисленья.
Уходить — имъ повелѣнье. Кругъ домашнй сталь рдѣть.

И когда ихъ стало двое, слово къ визирю такое
Молвить тотъ, чей ликъ алоз: «Ты въ чертогъ, гдѣ совѣтъ,
Знаешь все, открыта тайна. Царь тебѣ необычайно
Вѣрить. Слушай же. Безкрайна боль моя. Пролей мнѣ свѣтъ».

Чудный витязь, въ комъ горѣнье, онъ мое воспламененье.
Я убить, во мнѣ томленье. Въ тотъ, гдѣ онъ, я замкнуть кругъ.
Жизнью онъ не поскупится для меня. Кто такъ щедрится,
Равнымъ онъ да озарится. Друга любить вѣрный другъ.

Увидалъ его, — и въ свѣтѣ. И трепещетъ сердце въ сѣти.
Неаразыны узы эти. И мое терѣнье — съ нимъ.
Богъ, такого создавая, создалъ солнце, зажигая.
И Асматы мнѣ какъ родная. Какъ сестрой я ей любимъ.

Въ часъ какъ съ ними я прошался, клятвой страшною я клялся.
«Я вернусь. Я обѣщался. Врагъ твой будетъ посрамленъ.
Съ сердцемъ здѣсь ты затемненнымъ. Ликъ явию твой озареннымъ».
Мнѣ пора идти къ стѣсненнымъ. Оттого я весь сожженъ.

Это слово не хвастливо. Рѣчь моя сполна правдива.
Я задержанъ въ мигъ порыва. Брошень хворостъ въ мой костеръ.
Чтобъ безумнымъ быть безумный брошень въ скорби многодумной, —
Гдѣ ломатель клявъ неумный не вступилъ чрезъ то въ позоръ?

Не могу свершить измѣну. Такъ иди къ царю Ростѣну.
Не предать меня онъ плѣну, — я уйду и съ нимъ прощусь.
А плѣнить, — что толку въ этомъ? Помоги, и будь мнѣ свѣтомъ.
Сердцемъ, въ пламенахъ одѣтымъ, головой царя клянусь.

Я уйду. И молви снова: «Хвалить каждое здѣсь слово
Властелина. Ликъ живого свѣта въ небѣ, видитъ Богъ,
Какъ боюсь тебя. Нѣмое горе — вотъ. Но онъ алоэ,
Витязь, къ мѣ сожженъ я въ зноѣ. Сердце взялъ онъ. Сердце — вздохъ.

О, пойми же, царь, что нынѣ безъ него я здѣсь въ пустынь.
Что могу свершать? Въ кручинѣ этой — духъ мой вовсе малъ.
Если друга не оставлю, я тебя же тѣмъ прославлю.
Коль спасенья не доставлю, все жъ я клятву не сломалъ.

Если рабъ твой удалится, гнѣвомъ царь да не затмится.
И печалью не мрачится. Въ Божьей волѣ я пойду.
Коль побѣда, вновь съ тобою твой слуга. Коль смертью злою
Взять я, — ты цари зарею, и носи врагамъ бѣду».

И до визира онъ снова говорить: «Внемли живого
Сердца звукъ, и это слово передай сполна царю.
Да пребудеть въ снахъ согласныхъ. А тебѣ сто тысячъ красныхъ,
Въ златоцвѣтѣхъ полновластныхъ, подкупи щедрый, я дарю.

Отвѣчаетъ тотъ съ улыбкой: «Слово здѣсь твое — съ ошибкой.
Мнѣ наградою — что, глбкій стебель, ты пришелъ сюда.
Но царю могу ль при встрѣчѣ передать твои я рѣчи?
Сложитъ даръ онъ мнѣ на плечи, что запомню навсегда.

Клясться я уполномоченъ: Казни мигъ, онъ будетъ точенъ,
Ни на краткость не отсроченъ. Будетъ золото съ тобой.
Смерть мнѣ. Съ преданнымъ слугою, будетъ гробъ одинъ со мною.
Жизнь люблю, того не скрою. Не скажу я рѣчи той.

Не могу, во имя Бога. Не суди меня въ томъ строго.
Чрезъ дорогу вѣдь дорога неспособна пробѣжать.
Царь сживетъ меня со свѣта. Что онъ молвить для привѣта?
«Сумасшедшій что-ли это?» Нѣтъ, ужъ лучше здѣсь дышать.

Даже если царь дозволить, — кто же войско приневолитъ
Быть слѣпымъ? Кто обездолитъ самъ себя, лишася лучей?
Ты уйдешь, и ворогъ глянеть, руку жадную протянетъ.
Впрочемъ, съ ястребомъ не станеть ровень малый воробей».

Витязь плачетъ, и, тоскуя, молвить: «Въ сердце ножъ воину я.
Визирь, слышишь-ли? Люблю я. Зналъ-ли ты, что есть любовь?
Зналъ-ли силу обѣщанья? Клятву, дружбу? Ты въ незнашь.
Это вѣдая страданье, радость знать могу-ли вновь.

Солнце ходъ свой повернуло. Что бъ его назадъ вернуло?
Сладокъ звукъ лѣсного гула. Возвратимъ къ себѣ весну.
Но слова мои напрасны. Слѣпъ къ другому безучастный.
Этой рѣчи токъ неясный словъ лишь множить пелену.

Для царя я — бесполезный. Какъ безумный я надъ бездной.
И войскамъ рукой желѣзной я не буду въ мигъ съчъ.
Не устану слезы лить я. Предпочтительнѣй отбыть.
Клятву какъ бы могъ сломить я? Сердце въ дѣлѣ явить рѣчь.

Предо мной, тоской объятым, как же сердцем ты проклятым.
Визирь можешь быть несмятым? Воскомъ стала бы здѣсь сталь,
Умягчили бы утесы. Не помогутъ глаза здѣсь росы.
Въ часъ, когда въ бѣдѣ мы босы, вскрикнешь, — будетъ ли мнѣ жаль?

Коль не дасть мнѣ дозволенья, совершу исчезновеенье
Я тайкомъ. Я весь горѣнье. Сердце пламенямъ предамъ.
Да вступлю же я въ пожары. А тебѣ не будетъ кары.
Молви — «Всѣ снесу удары, хоть бы пытки ждали тамъ».

Визирь молвить: «Я твоими тоскованьями — какъ въ дымѣ
И въ огнѣ, — пребуду съ ними, — мѣръ исчезъ, съ тобой скорбя.
Лучше словъ — порой молчанье. Рѣчь мѣняетъ очертанья.
Но — скажу. И что страданья. Пусть умру я за тебя».

Визирь всталъ. Вошелъ смущенный во дворецъ онъ позлащенный.
Видитъ — царь тамъ, облаченный, весь какъ солнце передъ нимъ.
Онъ испуганъ, онъ робѣетъ, вѣсти той сказать не смѣетъ.
О войнѣ не разумѣетъ, что рѣшить умомъ своимъ.

Видя это онѣмънье, царь явилъ недоумѣнье.
«Что случилось? Въ чемъ сомнѣнье? Въ чемъ есть грусть души твоей?»
Молвить тотъ: «Царя благого огорчу. Убьешь сурово,
Но и право, слыша слово удивительныхъ вѣстей».

Такъ скорбно я поневолѣ, что ни менѣе, ни болѣ
Измѣнить не въ силахъ доли. Я посоль, но утраченъ.
Авандиль, прося прощенья, слово шлетъ къ тебѣ моленья.
Отпусти. Туда стремленье, гдѣ тотъ витязь, — молить онъ».

Робко, полонъ опасенья, всѣ сказалъ онъ изъясненья,
Какъ весь мѣръ ему мученье, какъ стрѣлою раненъ левъ.
«Я безсиленъ, не скажу я, какъ онъ бѣется тамъ тоскуя.
Все жъ ты правъ, коль, негодуя, на меня низвергнешь гнѣвъ».

Царь, услыша слово это, глянулъ, ликъ лишился цвѣта,
Мысль безумьемъ одѣта. Кто бъ увидѣлъ, зналъ бы страхъ.
Вскликнулъ: «Вѣрно безъ ума ты. А не то мнѣ никогда ты
Не сказалъ бы такъ. Отплаты вѣрно ждешь? Ты будешь прахъ».

О, предатель вѣроломный! Точно радость вѣсти скромной
 Разказалъ. Иамѣной темной остается лишь добить.
 Сумасшедшій! Для лихого смѣль ко мнѣ явиться слова.
 Это — визирь. Мнѣ такого нужно-ль? Здѣсь тебѣ не быть!

Въ чемъ досада, въ чемъ кручина, не должны-ль отъ властелина
 Утаить? А тутъ лавина глупыхъ словъ, — имъ слухъ готовъ.
 Ужъ оглохъ бы я скорѣе, чѣмъ тутъ слушать лиходѣя.
 Грѣхъ моя отбросить шея, коль твою пролью я кровь».

И еще сказалъ: «Когда бы, рабъ невѣрный, рабъ ты слабый,
 Былъ не посланъ имъ, съ плеча бы — голова. И разумъ нашъ
 Не узналъ бы скорби нудной. Ишь безумный, безрасудный.
 Прочь, сказитель сказки трудной. Сдѣлалъ дѣло — и шабашъ».

Онъ нагнулся, стулъ хватаетъ. Въ стѣну, — стѣну раздробляетъ.
 Въ цѣль свою не попадаетъ. Но алмазомъ сталь ивнякъ.
 «Какъ ты могъ, хоть бы въ наемъ, боль мою ускорить въ срокъ?»
 Визирь плачетъ, бѣлы щеки, въ помутнѣвшемъ взорѣ мракъ.

Видя этотъ гнѣвъ ужасный, визирь прочь бѣжить, злочастный.
 Больше рѣчи нѣтъ напрасной. Какъ лиса, онъ выползъ вонъ.
 Въ самомъ сердцѣ больно раненъ. Сколь успѣхъ непостояненъ.
 Какъ придворный, былъ желаненъ — и самимъ собой сраженъ.

Размышляетъ онъ: «О, Боже! Есть-ли больше скорбь? И что же
 Думалъ я, его тревожа? Чѣмъ такъ былъ я затемненъ?
 Кто бъ онъ ни былъ, кто не дѣло властелину молвить смѣло,
 Пусть достигнетъ онъ предѣла. Скорбь, какъ я, да знаетъ онъ»

Какъ вошелъ, глаза сіяли. Вышелъ визирь ужъ въ опалѣ.
 Авандилу онъ въ печали говорить, душой скорбя: —
 «Вотъ спасибо. Я придворный — свѣтлый былъ, а нынѣ черный.
 Людямъ ликъ явлю заворный, самъ утративши себѣ».

Просить подкупъ. Хоть тревожитъ душу скорбь, онъ шутки множить.
 Какъ еще шутить онъ можетъ? Или шутить какъ въ бреду?
 Говоритъ: «Кто договора не исполнитъ, съ тѣмъ и сора,
 Путь крутого разговора. Подкупъ нуженъ и въ Аду».

Молвить: «Какъ я былъ привѣченъ? Какъ царемъ я былъ отмѣченъ?
Человѣкъ недолговѣченъ. Могъ ужъ быть я неживымъ.
Какъ глупецъ предъ нимъ предсталъ я. Честь и разумъ потерялъ я.
Какъ еще живой бѣжалъ я? Вѣрно былъ Господь надъ нимъ.

Я вѣдь тутъ не заблужденъ. Зналъ, что дѣлалъ, безъ сомнѣнья.
Предумышленность стремленья. Гнѣвъ его предвидѣлъ я.
Въ томъ печаль моя двойная. Но страдаю за тебя я.
Значить, жертва не пустая, хоть бы смерть пришла моя.

Отвѣчаетъ витязъ смѣло: «До его уйду предѣла.
Если роза облетѣла, умираетъ соловей.
Улетаетъ за живую онъ водою ключевою.
Коль не смоченъ онъ росою, жаждой онъ сожженъ своей.

Безъ него здѣсь не живу я. Състь-ли, лечь-ли, не могу я.
Если такъ томлюсь, тоскуя, какъ же хочеть Ростзванъ,
Чтобъ блистала я предъ войсками и сражался я съ врагами?
Кто съ угрюмыми мечтами, свѣтъ-ли помощи въ немъ данъ?

Я сказалъ царю однажды. Я скажу ему и дважды.
Пусть онъ видитъ пламя жажды, сердце сушашей мое.
Коль не дасть мнѣ разрѣшенья, я тайкомъ исчезновеень
Совершу безъ позволенья. Смерть грозить? Давай ее.»

Послѣ рѣчи беспокойной, визирь пиръ затѣялъ стройный,
Ихъ обоихъ пиръ достойный. Разсыпаетъ онъ дары.
Юныхъ, старыхъ награждаетъ. Пиръ веселиемъ блистаетъ.
Витязь - солнце отбываетъ. Часъ ночной пришелъ поры.

Авандиль царю посланье шлетъ: «Какое мнѣ дѣянье
Совершить для оказанья благодарности царю?
Рабъ я твой, пока живу я. За тебя съ мечомъ умру я.
Равность вѣса сохранию я. За любовь — любовь дарю».

Несравненный даже въ этомъ. Вѣрный мужества завѣтамъ.
Какъ воспѣть его? Онъ свѣтомъ весь овѣяетъ какъ хвалою.
И къ нему пришло смятенье. Если встало затрудненье,
Въ комъ есть помощь и спасенье? Братъ поможетъ и родной.

20. СЛОВО АВТАНДИЛА КЪ ШЕРМАДИНУ
ПРИ ТАЙНОМЪ ОТБЫТИИ ЕГО.

Л ИКЪ И ОБРАЗЪ господина, какъ до брата или сына,
Говорить до Шермадина: «Нынѣ день надеждъ моихъ.
Мнѣ онъ явить, что ты можешь, чѣмъ ты мнѣ въ
бѣдѣ поможешь».
Пѣсня, ты хвалу имъ сложишь! Ихъ дѣянья красятъ
стихъ!

Онъ сказалъ: «На удаленье нѣтъ Ростѣна позволенья.
Нѣтъ въ немъ вовсе разумѣнья, какъ одинъ живетъ въ другомъ.
На чужбинѣ иль въ отчизнѣ, но безъ друга нѣтъ мнѣ жизни.
Что-жь, мнѣ быть всегда на тризнѣ? Противъ Бога, быть съ грѣхомъ?»

Лжець наказанъ будетъ строго. Вѣроломный — врагъ есть Бога.
Рѣшена моя дорога. Но горю я весь въ огнѣ.
Безъ него мнѣ гдѣ отрада? Ничего душѣ не надо.
Только онъ есть радость взгляда. Сердце кличетъ: «Горе мнѣ!»

Если другъ, такъ почему жъ бы не явить во имя дружбы
Сердцу три благія службы? Служба первая — тоска.
Нежеланье отдаленья, и вторая — щедрость, рвенье,
Третья — съ другомъ путь, стремленье, хоть дорога далека.

Но къ чему намъ длить бесѣду? Сократимъ ее. Я ѣду.
И не дамъ возникнуть слѣду. Сердце такъ лишь излѣчу.
А теперь, пока — съ тобою, укрѣпись своей душою,
Быль во всемъ наученъ мною, и еще я научу.

Предъ владыками вниманье, это первое дѣянье.
Смѣлость выяви, и знанье. Все пусть точно видитъ взоръ.
Да увидитъ всякій, кто ты. И о домѣ пусть заботы
Не впадуть никакъ въ темноты, — былъ ты свѣтель до сихъ поръ.

Врагъ грозить, — не будь безпечнымъ. Щедрымъ будь съ односердечнымъ,
Кто же будетъ двуконечнымъ и невѣрнымъ, — убивай.
Да не знаешь власть утраты. Если я вернусь, богатой
Отъ меня дождешься платы. Служба помнится. Прощай.

Внявъ привѣтствіе прощанья, Шермадинъ, сдержавъ рыданье,
Вскликнулъ: «Какъ же тоскованье здѣсь я вынесу одинъ?
Въ сердцѣ сумракъ водворится. Дай съ тобой не различиться.
Если гдѣ бѣда случится, я слуга, ты господинъ.

Кто слышалъ, чтобъ такъ далеко витязь ѣздилъ одиноко,
Пропадалъ бы такъ безъ срока, самъ въ скорбяхъ, берегъ — слугу?
Мня, что ты погибъ тамъ гдѣ-то, какъ адѣсь быть, не видя свѣта?»
Витязь молвить: «Тщетно это. Взять тебя я не могу.

Плачь не плачь, но невозможно. Любишь ты меня неложно.
Дай отбыть мнѣ безтревожно. Такъ велить моя стезя.
Эту вынеси потерю. Домъ кому же я доверю?
Я тобою вѣрность мѣрю. Взять тебя, нельзя. Нельзя.

Долженъ, если я влюбленный, быть въ тоскѣ отъединенной.
Кто же, въ сердце пораженный, не скитается одинъ?
Съ кѣмъ любовь, предъ тѣмъ дорога. Въ путь, блуждать, и вѣдать много
Дней тоски по волѣ Бога. Не борись съ игрой судьбинъ.

Буду я съ тобой въ разлукѣ, — ты люби меня, безъ муки.
Врагъ не страшень. Сильны руки. Приказать нельзя рабамъ,
Самъ, какъ рабъ, себѣ, ликуя, безъ печали послужу я.
Смѣлый дышетъ, не тоскуя. Будить въ немъ боязнь — лишь срамъ.

Я не старецъ тотъ сутубый, что, свои утративъ зубы,
Огурцы собиралъ, да грубы оказались для него.
Умереть за друга мило. Солнце путь благословило.
Съ ней разстаться трудно было. Все иное ничего.

И возьми, вот, завѣщанье. Въ немъ Ростѣну указанья,
И мольба, чтобъ онъ вниманье царски выявилъ тебѣ.
Коль умру, черта предѣла. Не убей себя: То дѣло
Сатаны. Ударь свой смѣло встрѣть. И плачь. И вѣрь Судьбѣ».

21. ЗАВЪЩАНІЕ АВТАНДИЛА, ПОСЛАННОЕ ЦАРЮ РОСТЪВАНУ
 ПРИ ТАЙНОМЪ ОТБЪГТИИ ЕГО.

БЛТЬ писать онъ завѣщанье, столь прискорбное
 писанье: —
 «Царь! Прости непослушанье. Огнь зажегшаго въ
 Я ушелъ искать. Въ разлукѣ съ нимъ не въ силахъ
 крови
 быть я. Муки
 Сердца — слово здѣсь поруки. Ликъ мгѣ Божескій яви.

Знаю я, мое рѣшенье въ этотъ часъ есть дерзновенье,
 Но его безъ осужденья примешь въ дняхъ. Есть зовъ? Спѣши.
 Жертва другу — власть закона. Царь, вспомни мысль Платона: —
 «Ложь двуличья — порчи лоно и для тѣла, и души».

Ложь — источникъ злосюченья. Бросить друга? Униженье.
 Ближе другъ, въ огнѣ сцѣпленья, чѣмъ рожденный въ братствѣ братъ.
 Что мнѣ мудрые, ихъ знанье? Другъ, такъ къ другу и въ скитанье.
 Это путь для ликованья воинствъ Свѣта, ихъ громадь.

Глянь въ апостольское слово о Любви, ключъ живого,
 Какъ тамъ хвалятъ, вновь и снова: «О, Любовь возноситъ насъ».
 Что любви есть чудеснѣй? То пригвѣвъ священной гѣсни.
 Каждый свѣтлый съ ней кудесникъ, загорѣвшись въ первый разъ.

Онъ, Творецъ мой, Онъ, Который мною вражескіе хоры
 Поразитъ, подмогой спорой явить малое ничто,
 Закрѣпляющій границы, Богъ, въ мгновенье зѣнницы,
 Сто сведеть до единицы, и одинъ вдругъ будетъ сто.

Что без Божьяго хотѣнья можетъ видѣть совершенье?
Если нѣтъ лучей горѣнья, гдѣ фіалка? Розы нѣтъ.
Что красиво, то любимо, глазъ влечетъ неотразимо.
Безъ него, какъ въ мракахъ дыма, какъ же буду, зная свѣтъ.

Гдѣбъ узнавъ негодованья, ты прости мнѣ послушанье.
Въ ковы взять зачарованья, не послушаться не могъ.
Не уйти въ тотъ мигъ стремящій — быть душой въ печи горящей.
Гдѣ ни быть, что горы, чаши, если волю я сберегъ?

Не поможетъ тоскованье. Слезъ бесплодно проливанье.
Если свѣше приказанье, не свершить его нельзя.
Наши предки завѣщали намъ борьбу и гнѣть печали.
Съ Богомъ развѣ въ бой вступали тѣ, кому чрезъ плоть стезя?

Въ чемъ Господне предрѣшенье обо мнѣ, придетъ въ свершенье.
Сердце, послѣ возвращенья, ужъ не будетъ здѣсь золой.
Ты да свѣтишь величавый въ многосвѣтѣ пышной славы.
Онъ мой свѣтъ, и нелукавый съ нимъ порывъ сердечный мой.

Это, царь, мое рѣшенье. Смерть мнѣ, если кто реченье
Можетъ молвить осужденья. Не скорби объ этомъ днѣ.
Не могу я быть ни лживымъ, ни въ свершеніи трусливымъ.
Въ вѣчномъ, взглядомъ прозорливымъ, онъ въ лицо посмотреть мнѣ.

Память въ другѣ свѣтъ въ потомство. Ненавижу скопидомство,
Ложь, измѣну. Вѣроломство не свершу и для царя.
Это было бы безстыдно. И подумать, такъ обидно.
Гдѣ ничтожнѣй долю видно — запоздать, колеблясь зря?

Что случится можетъ хуже — смертный страхъ увидѣть въ мужѣ?
Въ бой пошелъ, такъ почему же вѣдать страхъ? Кто врагъ, тотъ врагъ.
Не всегда жъ дышать фіалкой. Кто трусливъ, тотъ въ долѣ жалкой,
Точно женщина за прялкой. Слава лучше всякихъ благъ.

Смерти узкая тропинка не задержка, не заминка.
Дубъ предъ ней или былинка, слабый, сильный, скрутить нить.
Передъ ней никто не правый. Юный, старый, скосить травы.
Лучше смерть, но смерть со славой, чѣмъ въ постыдной жизни жить.

А теперь, о, Царь, съ опаской говорю. Не тѣшу сказкой: —
Смерть съ мгновенною развязкой ждетъ всегда насъ въ тишинѣ.
День и ночь въ одно свивая, вдругъ приходитъ роковая.
Коль умрешь ты, жизнь нѣмая будетъ быстрой зыбью мнѣ.

Если это воля Рока, что умру въ пути до срока,
Сиротой, одинъ, далеко, вигъ родной страны моей,
Неоплаканный родными, не одѣтый въ смерти ими,
Ни друзьями дорогими, сердцемъ нѣжнымъ пожалѣй.

Велики мои владѣнья. Кто ихъ завѣсилъ? Нѣтъ счисленья.
Дай же бѣднымъ сбереженья. И свободу дай рабамъ.
Тѣмъ, кто скудны, кто сироты, не спросивши: — Кто ты? Что ты? —
Дай, яви мой заботы: Буду близокъ ихъ мечтамъ.

Не возьмешь чего въ казну ты, на сиротскіе пріюты
Ты отдай. Потони — путы: Часть возьми ты на мосты.
Ничего я не жалѣю. Щедрымъ будь казной моею.
Лишь тобой смягчить сумѣю пламень нижней темноты.

Отъ меня ужъ больше вѣсти не дойдетъ. Я съ этимъ вмѣстѣ
Говорю тебѣ безъ лести: Вотъ душа, ея печаль.
Дьяволъ тутъ, своею властью, не придетъ ко мнѣ за частью.
Ты же чуждъ не будь участью. Что мы можемъ съ мертвыхъ взять?

Сердце я во властелинѣ и о томъ тревожу нынѣ: —
О моемъ — о Шермадинѣ — ты подумай въ должный часъ.
Въ счетъ дни обильнѣй стали: День добавочный — печали.
Чтобы слезы не бѣжали, слезъ не дай для этихъ глазъ.

Завѣщанье написалъ я. Самъ его здѣсь начерталъ я.
Ты, кого отъ дѣтства зналъ я, глянѣ, пришла разлука намъ.
Ухожу, а въ сердцѣ крики. Но пресвѣтлые владыки
Да пребудутъ яснолики, и царятъ на страхъ врагамъ».

Написавши завѣщанье, Шермадину то писанье
Отдалъ онъ. Сказалъ: «Посланье это ты отдай царю.
Въ часъ свой. Умъ твой это знаетъ». И его онъ обнимаетъ.
И надъ вѣрнымъ проливаетъ кровь съ слезами какъ зарю.

22. МОЛИТВА АВТАНДИЛА И БЫГСТВО ЕГО.

НЪ МОЛИЛСЯ: «Богъ могучій, Богъ земель и неба жгучій,
 Ты пошлешь порою тучи. Ты пошлешь порой лучей.
 Царь Ты царствъ неизреченный, Непонятный,
 Неизмѣнный,
 Дай быть твердымъ въ мукѣ плѣнной, Вождь
 сердечныхъ всѣхъ рѣчей.

Боже, Боже, умоляю. Ты въ горахъ ведешь по краю.
 Дать любовь, и я сгораю. Дать любви ея законъ.
 Я съ зарей моей внесенной впередъ пребуду разлученный.
 Да не будетъ тотъ зажженный огонь ко мнѣ испепеленъ.

Боже, Боже, кто съ Тобою здѣсь сравнится? Надо мною
 Ты проходишь вышиною. Будь подмогой мнѣ въ пути.
 Сохрани отъ бездны моря, отъ враговъ, сильнѣйшихъ въ спорѣ,
 Отъ ночного зла, отъ горя. Дай, живя, къ Тебѣ идти.

Совершивъ свое моленье, на коня безъ промедленья.
 Тайно отбылъ въ отдаленье. Былъ отосланъ Шермадинъ.
 Грудь себѣ терзаетъ вѣрный. Плачетъ въ скорби безпримѣрной.
 Въ токъ какой вступить размѣрный, коль не виденъ господинъ?

Въ этотъ день Ростѣнъ былъ мраченъ. Былъ приемъ не обозначенъ.
 Новый день блеснулъ, прозраченъ, — онъ проснулся, раздраженъ.
 Пламя съ лика точно смыто. «Визирь гдѣ?» сказалъ сердито.
 И ведутъ того, — въ немъ скрыта дрожь, онъ блѣденъ, устрашенъ.

23. СКАЗЬ О ТОМЪ, КАКЪ ЦАРЬ РОСТЭВАНЪ УСЛЫХАЛЪ
ОБЪ АВТАНДИЛѢ И ТАЙНОМЪ ОТБЫТІИ ЕГО.

УТЬ, униженный и скромный, визирь въ залъ вошелъ
пріемный,
Какъ Ростэнь сказаль: «Истомной быть я полонъ
темноты.
Быль въ безпамятствѣ вчера я. Чѣмъ-то мучилъ ты,
терзая.
Въ томъ была и гнѣвность злая, визирь, сердце
сердца ты.

Не припомню, что тамъ было, въ чемъ нужда у Автандила.
Что мнѣ было столь немило? Гнѣвъ подобенъ быть ручью.
Молвятъ мудрые: «Закляты въ злобѣ пропасти и скакаты».
Что мнѣ тамъ сказаль вчера ты? Повтори-ка рѣчь свою».

И вчерашнее тутъ слово визирь въ страхѣ молвить снова.
Царь прослушалъ, и такого былъ отвѣта звукъ: «Еврей
Левій, вѣрно, я свирѣпный. Или ты совсѣмъ нелѣпный.
Позабудь свои зацѣпы. Или смерть иди скорѣй».

Визирь — въ поиски, печальный. Не находить, гдѣ кристальный.
Лишь толпой въ тоскѣ опальной, слезы льютъ рабы ручьемъ.
Вѣсть о бѣгствѣ, онѣмѣльный, слышитъ. Молвить: «Есть кто смѣлый, —
Такъ — къ царю. Я въ тѣ предѣлы не пойду, — ужь слышалъ громъ».

Визирь все не прибываетъ. Царь другого посылаетъ.
Встѣпнигъ медлитъ, не вступаетъ. Кто дерзнетъ принесть тотъ сказъ?
И въ Ростэнь подозрѣнья. Въ десять разъ большій мученья.
«Видно, тотъ, кто весь боренья, отъ моихъ сокрылся глазъ».

Съ головою ниць склоненной, мыслить сильно огорченный.
Вздохъ за вздохомъ, повторенный. Повелѣлъ рабу: «Иди.
Да придетъ злочастно-скупчанный». Входитъ визирь злополучный.
Блѣдный, скорбный, и беззвучный, со стѣсненіемъ въ груди.

Видя это привидѣнье, царь спросилъ: «Итакъ, горѣнья
Солнце нѣтъ? Въ немъ измѣненъ? Онъ превратная луна?»
Полнымъ сказано все сказомъ, какъ исчезъ — кто былъ алмазомъ.
«Солнца нѣтъ надъ нашимъ глазомъ, и погода не ясна».

Царь, услышавъ слово тайны, вскрикнулъ. Вопль необычайный.
Въ боли онъ скорбитъ безкрайной: «Милый сынъ мой, гдѣ же ты?»
Рветъ онъ бороду, терзаетъ. Лицъ ногтями разрываетъ.
«Гдѣ же свѣточъ мой сияетъ? Я одинъ средь темноты».

Если самъ ты тамъ съ собою, ты не будешь сиротою.
Я же, сынъ, одинъ съ тоскою. Ты меня осиротилъ.
Въ язвахъ быть мнѣ, болямъ длиться, безъ любимаго томиться.
Чась пока не дастъ намъ слиться, — какъ терпю, — сказать нѣтъ силъ».

Не вернешься безъ заботы ты въ веселый часъ охоты.
Самовѣтъ, кому темноты неизвѣстны. Стройный станъ.
Не услышу дорого. Нѣжный голосъ птицелова
Въ чуткій слухъ не кликнетъ снова. Что дворецъ? Въ немъ мракъ мнѣ данъ».

Знаю я, ты силенъ, молодецъ. Лукъ съ тобой, насытишь голодь.
Кто твоей стрѣлой уколотъ, тотъ сейчасъ же въ смертномъ сиѣ.
Мудрость Бога — всеблагая. Но, копь плача и стеная,
Сынъ, умру здѣсь безъ тебя я, кто жь поплачетъ обо мнѣ!»

Шумъ раздался. Рой придворныхъ. Воздухъ полонъ словъ укорныхъ.
Рвутъ брады свои, въ повторныхъ удареньяхъ скорбныхъ рукъ.
«Были мы тобою богаты», молвятъ, «съ нами были когда ты.
Нынѣ день для насъ проклятый, — солнца нѣтъ и тьма вокругъ».

Увидавъ ряды сановныхъ какъ родныхъ своихъ и кровныхъ,
Царь въ скорбяхъ безпрекословныхъ молвилъ: «Рѣдокъ блескъ лучей.
Солнца нѣтъ, мы слабы въ силѣ. Чѣмъ предъ нимъ мы согрѣшили?
Кто на битву, взмахомъ крылій, поведетъ полетъ мечей?»

Всѣ съ скорбящимъ возскорбѣли. И затихли, присмирѣли.
Царь спросилъ: «Съ слугою въ томъ дѣлѣ витязь былъ или одинъ?»
И пришелъ, сдержавъ рыданье, весь въ тревогѣ ожиданья,
И царю далъ завѣщанье, мертвый въ жизни, Шермадинъ.

«Вотъ посланіе какое», молвилъ онъ, «въ его покоѣ
Я нашель. И въ смутномъ роѣ лишь рабы скорбѣли вокругъ.
Скрылся онъ своей тропою, никого не взявъ съ собою.
Смерть мнѣ! Съ этою судьбою жизнь мнѣ тягостный недугъ».

Прочитали завѣщанье. Снова долгія стenanья.
И даетъ онъ приказанье: «Въ войскѣ — черный цвѣтъ цвѣти.
Будемъ въ скорби съ сиротами мы молиться, и съ вдовами,
Богъ да скалится надъ нами, и ведеть его въ пути».

24. СКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ ВТОРИЧНО ВСТРѢЛИСЯ
АВТАНДИЛЪ СЪ ТАРИЭЛЕМЪ.

СЛИ мѣсяцъ волоконце разовѣтъ вдали отъ солнца,
Смотритъ ярко онъ въ оконце, — если жь близко,
блѣденъ свѣтъ.
Но безсолнечность для розы есть безцвѣтность, мгла
угрозы.
Какъ печальны наши грезы, если милыхъ съ нами нѣтъ.

Вотъ, расскажем пѣснопѣне, какъ тотъ витязь въ
отдаленьи

Отбываетъ, и кипѣне въ горькомъ сердцѣ, плачь и стонъ.
Ѣдетъ, Ѣдетъ, обернется. Что, коль солнце, свѣтъ чей льется,
Солнцемъ сердца тамъ зажжется? Въ обомлѣнны меркнетъ онъ.

Въ полубморокѣ мѣя, обезсилѣлъ онъ, нѣмѣя.
Только слезы, не рѣдѣя, льютъ, не видятъ ничего.
Гдѣ же помощь? Гдѣ подмога? Только скорбь терзаетъ строго.
Онъ не видитъ, гдѣ дорога, конь куда несетъ его.

Говоритъ: «Моя золотая! Безъ тебя изнемогая,
Если будетъ мысль — нѣмая, мысль — проклятемъ назови.
Сердце все къ тебѣ стремится, хочеть къ милой возвратиться.
Кто въ любви, да подчинится онъ сполна своей любви.

До того, когда мгновенье принесеть соединенье,
Въ чемъ найду отдохновенье? Я бь себя убилъ сейчасъ.
Я бь ушелъ изъ жизни вольно. Ты была бы недовольна.
И тебѣ бы стало больно. Лучше слезы лить изъ глазъ.

Молвить: «Солнце! Нѣжа очи, образъ солнечной ты ночи
Передъ тѣмъ, Кто средоточій есть единство, въ буряхъ тишь.
Ты, что всѣмъ тѣламъ небеснымъ быть даешь въ пути чудесномъ,
За скитаніемъ безвѣстнымъ дай мнѣ съ нею быть. Услышь.

Для премудрыхъ, въ жизни смѣнной, образъ Бога ты нетлѣнный.
Помоги. Я нынѣ плѣнный. Въ кандалахъ желѣзныхъ я.
Черезъ горы и равнину я къ кристаллу и рубину
Путь держу, — самъ, блѣдный, стыну. Ранить близъ и даль молю».

И «Прости» сказавъ покою, въ плачѣ таешь онъ свѣчою.
Опоздать страшась, порою поздней, ѣдетъ между горъ.
Пала ночь, и звѣзды встали. Отдыхъ въ нихъ его печали.
Съ ней сравнилъ ихъ въ синей дали, съ ними держитъ разговоръ.

Онъ до мѣсячнаго круга молвить: «Страстнаго недуга
Огнь ты плешь. Любишь другъ друга ты велишь. Страдать, любя.
И бальзамъ даешь теригнья. Съ той, въ комъ лунное горѣнье,
Дай мнѣ съ ней соединенье — черезъ пламя — черезъ тебя».

Ночь была ему усада. День лилъ въ сердце капли яда.
Словно отдыха средъ сада, ждалъ, когда придетъ закатъ.
Видитъ ключъ, остановился. До журчанья наклонился.
И опять онъ въ путь пустился, не стремя ужъ взоръ назадъ.

Въ одиночествѣ такъ вдвое плачешь тотъ, чей станъ — алоз.
Хочетъ ниши все живое. Застрѣлилъ себѣ козла.
Бѣл, зажаривъ. Сталь бодрѣе. Ликъ воинственъ, пламенѣя.
Молвить: «Жизнь безъ розъ бѣдѣе, и совсѣмъ не весела».

Все о немъ не разкажу я, какъ онъ ѣхалъ тамъ, тоскуя,
То отраду въ сердцѣ чуя, то скорбю о гнетѣ золь.
И не разъ глаза красѣли. Но ужъ путь дошелъ до цѣли.
Вонъ пещеры засѣрѣли. Прямо къ входу онъ пошелъ.

Вонъ Асматы. Къ нему душою рвется. Хлынули струею
Слезы. Радостью такою не зажжется дважды взглядъ.
Витязь прочь съ коня скорѣе. Обнялъ. Сердцу веселье.
И цѣлуетъ. Если, мнѣя, ждетъ кто друга, встрѣчѣ радъ.

Онъ спросилъ ее: «Владыка гдѣ?» И слезы льются съ лика Юной дѣвы. Горше крика безглагольная печаль. Молвить: «Чуть ты удалился, сталъ блуждать онъ, вовсе скрылся. Быть въ пещерѣ тяготился. Гдѣ онъ? Въ чемъ онъ? Скрыла даль.

Столь былъ витязь огорченный, словно былъ копьемъ пронзенный, Прямо въ сердце. И къ смущенной обратясь Асмаъ, сказать; — «О, сестра! Какъ некрасиво. Лгать тому, въ комъ все правдиво? Иль онъ клялся — торопливо? Иль, поклявшись, онъ солгалъ?

Цѣлый мѣръ въ ничто считалъ я. Клятву даль, ее сдержалъ я. Въ немъ былъ мѣръ, — и потерялъ я все, когда превратенъ онъ. Свѣта нѣтъ мигъ никакого. Какъ онъ смѣлъ нарушить слово? Впрочемъ, что же? Рока злого властью весь я омарченъ».

Дѣва молвила стыдливо: «Правъ ты въ этотъ мигъ порыва. Но суди же справедливо, — и въ пристрастїи не вини: — Сердце можетъ общаться, — клятву выполнить, не сдать, — Сердце вырвано, — скитаться долженъ онъ, сжигая дни.

Сердце, духъ и мысль — въ сплѣньи. Сердца нѣтъ, — и тѣ въ скитаньи. Кто въ томъ странномъ сочетаньи потеряетъ сердце вдругъ, Онъ какъ вихрями носимый, отъ людей бѣжитъ, гонимый. Зналъ ли ты, какіе — дымы, если пламени — вокругъ?

Съ побратимомъ разлученный, правъ ты въ боли огорченной. Но какой онъ былъ вметенный. Какъ скажу о пыткѣ той? Измѣняютъ здѣсь слова мнѣ. Возопитъ могли бы камни. Та видна была тоска мнѣ, подъ моею злой звѣздой.

Еще не было сказанья о такой тоскѣ страданья. Тутъ въ скалу войдетъ терзанье. Влагу рубъ придашь ручью. Эта огненная пытка больше всякаго избытка. А ума въ любви не жидно, если кто другой въ бою.

Какъ пошеть онъ, такъ, сторая, молвлю я: «Твоя сестра я. Автандиль придетъ, — тогда я что жь отвѣчу, побратимъ?» Онъ сказалъ: «Коли придетъ онъ, здѣсь меня легко найдеть онъ. Молви: «Братъ твой, — близко идетъ онъ. Клятву я сдержу предъ нимъ».

Слово даль, не жди другого, не нарушу это слово.
Буду ждать, хотя сурова пытка дней, что суждена.
Коль умру, пусть похоронить, и свое «Увы» обронить.
Если живъ я, значить, стонеть духъ, и жизнь ужъ невѣрна.

Съ той поры я и донинѣ все одна въ моей кручинѣ.
Солнце было на вершинѣ, и сокрылось тамъ въ горахъ.
Вся исполнена отравы, увлажняя грустью травы.
Духъ безумья — духъ лукавый. Я забыта смертью въ дняхъ.

Камень есть въ краяхъ Китая. Надпись тамъ на немъ такая: —
«Кто не ищетъ друга, — алая жизнь его, — себѣ онъ врагъ».
Но зачѣмъ бродить по странамъ? Кто, какъ роза, былъ румянымъ,
Нынѣ желтымъ сталъ шафраномъ. Въ путь къ нему, — и всякихъ благъ».

Витязь молвилъ: «Осуждая, что бранилъ его тогда я,
Ты права. Но глянь, какая также въ этомъ боль моя.
Рабъ любви къ рабу другому я бѣжалъ, уйдя изъ дому,
Какъ олень, тая истому, до ручья стремился я.

Только онъ былъ сердцу нуженъ. Съ той, въ комъ нѣжный свѣтъ жемчужинъ
Съ хрусталемъ, рубиномъ друженъ, былъ я счастливъ безъ конца.
И не могъ быть съ ней счастливымъ. Скрылся въ бѣгъ торопливомъ.
Богоравныхъ тѣмъ порывомъ оскорбилъ, пронзилъ сердца.

Царь, кому я сынъ пріемный, отъ кого мой свѣтъ заемный,
Передъ нимъ я вѣроломный, бросилъ въ старости его.
Въ самомъ сердцѣ окровавленъ, бѣглецомъ онъ тамъ оставленъ.
Божій гнѣвъ здѣсь будетъ явленъ. Ждать ли добраго чего?

Въ томъ, сестра, и тоскованье, что усердныя скитанья
Привели не на свиданье. А спѣшилъ я день и ночь.
Къ свѣту шелъ — и нѣтъ мнѣ свѣта. Онъ ушелъ — и тамъ онъ гдѣ-то.
Сердце лаской не согрѣто. Скорбь не въ силахъ превозмочь.

Но ужъ больше нѣтъ досуга словомъ тѣшить здѣсь другъ друга.
Что жъ, еще одна услуга: Поищу и поброжу.
Иль найду я побратима, или самъ умру — и мимо.
Знать, судьба неотвратима. Что я Богу самъ скажу?»

Так сказалъ онъ, скорбно-строгий, и пошелъ своей дорогой.
 Миновалъ онъ скать отлогій. За скалой прошель потокъ.
 Тростниками — до равнины. Вѣтръ такой, что въ вѣтрѣ льдины.
 Заморозились рубины. Упрекаль онъ въ этомъ Рокъ.

И вадыхаетъ онъ все чаще. «Богъ Всесильный, Богъ Всеарящій.
 Въ чемъ же грѣхъ, меня чернящій? Разлучень съ друзьями я.
 Для чего сюда заманень? О двоихъ я мыслью ранень.
 Сколь мой рокъ непостоянень. Да погибнетъ жизнь моя.

Другъ мнѣ прямо въ сердце кинулъ розъ пригоршню, — иглы вдвинулъ.
 Эту клятву онъ низринулъ. Съ нимъ я нынѣ раздѣленъ.
 Если съ другомъ я Судьбою разлучень, я съ мукой злою.
 Другъ иной передо мною обезачень, посрамленъ».

Молвилъ: «Это прямо диво: Грусть и въ умномъ говорлива.
 Ну чего ронять со срыва слезъ тотъ брызжущій ручей?
 А не будетъ ли виднѣе, поразмыслить, и скорѣе
 Въ путь къ тому, чей станъ стройнѣе, чѣмъ внесенье камышей?»

Вотъ, обрызганный слезами, витязь кличетъ. Ищетъ днями.
 Ищетъ темными ночами. Вновь искать, кричать, чуть свѣтъ.
 Побродилъ онъ тамъ на волѣ. Лѣсъ прошель, и доль, и поле.
 И не менѣе, не болѣе — трое сутокъ. Вѣсти нѣтъ».

И исканье тутъ не гоже, ни къ чему. Онъ молитъ: «Боже!
 Въ чемъ я грѣшенъ? И за что же такъ Тобой наказанъ я?
 Боже, Боже, эта пытка превзошла размѣръ избытка.
 Буквы огненного свитка — мнѣ ли? Правый Ты Судья».

Блѣдный, витязь-привидѣнье говорилъ свои реченья,
 И взошелъ на возвышенье. На равнинѣ тѣнь и свѣтъ.
 Въ камышахъ, тамъ у густого у куста, онъ вороного
 Видитъ. «Онъ тамъ. Никакого здѣсь сомнѣнья больше нѣтъ».

Радость въ витязѣ блеснула, сто въ немъ разъ переплеснула.
 Сердце витязя скануло и притихло въ тотъ же часъ.
 Роза — въ красномъ снѣ богатомъ. Блескъ сталъ блескъ, агать — агатомъ.
 Мчится, вѣтромъ сталъ подъятымъ, не сводя горящихъ глазъ.

Таріэля увидаць онь, какъ не думаль, не гадаць онь.
Ликъ былъ смертно-блѣднень, впаль онь. Зачарованнѣй, чѣмъ ночь.
Воротникъ — весь лоскутками. Головою — кровь ручьями.
Смотритъ тусклами глазами. Онъ шагнулъ изъ міра прочь.

Справа — левъ лежалъ сраженный, мечъ, весь кровью обгагранный,
Слѣва, съ шкурой испещренной, трупъ пантеры, бездыханъ.
Самъ онъ, призракомъ могильнымъ, слезы токомъ лить обильнымъ.
Въ немъ пожаръ огнемъ всеильнымъ сердце жжетъ, и дикъ, и рьянъ.

Взоръ задернулъ, туманенъ. Къ смерти близкій, ликъ тотъ страненъ.
Видно, въ сердце юный раненъ. Витязь кличетъ, будитъ слухъ.
Говоритъ ему о встрѣчѣ. И припалъ къ нему на плечи.
И напрасно нудитъ къ рѣчи. Братъ являетъ братскій духъ.

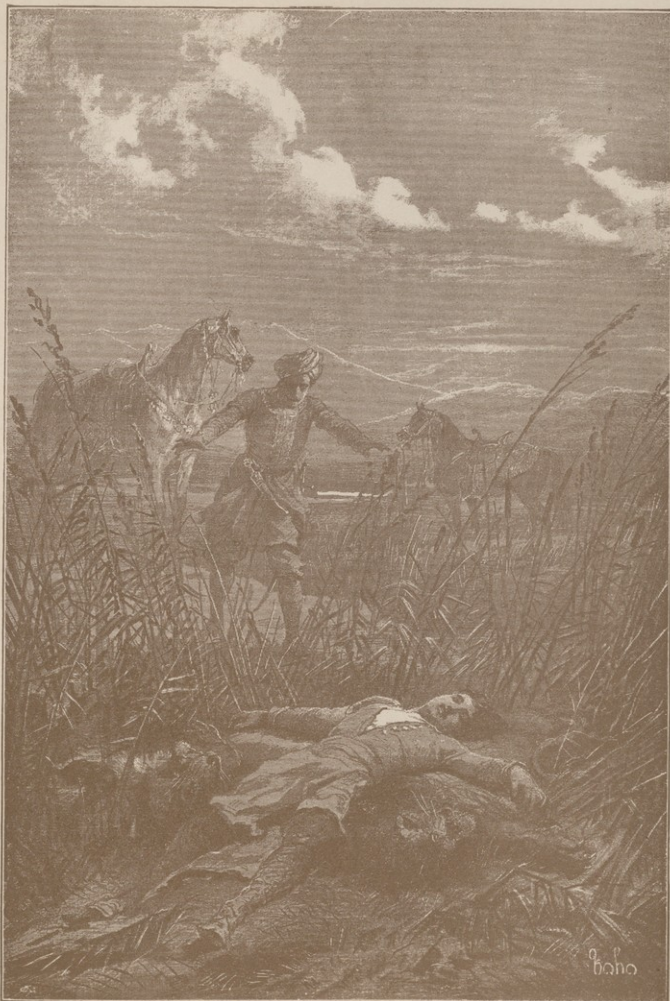
У объятаго тоскою слезы стерь своей рукою.
Слѣзъ съ нимъ. Рѣчью огневою будитъ брата своего.
«Сердце, что ль, въ тебѣ остыло? Иль не знаешь Автандила?»
Говоритъ о томъ, что было. Неподвиженъ взоръ его.

Было все — какъ повѣствую. Вотъ смягчилъ тоску онъ злую.
Душу чувствуетъ живую. Къ Автандилу — долгій вздохъ.
И призналъ, и обнимаетъ. Брата братски онъ лобзаетъ.
Міръ другихъ такихъ не знаетъ, — мнѣ живой свидѣтель Богъ.

«Братъ», сказалъ онъ, «то, въ чемъ клялся, что сдержать я обѣщался,
Я сдержалъ, — не отлучался. А теперь, въ томлени дней,
Ты оставь меня съ тоскою. Буду биться головою.
Какъ умру, покрой землю, тѣло скрой ты отъ звѣрей».

Витязь молвить: «Въ чемъ страданье? Злого хочешь ты дѣянья.
Кто любилъ, тотъ зналъ сгоранье, схваченъ огненной волной.
Средь людей ты исключенье. Уклоняясь отъ мученья,
Мысли самоубиенье, взять ты, что ли, Сатаной?»

Мыслишь — лучше, станеть — хуже. Мудрый — дроздъ не множить въ стужѣ.
Мужъ? Прилична стойкость въ мужѣ, и какъ можно рѣже плачь.
Разъ печаль идетъ волною, крѣпостною будь стѣною.
Кто въ несчастии, — онъ виною. Наша мысль для насъ палаць.

ბილი

Мудрый ты, а изреченья мудрых ввергнулъ въ небреженье.
Въ чемъ есть мудрость, въ чемъ свершенье? Тосковать среди звѣрей?
Помираешь изъ-за милой, — а себя сокрылъ могилой,
Будто слабъ, — когда ты съ силой. Раной тѣшишься своей.

Кто жь любить, не зная сгоранья, яркихъ пламеней касанья,
Кто о комъ-нибудь терзанья не прошелъ, въ огнѣ часовъ?
Молви словомъ достовѣрнымъ: Что здѣсь было безпримѣрнымъ?
Не лети же легковѣрнымъ. Розѣ не встрѣтишь безъ шиповъ.

Молвятъ розѣ, въ часъ цвѣтенья: «Почему съ шипами рдѣнья,
И прекрасной находенье не свершится безъ бѣды?»
Роза дать отвѣтъ умѣла: «Сладость — съ горькимъ, съ духомъ — тѣло.
Коль любовь подешевѣла, то — сухие плоды».

Если такъ цвѣтокъ бездушный мыслить, мудрости — послушный,
Гдѣ же ты пріемъ радушный встрѣтишь сердцу безъ борьбы?
Жатву радости безъ горя, въ мѣрѣ съ Дьяволомъ не споря,
Не сберешь ты. Въ приговорѣ нашихъ дней — уставъ Судьбы.

Слушай, что тебѣ скажу я: На коня — и не тоскуя,
Въ путь иди, съ тобой пойду я. Не веди свою межу, —
Лишь свою, съ своимъ совѣтомъ. Скорбь дана намъ здѣшнимъ свѣтомъ.
Вѣрь, что правъ я въ словѣ этомъ. А ужъ лести не скажу».

Таріэль сказалъ: «Нѣмбю, братъ мой. Съ той тоской моею,
Врядъ ли дать отвѣтъ сумѣю. Обезумленный, я глухъ.
Видитъ такъ твое сужденье, что легко терпѣть мученье.
Нынѣ — смерти приближенье. Вотъ ужъ я почти потухъ».

Да, конецъ земному краю. И о ней я умоляю.
Съ нею здѣсь не встрѣчусь, знаю. Но любовнаго огня
Свѣтъ живетъ. Здѣсь — раздѣленье, тамъ — восторгъ соединенья.
Да приходитъ погребенье. Бросьте землю на меня.

Какъ любимую любимымъ не увидитъ черезъ дымъ?
Мы въ иномъ соединимы. Къ ней свѣтло пойду туда.
Встрѣчу, встрѣтитъ. Въ мигъ свиданья будетъ сладостнымъ рыданье.
Противъ слова увѣщанья, сердца слушайся всегда.

Вот мое постановление: Смерти чую приближенье.
Умираю, нѣтъ сомнѣнья. Что тебѣ до мертвеца?
Коль въ живыхъ мнѣ оставаться, нужно съ разумомъ разстаться.
Птицы къ душамъ вверхъ стремятся, — такъ и тѣло ждетъ конца.

Что сказали ты, рѣчи друга понимать мнѣ нѣтъ досуга.
Полнь душевнаго недуга, вижу смерть, она близка.
Жизнь лишь бѣглое мгновенье. Къ міру только отвращенье.
Мнѣ съ землей соединенье. Въ ночь ведетъ моя тоска.

Мудрый! Въ чемъ есть мудрость эта? Отъ безумца ждать ли свѣта?
Самъ будь полонъ я совѣта, твой совѣтъ бы взять, не лгу.
Роза — въ солнцѣ. Солнце таетъ, — роза въ грусти увядаетъ.
Другъ меня да покидаетъ. Уходи. Ужь не могу».

Авандиль къ нему съ другою рѣчью доброй и живою.
«Нѣтъ, клянусь я головою. Дѣлать этого нельзя.
Въ томъ не лучшее свершенье — пожелать уничтоженья».
Но напрасны убѣжденья. Слово падаетъ, скользя.

Наконецъ сказалъ: «Прекрасно. Если рѣчь моя напрасна,
Если внемлешь безучастно, что жъ мнѣ слово длить сейчасъ.
Смерти хочешь? Безъ ошибки, смерть придетъ. Мгновенья зыбки.
Вянуть розы и улыбки. Вянь». Блеснулъ слезою глазъ.

Лишь одно мое моленье ты сверши. Есть гдѣ-то рдѣнье
Розы, — есть агатовъ млѣнье, — отъ всего укрылся я.
Поспѣшилъ, всего лишился. И съ царемъ я разлучился.
Отъ меня ты отдѣлился. Въ чемъ же радость есть моя?

Не отвергни же сурово, а мое исполни слово: —
Разъ еще тебя я снова пусть увижу на конѣ.
Ты души былъ ворожащимъ, похитителемъ блестящимъ.
Не уйду же я грустящимъ. Въ этомъ будь послушенъ мнѣ».

«На коня!» И для моленья ужъ не нужно повторенья.
Зналъ онъ сердцемъ безъ сомнѣнья: Не дружна съ конемъ печаль.
Тотъ тростникъ до конской шеи склонить ликъ, — и веселѣе.
Радость въ той была затѣ. Ужь не рвутся стоны въ даль.

Молвить грустный: «Я поѣду. Дай коня». Въ душѣ побѣду
Чуетъ тотъ. Идетъ по слѣду. Помогаетъ съѣсть въ сѣдо.
Онъ его не нудитъ нынѣ. Бѣдутъ вмѣстѣ по равнинѣ.
Гибокъ стройный. И въ кручинѣ стало легче и свѣтло.

Говорить. И блещутъ зубы. И коралловыя губы
Знаютъ рѣчи, что не грубы, а уходятъ прямо въ слухъ.
Сталь бы юнымъ тутъ и старый, слыша слово въ свѣтѣ чары.
И смиряются пожары. И не такъ печаленъ духъ.

Есть гашинъ и для печали. Розы блѣдно увядали, —
Видить витязь, ярче стали. Радость — зелье для ума,
Для безумья — жалобъ вздохи. Ну, дѣла не такъ ужъ плохи.
Были разума лишь крохи, а теперь свѣтлѣетъ тѣма.

И гуторять эти двое. Молвить слово онъ прямое: —
«Изясни мнѣ, что такое на рукѣ тамъ на твоей.
Это нѣжной той запястье. кѣмъ ты раненъ? Что жь, въ немъ счастье.
Надъ тобою полновластье? Расскажи — потомъ убей».

Молвить тотъ: «Въ чемъ есть сравненье несравненнаго видѣнья?
Въ этомъ жизнь, восторгъ, мученье. Это лучше мнѣ, чѣмъ мѣръ.
Что земля, вода, деревья! Что людскія всѣ кочевья!
Въ этомъ скрыта чара дѣвья. Только съ этимъ сердцу пирь».

Тотъ сказалъ: «Я мыслить вѣрно. Ты отвѣтилъ безпримѣрно.
Но и я ужъ достовѣрно льстить не стану предъ тобой.
Бросить такъ Асмать — злосчастье больше, если то запястье
Потерять. Быть безъ участья — выборъ худшій, не худой.

То запястье золотое драгоцѣнникъ сдѣлалъ въ зноѣ.
И остыло неживое, и бездушна въ немъ игра.
Для Асмать — отъединенье. Вотъ такъ вѣрное сужденье.
Но съ твоей въ ней есть силетенье. И она твоя сестра.

Связь межъ нею и златою, для кого была слугою.
Чрезъ нее и та съ тобою, а прекрасна и она.
Между ними единенье. Что же, ей лишь небреженье?
Ну, шабашъ. Твое сужденье — глубина совсѣмъ безъ дна».

Тот отвѣтил: «Справедливо. Рѣчь твоя вполнѣ правдива.
Жаль Асмаť. Безъ перерыва скорбь. Душой она съ Настанъ.
И меня все зрѣть такого. Жить ужъ я не думалъ снова.
Ты терзанья огневого боль смягчилъ, но все — туманъ».

Но, Асмаť вспоминая, ѣдетъ къ ней. И рѣчь живая
Между братьями — какъ стая птицъ въ часъ утренней поры.
Какъ скажу имъ восхваленья? Зубы — жемчугъ, губы — рдѣнье.
И змѣя, оцѣпенѣнье сбросивъ, смотреть изъ норы.

Витязь молвить: «Для тебя я, умъ и сердце раскрывая,
Съ ними душу отдавалъ, всѣмъ пожертвовать готовъ.
Но не будемъ трогать рану. И указывать не стану,
Что подобенъ кладъ обману, если спрятанъ межъ кустовъ.

Такъ и мудрость, если ею самъ я править не умѣю.
Скорбень? Все жъ тоской своею не обрѣжь течение дней.
Смерть придетъ и не обманетъ. Роза сразу не завянетъ.
Богъ позволитъ, — солнце глянетъ, лишь увѣруй и посмѣй».

Грустный молвить: «То ученье сколь достойно разумѣнья.
Умный любить наставленье. Даже глушій имъ произень.
Но и мудрость свѣтитъ скудно, если мнѣ чрезмѣрно трудно,
И тебѣ вѣдь съ этимъ нудно. На укору твоей удивлень.

Воскъ съ огнемъ горячимъ сродень: Свѣтитъ, — свѣтъ тотъ благородень.
Но съ водою онъ несходень: Въ воду палъ, и вдругъ погасъ.
Если въ комъ есть огорченье, онъ составитъ заключенье,
Что въ другомъ. Мое горѣнье могъ бы ты понять сейчасъ.

Все, что было здѣсь со мною, разскажу тебѣ, не скрою.
Правосудень будь со мною, поразмысливъ обо мнѣ.
Ждалъ тебя я тамъ сначала. Но пещера раздражала.
Въ ней простора было мало. Я къ равнинѣ на конѣ.

Тростникомъ мой путь измятымъ. Пробираюсь этимъ скатомъ.
И съ пантерой вижу льва тамъ. Любовался ими я.
Ликъ казался ихъ влюбленнымъ. Сразу сталъ я восхищеннымъ.
И потомъ я былъ смущеннымъ. Ужаснулась мысль моя.

Здѣсь на скатѣ, надъ равниной, были двое тѣ картиной
Двухъ влюбленныхъ, сонъ единый. Левъ съ пантерой былъ мнѣ милъ.
И потомъ межъ нихъ сраженье, и борьба, и озлобленье.
Онъ за ней. Того видѣнья вынести — я не въ силахъ быть.

Раньше весело играли. Въ ссорѣ бѣшенными стали.
Лапы рѣзко ударяли. Смерть была имъ не страшна.
Вдругъ въ пантерѣ обомлѣнье, словно въ женщинѣ смущенье.
Левъ погнался. Раздраженъ въ немъ кипучая волна.

Я не могъ имъ любоваться. За любимой такъ погнаться?
И терзать ее, и драться? Нѣтъ, такая удалъ — срамъ.
Мечъ блеснулъ мой обнаженный, и копьемъ онъ былъ сраженный.
Съ головой своей пронзенной, онъ простился съ жизнью тамъ.

Мечъ я въ сторону бросаю. Прыгъ къ пантерѣ, и хватаю, —
Я обнять ее желаю, въ честь моей, въ комъ все — мое.
Но на то движенье вѣры — ревъ и когти мнѣ пантеры.
Это было мнѣ — виѣ мѣры. Тутъ убилъ я и ее.

Я искалъ пожаръ тотъ страстный укротить. Порывъ напрасный.
И во мнѣ тутъ вспыхнулъ властный гнѣвъ. Израненъ весь мой ликъ.
Хватъ, и въ землю. Стихла злая. Вспомнилъ милую тогда я.
Но душа — во мнѣ. Страдая, разрѣшилъ я слезъ родникъ.

Видишь, братъ мой, что со мною. Какъ же боль мою укрою?
Жизнь мнѣ бремя. Но Судьбою присужденъ я длить мой часъ.
Жизни нѣтъ, а жизнь все длится. Смерть приходи ко мнѣ боитсяя.
Смолкъ. И слезъ потокъ струится. Сколь печалень тотъ рассказъ.

25. СКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ НАПРАВИЛИСЬ ТАРИЭЛЬ И
АВТАНДИЛЬ КЪ ПЕЩЕРЪ, И КАКЪ УВИДЪЛИ ОНИ АСМАТЬ.

ИДЪТЬ это горе было — боль души для Автандила.
Но сказалъ: «Еще есть сила. Потерпи. Всему есть
часть.
Милосердые есть у Бога, хотъ твое страданье строго.
Будь вамъ разная дорога, онъ въ любви не свель бы
васъ.

Кто въ любви, съ нимъ злоключенье, въ жизни знаетъ
огорченье.

Но, узнавъ сперва мученье, знаетъ послѣ радость онъ.
У любви свои законы: Въ смерть вѣдетъ, и будить стоны.
Обезумлень ей ученый, — неученый научень».

Такъ поплакавши, отбыли. По равнинѣ сѣрость пыли.
До пещеры путь стремили. Встрѣчу имъ бѣжить Асмасть.
Были слезы, цѣловались. Съ плачемъ нѣжно обнимались.
И вѣстями обмѣнялись. Вѣрный вѣрныхъ видѣть радъ.

Говоритъ Асмасть: «Могучій Боже! Ты, въ Комъ громъ и тучи,
Ты, какъ солнце, лаской жгучей, насъ наполнилъ, даль намъ силъ.
Какъ, хваля, могу съ хвалою достохвальной предъ Тобю
Быть? Стократно слезю Ты меня не истребилъ».

Тариэль сказалъ, вздыхая: «О, сестра моя! Родная!
Слезы вѣчно проливая, я скорблю о томъ же здѣсь.
Знали радость, — съ ней мученье: Въ томъ Судьбы постановленьѣ.
О тебѣ лишь сожалѣнье, а не то бь я въ смерти — весь».

Если жажда мучить злая, кто же здоровый, пить желая,
Брызжетъ, воду проливая? Слезы льются как ручей.
Если влагу кто иссушить, смерть придетъ и все разрушить.
Ахъ, печаль язвить и душитъ. Нѣтъ жемчужины моей».

Также въ сердцѣ Автандила воспоминанье болью было.
«О, заря! Златая сила! Безъ тебя живой ли я?
Безъ тебя и жизнь томленье. Какъ сказать мой мученья?
И какой тоской горѣнья сожжена душа моя.

Роза какъ безъ солнца станеть расцвѣтатъ и не завянетъ?
И какимъ удѣлъ нашъ глянеть, если солнце за горой?
Духъ во мнѣ единовѣрца со цвѣтами: Вянетъ сердце.
Все жъ, есть гдѣ-то къ встрѣчѣ дверца. Каменѣй, но будь собой».

Душу вздохомъ утишили, хотъ огонь былъ въ полной силѣ.
Больше словъ не говорили. Въ томъ же, сердцемъ, и Асматы.
Жара также въ ней немало. Шкуру барсову постлала.
Сѣли. Въ нихъ печаль устала. И свѣтлѣе говорятъ.

Хорошо бы хлѣба-соли. Да въ такой живуть тутъ долѣ, —
Хлѣба нѣтъ, а мяса болѣ, и поменѣе гостей.
Таріэль угощаютъ. Тѣло пищи не вмѣщаетъ.
Пожевалъ кусокъ, — бросаетъ. И конецъ трапезѣ всей.

Нѣтъ отрады въ словѣ спора, — есть уютность разговора.
Сердце съ сердцемъ можетъ скоро сговориться въ часъ любой.
Вотъ въ бесѣдѣ много чары. Замолкають тутъ пожары.
И Судьбы сноснѣй удары въ мигъ радости живой.

Эту ночь тѣ львы, герои, говорили про былое.
День пришелъ, — бесѣда вдвое многословна и полна.
Все другъ другу рассказали, что тамъ было въ чужедали.
Обѣщанья подтверждали, клятва вновь межъ нихъ дана.

Таріэль сказалъ: Словами не расскажешь, что межъ нами.
Долгъ отдамъ свой лишь съ годами, Богъ порука, дастъ мнѣ силу.
Клятва клятву держитъ туго. Не забыть въ разлукѣ друга.
Это высшая услуга, — тутъ не пьяный говорить.

А теперь прошу правдиво, ты сдержи полетъ порыва: —
Здѣсь не трупъ и не огниво, это пламя ты не тронь.
Для тебя — твое горѣнье, тутъ законъ миротворенья.
Такъ иди до мѣста рдѣнья, — гдѣ твоей солнечный огонь.

Излѣчить меня ужъ трудно и Ему, кѣмъ многочудно
Созданъ миръ, гдѣ свѣтъ нескучно, щедро царствуетъ надъ тьмой.
Разумѣль я тоже что-то до минуты поворота.
Вотъ безумье, вотъ забота. Нынѣ бредъ — мой часовой.

Авандиль сказалъ: «Какого ждать отвѣта, если слово
Полно разума живого? Ты какъ мудрый говорилъ.
Но оспаривать я стану, что нельзя такую рану
Залѣчить. Всему изъяну есть конецъ. Жди въ Богѣ — сильъ.

Для чего бь, васъ создавая, васъ любовью обвивая,
Богъ васъ, вѣчно разлучая, обезумиль, въ смерть гоня?
Путь любви есть путь по бѣдамъ. Здѣсь тоска крадется слѣдомъ.
Но восторгъ вамъ будетъ вѣдомъ, — а не то убей меня.

Въ чемъ же гордость человѣка? Въ чемъ онъ мужъ, а не калѣка?
Боль терпѣть, хотъ вѣкъ изъ вѣка, и не гнуться съ гнетомъ золь.
Труденъ миръ, да Богъ подмога. Научись же хотъ немного.
Знанье вѣрная дорога. Не идетъ ей лишь осель.

Такъ скажу тебѣ, дерзая. Слушай, будетъ рѣчь какая.
Мнѣ позволила златая отлучиться. Молвилъ ей: —
«Съ сердцемъ я испеленнымъ. Съ нимъ я — помысломъ бездоннымъ.
Что жъ здѣсь буду огорченнымъ? Только грусть — душѣ твоей.

Въ этомъ словѣ пусть будетъ мало». И она мнѣ отвѣчала: —
«Дружба дружбу увѣчала. Этимъ я не огорчусь». —
И пошелъ я къ дальнимъ странамъ. Былъ не хмѣльнымъ я, не пьянымъ.
Что жъ теперь? Вернусь съ обманомъ? Покажусь предъ ней какъ трусь?

Дѣлай дѣло — размышляя. Роза вянетъ, засыхая, —
Польза въ ней себѣ какая? А другой ей будетъ радъ.
Самъ себѣ что сдѣлать можешь? Только сердце растревожись.
А захочешь, мнѣ поможешь. Съ братомъ братски будетъ братъ.

Гдѣ ты быть ни пожелаешь, тамъ и будь себѣ какъ знаешь: —
Мудро сердце, — отдыхаешь. Умъ безуменъ, — закипай.
Но въ тиши и въ боли крика сохраний ты стройность лика.
Не растрать всю силу дико, и гори, но не сгорай.

Чтобъ добиться нашей цѣли, чтобы вѣсть принести веселій,
Годъ прошу съ одной недѣлей. Я вернусь въ цвѣтенье розъ.
И сюда въ пещеру это ликованье снова и цвѣта
Донесетъ огонь привѣта. Вадрогнешь. Чу! залаяль песь.

Превзойду ли мѣру срока, ты же будешь одиноко
Ждать меня, — въ томъ воля Рока, это значить — умерь я.
Это будетъ указанье, что захочешь, — для рыданья.
Или бросься въ ликованье. Какъ захочетъ мысль твоя.

Можетъ быть, бужу печали? Ты — одинъ, я въ чужедали.
Корабли вѣдь измѣняли. Конь споткнется на скаку.
Какъ узнать, гдѣ ждешь потеря? Нѣтъ чутья, нѣтъ глаза звѣря.
Богъ рѣшить. И въ Бога вѣря, я вступаю здѣсь въ рѣку.

Онъ промолвилъ: «Продолженье словъ — одно лишь утомленье.
Для чего тутъ разсужденья? Нѣтъ вниманья, смысла нѣтъ.
Если другъ не за тобою, ты иди его стопою.
И въ концѣ, — что скрыто тьмою, станетъ явнымъ, видя свѣтъ».

А когда все будетъ явно, и увидишь ты подавно,
Какъ здѣсь трудность своенравна, хоть блуждай иль не блуждай.
Я снесу безумья бремя, хоть стучить мнѣ молотъ въ темя.
Но, коль смерть придетъ въ то время, какъ скажу тебѣ — «Прощай!»

Завершилось говоренье. Клятвы — снова повторенье.
И въ равнину ихъ стремленье. Каждый стрѣлы взялъ и лукъ.
Настрѣляли тамъ дичины. Но въ сердцахъ туманъ кручины.
Ужъ остался день единый. Завтра — врозь, и больше мукъ.

Ты, что съ словомъ пѣснопѣній по тропѣ идешь мучений, —
Какъ быть сердцу въ мигъ рѣвній, коль безъ сердца сердце то?
Если сердцу — вѣсть разлуки, это ножъ, онъ рѣжетъ руки, —
Въ смерть уводятъ эти звуки. А безъ пытки былъ ли кто?

Утро, блѣдными лучами, застаёт двоихъ съ конями.
Дѣва съ ними. И слезами взоръ блеснулъ, бѣжить ручей.
Въ смутныхъ ликахъ цвѣтъ жасмина. Ихъ зоветъ къ себѣ равнина.
Эти львы, чье горе львино, поспѣшаютъ въ мѣръ звѣрей.

Покидаютъ путь пещерный. Крикъ печали — звукъ безмѣрный.
И Асматъ, сестры ихъ вѣрной, плачетъ жалоба вдвойнѣ: —
«Кто вамъ плакальщицей будетъ? Львы! Васъ пѣсня не забудетъ.
Солнце — звѣзды гасить, нудить быть во тьмѣ. О, горе мгнѣ!»

Такъ скорбитъ она въ печали. Вотъ «Прости!» они сказали.
Вмѣстѣ къ морю путь держали. Побережье — вотъ оно.
Вновь проводить время ночи. Дѣлать пламя. Ночь короче.
О разлукѣ плачутъ очи. Все скорбѣтъ имъ суждено.

Къ Таріэлю Автандила таковое слово было: —
«Слезы сохнутъ. Грудь остыла. Не пойму я, почему
Такъ Фридонъ тобой оставленъ. Къ солнцу путь тамъ будетъ явленъ.
Будетъ мною онъ восплавленъ. Покажи тропу къ нему».

Таріэль безъ промедленья укажетъ направленье.
«Тамъ Фридонъ», его реченье. «Все иди ты на Востокъ.
Вплоть до берега морского. Коль увидишь дорогого,
Такъ отъ брата — ласки слово. Помнишь братъ, хотя далекъ».

Вотъ козла они убили. Какъ поѣшь, такъ будешь въ силѣ.
За собою потащили. Разложили тамъ костеръ.
И поѣли, сколь возможно. Было древо страхъ дорожный.
У корней ихъ сонъ тревожный. Грубъ, Судьба, твой приговоръ.

Вотъ заря горитъ жемчужно. Встали. Имъ разстаться нужно.
Сердце съ сердцемъ плачетъ дружно. Что слова, когда — ужъ путь.
Какъ слова перекликались! Какъ они тамъ обнимались!
Долго, тѣсно принимались, у разлучныхъ, съ грудью грудъ.

Были вздохи сожалѣнья, лицъ ногтями пораненья.
И ужъ розно ихъ стремленье, тотъ назадъ, а тотъ впередъ.
Проѣзжаютъ тростниками. Достаютъ пока глазами,
Кличутъ скорбно голосами. Ахъ, тутъ солнце станеть ледъ!

26. СКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ ОТПРАВИЛСЯ АВТАНДИЛЬ
КЪ ФРИДОНУ, КОГДА ОНЪ ВСТРѢТИЛЪ ЕГО
ВЪ МУЛЫГХАЗАНЗАРИ.

МРЪ ПРИСКОРЕННЫЙ. Рокъ бесонный. Что ты
крутишься, взметенный?
Чѣмъ ты вѣчно огорченный? Кто увѣруетъ въ тебя,
Тотъ, какъ я, пойметъ мученье. Стой! Куда ты мчишь
стремленье?
Вывеешь, вырастивъ, растение. Все-жъ насъ видить
Богъ, любя.

Автандиль, въ скорбяхъ разлуки, въздымаетъ къ небу руки.
Вопль его исполненъ муки. «Кровь лилася, сбъжить опять.
Такъ же трудно расставанье, какъ и въ Небѣ намъ свиданье.
Межъ сердцами отстоянье. Сердцу сердце не понять».

Плачешь. Звѣри полевые жадно слезы пьютъ живыя.
Онъ не въ силахъ огневья пытки сердца превозмочь.
Тинатинъ въ его печали. Скорби душу укачали.
Розы губъ кристалль встрѣчали. День печальному какъ ночь.

И коралль его тускнѣеть. Роза вянетъ и темнѣеть.
Какъ лазурный камень млѣетъ то, что было какъ рубинъ.
Путь уходитъ, сѣръ и пыленъ. Смертный страхъ надъ нимъ бесиленьгъ.
Молвить: «Мракъ кругомъ могиленъ. Гаснетъ солнце средь равнинъ».

Молвить къ Солнцу: «Ликъ прекрасный. Тинатинъ ты образъ ясной.
Оба мѣръ счастливить властны. По дугамъ струите свѣтъ.
Я въ безуми туманомъ, и съ упорствомъ непрестаннымъ
Взоромъ — съ ликомъ тѣмъ желаннымъ. Что жъ я вами не согрѣтъ?»

Солнца нѣтъ, — зима какъ въ дымѣ. Я жь съ двумя разстался ими.
Такъ печалами какими полонъ духъ, приди на срывъ?
Не страдаютъ только скалы. Я же весь въ тоскѣ усталой.
Ножь не лѣчитъ раны алой, причиняетъ лишь нарывъ».

И до неба восклицая, къ Солнцу вопли обращая,
Кличеть: «Солнце! Власть живая! Ты, кѣмъ свѣтитъ каждый край,
Ты, въ лучахъ непобѣдимый возноситель и хвалимый,
Дай мгѣ быть съ моей любимой, день мой въ ночь не обращай».

Ты, Зуаль, звѣзда томленья, дай мгѣ слезь и дай мученья,
Черной тѣнью огорченья сердце скорбно закрой.
Грусть пусть ляжетъ, съ грудой груди, точно тяжесть на верблюда.
Но скажи къ моей отсюда: «Не покинь его. Онъ твой».

О, Муштхаръ, ты правосудный, ты благой судья, хоть трудный,
Такъ приди же въ часъ мой судный, сердце съ сердцемъ рассуди.
Не тѣсни меня узоромъ, круто свитымъ приговоромъ.
Не удвой ударъ, которымъ я ужь раненъ ей въ груди».

О, Марикхъ, планета мщенья, ты копьемъ безъ сожалѣнья
Пронидай меня, чтобъ, рдѣные крови зная, бытьъ я алъ.
Какъ терзаемъ я скорбями, рассказы, скажи словами,
Чтобы знала, какъ, ночами, знаешь ты, какимъ я сталъ».

Аспирозъ, звѣзда лѣченья, дай немного облегченья.
Я въ нешадное горѣнье вергнуть ею и Судьбой.
Ты сияешь прихотливо, и тобой она красива.
Я же, брошенный у срыва, обезумленъ здѣсь тобой».

Отаридъ, планета знанья, лишь съ тобой, черезъ терзанье,
Схожъ я: Съ Солнцемъ намъ слиянье и раздѣльность; ты горяишь,
Я горю. Въ огнѣ вращенья запиши мои мученья.
Вотъ чернила — слезь теченье, вотъ перо — въ росѣ камышъ».

Свѣтъ высокий благородства, и съ тобой, Луна, есть сходство: —
Солнца чужа превосходство, я мѣняюсь средь пустынь.
То я весель, ярко око, то худѣю одиноко.
Молви ей: «Не будь жестока. Весь — къ тебѣ огъ. Не покинь».

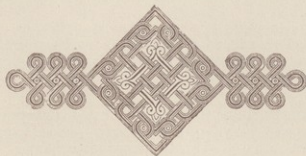
Глянь на звѣзды, есть въ нихъ зрѣнье. Въ Семизвѣзды — подтвержденье.
Въ Отаридѣ, въ Солницѣ — млѣнье, и Муштхарѣ, Зуаль — въ огнѣ.
И тоскуютъ надо мною Аспирозъ, Марикхъ съ Луною.
Взять я огненной волною. Безъ нея пожаръ во мнѣ».

Молвить къ сердцу онъ: «Въ кручинѣ не убью себя я нынѣ.
Ясно, съ Дьяволомъ въ пустынѣ побратался. Знаю самъ,
Та, чьи косы, та, чьи очи — крылья ворона и ночи,
Умъ безумить мой. Но въ мочи вынести боль — путь къ счастью намъ».

Коль стерплю всѣхъ пытокъ груди, къ ней я, къ солнечному чуду,
Возвращусь. Не вѣчно жь буду я стонать. Душа жива».
И запѣлъ онъ свѣтлогласно, хоть сдержатъ тоску — напрасно.
Такъ звучала пѣснь прекрасно — соловей предъ нимъ сова.

Витязь пѣлъ. И, слыша пѣнье, звѣри, въ чарѣ удивленья,
Приходили. Съ нѣгой млѣнья, камни встали изъ волны.
И дивились, и внимали. Плакать, — плакали въ печали.
Пѣсню грустную качали волны, тихія какъ сны.

Всѣмъ живымъ напѣвы милы. Въ пѣснѣ чара тонкой силы.
Вонь морскіе крокодилы, рыбы, звѣри безъ конца.
Птицы вѣтра какъ въ туманѣ. И Индійцы, Персіяне,
Руссы, Франки, Египтяне, всѣ пришли на зовъ пѣвца.

27. СКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ ПРИБЫЛЪ АВТАНДИЛЬ
КЪ ФРИДОНУ, КОГДА ОНЪ РАЗСТАЛСЯ СЪ ТАРИЭЛЕМЪ.

ВИТЯЗЬ, чувствуя истому, къ побережю морскому
Дней ужъ семьдесятъ, какъ къ дому, направляетъ
бѣгъ коня.
Тамъ вдали, гдѣ въ пѣнѣ море, моряки въ его
просторѣ.
Кличеть онъ съ огнемъ во взорѣ: «Кто научитъ здѣсь
меня?»

Кто вы? Это чьи владѣнья?» Говорятъ, явивъ почтенье: —
«О, прекрасное видѣнье. Ты, приятно-странный сонъ.
Взоръ твой свѣтлая зарница. Глянемъ, гаснемъ, умъ темница.
Здѣсь Турецкая граница. Рядомъ царствуетъ Фридонъ.»

Если чувствъ мы не лишимся, на тебя смотря, — потщимся
Дать отвѣтъ. Мы здѣсь гордимся тѣмъ, что царь нашъ — ликъ чудесъ.
Смѣлый, щедрый, и могучій, на конѣ наѣздникъ жгучій,
Нурадинъ Фридонъ — горючій свѣтъ съ далекихъ намъ небесъ».

Витязь молвитъ: «Благодать я повстрѣчалъ здѣсь съ вами, братья.
Онъ мнѣ нуженъ. Гдѣ искать я долженъ вашего царя?
Какъ долга къ нему дорога? Укажите, ради Бога».
Въ нихъ пришла ему подмога. Провожаютъ, говоря.

«Это путь въ Мульхазанзари. Тамъ, въ своей блестящей чарѣ
Онъ, чей мечъ горитъ въ ударѣ, чья стрѣла свиститъ, летя.
Десять дней пути отсюда. Но, рубиновое чудо,
Кипарисный, ты откуда? Ты сжигаешь насъ, блестя».

Витязь молвить: «Это греза въ вась какая-то. Мороза
Вкусъ узнавши, развѣ роза можетъ радовать вась такъ?
Вотъ когда мы безъ печали приходящихъ привѣчали,
Это вѣрно, засвѣчали свѣтлымъ взглядомъ ночь и мракъ».

Погуторили немного. И одинъ. И путь-дорога.
Гдѣ то встрѣча? Сводъ чертога? Строишь онъ, и сердце — сталь.
Конскій топотъ мчитъ, мелькая. Вслухъ онъ мыслить, воздыхая.
Изъ нарциссовъ дождь, стекая, моетъ влагою хрусталь.

Повстрѣчаются чужіе, — вотъ они ужъ съ нимъ родные,
Говорять, склоняя вни. Въ немъ имъ радость и уютъ.
Съ нимъ дорога изумрудна. Онъ имъ свѣтитъ многочудно.
И разстаться съ нимъ такъ трудно. Провожатаго дають.

Онъ ужъ близко, онъ у цѣли. Тамъ равнина на предѣлѣ.
Въ кругѣ воины глядѣли, замыкая лугъ кольцомъ.
Луки съ силой напрягаютъ. Стрѣлы звѣря настагаютъ.
Столько дичи убиваютъ, словно косятъ хлѣбъ кругомъ.

Вотъ ему навстрѣчу кто-то. Вопросасть: «Чья охота?
Топотъ, шумъ, людей безъ счета». И отвѣтъ ему: «Фридонъ,
Властелинъ Мульгханазара — на охотѣ, полонъ жара.
Звѣри ждуть его удара, завлеченные въ загонъ».

Онъ ликуеть. Безъ сравненья, онъ чаруетъ, онъ видѣнье.
Какъ вложу я въ пѣснопѣные тонкостанную красу?
Кто посмотритъ, — озарится. Меранеть, — если отлучится.
Всякій съ нимъ возобновится, какъ весенній кусть въ лѣсу.

Въ средоточьи, гдѣ облава, вдругъ орелъ залетѣлъ. Лукаво
Глянулъ витязь, мыслить: «Слава!» Лукъ направилъ онъ сейчасъ.
«Не паду лицомъ здѣсь въ пыль я». Сбить орелъ. Развязать крылья.
Скокъ съ коня. И безъ усиля срѣзалъ ихъ не торопясь.

Вновь въ сѣдлѣ сидитъ онъ, стройный. Кругъ стрѣлковъ тутъ безпокойный,
Прекративъ стрѣльбу, прибойной поспѣшили къ нему волной.
Разомкнулася облава. Эти слѣва, эти справа.
Мыслятъ: «Кто онъ? Величаво свѣтитъ взоръ. Онъ кто такой?»

На дугу былъ холмъ высокій, и Фридонъ тамъ свѣтлоокій.
Свиты кругъ глядять широкий, сорокъ лучшихъ тамъ стрѣлковъ.
Автандиль туда стремится. Токъ толпы за нимъ струится.
И Фридонъ, сердясь, дивится. «Что въ рядахъ моихъ полковъ?»

Шлетъ раба съ такимъ реченьемъ: «Что объяло ихъ смяченьемъ?
Словно взяты ослѣпленемъ, почему идутъ сюда?»
Быстро рабъ туда приходитъ. Видитъ — диво. Глазъ не сводить.
Умъ его въ забвеньи бродитъ. Онъ ослѣпъ. Предъ нимъ звѣзда.

Автандиль его замѣтилъ, и къ нему со словомъ, свѣтель,
Обратился и привѣтилъ: «Вотъ владыкѣ доложи.
Чужеземецъ, одинокій, изъ страны пришелъ далекой.
Таріазъ прислать высокій. Побратимъ его, скажи».

Рабъ Фридону слово это говоритъ: «Тамъ пламя свѣта.
Солнце тамъ, даятель лѣта. Тутъ впадетъ и мудрый въ бредъ.
Весь похожъ онъ на картину. Какъ помысли, прямо стѣну.
Онъ къ Фридону Нурадину. Таріазъ съ нимъ привѣтъ».

Услыхать о Таріазѣ радъ Фридонъ. И заблестѣли
Слезы. Скорби просвѣтлѣли. Сердце бьется. Меньше мглы.
Роза чуть вѣтеръ съ Юга, но отъ вѣкъ стремится выгоа.
Вотъ привѣтствуютъ другъ друга. Одному въ другомъ хвалы.

Нурадинъ съ холма спустился. Витязъ тутъ ужъ очутился.
И Фридонъ, смотря, дивился. «Коль не солнце, кто же ты?»
То, что молвилъ о побѣдномъ рабъ въ хвалѣ, все было блѣднымъ.
Полны чувствомъ заповѣднымъ, слезы льютъ, смѣшавъ мечты.

Обнялись. И безъ опаски рсточаетъ сердце ласни.
Два звена въ одной завязкѣ. Умъ впадетъ, ихъ видя, въ блажь.
Смерть мнѣ, если въ этой чарѣ, или нынѣ, или встарь,
Блескъ подобный на базарѣ купишь ты или продашь.

Гдѣ есть витязи-герои, какъ Фридонъ въ лучистомъ зноѣ?
Но еще цѣннѣй алоэ и достойнѣе хвалы.
Свѣтлымъ сномъ горятъ планеты, — солнце гаситъ эти свѣты.
Свѣчи дымкою одѣты днемъ, и свѣтятъ лишь средь мглы.

На коней и до чертога ихъ ведеть теперь дорога.
Ужь звѣрей убито много. И охоты больше нѣтъ.
И дружины громоздятся Автандиломъ любоваться.
«Съ чѣмъ бы могъ живымъ сравняться этотъ дивный солнцесвѣтъ?»

Онъ къ Фридону молвить слово: «Знаю, полноу ты живого
Любопытства, — изъ какого края я, — и какъ я братъ
Таріэля. Побратимы съ нимъ мы. Онъ сказалъ, любимый: —
«Братъ!» — и мы неразлучимы. Я ему рабомъ быть радъ.

Роставанъ мой царь. Сановный, я въ Арабинъ верховный
Вождь дружинъ, средь нихъ — ихъ кровный. Называюсь Автандиль.
Изъ семьи я благородной, и взрощенъ царемъ, какъ сродный
Съ властью, смѣлый и свободный. Кто меня бы оскорбилъ?

Какъ-то разъ, когда охота ужъ кончалась, видимъ кто-то
Горько плачетъ, въ немъ забота. Это плакалъ Таріэль.
Мы смущались, царь дивился. Звали, къ намъ онъ не явился.
Царь чрезмѣрно разсердился. Какъ намъ знать, что въ немъ мятель?

Царь велѣлъ своимъ дружинамъ взять его. Но съ гнѣвомъ львинымъ
Вмигъ, порывомъ онъ единымъ, ранилъ тѣхъ, а тѣхъ убилъ.
Размахнулся не напрасно. Лишь тогда намъ стало ясно,
Что удерживать невластно мѣсяцъ въ шестви свѣтилъ.

Царь быть въ гнѣвѣ превеликомъ. Самъ поѣхалъ съ смѣлымъ ликомъ,
Чтобъ схватиться въ боѣ дикомъ. Таріэль, признавъ сейчасъ
Царскій санъ, влагаетъ въ ножны мечъ, и бой сталъ невозможный.
Конь не конь, а духъ тревожный, — скокъ, и скрылся онъ изъ глазъ.

Мы искали, мы глядѣли. Это Дьяволь, въ самомъ дѣлѣ?
И слѣда не усмотрѣли. Царь забылъ пиры и сонъ.
Такъ онъ крѣпко огорчился. Я — искать, и тайно скрылся.
За разгадкой устремился. Былъ я пламенемъ зажженъ.

Миѣ искать была свобода, — три искалъ я долгихъ года.
Это случая угода, что Кхатавовъ увидалъ.
Такъ его нашелъ когда-то. Вижу — роза, желтовата.
И взлюбилъ меня какъ брата. И ему какъ сынъ я сталъ.

Послѣ битвъ, гдѣ кровь безъ мѣры изливалъ онъ въ сумракъ сѣрый,
Взялъ у Дави онъ пещеры. Ходитъ тамъ за нимъ Асмаъ.
Старый тамъ очагъ дымится. Пламя скорби вѣчно длится.
Кто съ прекраснымъ разлучится, обвяжись тотъ въ черный платъ.

И въ пещерѣ той глубокой дѣва въ скорби одинокой.
Ночь стрѣляетъ львиноокой. Левъ накормитъ лъвять своихъ.
Онъ блуждаетъ непрестанно. Такъ душа его туманна, —
Только съ ней побыть желанно. Онъ не терпитъ лицъ людскихъ.

Разсказалъ онъ мнѣ, чужому, всю сердечную истому.
Онъ какъ брату мнѣ родному дивный сказъ любви явилъ.
Рѣчь того, кто сумасшедшій, не разскажетъ происшедшій
Ужасъ весь, тотъ мракъ нисшедшій, мысль о той, въ комъ власть могилъ.

Мѣсяцъ бродитъ неизмѣнно. Въ сердце горе бьется плѣнно.
На конѣ твоёмъ безсмѣнно ѣздитъ онъ и не сойдетъ.
Говорящихъ сторонится, отъ людей какъ звѣрь стремится.
Больно мнѣ о немъ томиться. Въ немъ о ней какой же гнетъ.

Мысль о витязѣ томъ странномъ жжетъ теразнемъ постояннымъ.
И о немъ скорбя, желанномъ, потерялъ я разумъ самъ.
Въ сердцѣ бѣшеное горе. Даль прошелъ, проплылъ я море.
И къ таящимъ грусть во взорѣ возвратился я царямъ.

Я просилъ соизволенья дить исканья и стремленья.
Впалъ властитель въ раздраженье. Тайно я бѣжалъ тогда.
И войска мои въ печали «Горе! Горе!» восклицали.
Вотъ, ишу балъзама въ дали. И гляжу туда, сюда.

Онъ сказалъ мнѣ, какъ вы стали съ братомъ брать въ его печали.
Я пришелъ къ тебѣ изъ дали, несравненнаго нашель.
Я иду за солнцесвѣтомъ, и, твоимъ ведомъ совѣтомъ,
Буду счастливъ въ дѣлѣ этомъ. Гдѣ искать скончанья золь?»

И Фридонъ тутъ держитъ слово. Говоритъ про дорогого
Брата. Оба плачутъ снова, нѣтъ терпѣнія въ сердцахъ.
И достойная хваленья грусть ихъ словно пѣснопѣнье.
Розы въ росахъ окропленья затерялись въ тростникахъ.

И при видѣ той кручины вопль идетъ въ рядахъ дружины.
 Не остался ни единый равнодушнымъ въ эту часть.
 Семилѣтняя разлука для Фридона стоишь и мука.
 Какъ стрѣла летитъ изъ лука, — свѣтъ блеснетъ и свѣтъ погасъ.

Говорить Фридонъ: «Любимый! Видишь? Плачуть побратимы.
 Ты въ словахъ невыразимый. Весь ты солнце на землѣ.
 Солнца съ неба ты хититель, близкихъ всѣхъ твоихъ живитель.
 Звѣздъ грустящихъ озаритель, свѣтъ единственный во мглѣ.

Чуть разстаться нужно было, жизнь мнѣ сдѣлалась постыла.
 Мыслить мгѣ о томъ немило, что живешь ты врозь со мной.
 Мнѣ же только огорченье, безъ тебя всѣ дни томленье,
 Миръ, внушая отвращенье, для меня лишь домъ пустой».

За печалью долгодневной, онъ, Фридонъ, тотъ вздохъ плачевный
 Вылилъ въ жалобѣ нагѣвной. Стихъ. Покой кругомъ глубокъ.
 Съ свѣтомъ воздуха — для взора, Автандилъ — краса узора.
 На чернильныхъ озера легъ агатный потолокъ.

Свѣтитъ взоръ, хотя загашень. Въ градъ вступаютъ. Разукрашень.
 Тамъ дворецъ средь стройныхъ башень. Все въ порядкѣ. Всюду ладъ.
 И рабы стоять рядами, безупречные, какъ въ храмѣ.
 Каждый зоркими глазами Автандила видѣтъ радъ.

Вотъ они вступили въ здание. Превеликое собранье.
 Не простое засѣданье. Сто сановныхъ съ двухъ сторонъ.
 Въ сторонѣ сидятъ тѣ двое, лучезарные герои.
 Ихъ рубинъ — тепло живое. Ихъ кристаллъ — сияетъ онъ.

Начинаютъ пированье. Умножаютъ ликованье.
 Лучшихъ здравницъ пожеланья. Льется свѣтлое вино.
 Автандила угощаютъ, въ немъ родного привѣчаютъ.
 Въ тѣхъ, что здравье возглашаютъ, сердце юнымъ сожжено.

Этотъ день они сидѣли и безъ счета пили — ѣли.
 Захмѣлѣть тутъ въ самомъ дѣлѣ даже пьяницы могли.
 И зоря горитъ въ кристаллѣ. Автандила искупали.
 Въ поясъ пышный наряжали, и шелками облекли.

Витязь полонъ нетерпѣнья. Все жъ усладамъ развлеченья
 Долженъ дать онъ дней теченье. На охоту ходитъ онъ.
 Разны игры и забавы. Какъ стрѣлокъ, онъ полонъ славы.
 Кто вступалъ съ нимъ въ споръ неправый, въ достиженъ посрамленъ.

Витязь молвить до Фридона: «Быть съ тобою — оборона.
 Разлучиться — горечь стона, смерть. Но трудно долгие ждать.
 Есть другой огонь, онъ строго жжеть меня, зоветь дорога.
 И въ душѣ моей тревога, — вѣдь могу и опоздать.

Отъ тебя уйти — мученье. Но сегодня — отлученье.
 Оттого иное жженье, — съ нимъ сейчасъ мой мечты.
 Медлить путнику опасно, — пусть пойметъ онъ это ясно.
 Укажи, гдѣ солнце красно у волны увидѣлъ ты».

Тотъ отвѣтилъ: «Безъ сомнѣнья ты не встрѣтишь затрудненя
 Отъ меня. Въ тебѣ пронзенье, въ даль зовущаго, копья.
 Богъ съ тобой. Иди, прекрасный. Врагъ да сгинетъ твой, не властный.
 Но скажи мнѣ, витязь ясный, безъ тебя какъ буду я?

Но скорбѣтъ теперь безплодно. Лишь одну скажу свободно: —
 Одному идти негодно. Дамъ тебѣ я вѣрныхъ слугъ.
 Мечъ, доспѣхи, мулъ, и кони, — съ ними будешь въ оборонѣ.
 Межъ сподвижниковъ, въ ихъ лонѣ, свергнешь трудности вокругъ».

Вотъ воители, четыре. Съ вѣрнымъ сердцемъ. Въ цѣломъ мѣрѣ
 Путь проложить, дальше, шире. Будутъ въ латахъ до конца.
 Краснымъ блескомъ свѣтитъ злато. Снарядилъ Фридонъ богато
 Въ путь, и даль онъ безъ возврата — огневого жеребца.

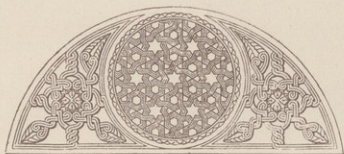
Для постели не убогой повезетъ все, крѣпконогий,
 Мулъ далекою дорогой. Провожаетъ въ путь Фридонъ.
 Въ тѣхъ, что мига идутъ разлуки, загорѣлся пламень муки.
 Отъ Фридона — жалобъ звуки: «Если бъ здѣсь быть свѣтлый онъ».

Грустный слухъ идетъ умами. Торговать ли тутъ шелками,
 Или сочными плодами? Горожанки всѣ толпой
 Сгромоздились. Тоскованье, сожалѣнья и рыданья.
 Громы въ воздухъ, стенанья. «Гдѣ онъ, солнце, день золотой?»

Вот и городъ миновали. Шумъ волны въ приморской дали.
Авандиль съ Фридономъ стали тамъ, гдѣ видѣль солнце онъ.
Тамъ изъ слезнаго затона кровь течеть подь звуки стона.
Повѣсть слышится Фридона, какъ планетный дискъ плѣнень.

«Солнце, чьи такъ бѣлы зубы, чьи — рубиновья губы,
Двое черныхъ, дики, грубы, выводили на песокъ.
На конѣ летѣль изъ дали, чтобъ сразить ихъ силой стали.
Увидали, побѣжали, быстрой птицей быть челнокъ».

Тѣмъ рассказомъ духъ волнуемъ. Путь въ немъ къ новымъ слезнымъ струямъ.
Приникаютъ съ поцѣлуемъ, обнимаетъ брата братъ.
Скрѣпой слиты неразлучной, все жъ разстались въ мигъ докучный.
Мысль и мысль — въ тоскѣ созвучной. Стройный витязь — ранить взглядъ.

28. СКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ ОТБЫЛЪ АВТАНДИЛЪ ОТЪ
ФРИДОНА, ДАБЫ ОТЫСКИВАТЬ НѢСТАНЪ-ДАРЭДЖАНЪ.

ОЛНЬИЙ мѣсяцъ, отбывая, витязь думаетъ, вздыхая.
Въ сердцѣ бьется мысль живая о прекрасной Тинатинѣ.
Молвить: «Какъ судьба жестока. Я одинъ, и ты далеко.
Но бальзамъ, по волѣ Рока, данъ тобой среди кручинъ.

Почему всегда герои въ тоскованіи и въ зноѣ?
Какъ скала, мое живое сердце бьется со скалой.
Три копыта — пронзенье злое — въ сердце мнѣ вошли, какъ въ боѣ.
Не даешь мнѣ быть въ покоѣ, мой дурманъ, съ отравной мглой».

Витязь съ четырьмя рабами, надъ прибрежными волнами,
Держитъ путь прямой песками. Таріаю гдѣ бальзамъ?
День ли, ночь ли, все едино, ищеть. Жизнь его — кручина.
Что весь міръ ему? Мякина, и не больше, въ мірѣ тамъ.

Гдѣ бы путниковъ ни встрѣтилъ, вопрошаетъ, чуть привѣтилъ,
Гдѣ тотъ блескъ, чей лучъ такъ свѣтелъ. Путь въ сто дней — томлений рядъ.
Видитъ холмъ, на немъ верблюжий караванъ съ поклажей дюжей,
И купцы, въ тоскѣ досужей, нерѣшительно стоять.

Караванъ тотъ безконечный — съ виду вовсе не безпечный.
Каждый въ немъ — съ тоской сердечной, радъ впередъ, а вотъ стоитъ.
Витязь словомъ привѣчаетъ, и его хвала встрѣчаетъ.
«Вы купцы?» онъ вопрошаетъ. «Вы откуда?» говорить.

Мудрый мужъ, съ лицомъ румянымъ, главный быть надъ караваномъ.
Звался онъ Усамъ, и станомъ онъ до юнаго склоняся,
Говорить благословеня: «Солнце, наше утѣшене.
Ты съ коня хоть на мгновенье испустился, обрадуй насъ».

Сдѣлалъ такъ. Имъ въ томъ отрада. Что жъ не сдѣлать, если надо.
«Мы торговцы изъ Багдада, Мухаммедъ у насъ пророкъ.
Вина новья не пьемъ мы. Въ градъ Царя Морей идемъ мы.
Караванъ съ добромъ ведемъ мы. Нашъ товаръ не доскутокъ».

Привело сюда скитанье. Человѣкъ здѣсь безъ сознанья
На песокъ лежать. Старанья приложили мы къ нему.
Помогли. Сталъ снова въ силѣ. И его мы спросили: —
«Кто»? Сказалъ: «Такихъ насилій не покличу ни къ кому».

Изъ Египта съ караваномъ мы поплыли къ новымъ странамъ.
Вдругъ пираты. Бьютъ тараномъ. Съ кораблемъ стряслась бѣда.
Защѣпляютъ насъ баграми. Убиваютъ насъ мечами.
Я не знаю, какъ волнами быть я выброшенъ сюда».

Левъ и солнце, оттого-то наше горе и забота.
Коль назадъ, такъ въ чемъ работа? Намъ убытки во сто кратъ.
А поѣдемъ мы волнами, вдругъ бѣда стрясется съ нами.
Какъ намъ быть, не знаемъ сами. Путь — впередъ или назадъ?»

Молвить: «Числить нѣтъ намъ смысла намъ невѣдомья числа.
Коль съ высотъ бѣда нависла, не сотрешь ея приходъ.
Смѣлость быть должна въ основѣ. Биться мнѣ съ врагомъ не вновѣ.
Кто захочетъ вашей крови, кровь его мой мечъ прольетъ».

Всѣ, что были въ караванѣ, и томились какъ въ туманѣ,
Стали веселы. «Ва изьянѣ съ этимъ смѣлымъ быть ли намъ?
Мы трусливы, а въ героѣ сердце вовсе не такое».
Манить поле ихъ морское. И поплыли по волнамъ».

Мчитъ корабль ихъ ходомъ рьянымъ. Веселятся днемъ румянымъ.
Атаандилъ имъ атаманомъ. Смѣлый быть велитъ смѣлѣй.
Вонъ корабль. На немъ пираты. Длинень вымпелъ ихъ разъятый.
И таранъ грозитъ рогатымъ, для разлома кораблей».

Ближе, ближе, завопили. Кличутъ, въ трубы протрубили.
 Въ страхъ всё торговцы были предъ воинственной толпой.
 Витязь молвить: «Гѣ пожары мы лишимъ ихъ страшной чары.
 Всѣхъ сразятъ мои удары, или часть здѣсь смертный мой.

Что написано, свершится. Вся земля пусть ополчится,
 Рокъ рѣшить, и не случится злключенья никогда.
 А рѣшить, вотъ копыя нынѣ. Не помогутъ тутъ твердыни,
 Ни друзья, хотя бѣ въ дружинѣ. Знай, и будешь смѣль всегда.

Вы, купцы, народъ несмѣлый, въ дѣлѣ битвы неумѣлый.
 Полетятъ отъ нихъ къ вамъ стрѣлы, — уходите-ка за дверь.
 Посмотрите, какъ единымъ здѣсь я встану исполиномъ,
 Волю давъ размахамъ львинымъ, кровь ихъ всѣхъ пролью теперь».

Быстрый барсъ, надѣль онъ латы. По бронѣ огонь богатый.
 Съ тяжелой палицей поднятой, передъ вражымъ кораблемъ,
 Онъ стоитъ неустрашимый, въ смѣлой мощи несравнимый.
 Взоромъ витязя крушимый, врагъ сраженъ его мечомъ.

Вотъ спѣшать всѣмъ вражымъ станомъ, возопили гласомъ пьянымъ.
 И хотятъ метнуть тараномъ. Вотъ таранъ приблизилъ рогъ.
 Онъ проворнымъ взоромъ кинулъ. Тяжкой палицею ринулъ.
 И таранъ сломилъ, содвинулъ. Львиной хваткой подстергъ.

Мѣтко. Гдѣ таранъ рогатый? Вотъ онъ съ палицей поднятой,
 Врагъ бѣжать, трепещеть, смятый. Онъ молотить какъ цѣпомъ.
 Вынулъ мечъ, мечомъ ихъ рубить. Каждый взмахъ ихъ страхъ сугубить.
 Здѣсь никто ужъ не затрубитъ. Всѣ избѣчены кругомъ.

Какъ козлиное ихъ стадо. Смерть пируеть. Такъ и надо.
 Ихъ ли будетъ здѣсь засада? Трупы мечеть въ море онъ.
 Одного онъ о другого, и седьмого о восьмого.
 Тѣ, кто живъ, межъ мертвыхъ, — крова ищутъ, сдавливаютъ стонъ.

Все какъ ядаль. Герою вѣдомъ достовѣрный путь къ побѣдамъ.
 Тотъ, другой, кровавымъ слѣдомъ, подползаетъ, — въ его ногахъ
 Съ умоленнымъ жалкимъ взглядомъ, «Не убей!» зовутъ, «Попада!»
 Благовѣстье вспомнить надо: «До любви приводитъ страхъ».

Человѣкъ, своею силою не хвались: Вмигъ будешь хилый
И спознаешься съ могилой, коль помочь не хочетъ Богъ.
Искра вспыхнетъ — и въ пожары тѣбѣ облекся. И удары,
Если съ Богомъ, будутъ яры, — тутъ чурбанъ не будетъ плохъ.

Авандиль бросаетъ взгляды. Въ корабль онъ видитъ клады.
Караванъ зоветъ, и рады тѣмъ сокровищамъ кучцы.
И Усамъ развеселился. Передъ юнымъ преклонился.
Такъ въ хвалахъ онъ изловчился, что изъ словъ онъ сплелъ вѣщи.

Для хваленій Авандила быть должна такая сила,
Что и тысячи бы было недовольно языковъ.
Караванъ вскричалъ: «Создатель! Солнца Ты ниспосылатель!
Въ немъ сіяній намъ даятель. Вышли къ дню мы, бросивъ ровъ».

Вкругъ него они ликуютъ. Ликъ плѣнительный милуютъ.
Руки, ноги, всё цѣлуютъ. И съ него не сводятъ глазъ.
На красиваго кто глянетъ, тутъ и мудрый глупымъ станеть.
Хоръ твердить не перестанеть: «Изъ злосчастья спасъ ты насъ».

Витязь молвить: «Божья воля. Какъ рѣшить, такъ будетъ доля.
Что съ небеснаго намъ поля низойдетъ, то суждено.
Силы высшія наставятъ. Нужно, — то, что скрыто, явятъ.
Глушы тѣ, что здѣсь лукавятъ. Что идетъ, придти должно.

Богъ явилъ вамъ состраданье, не дозволилъ изліянья
Вашей крови. Въ томъ дѣянье — не мое. Что я? Земля.
Все жъ убилъ врага лихого, и свое сдержалъ я слово.
Всю добычу вы съ чужого принимайте корабля».

Если витязь, въ схваткахъ славныхъ, средь дѣяній своенравныхъ
Превзошелъ своихъ же равныхъ, сколь прекрасенъ этотъ видъ.
Поздравляютъ. Онъ — вношенный. Видъ у прочихъ пристыженный.
Раненъ онъ. Съ рукой пронзенной. Но не очень тамъ болитъ.

Такъ, низвергнуты пираты. Ихъ корабль, гдѣ кладъ богатый,
Онъ амбаръ теперь разъятый. Тамъ добыча хороша.
Всѣ богатства изобилій на корабль къ себѣ сносили.
Жгли его, и потопили. Онъ не стоитъ ни гроша.

Шлетъ Усамъ до Автандила вѣсть: «Гласятъ купцы: Ты сила.
Насъ та мошь освободила. Дать ты намъ не пастъ на дно.
Что имѣли, въ полной чашѣ все твое. Ты солнца краше.
Что намъ дашь, то будетъ наше. Въ томъ составили звено».

Витязь молвить: «Братья, нынѣ вашей Богъ помогъ кручинѣ.
Не даль смерть найти въ пучинѣ. Что жь томитесь вы, стени?
Я при чемъ тутъ? Не умѣю вашихъ словъ постичь. Мою
Волей что свершу? Имѣю лишь себя я и коня».

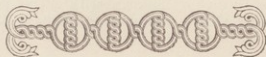
Мнѣ въ сокровищахъ отрада здѣсь какая жь? Все, что надо,
Я имѣлъ на радость взгляда, — и шелковъ моихъ не счесть.
Что же дѣлать мнѣ съ дарами, предлагаемыми вами?
Я лишь другъ вашъ надъ волнами. Мысль во мнѣ иная есть.

Здѣсь сокровища несчетны. Выбирайте въ часъ охотный.
Мой подарокъ — безотчетный. Я не стану васъ судить.
Но одно мое желанье сообщу я вамъ для знанья.
Цѣль имѣю для скитанья. Нужно тайну сохранить.

До тѣхъ поръ, какъ часъ настанетъ, кто ни спроситъ, кто ни глянетъ,
Каждый пусть его обманетъ: Главный я средь васъ купецъ.
Я не витязь. Одѣваться буду такъ и торговаться.
Только чуръ не проболтаться. Въ братствѣ тайну скрыть — вѣнецъ».

Чуть онъ высказалъ желанье, между ними ликованье.
Молвятъ: «Въ этомъ упованье было нашихъ всѣхъ сердце.
Ты сказала, — той самой цѣли мы въ умахъ своихъ хотѣли: —
Послужить тебѣ на дѣлѣ, солнца ликъ и образецъ».

Больше часть свой не теряли, и безъ горя, безъ печали,
Въ путь дальнѣйшій отплывали, съ жаждой видѣть берега.
Видѣть витязя имъ мило. Имъ погода ворожила.
Пѣли пѣснь про Автандила, и дарили жемчуга.

29. СКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ ПРИБЫЛЪ АВТАНДИЛЪ
ВЪ ГУЛЯНШАРО.

ТРОИНЫЙ станъ и свѣтъ во взорѣ, Автандилъ
[проѣхалъ море.
Вотъ и берегъ. И въ просторѣ — городъ, тонущій
въ садахъ.
Это все очарованье какъ вложу я въ описанье?
Сколько разнаго сіянья въ заколдованныхъ
цвѣтахъ.

Все въ дыханьи аромата. И къ оградѣ, что богата,
Три тяжелые каната протянули свой конецъ.
Сталь корабль. И за товаромъ ходятъ крючники — не даромъ.
Витязь — съ малымъ онъ и старымъ, точно главный онъ купецъ.

И садовникъ тутъ изъ сада, увидавъ зарницы взгляда,
Поспѣшилъ къ нему. «Что надо?» Радъ служить, склонился весь.
Автандилъ его сердечно привѣчаетъ безупречно: —
«Чи вы люди? И конечно есть и царь надъ вами здѣсь?»

Молвить: «Какъ у васъ ведется? Что дороже продается?
Что дешевле отдается? Вотъ товаръ, — какъ быть намъ съ нимъ?»
«Солнце съ ликомъ ты красивымъ», молвить тотъ, «неторопливымъ
Словомъ все скажу правдивымъ, съ указаньемъ не кривымъ.

Край Морей зовется это царство, полное расцвѣта.
Гуляншаро — городъ свѣта, Гулянъ-Шахръ — тотъ градъ Цвѣтовъ.
Что красиво, все, что въ славъ, къ намъ плыветь, — и сны здѣсь въ яви.
Царь же нашъ — Меликъ Суркхави, благъ, достоинъ онъ даровъ.

Десять мѣсяцевъ въ просторѣ корабли изъ моря въ море
Къ намъ сюда. Здѣсь въ дружномъ хорѣ—игры, пѣсни, пирь, и плясъ.
Зиму, также какъ и лѣто, здѣсь цвѣты въ огняхъ расцвѣта.
Старый юнгъ здѣсь. Знаютъ это и враги, глядя на насъ.

Кто споривистъ, покупаетъ, продаетъ, глядишь, теряетъ,
Изловчился, наживаетъ. Не сидимъ мы тутъ безъ дѣлъ.
Здѣсь товаръ не залежится. Покупатель не скупится.
Даже бѣдному случится— въ мѣсяцъ, въ годъ разбогатѣть.

У Усена полноправный я садовникъ. Самъ онъ главный
Изъ купцовъ. Хозяинъ славный. И уставъ его таковъ.
Этотъ садъ — здѣсь отдыхаютъ, и товары выставляютъ.
Что цѣннѣй, ему являютъ изъ завѣтныхъ сундуковъ.

Тѣ купцы, что покрушѣе, даръ ему, и не жалѣя,
Поднесутъ — и веселѣе станеть вмигъ, — торгуй любой.
Для царя товаръ богатый, наилучшій, — тотчасъ платой
Онъ покрыть. И тароватый сразу торгъ обмыслить свой.

Онъ встрѣчаетъ съ неизмѣнной лаской, если кто почтенный
Прибыль. Здѣсь бы безсомнѣнно быть, да вѣтъ его въ дому.
А не то бь иныя рѣчи, онъ бы радъ быть этой встрѣчѣ.
Ну да это недалече. Помощь есть у насъ всему.

Фатъма Кхатхунъ здѣсь, супруга. Въ ней любезность и услуга,
Встрѣтитъ ласково, какъ друга. Будешь въ домѣ какъ въ своемъ.
Къ ней дорога не окольна. Встрѣтитъ гостя хлѣбосольно.
Тамъ всего у насъ довольно. Гордѣ видѣть нужно днемъ».

Молвить витязъ, съ лаской взгляда: «Сдѣлай такъ, какъ сдѣлать надо».
И бѣжать тому — отрада. До груди струится потъ.
Онъ къ владычицѣ стремится. «Ну, могу я похвалиться.
Тамъ такой, что не приснится. Юный глянеть, — свѣтъ блеснеть».

Караванъ ведетъ торговый. Съ рѣчью ласковой, медовой.
Кипарисъ онъ, мѣсяцъ новый. Тотъ коралловый тюрбанъ
Какъ идетъ къ нему. Какъ стройно онъ стоитъ. Спросилъ спокойно: —
«Какъ устроить все достойно? Въ чемъ обычай этихъ странъ?»

Фатъма въ радостяхъ безмѣрныхъ. Посылаетъ десять вѣрныхъ.
И для выставокъ примѣрныхъ вотъ онъ, каравансарай.
И приходитъ розощекій, тотъ агатно-свѣтлоокій.
Левъ онъ поступью широкой. Ноги барса. Примѣчай.

Эта выставка не лавка. Ужь какая же тамъ давка.
Не товары брать съ прилавка. Юный свѣтитъ. Онъ заря.
«Это видѣть — хоть до ночи». Души взяты. Смотрятъ очи.
Что мужья. Ихъ умъ короче. Съ ними быть — томиться зря.

30. СКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ ПРИВЫЛЪ АВТАНДИЛЪ
КЪ ФАТЬМЪ, КАКЪ ПРИНЯЛА ОНА ЕГО,
И КАКЪ ВЕЛИКА БЫЛА ЕЯ РАДОСТЬ.

АМЪ, гдѣ входъ и гдѣ ограда, Фатъма гостя
встрѣтитъ рада,
На лицѣ ея услада. И Усенова жена,
Говоря привѣта слово, проситъ гостя дорогого
Сѣсть. Увидѣвши чужого, не соскучилась она.

Фатъма, взоры притягая, хоть не юная, живая,
Круглолица, не сухая, смуглолицая притомъ.
И любительница хоровъ, вышитъ между разговоровъ.
Головныхъ у ней уборовъ и нарядовъ полноъ домъ.

Гостя ужинать съ ней проситъ. Мѣтко молвитъ, мѣтко спроситъ.
Онъ подарки ей подноситъ. Все красивые дары.
И хозяйка ликовала. И сидѣла, и вставала.
Витязь пилъ и ѣлъ не мало. Спать. Ужь часъ ночной поры.

Утромъ вынулъ онъ товары. Въ нихъ игранье пышной чары.
Смотритъ малый, смотритъ старый. И цѣна всему своя.
Для царя — что поцѣннѣ. Нагрузилъ купцовъ скорѣе.
«Продавайте, не робѣя. Не откройте лишь, кто я».

Какъ купецъ онъ былъ одѣтый. Не доспѣховъ свѣтять свѣты.
Фатъма шлетъ ему привѣты. Навѣщаетъ Фатъму онъ.
И сидятъ, и говорливы. Рѣчи между нихъ учтивы.
А уидеть къ себѣ красивый, умъ ея тоской плѣнень.

31. СКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ ПОЛЮБИЛА ФАТЪМА
АВТАНДИЛА, И КАКЪ НАПИСАЛА ОНА ЕМУ
ПОСЛАНИЕ СВОЕ.

УЧШЕ, вотъ слова зарока, быть отъ женщины далеко.
Отъ игранья и намека быстро къ власти перейдетъ.
Завладѣть до пронзенья, и предасть въ одно мгновенье.
Слово тайны и значенья, въ слухъ къ ней сдерживай
полетъ.

Фатъмъ сердце страсть пронзила, возжеланье Автандила.
И любви возростала сила, жгла ее своимъ огнемъ.
Скрыть ее она хотѣла. Скрыть пожаръ? Пустое дѣло.
И владычица скорбѣла. Слезы падали дождемъ.

«Если я скажу признанье, гнѣвъ въ немъ, и прощай свиданья.
Не скажу, — вдвойнѣ терзанья, буду въ пламени вокругъ.
Нѣтъ, скажу я, безъ сомнѣнья. Смерть иль жизнь, его рѣшенье.
Какъ же врачъ найдеть лѣченье, коль не знаетъ онъ недугъ?»

И раскрывъ свои страданья, пишетъ юношѣ посланье.
Очень жалостно писанье, преисполнено тоски.
То посланье образцово. Глянь, не бросишь, — будешь снова
Видѣть, какъ любовь сурова, — не порвешь письмо въ клочки.

32. ЛЮБОВНОЕ ПОСЛАНИЕ ФАТЬМЫ КЪ АВТАНДИЛУ.

ОЛНЦЕ! Богу так угодно, чтобы солнцем ты свободно
Лиль лучи. Терзанье сродно съ тѣмъ, кто отъ
тебя вдали.
Кто вблизи, тобой сжигаемъ. До планетъ ты
восхваляемъ.
Глянешь, — сердце дышетъ Раемъ. Увидаль тебя, —
хвали.

Ты посмотришь, — гдѣ угрозы? Въ сердцѣ свѣтъ влюбленной грезы.
Ты красивый стебель розы. Трепетать бы соловью.
Ликъ твой — цвѣтъ садовый ранить. И моя краса здѣсь вянетъ.
Если лучъ твой не достанетъ, жизнь иссушишь ты мою.

Богъ свидѣтель, съ словомъ -лаской я иду, полна опаской.
Но терпѣнье стало сказкой, — нѣтъ его, и въ сердцѣ тьма.
Вѣчно ль въ мукахъ быть повторныхъ — отъ рѣсеницъ, отъ копій черныхъ?
Помоги, безъ словъ укорныхъ, а не то сойду съ ума.

До тѣхъ поръ, пока отвѣта на мое посланье это
Нѣтъ, — не знаю, ждать ли свѣта, ты убьешь иль дашь мнѣ жить, —
Все жъ еще я существую, но терплю я пытку злую.
О, часы, когда тоскую! Жизнь иль смерть? Нельзя рѣшить».

Это къ витязю признанье Фатъма шлетъ, полна терзанья.
Онъ читаетъ то посланье какъ сестры или родной.
«Ей искать меня не стыдно. Сердце ей мое не видно.
И сравнить ее обидно съ той, возлюбленною мной.

Развѣ воронъ, пролетая, нуженъ розѣ? Здѣсь живая
Не достанетъ, воспѣвая, пѣснь хваленья соловья.
То, что сдѣлать непристойно, бесполезно и нестройно.
Что за вздоръ тутъ пишеть знойно! Что за рѣчь, чтобъ слушать я!»

Предаваясь размысленьямъ, такъ онъ думалъ съ осужденьемъ.
И съ такимъ онъ былъ рѣшеньемъ: «Можешь мнѣ лишь ты помочь.
Если, въ путь пойдя, ищу я той, кѣмъ другъ горитъ, тоскуя,
Чтобъ найти, все совершу я. И другія мысли — прочь».

Здѣсь проходить путь-дорога. Эта женщина здѣсь много
Видитъ всякихъ. У порога путникъ — ей желанный другъ.
Пусть извѣдаю горѣнье, — къ ней явлю соизволенье,
Нить найду въ ней для стремленья. Долгъ ей мой отдамъ я вдругъ».

Молвить: «Женщина, влюбляясь, съ милымъ сердца не стѣняясь,
Все расскажетъ, открываясь. Что ей стыдъ, и что позоръ.
Такъ. Для этого влюбленья дамъ свое соизволенье.
Можетъ, вдругъ оповѣщенье проскользнетъ въ нашъ разговоръ».

Самъ себѣ слова совѣта молвить: «Ежели планета
Ворожить, свершится это. Нужно, — нѣтъ; ненужно, — вотъ.
Такъ со мной, и я въ туманѣ. Миръ весь въ сумеречной ткани.
Что бы ни было тамъ въ жбанѣ, опрокинь, и потечеть».

33. ОТВѢТНОЕ ПОСЛАНИЕ АВТАНДИЛА КЪ ФАТЬМЪ.

БЫ ПИСАЛА и хвалила. То прочесть мнѣ было мило.
Ты меня предупредила. Больше я, чѣмъ ты, томимъ.
Хочешь ты. Мое хотѣнье также въ пламенахъ горѣнья.
Рѣшено соединенье, если оба такъ хотимъ».

Чуть письмо дошло до взгляда Фатьмы, вся она
успада.

И ему отвѣтить рада: «Слезы я лила въ тиши.
Будеть. Я жива тобою. Я вечернею порою
Буду ждать тебя душою. Буду я одна. Спѣши».

Вотъ и ночь идетъ нѣмая. Витязь въ путь. Его встрѣчая,
Рабъ другой — и вѣсть другая: «Нѣтъ, сегодня я не яду.
Для тебя я не готова». Онъ читаетъ это слово.
Все жъ идетъ, сказавъ сурово: «Это что же все — въ бреду?»

За отмѣной приглашенья онъ пришелъ. Полна смущенья
Фатьма тамъ. Ея волненье ясно видитъ Автандилъ.
Безпокойна, обликъ странный. Но, чтобъ быть ему желанной,
Прячетъ страхъ свой, точно жданный онъ сюда свой ликъ явить.

Начинають цѣловаться, играмъ нѣжнымъ предаваться.
Вдругъ, — какъ можетъ это статься? — стройный юноша въ дверяхъ.
Рабъ за нимъ, и мечъ рукою, крѣпко держитъ щитъ другою.
«Здѣсь я встрѣтился съ горою», молвить юный, чья страхъ.

Увидаль онь Автандила. Покидаеть Фатьму сила.
Обомлѣла. Было мило обниматься, а теперь?
Гость сказалъ: «Пришелъ нектати. Не прерву твоихъ объятій.
Но ужь завтра часъ проклятій ты съ зарей узнаешь, вѣрь.

Ты меня здѣсь въ мигъ свиданья предаешь на посмѣянье.
Отплатчу за то дѣянье. Будешь собственныхъ дѣтей
Вѣть своими ты зубами. Такъ свершу. Иль — не словами —
Плюнь мнѣ въ бороду плевками, — пусть бѣжусь среди полей».

Тутъ тряхнулъ онь бородою, сжавъ ее своей рукою.
Вышелъ. Биться головою Фатьма въ скорби начала.
Ликъ ногтями разрываетъ. Кровь со щекъ какъ ключъ стекаетъ.
«Камень! Камень!» восклицаетъ. «Чтобъ толпа убійцъ пришла».

И скорбитъ, и возопила: «Вотъ, супруга я убила.
Малыхъ дѣтокъ погубила. Разметала я какъ соръ
Наши пышныя владѣнья, драгоценныя каменья.
Мнѣ самой уничтоженье. И слова мои позоръ».

Витязь эти восклицанья слышитъ, слушаетъ рыданья.
«Въ чемъ причина тоскованья?» вопрошаетъ, самъ смущенъ.
«Успокойся, молви слово. Что въ тебѣ нашель онь злого?
Почему гровилъ сурово? И зачѣмъ бродилъ здѣсь онь?»

Говоритъ она, стеная: «Левъ! Отъ плача безъ ума я.
Что скажу? Минута злая. Вотъ, застигла, жизнь губя.
Я дѣтей моей рукою умертвила. За тобою
Погналась въ любви душою, и убила тѣмъ себя».

Непремѣнно такъ случится съ тѣмъ, кто тайной тяготится,
Болтовней разоблачится, въ суесловьи видитъ медь.
Всѣмъ теперь скажу съ рыданьемъ: «Помоги мнѣ тоскованьемъ».
Что тѣмъ дѣлать съ врачеваньемъ, кто свою же кровь испьетъ?

Здѣсь не два, одно лишь слово. Ничего не жди другого.
Можешь, такъ того лихого, ночью, тотчасъ же убей.
Весь мой домъ отъ погубленья, и меня отъ убѣнья,
Ты спасешь. Въ часъ возвращенья, скорби смейцъ скажу моей».

Если жь нѣтъ, не ожидая кары, весь товаръ слагая
 На ослонь, спѣши изъ края, — твой побѣгъ сокроетъ тьма.
 Такъ онъ это не оставитъ. При дворѣ меня оставитъ.
 Преду мной дѣтей поставить, чтобъ я съѣла ихъ сама».

Слыша тѣ восклицановеня, гордый, полонъ дерзновеня,
 Витязь всталъ, свершитъ рѣшенье. Твердый жеалъ въ рукѣ его.
 Какъ онъ смѣлъ, и какъ прекрасенъ. «Смысль всего теперь мнѣ ясенъ».
 Въ мигѣ схватки онъ ужасенъ, не похожъ ни на кого.

И его до Фатмы слово: «Дай кого-нибудь такого,
 Чтобъ средь сумрака ночного показали дорогу мнѣ.
 Лишь дошли бы вѣрно ноги, тамъ не нужно мнѣ подмоги.
 Расскажи, какъ были строги эти руки, мстя вдвойнѣ».

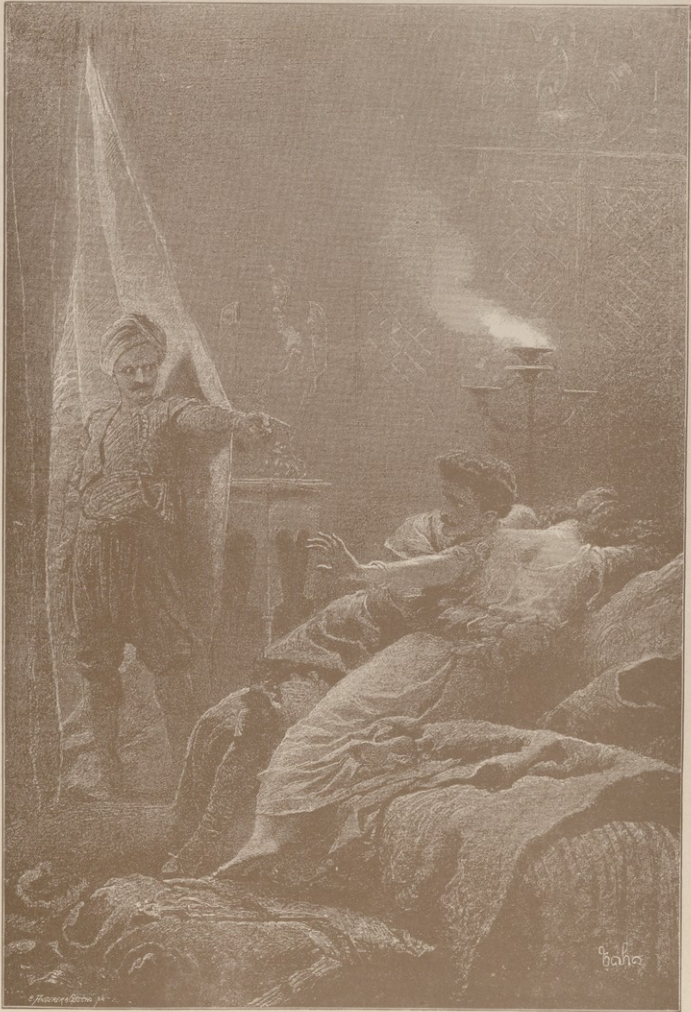
Съ нимъ раба она послала. Будеть вырвано то жало.
 И востлѣдъ ему вскричала: «Головня сгоритъ когда,
 Вспомни въ часъ, какъ огонь дордѣбеть, жечь меня ужь не посмѣеть, —
 Онъ кольцо мое имѣеть, — принеси его сюда».

Авандиль съ огнемъ во взорѣ вышелъ за городъ, гдѣ море.
 Тамъ вадымался на просторѣ изумрудно-рдяный домъ.
 Тамъ въ покаяхъ, радость часа, всюду пышность и прикраса.
 Надъ террасою терраса. И великъ его объемъ.

Авандиль, туда ведомый, видитъ пышныя хоромы.
 Онъ, въ душѣ лелѣя грома, слышитъ шопотъ: «Это тутъ.
 На террасѣ тамъ стоитъ онъ. Ночью тамъ лежить и спитъ онъ.
 А предъ тѣмъ въ мечтахъ сидитъ онъ, сокращая бѣгъ минутъ».

Гдѣ сплелась лихая пряжа для злочастнаго, два стража
 Передъ дверью спятъ. И даже не шурша, онъ въ быстрый сронъ
 Тамъ. Беззвучная походка. Та, другая сжата глотка.
 Стиснуль головы онъ четко. Мозгъ и волосы — въ комокъ.

34. СКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ УМЕРТВИЛЪ АВТАНДИЛЪ
ШАХЪ-НАГИРА И ДВУХЪ ЕГО СТРАЖЕЙ.

НЪ ЛЕЖАЛЪ въ своемъ покоѣ, юный, съ сердцемъ въ
гнѣвномъ зноѣ.
Какъ видѣнне почное, вдругъ, кровавый, передъ нимъ
Автандилъ, безъ промедленья, встать не давъ ни на
мгновенье,
Хвать, и кончено свершенье, вмигъ убилъ ножомъ
своимъ.

Солнце онъ для всѣхъ глядящихъ, звѣрь врагамъ и ужась въ чашахъ.
Палецъ съ перстнемъ, весь въ блестящихъ самоцвѣтахъ, срѣзалъ онъ.
Поднявъ сильными руками трупъ. Въ огню. Лежи съ песками.
Море будетъ бить волнами. Не въ могилѣ погребенъ.

Звука не было въ той схваткѣ. Витязь вышелъ безъ оглядки.
Ахъ, цвѣты у розы сладки. Что въ немъ вспыхнуло огнемъ?
То откуда озлобленъ? Это прямо удивленъ.
Какъ свершилъ онъ убиенье, вышелъ тѣмъ же онъ путемъ.

Левъ, умильно говорящій, витязь, солнцемъ здѣсь горящій,
Къ Фатъмѣ въ домъ приходитъ спящій. Говоритъ :«Не живъ ужъ онъ.
Рабъ твой въ этомъ поклонится. Свѣтъ предъ юнымъ не зажжется.
Палецъ съ перстнемъ вотъ. И льется кровь съ ножа, онъ обагрентъ.

Дай теперь мнѣ изъясненъ словъ своихъ и возмущенья.
Чѣмъ грозилъ онъ? Нетерпѣнне говоритъ черезъ меня». —
И обнявъ его колѣни, Фатъма молвить: «Лишь свершенъ!
Больше нѣтъ моихъ мученій. Нынѣ выйду изъ огня.

Не возникнет путь къ измѣнамъ. Я теперь, съ моимъ Усеномъ
И съ дѣтьми, не смята плѣномъ, не погибну въ жалкій часъ.
Льва хвалить, все будетъ мало. Кровь проливъ, ты вырвалъ жало.
Все повѣдаю съ начала. Слушай долгій мой рассказъ.

35. СКАЗЪ ФАТЬМЫ КЪ АВТАНДИЛУ О
НЭСТАНЪ - ДАРЭДЖАНЪ.

СТЪ У НАСЪ обыкновеень, въ этомъ градѣ въ день
рожденья
Года Новаго — забвенеь всякихъ дѣлъ, торговли
нѣтъ.
Въ путь никто не выѣзжаетъ. Всякъ себя да
украшаетъ.
И владыки назначаютъ пышный царственный обѣдъ.

Мы идемъ, народъ торговый ко двору, для встрѣчи новой,
Поднести дары готовы и принять ихъ отъ царей.
Деять дней звучатъ кимвалы, тамбурины. Старый, малый
Въ мячъ играютъ. Праздникъ алый. Копья, смѣхъ и бѣгъ коней.

Мужъ, Усень мой, надъ купцами, я надъ женами, и сами
Все мы знаемъ, тѣшась днями, всей согласною толпой.
Тѣ, что бѣдны и богаты, даръ царицѣ къ ней въ палаты.
И, весельемъ всѣ объаты, возвращаемся домой.

Новый Годъ — въ лучахъ денницы. Мы съ дарами до царицы.
И она своей сторицей даръ даетъ богатый намъ.
Послужили и не служимъ. Веселимся, а не тужимъ.
Всѣ другъ съ дружкой, а не съ мужемъ, забавляемся мы тамъ.

Вечерь. Вышла я до сада. Женъ купеческихъ мнѣ надо
Занимать. И намъ услада — въ пѣньи радостныхъ пѣвцовъ.
Было пѣсенъ тамъ немало. Какъ ребенокъ, я плясала.
Цвѣтъ волосъ я измѣняла, облеклась въ другой покровъ.

Были тамъ въ саду чертоги, и возвышенны и многи.
Стоя въ каждомъ на порогѣ, можно море созерцать.
И изъ оконъ видно море, въ голубомъ его просторѣ.
Тамъ въ веселомъ разговорѣ вся въ пирушкѣ наша рать.

Всѣ себя тамъ веселили. Пиръ нашъ длился въ полной силѣ.
Вдругъ, когда мы ѣли, пили, безъ причины мѣлю я.
Увидавъ недомоганье, эти сестры ликованья
Распростились. И молчанье. Въ сердцѣ сажа — какъ струя.

Въ сердцѣ грусть свой мракъ виѣдрила. Вотъ окно я отворила.
И тоски растущей сила отошла, дышать могу.
Что-то малое, мелькая, звѣрь-ли, птица-ли морская,
Въ морѣ бьется, достигая края волгъ на берегу.

То, что въ дали, съ влагой ходкой, было птицей, въ близи четкой
На побережья стало лодкой. Черныхъ два по сторонамъ
Человѣка. Лица черны. Видъ внимательно-дозорный.
Женскій ликъ межъ нихъ въ узорной ткани. Видно все глазамъ.

Изнутри я наблюдала. Лодка къ берегу пристала,
Противъ сада. Противъ вала перемѣнный быстрый бѣгъ,
Вышли, смотря, вражья сила ихъ нигдѣ не сторожила.
Все безгласно какъ могила. Спать и звѣрь, и человѣкъ.

Ларь изъ лодки вынимали. Крышку бережно снимали.
И въ красивѣйшей печали вышла дѣва какъ въ мечтѣ.
Изумрудно облаченье. Черной ткани затѣнье
Вкругъ лица. Зари явленье не сравнится въ красотѣ.

Дѣва ликъ свой повернула, молній щекъ ко мнѣ блеснула,
Свѣтомъ въ небо заглянула, въ свѣтахъ тихая гроза.
Я завѣсой дверь прикрыла, и меня не видно было.
Такъ лучей горѣла сила, — я прищурила глаза.

Четырехъ рабовъ зову я. Наказавъ, имъ говорю я: —
«Красоту красотъ воруя, что Индійцы держать здѣсь?
Тихо, быстро доходите. Не бѣгите, а скользите.
Продадутъ, тогда купите. Вотъ вамъ кладъ, отдайте весь».

Если жь нѣтъ, ихъ не жалѣйте. Взять ее, а ихъ убейте.
Сдѣлать ловко все сумѣйте. Чтoby сюда придти съ луной).
И невольники скользили. Начать торгъ, не уступили.
Были черные не въ силѣ. Ликъ у нихъ былъ очень злой.

Я съ высокаго предѣла изъ окна на нихъ глядѣла.
Визжу все. Кричу имъ: «Смѣло! Смерть имъ!» Взмигъ, средь тишины,
Прочъ имъ головы, по плечи. Въ море, тамъ иная рѣчи.
И къ красилицѣ до встрѣчи. Съ нею вмѣстѣ отъ волны.

Эти чары, упоенье, какъ вложу я въ восхваленья?
Гдѣ найду я ей сравненья? Солнце — солнце лишь для глазъ.
А она и въ сердцѣ, свѣтомъ, разожженнымъ и согрѣтымъ,
Солнцемъ, въ пламенахъ одѣтымъ, солнцесвѣтла каждый часъ.»

Фатъма ликъ свой рветъ ногтями. Слезы витязя — ручьями.
Лишь о ней полны мечтами, что безумнымъ дорога.
Вотъ, другъ другомъ позабыты. Съ ней, далекой, мысли свиты.
Слезы глазъ ихъ вновь излиты на нѣжнѣйшіе снѣга.

Такъ наплакались, что больно. Авдандилъ сказалъ: «Довольно.
Продолжай.» И Фатъмѣ вольно длить сказаніе свое.
«Все ей дать, казалось мало. Всю ее я цѣловала.
Утомила, обнимала. Полюбила я ее.

Говорю ей, вопрошая: «Изъ какого рода, края?
Сонцесвѣтлость золотая. Какъ до черныхъ тѣхъ рабовъ
Ты отъ гроздій звѣздъ спустилась?» Посмотрѣла, омрачилась.
И ни слова. Только лилось, слезныхъ, сто изъ глазъ ручьевъ.

За вопросомъ я съ вопросомъ. Счета нѣтъ нѣжнѣйшимъ росамъ.
По агатовымъ откосамъ изъ нарциссовъ льется токъ.
И рубины влагой мочить, хрустали продленьемъ точить.
Ничего сказать не хочеть. Я сгорѣла. Хоть намежь.

Вотъ промолвила, вздыхая: «Ты мнѣ мать. Ты мать родная.
Что бь сказать тебѣ могла я? Въ чемъ бесплодный мой рассказъ?
Сказка въ долгій часъ ненастья. Ты являешь мнѣ участие.
Но Всевышній мнѣ злосчастье умножаетъ каждый часъ.»

Я подумала: «Не время отягчать страданій время.
Муки сердца — злое племя. Обезумѣть можно такъ.
Я не во-время пытаю. Солнце спрашивать, алатую
Ту денницу молодую — мучить мнѣ нельзя никакъ.

Этотъ свѣтъ необычайный отвожу въ покой я тайный.
И въ тоскѣ по ней, въ безкрайной, упадаю сердцемъ ницъ.
И въ парчу ее одѣли. Не въ худое, въ самомъ дѣлѣ.»
Плачешь. Розы помертвѣли. Снѣжный вихрь летитъ съ рѣсницъ.

Солнцеликое алоэ въ тайномъ скрыла я покоѣ.
Существо туда живое не входило. Тишина.
Отдѣленность. Только вѣрный черный рабъ слуга примѣрный.
Я, чтобъ быть въ томъ достовѣрной, къ ней входила лишь одна.

Не смогу изображенья дать тебѣ ея томленья,
Всѣ причуды поведенья. Плачешь, плачешь день и ночь.
«Такъ нельзя», скажу, «томиться.» На минуту подчинится.
Какъ же такъ могло случиться, что она исчезла прочь?

Скрылось солнце почему же? Было хуже все и хуже.
Слезы тамъ скоплялись въ лужѣ, гдѣ она склоняла ликъ.
Въ черной безднѣ тамъ агаты. Острия рѣсницъ разъяты.
И надъ жемчугомъ гранаты, и кораллы, и сердоликъ.

Только слезы, то и дѣло. Въ скорби не было предѣла.
Распросить я не успѣла, кто она, и въ чемъ бѣда.
Лишь спрошу, трепещетъ въ зноѣ, кровь струится изъ алоэ.
Сердце можетъ-ли людское снести такую боль когда.

На постели не лежала. Ей не нужно одѣяла.
Только шалью ликъ скрывала. Быть одинъ на ней покровъ.
И подушкой тяготеется, прямо на руку ложится.
Очень рѣдко согласится съѣсть хоть пять, хоть шесть кусковъ.

Нужно мнѣ сказать вначалѣ о воздушной этой шали.
Здѣсь мы кое-что видали, но такого никогда.
Вещество мнѣ неизвѣстно. Мягкость тонкая чудесна.
Но составъ такъ сложенъ тѣсно, точно скована руда.

Так прекрасную скрывала. И прошло уж дней немало.
 Мужу я не доверяла. Разболтасть негодяй.
 При дворѣ онъ все расскажетъ, руки — ноги этимъ связать.
 Если путь ко мнѣ покажетъ, и сокровище прощай.

Мнѣ приходится таяться. Часто нужно отлучиться.
 Я на что жь должна рѣшиться? размышляю я съ собой.
 Отчего скорбятъ сердечно? И скрываться можно ль вѣчно?
 Мужъ узнаеть, — онъ конечно будетъ мой убійца злой.

Какъ скрывать уединеньемъ солнце съ пламеннымъ горѣньемъ?
 Какъ помочь ея мученьямъ? Долженъ быть оповѣщенъ
 Мужъ мой. Въ чемъ же тутъ измѣна? Клятву я возьму съ Усена.
 Слово чести вѣдь не пѣна. Клятвъ ломать не будетъ онъ.

Къ моему иду супругу. Ласковъ, вѣжны мы другъ къ другу.
 Говорю: «Яви услугу. Что-то я тебѣ скажу.
 Но клянись мнѣ чрезвычайно, что сохранной будетъ тайна.
 Клятвы рѣчь не краснобайна: «Пусть какъ колосья на межу, —

На скалу съ высотъ паду я. Хоть бы смерть пришла, связуя,
 Этой тайны не скажу я — и ни другу, ни врагу».
 Мой Усень добросердечный. Стала тотчасъ я безпечной.
 «Свѣтъ тебѣ я безупречный покажу, что берегу.»

Всталъ, пошелъ, и мы въ чертогѣ. И застылъ онъ на порогѣ,
 Подкосились даже ноги, какъ увидѣлъ солнце онъ.
 Молвить: «Что ты мнѣ явила? Въ ней какая свѣтитъ сила?
 Если бъ рѣчь моя сравнила блескъ съ землей, я осужденъ.»

Молвлю: «Вотъ и я, не зная, изъ какого это края,
 Духъ иль женщина земная, все томлюсь. Намъ знать пора.
 Если видъ нашъ не наскучить, кто ее безумьемъ мучить,
 Пусть расскажетъ, пусть научить, да пребудеть къ намъ добра.»

Мы вошли къ ней осторожно. Были скромны, какъ возможно.
 И уважили неложно. «Солнце, ты настъ здѣсь сожгла.
 Чѣмъ твоимъ помочь намъ ранамъ? Мѣсяцъ блѣдный съ тонкимъ станомъ,
 Стала въ груди ты шафраномъ, а рубиновой была.»

Но не слушает, не слышит. Роза сжалась, только дышет.
Змѣи врозь она колышетъ. Отвернулся пышный садъ.
Тѣни шествуютъ въ зеленомъ. Солнце, въ сумракѣ спаленомъ,
Затемняется дракономъ, не роняетъ зорный взглядъ.

Уговаривали тщетно. Та пантера безотвѣтна.
Въ гнѣвъ, — это намъ замѣтно, — а причины никакой.
Мы все то же и сначала. Ничего не отвѣчала.
«Я не знаю», лишь сказала. «Дайте мнѣ побыть одной.»

Такъ мы съ нею тамъ сидѣли. Уговаривать нѣтъ цѣли.
И напрасно тамъ скорбѣли. Какъ душа тутъ быть должна?
Мы лишь кротко прошептали: «Будь спокойна, безъ печали.»
Ей плодовъ какихъ-то дали, но не стала ѣсть она.

Говоритъ Усень: «Кручины — не одна, а ихъ дружины. —
Всѣ ушли: Тотъ ликъ единый всѣ ихъ стерь. Волшебный видъ.
Солнце этихъ щекъ достойно. Человѣку непристойно
Ихъ лобзать. Кто видѣлъ, — знойно онъ въ сто двадцать разъ горитъ.»

Коль милѣ дѣти глазу, да сразитъ Господь ихъ сразу.»
И напрасно тамъ вѣр душой разсказу, были взяты въ сѣть сердца.
Мы стонали, мы шептались. Этимъ видомъ услаждались.
Чуть отъ дѣлъ освобождались, къ ней, и смотримъ безъ конца.

День прошелъ, и сумракъ сходить. Ночь ушла, и день приводить.
Рѣчь со мной Усень заводитъ: «Повидать хочу царя.
Какъ рѣшишь ты въ дѣлѣ этомъ, — даръ хочу снести съ привѣтомъ.»
«Въ этомъ», молву, «съ Божьимъ свѣтомъ. Ты пойдешь къ нему не зря.»

Жемчугъ цѣнный, прямо чудо, съ самоцѣтами, на блюдо
Онъ кладетъ, идетъ отсюда. До него веду я рѣчь: —
«Къ двору твоя дорога. Встрѣтишь пьяныхъ, тамъ ихъ много.
Смерть мнѣ! Клятву помнишь строго? Молвить: «Такъ, какъ рубить мечъ.»

За столомъ царя засталъ онъ. Дружень съ нимъ, и пировалъ онъ.
«Благодѣтель», восклицалъ онъ. «Даръ прими, ты свѣтъ сердцецъ.»
Тотъ его съ собой сажаетъ. Видъ даровъ восторгъ внушаетъ.
Глянь теперь, какой бываетъ во хмѣлю своемъ купецъ.

Предъ Усеномъ царь былъ пьянымъ. И стаканъ тамъ за стаканомъ
Вливъ въ себя въ усердїи рьяномъ, онъ и клятвы влить во мглу.
А ужъ ежели кто пьяный, что тамъ Мекки и Кораны.
Не уважать розу враны, и нейдутъ рога къ ослу.

Какъ напился онъ не въ шутку и сказалъ «Прошай» разсудку,
Царь промолвилъ прибаутку: «Ты откуда даръ такой
Къ намъ несешь? Какъ исполины—жемчугъ твой, твои рубины.
Нищи тутъ и властелины, покланяуся головой.»

Воздастъ Усень почтенье: «Царь, ты наше озаренье.
Живы лишь тобой творенья. Подкрѣпитель нашихъ силъ.
Что тебѣ ни поднесу я, клады, золото даруя,
Все тебѣ лишь возвращаю я, — отъ тебя же получилъ.

Да скажу, изъ дерзновенья: Кстати ль тутъ благодаренья?
Вотъ невѣсту, восхищенье, дамъ я сыну твоему.
Это будетъ даръ богатый. Онъ достойнѣе отплаты.
И не разъ вздохнешь тогда ты: «Превратилъ ты въ солнце тьму».

Что мнѣ длить повѣствованье? Клятву, власть ея влянья,
Онъ нарушилъ, и сянѣ дѣвы той вложилъ онъ въ сказъ.
Царь явилъ благоволенье. Отдаетъ онъ повелѣнье,
Чтобъ волшебное видѣнье до него пришло сейчасъ.

Я сижу спокойно дома. Что есть вздохъ, мнѣ незнакомо.
Вдругъ, какъ звукъ нежданный грома, вожьдъ рабовъ пришелъ царя.
Шестьдесятъ, по положенью. Предаюсь я удивленью.
Мыслью: «Все жъ ихъ появленью есть причина, то не зря.»

«Фатъма», молвятъ мнѣ съ привѣтомъ. «Солнце хочеть, въ мигъ этомъ,
Видѣть ту, что яркимъ свѣтомъ здѣсь двусолнечна. Ее
Долженъ взять сейчасъ съ собою». Сводъ небесный надо мною
Рухнулъ. Бѣшенство волною въ сердце ринулось мое.

«До сокровища какого вы пришли?» Въ отвѣтъ ихъ слово: —
«Мы до лика золотого. Намъ сказалъ о немъ Усень.»
Я узнала, что имъ надо. Вижу, кончилась услада.
Отнимаютъ радость взгляда. Вся дрожу я, взята въ плѣнъ.

Все въ душѣ въ свиваньи дыма. Къ той вхожу, что мной любима.
Мольбу: «Я Судьбой гонима. Я совсѣмъ истреблена.
Небо въ гнѣвѣ надо мною. Предана я. За тобою
Царь пошлалъ. Гдѣ свѣтъ мой скрою? Прямо въ сердце сражена».

Говорить: «Сестра! Такая мнѣ судьба, а не другая.
Уже столько знала зла я, что чего жъ дивиться тутъ?
Такъ терзаюсь я сурово, и должна терзаться снова.
Ничего не жду благого отъ теченія минутъ.»

Слезы льются. Гдѣ имъ мѣра? У нея погасла вѣра.
Встала бодро — какъ пантера, иль боецъ, идущій въ бой.
Рада ль? Нѣтъ, она не рада. Нѣтъ и горя въ силѣ взгляда.
Ей прикрыться только надо — просить — бѣлою фатой.

Въ сердцѣ я моемъ тоскую. Вотъ иду я въ кладовую.
Тамъ жемчужины, — любую вынь, и купишь цѣлый градъ.
Ей дарю. Все мысля — мало. Слово поясъ навязала
На нее. А въ сердцѣ жало, въ черномъ молніи горять.

Мольбу: «О, моя! Быть можетъ, случай тотъ тебѣ поможетъ.
Въ это горе пользу вложить.» Солнцеравную рабамъ
Отдаю. Царю ужъ вѣдомъ мигъ прибытья. Гулы слѣдомъ.
Звукъ литавръ какъ зовъ къ побѣдамъ. Но она безгласна тамъ.

Любопытные, волною, восхищаются луною.
Даже стражники толпою не владѣютъ. Радость глазъ,
Кипарисъ тотъ тонкостанный царь увидя въ мигъ желанный,
Вскликнулъ: «Ликъ ты осіянный! Съ неба какъ сошла сейчасъ?»

Такъ красы ея сверкали, солнцеликой той въ вуали,
Что смотрѣвшіе мигали. Соизволилъ царь изречь: —
«Видѣлъ, — съ нею слѣпъ я нынѣ. Богъ велѣлъ ей быть въ картинѣ.
Правъ безумецъ, коль въ пустынь бродить, алчеть съ нею встрѣчь».

Онъ ее съ собою сажаетъ. Рѣчью сладкой утѣшаетъ.
«Кто ты? Что ты?» вопрошаетъ. «Изъ какого рода ты?»
Но сіянье солнцесвѣта не даетъ ему отвѣта.
Нѣжный ликъ, но безъ привѣта. Скорбью взятыя черты.

Съ головою наклоненной, не внимала умиленной
Рѣчи царской. Къ отдаленной дали сердцемъ унеслась.
Сняты, розы свѣтитъ ало. Жемчуговъ не выявила.
«Гдѣ душа ея блуждала?» всякій думалъ въ этотъ часъ.

Молвилъ царь: «Что думать надо? Въ чемъ теперь для насъ отрада?»
Тутъ возможны два лишь взгляда: Иль она кого-нибудь
Любить, — въ помыслахъ съ единымъ, въ мысляхъ онъ лишь властелиномъ.
Съ тѣмъ любимымъ по долинамъ, въ мысли, вмѣстѣ держитъ путь.

Иль, молчанье сохраняя, здѣсь провидица нѣмая,
Скорбь-ль, радость-ли какая, ей не радость, не печаль.
Счастье, горе — лишь зарница, вся и жизнь ей — небылица.
Улетаетъ голубица отъ всего, что близко, въ даль.

Богъ великій, Онъ разсудить. Сынъ мой юный да прибудеть.
Солнце здѣсь готовымъ будетъ для побѣднаго него.
Можетъ, выманитъ реченье. Намъ въ немъ будетъ изъясненье.
До тѣхъ поръ лунѣ затмѣнъ здѣсь безъ солнца своего».

Я скажу, чтобъ смыслъ былъ ясный: Тотъ царевичъ, онъ прекрасный,
Юный, смѣлый, и въ опасной битвѣ мужество свое
Явить точно. Той порою онъ задержанъ былъ войною.
Мнилъ отецъ — его женою видѣть звѣздную ее.

Принесли нарядъ ей новый, благолѣпные покровы
Вдоль сияющей основы многосвѣтный самоцвѣтъ.
А вѣнецъ горѣлъ едино, изъ сплошного былъ рубина.
Вся свѣтилась какъ картина. Лучше этой розы нѣтъ.

Царь даетъ распоряженъе, чтобъ чертогъ ея былъ млѣнне,
Златокрасное горѣнне. Гдѣ возлечъ ей, тамъ — закатъ.
Этотъ царь самодержавный той царевнѣ солнцеравной
Заль назначилъ самый главный. Ослѣпленъ ей каждый взглядъ.

Стража тамъ такого рода: Девять свнуховъ у входа.
Пировать царю угода, какъ прилично для царей.
За златую ту — взамѣну дивный даръ даетъ Усену.
Трубы кличуть черезъ стѣну, и литавры бьютъ слышнѣй.

Затянулось пированье. Питію нѣтъ окончанья.
Солнцедѣва вскрикъ стenanья престоковой плетъ Судьбѣ: —
«Ты безжалостна. Ты злая. Для кого здѣсь безъ ума я?
Что начну я, такъ сгорая? Погибать-ли мнѣ въ борьбѣ?»

И опять она сказала: «Розу смять — въ томъ смысла мало.
Чтобы роза расцвѣтала, неразумно смерть призвать.
Тотъ, въ комъ разумъ зрѣть высоко, смерть не будетъ звать до срока.
Напряги въ темнотахъ око, пользы нѣтъ въ нихъ изнывать».

Кличеть стражей: «Вы внимлите, и въ разсудокъ свой войдите.
По невѣрной здѣсь васъ нити повели, не до Судьбы.
Въ томъ желанье властелина взять женой меня для сына.
Мнить — ужъ вотъ добыча лъвина. Бьютъ литавры. Зовъ трубы.

Но не буду вамъ царицей, будь женихъ — хоть сонцелищій.
Мнѣ не здѣсь сѣять денницей, путь ведетъ мой не туда.
О другомъ скажите слово. Отъ меня вамъ ждать много.
Не свершенія такого. Съ вами жить? Да никогда.

Я убью себя, и вѣрно. Въ сердце ножъ взойдетъ примѣрно.
Царь казнитъ васъ достовѣрно, и земной вашъ кратокъ часъ.
Лучше вотъ что предложу я: Кладъ подъ поясомъ ношу я.
Кладъ возьмите, — да бѣгу я. А не то — бѣда на васъ.»

Самоцвѣты, что скрывала, съ жемчугами отдавала.
А чтобъ не было имъ мало, — и рубиновый вѣнецъ.
И склоняла понемногу: «Дайте мнѣ, молю, дорогу.
Долгъ заплатите вы Богу. Будетъ легкимъ вашъ конецъ».

У рабовъ глаза зардѣли. Кладъ великій, въ самомъ дѣлѣ.
Царь? Забыть царя умѣли. Гдѣ тамъ староста? Далекъ!
Путь открыли несравненной. Черезъ золото — воля плѣнной.
Злато — корень, цвѣтъ — забвенный, вѣтка — дьявольскій крючокъ.

Не даетъ отрады злато. Сердце жадностью объято,
Но въ богатствѣ не богато, и не можетъ не хотѣть
Притекаетъ, утекаетъ, въ недовольство повергаетъ,
Гнетъ на душу налагаетъ — духъ не можетъ возлетѣть.

Совершились договоры, и рабы идутъ какъ воры.
Ихъ недолги были сборы. Даль одинъ ей свой покровъ.
И прошли въ другія двери. Главный залъ былъ въ полной мѣрѣ
Преданъ пьянству. Безъ потери мѣсяцъ плыть среди облаковъ.

И рабы бѣжали съ нею. Вотъ предъ дверью предъ мою
Тѣнь. Стучать. И я робѣю. Имя Фатымы говорить.
Я иду — и удивленье. Тамъ она какъ привидѣнье.
Не идетъ на приглашенье. У нея тревожный взглядъ.

Молвить: «Тѣмъ, что даровала, — а богатства тамъ не мало —
Я себя высвобождала, выкупала изъ цѣпей.
И къ тебѣ придетъ награда. Больше быть мнѣ здѣсь не надо.
Дай коня лишь, — чтобъ изъ ада ускакала поскорѣй.»

Я послушна. Кто послушнѣй? Быстро я иду конюшней.
Конь осѣдланъ. Конь воздушнѣй вѣтра быстро въ степяхъ.
И она ужъ не томленье. Вся она есть озаренье.
Солица съ Львомъ соединиенье. Былъ напрасенъ трудъ мой. Ахъ!

Вотъ ужъ снова вечерѣть. Слухъ возникъ, и онъ густѣть.
Чулъ Погоня подошеѣть. Городъ въ смуть, осажденъ.
На допросѣ отвѣчаю: «Обыщите домъ. Не знаю.
Предъ царями, коль скрываю, будетъ долгъ кровавый мой.»

Обыскали всѣ строенья. Нѣтъ слѣдовъ исчезовенья.
Нѣтъ ея. Полны смущенья. И въ дворцѣ веселья нѣтъ.
Всѣ одѣлись въ цвѣтъ лиловый. Солнце было, свѣтъ нашъ новый.
Солнце скрылось. Мракъ суровый — тамъ, гдѣ рдѣлъ намъ солнце свѣтъ.

Я продлю повѣствованье, гдѣ теперь горитъ сѣняе.
Но сначала — указанье, отчего грозилъ мнѣ тотъ.
Ахъ, была его козюю, и козломъ онъ былъ со мною.
Та жена полна виною, что себя не соблюдеть.

Въ мужѣ трусость — безразсудство, а въ женѣ ея безпутство.
Мужъ мой худъ, въ лицѣ — паскудство. А красивъ былъ Шахъ-Нагиръ.
И любилсь мы въ любви, хоть не буду трауръ вдовой
Я носить. Его бы крови выпить — это былъ бы пиръ.

Я как женщина болтала, как глупица рассказала,
Как я солнце здѣсь скрывала, как она ушла лисой.
Я раскрылась, — онъ былъ дорогъ. Сталь грозить мнѣ недругъ, воровъ.
О, безъ всякихъ оговорокъ: Смерть его — мнѣ быть живой.

Чуть во время разговора между насъ возникнетъ ссора,
Онъ грозить отмстить мнѣ скоро. Какъ тебя я позвала,
Я не знала, что онъ дома. Вѣсть онъ шлетъ, — въ ней звукъ мнѣ грома.
Въ сердце пала мнѣ истома. Я тебя ужъ не ждала.

Осторожно отгласила. Не хотѣла, — нужно было.
Ты пришелъ. Мнѣ стало мило, и восторгъ мнѣ сталъ знакомъ.
Оба вы сошлись здѣсь вмѣстѣ. Слово гнѣва, голось чести.
Возжелалъ онъ смертной мести, и не только языкомъ.

И не будь убить тобою, весь исполненъ мыслью злою,
Онъ бы смерть послалъ за мною: Полонъ злобнаго огня,
Онъ донесъ бы, царь бы гнѣвный присудилъ мнѣ рокъ плачевный
Съѣсть дѣтей, и за царевной камнемъ въ адъ послалъ меня.

Въ Богѣ пусть твоя награда будетъ пышною, какъ надо.
Отъ змѣинаго ты взгляда беззащитную упасъ.
Ужъ не править нынѣ мною Рокъ съ зловѣщею звѣздою.
Врагъ смѣшался мой съ землею. Больше нѣтъ змѣинихъ глазъ».

Авандилъ сказалъ: «Средь праха воровъ твой. Не вѣдай страха.
Отъ одинаго онъ взмаха прочъ изъ жизни унесень.
Вотъ и въ книгѣ изреченье: Злоба друга — очернение,
Въ ней тягчайшее паденье. Кто разумень, скрытень онъ».

Это сдѣлано дѣянье. Безполезно вспоминанье.
Но продли повѣствованье про чудесную ее.
Фатъма вновь заговорила. Слезь опять текуча сила.
«Солнцеравная свѣтила. Гдѣ же солнце то мое?»

36. СКАЗЬ ФАТЬМЫ КЪ АВТАНДИЛУ, КАКЪ ВЗЯЛИ КАДЖИ
ВЪ ПОЛОНЪ НЭСТАНЪ-ДАРЭДЖАНЪ.

СУДЬБА, ты вѣчно злою ложью схожа съ Сатанюю.
Ты измѣну кроешь мглою, — и ее рассмотреть кто?
Вѣроломство — во врагнѣ. Солнцесвѣтъ гдѣ
прячешь нынѣ?
Все здѣсь — зыбкій прахъ въ пустынѣ, неустойчиво
ничто.

Фатма молвить: «Солнце скрылось, радость міра удалилась,
Жизнь сама испепелилась, между пальцев разошлась.
И во мнѣ лишь огорченье, неустанно слезъ теченье,
Отъ безсмѣннаго мученья — безъ конца ручей изъ глазъ.

Ненавистны домъ и дѣти. Какъ одна была на свѣтѣ,
Чуть засну, дремота въ сѣти завлечетъ, живу я синомъ.
Сны о ней, всей ночью темной. А Усень мнѣ, вѣроломный,
Чужевѣрецъ сталъ бездомный, съ ненавистиѣйшимъ лицомъ.

Жизнь все кажется плачевнѣй. Разъ иду я предъ харчевней.
Это домъ убогихъ древній. Взоръ чуть смотреть изъ подъ вѣкъ.
Вижу, дверь полуоткрыта. Мысль о ней. Душа убита.
Про себя твержу сердито: «Въ клятвѣ проклять чловѣкъ».

Изнаываетъ сердце въ плачѣ. Вотъ приходитъ рабъ бродячій.
Три товарища, какъ клячи, вмѣстѣ съ нимъ. Покровъ на нихъ —
Грубый хлопокъ. Накупили на копѣйку всякой гнили.
И сидѣли, ѣли, пили. Смѣхъ межъ ними не затихъ.

Наблюдала я за ними. Вот рѣчами разбитыми
Власть патѣшились. «Чужими мы сошлись здѣсь», говорятъ.
«Мы не знаемъ другъ о другѣ, кто въ какомъ кружился кругѣ,
Такъ расскажемъ, для услуги, кто что знаетъ, всё подрядъ.»

Трое путниковъ вначалѣ рассказали все, что знали.
Учить путь. Есть сказка въ дали. Говорилъ послѣднимъ рабъ: —
«Братья, васъ я не обижу, коль жемчужины нанижу.
Вы мнѣ проса дали, вижу. Мой рассказъ не будетъ слабъ.»

Рабъ я царскій. Царь прекрасный. Каджи всё ему подвластны.
На него недугъ опасный вдругъ напасть, и умерь онъ.
Помощь вдовъ, сиротъ подмога, другъ всего быть, что убого.
Но его сестрою строго быть порядокъ укрѣплень.

Дулярдухтъ была сестрою. Стала всёю она горою.
Не обижена Судьбою, но обижены ей всё.
Два племянника — ей дѣти. Росанъ, Родя — дѣти эти.
А она — какъ царь въ Каджэти. Звать — Могучая въ красѣ.

Слухъ о смерти за морями шель, дошелъ, и узнавъ нами.
Смерть сестры ея. И сами даже визиря молчать.
Мыслятъ: «Знать подвластнымъ вредно, что угасъ тотъ ликъ безслѣдно.
Рошакъ — рабъ. Въ бояхъ побѣдно онъ рабовъ построить рядъ».

Рошакъ молвить: «Быть въ кручинѣ — что скитаться мнѣ въ пустынѣ.
Нѣтъ, сберу рабовъ я нынѣ, и добыча вся — моя.
Буду грабить, и, богатымъ, буду во-время съ возвратомъ.
Съ царской скорбью и съ закатомъ вмѣстѣ быть сумѣю я».

Къ намъ, любимцамъ, онъ съ такою рѣчью смѣлой и прямою: —
«Я иду, а вы — за мною.» Взять сто избранныхъ рабовъ.
Днемъ набѣги, днемъ мы грабимъ. Ночью зорность не ослабимъ.
Въ караванахъ душамъ рабимъ пышный кладъ всегда готовъ.

Какъ-то въ ночь, равниной дикой, бродитъ строй нашъ многоликий.
Вдругъ мы видимъ, свѣтъ великій, онъ идетъ равниной той.
«Солнце, что-ли, заблудилось? Съ неба къ праху опустилось?
Въ насъ смущеніе явилось, съ напряженною мечтой.»

Кто твердит: «Звѣзда дневная.» А другіе: «Золотая
Тамъ луна.» Ряды ровняя, къ свѣту мы идемъ въ тотъ часъ.
Видѣлъ близко я все это. Предъ собою, а не гдѣ-то.
Кругъ сомкнули мы. Отъ свѣта нѣкій голосъ быть до насъ.

Словно бисеромъ по нити, слово къ слову: «Расскажите,
Какъ зовутъ васъ? Изъясните, кто вы? Я же вѣсть несу.
Гуляшаро въ ясномъ свѣтѣ кинувъ, путь держу въ Каджэти». —
Кругъ сомкнули мы какъ сѣти, и увидѣли красу.

На конѣ была младая солнцесвѣтлость золотая.
Въ ликѣ — молніи, блистая, озарили все кругомъ.
Чуть что скажеть въ назиданье, отъ зубовъ ея сіянье.
И агаты мягчитъ сверканье подъ рѣсницами — тамъ громъ.

Мы дивились этой встрѣчѣ. Были нѣжны наши рѣчи.
Кудри падали на плечи. То не рабъ, не вѣстникъ быть.
То царевна. Рошакъ видить. Вдѣтъ рядомъ, не обидить.
Пусть въ нашъ кругъ надежный внидетъ. Онъ ее не отпустилъ.

Къ ней повторно обращенье: «Кто ты? Дай намъ изъясненье.
Солнцесвѣтлое горѣнье, ты тропой идешь какой?
Озарительница ночи.» Но у ней лишь плачутъ очи.
Больно видѣть, слыше мочи, мѣсяць, пожранный змѣей.

Но ни слова, ни намекъ, почему такъ одинока,
Кто обидѣлъ такъ жестоко огорченный лунный дискъ.
Эта дѣва, та царевна, отвѣчала срывно, гнѣвно.
То преклонить взоръ плачевно, то взметнетъ какъ василискъ.

Рошакъ отдать приказанье: «Прекратите вопрошанья.
Это дѣло виѣ познанья. Что-то странное есть въ ней.
Вотъ судьба царицы нашей: Какъ напитокъ въ полной чашѣ.
Что въ сравненьи съ прочимъ краше, Богъ пошлетъ въ подарокъ ей.

Такова судьба юницы быть подаркомъ для царицы.
Ужъ она своей сторичей наградитъ насъ. Если жъ мы
Отъ нея сокроемъ чудо, будетъ горе намъ оттуда.
Наказаній будетъ гряда, и угроза намъ тюрьмы».

Всѣ мы въ этомъ — согласились. Съ вопрошаньемъ не тѣснились.
И въ Каджэти воротились, а ее вели съ собой.
Мы ужь ей не докучали. А она была въ печали.
Слезы — жемчугъ упали нескончаемой струей.

Я къ вождю: «Дай разрѣшенье отлучиться на мгновенья.
Въ Гуляшшаро не имѣнье, все же нѣкій есть товаръ».
Разрѣшилъ онъ отлучиться. Здѣсь пришлось мнѣ очутиться.
А ужь дальше какъ случится. Въ сказѣ было много чаръ.

Какъ играющимъ алмазомъ, плѣнена была я сказомъ.
Съ каждымъ словомъ, съ каждымъ разомъ, какъ проскальзывалъ намекъ,
Узнавала я примѣты и угадывала свѣты.
Призракъ, въ пламени одѣтый, былъ усладой въ быстрый срокъ.

Тутъ рабу я повелѣла, чтобъ сказала мнѣ сказъ свой смѣло.
Что изъ тайнаго предѣла услышала, слышу вновь.
Вся исполнена вниманья для того повѣствованья.
Въ угнетены тоскованья чую радость и любовь.

Черныхъ двухъ рабовъ имѣла. Колдованіе — ихъ дѣло.
И проворно, и умѣло невидимкой могутъ стать.
Я ихъ тотчасъ призываю и въ Каджэти отправляю.
«Черезъ васъ о ней да знаю. Чтobъ недолго пропадать».

Это имъ — какъ радость шутокъ. Путь свершили въ трое сутокъ.
И чрезъ нѣсколько минутокъ знаю все о ней отъ нихъ.
«Въ путь готовилась царица. Съ ней высокая денница.
Вся она какъ огневница. Юный Росанъ — ей женихъ».

Таково ея велѣнье, Дулярдунхъ постановленье.
«Нынѣ въ сердцѣ огоченье. Въ сердцѣ пламени огней.
Свадьбу послѣ я устрою. Быть ей Росана женою.»
Въ башнѣ солнце, за стѣною. Въ замкѣ евухъ есть при ней.

Путь царицы черезъ море. Но она вернется вскорѣ.
Путь опасенъ. Врагъ съ ней въ спорѣ. Но съ царицей колдуня.
Дома — витязи лихіе. Зорки тамъ сторожевые.
Вотъ пройдетъ пути морскіе, и вернется отъ волны.

Городъ Каджи — городъ крупный, для врага онъ недоступный.
Тамъ внутри есть сводъ уступный, въ самомъ городѣ утесъ.
И пробраться этимъ сводомъ путь — лишь выдобеннымъ ходомъ.
Тамъ звѣзда, что дышетъ медомъ золотымъ пьянящихъ грезъ.

Въ кругѣ мощнаго оплота три проходятъ поворота,
И у каждаго ворота. Десять тысячъ стражей тамъ.
По три тысячи у входа, охраняютъ путь до свода.»
Сердце! Миръ тебѣ невзгода. Гдѣ конецъ твоимъ цѣлямъ?

Автандиль, что розой дышетъ, свѣтлый, эту повѣсть слышитъ.
Кто восторгъ его опишетъ? Въ немъ лишь радости игра.
Восхваляетъ сердцемъ Бога: «Довела меня дорога.
«Нынѣ радостнаго много чья-то молвила сестра.»

Къ Фатъмъ молвитъ: «Дорогая, ты душѣ моей родная.
Рѣчь твоя была живая. Благодарность ты прими.
Но скажи мнѣ о Каджэти. Вѣдь безплотны Каджи эти.
Какъ же могутъ здѣсь на свѣтѣ представляться намъ людьми?

Къ этой дѣвѣ состраданье я узналъ, и весь сгоранье.
Но вѣдь женщина — создание. Что безплотнымъ дѣлать съ ней?»
Фатъма молвитъ: «Нѣтъ, не джины — эти Каджи, но единый
Имъ оплотъ — скала, стремнины, гдѣ въ обрывахъ нѣтъ путей.

Имя Каджи лишь прозванье: Ловки въ силѣ колдованья,
И превыше пониманья тѣсно сплочены всегда.
Неверимые другими, ранять чарами своими.
Кто захочетъ биться съ ними, ослѣпленъ и полнъ стыда.

Чудеса они свершаютъ, взоры вражьи ослѣпляютъ,
Вѣтры, бури поднимаютъ, топятъ въ морѣ корабли.
По волненію морскому вдругъ бѣгутъ какъ по сухому.
Тучу выведутъ, быть грому. Тьма была, ее зажгли.

По такой-то вотъ причинѣ, всѣхъ живущихъ въ той твердынѣ
И прозвали Каджи нынѣ. А у нихъ есть кровь и плоть.»
Витязъ ей благодаренья говорить: «Мое горѣнье
Ты смягчила. Восхищенья полонъ я. Великъ Господь.»

Витязь, слезы проливая, говорит: «Господь, живая
Помощь наша. Ты, смягчая наши муки, в этот час
Насъ извелъ изъ скорби плѣнной. Ты, Творецъ Невзреченный,
Утѣшитель несравненный, милосердыя полнъ для насъ.»

Онъ за то освѣдомленъе возсылаетъ восхваленья.
Фатъма, полная горьбня, хочетъ счастья своего.
Витязь тайну сохраняетъ, и любить соизволяетъ,
Фатъма друга обнимаетъ, и цѣлуетъ ликъ его.

Въ эту ночь она лежала, Автандила обнимала.
Въ немъ охоты къ ласкамъ мало. Мыслить онъ о Тинатинѣ.
Ненавистны эти ласки. Тайной полонъ онъ опаски.
И въ безуміи и въ сказкѣ сердцемъ мчится средь равнинъ.

Въ Автандилѣ скрытно горе, но струятся слезы въ море,
Въ черной безднѣ, на просторѣ, тамъ агатовый челнокъ.
Мыслить: Съ розой былъ для милой. Соловей былъ съ звонкой силой.
Здѣсь же воронъ я унылый и надъ грязью одинокъ.»

Слезы такъ упорны въ силѣ, — даже камень бы смягчили,
Ихъ агаты запрудили, — прудъ средь розовыхъ полей.
Фатъма сердцемъ веселится, ей желанно усладиться.
Роза — вотъ, воронѣ мнится, что ворона соловей.

Свѣтомъ брезжить день алмазнымъ. Солнце видитъ лучъ свой грязнымъ.
За оконченнымъ соблазномъ искупать сѣбѣ шитъ себя.
Для него у ней готовы и тюрбаны, и покровы.
«Все, что хочешь, чернобровый. Все отдамъ тебѣ, любя.»

Автандилъ сказалъ: «Предѣла все достигло. Нынче смѣло
Ликъ явлю и молвою дѣло». Износишь онъ видъ купца.
Будетъ онъ вдвойнѣ богатый въ красотѣ, надѣвши латы.
Левъ, къ прыжку съ земли подъятый, съ солнцесвѣтлостью лица.

Фатъма друга проводила. Вновь къ обѣду Автандила
Ждетъ. Пришелъ. И все въ немъ мило. Этотъ новый странный видъ.
Не въ купеческомъ покровѣ, любовь ей свѣтлый витязь вновь.
«Сколь достоинъ ты любви. Такъ ты лучше», говорить.

Полонъ силы, полонъ свѣта. Фатъмъ нравится все это.
Отъ него ей нѣтъ отвѣта. Улыбнулся про себя.
«Видно, просто не признала.» И она его желала.
Но забылся съ ней онъ мало, хоть влекла его, любя.

Вотъ поѣли. Съ ней простился, и къ себѣ онъ возвратился.
Онъ слегка виномъ упился. Легъ и веселье онъ во снѣ.
Въ часъ вечерній — пробужденъе. Лучъ его — въ поляхъ горѣнье.
Шлетъ онъ къ Фатъмъ приглашенъе: «Я одинъ. Приди ко мнѣ».

Вотъ она въ его покоѣ. Тоскованіе такое
Слышитъ витязъ: «Тѣмъ алоѣ я убита въ нѣгѣ грезъ.»
Всю зажженную къ томленью, преклонилъ ее къ сидѣнью.
И рѣсницы пали тѣнью на цвѣтникъ воздушныхъ розъ.

Авандилъ сказалъ: «Съ тобою, Фатъма, былъ я. Что открою,
Этимъ будешь какъ змѣю ты ужалена сейчасъ.
Но узнай прямѣй и проще: Есть вліянье нѣжной мощи.
Я убить агатной роцей, что растетъ вкругъ черныхъ глазъ.»

Мнишь, что я изъ каравана главный. Я жъ у Ростѣвана
У царя за атамана, главный вождь его дружинъ.
Всѣ войска его за мною людной вмигъ пойдуть волною.
И надъ всей его казною я верховный господинъ.

Знаю я, что другъ ты вѣрный, безъ предательства въ примѣрной
Службѣ будешь достовѣрной. Царь имѣетъ дочь одну.
Это солнце, свѣтъ медвяный. Ей зажжешь я, ею — рьяный.
Ей въ инья посланъ страны. Бросилъ я мою страну.

Эту дѣву, что имѣла здѣсь, — до крайняго предѣла
Я ищу, блуждая смѣло, это солнце между дѣвъ.
Будетъ найдена золотая, въ честь того, кто, ей сгорая,
Знаетъ бредъ, себя теряя, ей сраженный, блѣдный левъ.»

Авандилъ весь сказъ зажженный рассказалъ. Въ немъ былъ взметенный
Таріаль испепеленный въ шкурѣ барсовой своей.
Молвилъ Фатъмъ: «Въ то мученье ты бальзамъ прольешь смягченъя,
Дашь рѣсницамъ тѣмъ смиренъе, что какъ воронъ близъ очей.»

Помоги же мнѣ немного. Путь теперь идти отлого.
Пусть имъ будетъ въ насъ подмога. Въ звѣздахъ радость быть должна.
Намъ хвала. Мы этой новью будемъ имъ живою кровью.
Тѣмъ, что связаны любовью, встрѣча будетъ суждена.

Пусть колдунъ твой ликъ свой явить. Пусть въ Каджэти путь направитъ.
Знать ей все онъ предоставитъ, что мы сами знаемъ здѣсь.
Эта дѣва не преминетъ вѣсть намъ дать, свой лучъ докинеть.
Богъ захочетъ. Горе минетъ. Каджи край сразимъ мы весь».

Фатма молвить: «Богу слава. Иль я нынѣ въ сказкѣ, право?
Такъ все это величаво, — день съ безсмертіемъ сравнень.»
Черный знахаръ, воронъ въ пѣтѣ, внявъ приказъ: «Иди къ Каджэти.
Самъ съ собой всегда въ совѣтѣ, путь найдешь, хоть дологъ онъ.»

Превратишь свое ты знанье въ чародѣйное дѣянье.
Погаси скорѣй сгоранье. Я устала отъ огня.
Солнцу явишь излѣченье». И въ отвѣтъ его реченье: —
«Завтра точное свершенье. Все узнаешь чрезъ меня.»

37. ПОСЛАНИЕ ФАТЬМЫ КЪ НЭСТАНЪ-ДАРЭДЖАНЪ.

АТЬМА такъ сложила строки: «О, звѣзда, чьи сны
высоки.
Солнце міра. Свѣтъ въ потокѣ. Ты, кому
грустящихъ жалѣ.
Ты, красивая въ реченьи. Въ звучномъ словѣ
словно въ пѣньи,
Ты въ одномъ соединеньи огонь рубина и хрусталь.

Ты мнѣ вѣсти не послала. Въ сердцѣ грусть была какъ жало.
Правду все же я узнала. Таріаль тобой сожженъ.
Онъ безуменъ. Утѣшенъ ты пошли изъ отдаленья.
Да придетъ къ вамъ единенье. Ты фіалка, роза онъ.

Побратимъ его здѣсь смѣлый, Автандиль, въ бояхъ умѣлый.
Изъ Арабіи въ предѣлы этихъ мѣсть — онъ за тобой.
Не оставь его безъ вѣсти. Онъ достоинъ этой чести.
Будемъ радоваться вмѣстѣ на отвѣтъ премудрый твой.

Рабъ доставитъ строки эти. Напиши же намъ въ отвѣтъ,
Что тамъ новаго въ Каджэти. Каджи всѣ пришли домой?
Сколько всѣхъ бойцовъ, скажи намъ. Счетъ хотимъ мы знать дружинамъ.
Кто тамъ стражи, опиши намъ. Кто тамъ вождь сторожевой?

Все, что знаешь, то и это, заключи въ слова отвѣта.
Знакъ желанный для привѣта ты любимому пошпи.
Все, что знала ты страданья, обратится въ ликованье.
Тѣхъ да будетъ сочетанье, что другъ къ другу подошли.»

Фатъма строки завершила. Колдуну письмо вручила.
«Той, въ копь Солнечная сила, ты посланіе вручишь.»
Въ плаць зеленый, какъ въ горѣнне изумруднаго свѣченья,
Онъ облекся, и въ мгновенье улетѣлъ превыше крышь.

Камнемъ, брошеннымъ изъ сѣти, долетѣлъ онъ до Каджети.
Все ужъ въ сумеречномъ свѣтѣ утонуло въ зтотъ часъ.
Какъ окутанъ смутнымъ дымомъ, онъ прошелъ толпой незримымъ.
Онъ донесъ очамъ любимымъ свѣтъ любовно ждущихъ глазъ.

Черезъ замкнутыя ворота, будто вдругъ ихъ отперъ кто-то,
Онъ прошелъ — и гдѣ забота? Онъ предъ солнечной стоитъ.
Черный рабъ и волосатый, былъ онъ страшень ей, косматый.
Паль шафранъ на цвѣтъ богатый. Роза въ страхѣ. Грустный видъ.

Но, ее онъ утѣшая, говорить: «Здѣсь вѣсть не зная.
Я отъ Фатъмы, поспѣшая, приношу тебѣ привѣтъ.
Вотъ прочти ея посланье. Солнце вновь пусть льетъ сіянье,
И причинъ для увяданья у прекрасной розы нѣтъ».

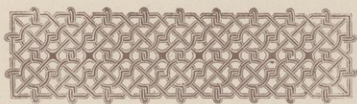
Свѣтъ красивѣйшихъ миндалинъ, взоръ очей ея печалень,
Но опять горить кристалень, и дрожить агатъ рѣсницъ.
Даль ей рабъ своей рукою то посланье. И съ тоскою
Прочитала. За слезою слезы жарко пали ницъ.

Говоритъ рабу златая: «Кто узналъ, что я живая?
Отыскать меня желая, хочеть кто придти сюда?»
Тотъ отвѣтилъ: «Я дерзаю отвѣчать лишь то, что знаю.
Нѣтъ тоскѣ конца, ни краю, съ дня, когда ушла звѣзда».

Съ сердцемъ, копытами пронзеннымъ, по ночамъ, съ тѣхъ поръ безсоннымъ,
Фатъма плачетъ, повтореннымъ токомъ слезъ поить моря.
О тебѣ ей вѣсть я прежде приносилъ. Но путь къ надеждѣ
Былъ закрытъ. Усталой вѣждѣ лишь теперь зажглась заря.

Витязь смѣлый и красивый къ намъ пришелъ, онъ цѣтъ надъ нивой.
О тебѣ краснорѣчивый слышалъ полностью рассказъ.
Онъ герой и онъ цѣлитель, твой онъ будетъ избавитель,
Вѣхъ обидъ твоихъ отмститель, я же вѣстникъ въ зтотъ часъ.»

Так красивая сказала: «Все здѣсь правда, лжи здѣсь мало.
Все же, Фатъма какъ узнала, кто меня умчалъ сюда?
Вѣрно онъ, къмъ зажжена я, помнить, думаетъ, вздыхая.
Напишу. Скажи, какъ злая здѣсь томить меня бѣда.»

38. ПОСЛАНИЕ НЭСТАНЪ-ДАРЭДЖАНЪ КЪ ФАТЬМЪ.

ОЛНЦЕЛИКАЯ, тоскуя, мать моя, тебѣ пишу я.
 Ты достойна погѣдуя, лучше ты ко мнѣ, чѣмъ мать.
 Вотъ смотри, судьба какая. Я предъ ней, главу
 склоняя,
 Какъ раба. Но вѣсть благая дастъ мнѣ силъ въ
 страданьи ждать.

Упаса отъ чародѣевъ ты отъ двухъ меня злодѣевъ.
 Но теперь въ гнѣздѣ я змѣевъ. Каджи — цѣлая толпа.
 Царство цѣлое — мнѣ стража. Ни пойти, ни глянуть даже.
 Я бѣжала — но куда же? Я была тогда слѣпа.

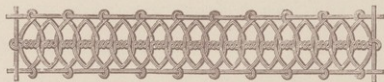
Что скажу еще въ отвѣтъ? Я живу какъ бы въ запретѣ.
 Не пришли еще въ Каджэти Каджи, нѣтъ здѣсь и царя.
 Но меня хранять дружины. Всѣ они какъ исполины.
 Не спасись мнѣ отъ кручины. Не придетъ ко мнѣ заря.

Ахъ, искать меня напрасно. Кто идетъ, горитъ онъ страстно.
 Имъ владѣть полновластно окруженіе огня.
 Солнце видѣль онъ однако. Не живетъ, какъ я, средь мрака.
 Я жъ въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни знака, что спасенье ждетъ меня.

Раньше я не говорила, какъ моихъ терзаній сила
 Сердце все мое пронзила. Въ мукѣ пряталась моей.
 Убѣждаю, говорю я, о возлюбленномъ тоскуя,
 Не искать меня, молю я. Извѣсти его скорѣй.

Страшно горе роковое. Да не будет больно вдвое.
Видѣть счастье живое, видѣть смерть его — увы.
Мнѣ помочь здѣсь невозможно. Это знаю я неложно.
Воля Рока непреклонна. Не поднять мнѣ головы.

Просишь знак послать привѣта. Вотъ ему отдай же это.
Лоскутокъ, намекъ, примѣта, отъ подарка отъ его,
Отъ желаннаго покрова, онъ мнѣ здѣсь какъ ласки слова.
Утѣшенія другого нѣтъ мнѣ здѣсь, и все мертво.»

39. ПОСЛАНИЕ НЭСТАНЪ - ДАРЭДЖАНЪ
КЪ ВОЗЛЮБЛЕННОМУ ЕЯ.

ПАЧА, съ дрожью поцѣлуя, въздыхая и тоскуя,
Вотъ любимому пишу я. Кто любимую зажжешь,
Кто, протившись съ бирюзюю, распаленъ въ огняхъ
грозою,
Онъ единственной слезою той любимой освѣжешь.»

Словъ закончено теченье. Кто постигнетъ ихъ
значенье,

Въ сердце приметъ онъ прозвенье. Розы духъ излиши весь.
«О, мой милый! Я писала. И перомъ мнѣ было жало.
Какъ чернила, кровь бѣжала. Закрѣпилось сердце здѣсь.

Что есть мѣръ, ты видишь, милый. Весь простерся онъ могилой.
Самый свѣтъ — мнѣ мрачь унылый. Я стенаю здѣсь, скорбя.
Мудрый видитъ смыслъ мірскаго. Шаткость счастья въ немъ основа.
Ахъ, какъ трудно, какъ сурово жить, любимый, безъ тебя.

Милый мой! Ты видишь бремя. Кто-то злой здѣсь сѣялъ сѣмя.
Перекрученное время между нами какъ сѣна.
Нѣтъ тебя и всюду дымы. Гдѣ твой путь неизслѣдимый?
Самъ ты знаешь все, любимый. Только въ сердце глянь до дна.

На горе какъ я крою? Сердце порвано тобою.
Безъ тебя съ своей борьбою сердце можетъ-ли дышать?
Живь-ли ты, вѣдь я не знала. Тьма кругомъ не отвѣчала.
Но напрасно тьма молчала. Ты сорвалъ ея печать.

Нынѣ знаю, солнце живо. Силенъ Богъ, и я счастлива.
Я смиренная какъ нива. Грусть свѣтла. Тебя люблю.
Ты живешь — и мнѣ довольно. Сердцу больно и не больно.
Я любовь взростила вольно. Я любовь мою кормлю.

Милый мой! Расскажъ мой длинный. Рѣчью связной и картинной
Расскажу-ли путь пустынный, гдѣ вела меня Судьба?
Въ Фатъмѣ было мнѣ спасенье отъ волшебнаго плѣненья.
Нынѣ вновь Судьбы велѣнье, чтобъ была я какъ раба.

Рокъ велѣлъ, чтобъ въ нашей долѣ горе къ горю, боли къ боли,
Накоплялись, и въ неволѣ мы томились долгій срокъ.
Бѣды — ростъ морского вала. Снова къ Каджи я попала.
Все, въ чемъ мы узнали жало, присудилъ намъ это — Рокъ.

Въ замкѣ я сижу высокою. Глубины не смѣришь окомъ.
Не проникнешь ненарокомъ, всюду стражи, ихъ не тронь.
Днемъ и ночью къ смѣнѣ смѣна. Охраняютъ путь изъ плѣна.
Всѣ предъ ними словно гѣна, — облекаютъ какъ огонь.

Ты не думай, что такіе всѣ они, какъ и другіе.
Я терплю терзанья злая, — да не встрѣчу больше зла.
Если ты съ мечомъ предстанешь, если ты убитымъ глянешь,
На смерть ты мнѣ сердце ранишь. Будь же твердымъ какъ скала.

Отрекись! Луна золотая все равно твоя, сіяя.
Я у самаго здѣсь края скалъ, — камнямъ себя предаю.
Только вѣрность не нарушу. Брошусь, какъ волна на сушу,
И, тебѣ предавши душу, улечу я къ Небесамъ.

За меня моли ты Бога, чтобъ смягчился Онъ немного,
И откроется дорога до желанья моего.
Дастъ Онъ крылья, полечу я, на пресвѣтлое взгляну я,
Взоромъ жаднымъ утону я въ Солнцѣ, въ золотѣ его.

Безъ тебя не будетъ Солнце, ибо ты частица Солнца.
Здѣсь есть свѣтлое оконце. Въ зодіакѣ свѣтитъ Левъ.
Тамъ тебя я видѣть буду. Тамъ прильну къ тебѣ, какъ къ чуду.
Въ смерти эту жизнь избуду, и зайгусь тобой, сгорѣвъ.

Смерть ужь больше не страшна мнѣ, коль въ тебѣ она дана мнѣ,
Въ сердцѣ я, какъ въ крѣпкомъ камнѣ, заперла мою любовь.
Колѣбаться я не стану. Но не множь за раной рану.
Если жить я перестану, сердце скорбью не суровъ.

Пусть же въ Индію дорога поведетъ тебя. Немного
Силъ въ отцѣ. Ему подмога будешь ты въ борьбѣ съ врагомъ.
Онъ груститъ, въ тоскѣ нѣмѣя, обо мнѣ. Его, жалѣя,
Ты утѣши. А я здѣсь, рдѣя, буду плакать объ одномъ.

Всѣ судьбинны огорченья. Рокъ пошлетъ имъ завершенье.
Правда есть въ его рѣшеньи. Сердце съ сердцемъ — какъ звено.
Черезъ тебя, тобой дышу я. Для тебя въ плѣну умру я.
Но, пока еще живу я, о тебѣ скорбѣть дано.

Вотъ тебѣ какъ знакъ, какъ слово, лоскутокъ. Онъ отъ покровъ
Что отъ друга дорогого получила въ сладкій часть.
О, любимый! Даръ желанный — все, что есть мнѣ въ скорби странной.
Колесо тоски туманной повернулося на насъ».

Вотъ письмо она свернула, гдѣ печаль переплелася.
И съ очей слезу смахнула. И обрѣзала кайму
Отъ покровъ. Духъ небесный отъ волосъ испелъ чудесный,
Волосъ къ волосу такъ тѣсно вѣялъ воронову тѣму.

Отбылъ рабъ. Въ одно мгновенье — въ Гуляншаро. Достиженье
Не узнало промедленья. Онъ предъ Фатмой. Автандиль,
Видя, какъ его дорога до желаннаго порога
Довела, сердечно Бога, какъ разумный, восхвалилъ.

Фатмѣ молвилъ: «Такъ стремленье довело до завершенья.
Въ чемъ возможно награжденье? Въ этомъ медлю я пока.
Не въ другомъ. Нѣтъ больше срока. Буду съ нимъ въ мгновенье ока.
Каджи всѣхъ, рѣшеньемъ Рока, поразитъ его рука».

Фатма молвила: «Могучій! Пламень вдвое нынѣ жгучій!
Безъ тебя какъ лѣсъ дремучій будетъ жизнь. Но не жалѣй.
А не то сойду съ ума я. Если Каджи сила злая
Подойдетъ, оплотъ скрѣпя, будетъ вдвое вамъ труднѣй»

Онъ позвалъ рабовъ Фридоны. «Мы здѣсь знали звуки стона.
Были трупы. Нынѣ — звона животворнаго волна.
Вѣсть, которой ждали, съ нами. Посмѣмся надъ врагами.
Страхъ промчится ихъ рядами. Мошь ихъ будетъ сражена.

Съ этой вѣстью поспѣшите. Все Фридону расскажите.
Туго, крѣпко свиты нити. Нагоняю цѣль мою.
Сильный голосъ силенъ въ кличѣ. Я лечу дорогой птичей.
Всея богатою добычей вы владѣйте. Отдаю.

Долгъ великъ, скажу по чести. Но, когда съ Фридономъ вмѣстѣ
Будемъ, я не словомъ лести, дѣломъ долгъ отдамъ сполна.
Все, владѣли чѣмъ пираты, вамъ даю какъ часть отплаты.
Даръ еще вамъ дамъ богатый, да не здѣсь моя казна.»

Тотъ корабль, что вѣдалъ волны, а теперь стоялъ безмолвный,
Всѣхъ вещей красивыхъ полный, слугамъ вѣрнымъ отдалъ онъ.
Полноцѣнное даенье. «Вотъ мое еще посланье.
Въ немъ прочтете повѣствованье побратимъ и другъ Фридонъ.»

40. ПОСЛАНИЕ АВТАНДИЛА КЪ ФРИДОНУ.

НЪ ПИСАЛЪ: «Фридонъ высокій! Царь царей и львиноокій!
Солнце! Токъ лучей широкій. Знакъ отъ Бога. Блескъ побѣдъ.
Расточитель вражьей крови. Слушай голосъ свѣтлой нови.
Братъ твой младшій — звукъ любви — лаетъ дальній свой привѣтъ.

Зналъ довольно я смятеня. За упорное стремленье
Получилъ и награжденье. Воплотился помысль мой.
Я узналъ о той, въ чьемъ взорѣ свѣтитъ солнце, таютъ зори,
Мысль о комъ лелѣтъ въ горѣ левъ, сокрытый подь землей.

Тамъ. Въ плѣну она, въ Каджэти. Взяли солнце Каджи эти.
Быть за это имъ въ отвѣтъ. Шутка мнѣ пуститься въ бой.
Изъ нарциссовъ — дождь кристальный. Роза вся въ росѣ печальной.
Каджи въ край сокрылись дальный. Но безчисленъ ихъ рой.

Сердцемъ радуюсь той вѣсти. Чась не слезъ, а вѣрной мести.
Тамъ, гдѣ ты и братъ твой вмѣстѣ, трудность пала, даль свѣтла.
Силой вашего хотѣнья достоверно достиженье.
Кто возставитъ вамъ боренье? Не преграда вамъ скала.

Прочь ведетъ меня дорога. Снизойди. Пожди немного.
Сбережетъ враждебность строго ту плѣнную луну.
Но примчимся мы, ликуя. Не томиться ей, тоскуя.
Что тебѣ еще скажу я? Къ брату братъ — волна въ волну.

Вѣрность слугъ твоихъ — громада. Слышать это — будетъ рада
Мысль твоя. А имъ награда быть высокая должна.
Кто съ кѣмъ вмѣстѣ, приметъ сходство. Съ благороднымъ — благородство.
Явно здѣсь твое господство. Доблесть сильного видна.»

Словъ изящныхъ цѣнный слитокъ, чувствъ своихъ изливъ избытокъ,
Онъ свернулъ скрѣпленный свитокъ, и рабамъ Фридона далъ.
На словахъ сказалъ, что нужно, синевласый, — съ розой дружно
Ротъ его сверкнулъ жемчужно, свѣтъ коралловый въ немъ алъ.

Грустенъ мигъ разлуки смутной. Вотъ онъ въ горести минутной.
Но, найдя корабль попутный, онъ свершитъ мечты свои.
Солнце съ ликомъ полнолуныимъ, онъ пойдетъ путемъ буруннымъ.
Плачетъ Фатъма гласомъ струннымъ. Кровь и слезы льютъ ручьи.

Всѣ твердятъ ему съ слезами: «Что ты, солнце, сдѣлалъ съ нами?
Жегъ насъ жаркими огнями. Для чего жъ ввергаешь въ мракъ?
Праздникъ мучаетъ, кончаясь. Мы здѣсь умерли, отчаясь.
Схорони насъ, разлучаясь. Схоронилъ ужъ насъ и такъ.»

41. СКАЗЬ О ТОМЪ, КАКЪ ОТБЫЛЬ АВТАНДИЛЬ
ИЗЪ ГУЛЯНШАРО И ВСТРЪТИЛСЯ СЪ ТАРИЭЛЕМЪ.

ОТЪ плыветь корабль въ просторѣ. Автандиль
проѣхаль море.
Радость свѣтится во взорѣ. Будеть счастливъ
Тариэль.
Скоро кончится тревога. Вѣрный путникъ хвалить
Бога.
Необманчива дорога, и ужь близко свѣтитъ цѣль.

Лѣто свѣтитъ изумрудомъ. Вѣтъ вѣтеръ съ тихимъ гудомъ.
Скоро розы нѣжнымъ чудомъ розоликому мелькнутъ.
Солнце путь перемѣнило. Стройный ѣдетъ, млѣеть сила.
Кипарисъ вздохнулъ, — такъ мило видѣтъ розы тамъ и тутъ.

Ихъ не видѣлъ съ давнихъ поръ онъ. Громъ прокаркаль, словно воронъ.
Дождь пролился, прахи стерь онъ, охрусталиль ширь долинъ.
Розы-губы съ поцѣлуемъ къ розамъ льнутъ, и онъ, волнуемъ
Грезой, шепчетъ: «Мы здѣсь чуемъ диво-розу Тинатинъ.»

Но, о другъ помышляя, вотъ слеза и вотъ другая.
Къ Тариэлю поспѣшая, ѣдетъ, слышенъ стукъ подковъ.
Все пустынно, дико, сѣро. Если жь левъ или пантера
Рыкнутъ, — сила въ немъ и вѣра, — биль ихъ въ чащѣ тростниковъ.

Онъ пещеры замѣчаетъ. Взоръ ихъ тотчасъ же признаеть.
Радъ, но все же размышляеть: «Побратимъ и другъ мой здѣсь.
Заслужилъ я съ нимъ свиданье. Вдругъ не выйдеть? Вновь страданья.
И напрасно ожиданье. Трудъ тогда погибнеть весь.

Если жь здѣсь онъ, вѣрно, нынѣ не въ пещерѣ. По равнинѣ
Ходъ даетъ своей кручинѣ, въ полѣ мечется, какъ звѣрь.
Посмотрю за тростниками.» Даль онъ мѣряетъ глазами.
И послѣдними шагами конь, свернувъ, идетъ теперъ.

Вотъ опять пустился скокомъ. На просторѣ на широкомъ
Весель. Пѣсня. Ненарокомъ — солнце въ полной красотѣ.
Съ ликомъ яркимъ и горящимъ. Таріэль съ мечомъ блестящимъ.
Въ тростникахъ блуждалъ по чащамъ и застылъ на ихъ чертѣ.

Онъ стоялъ какъ въ землю врытый. Левъ предъ нимъ лежалъ убитый.
Кровью львиною омытый, мечъ горѣлъ въ рукѣ его.
Зовъ услыша Автандила, вздрогнулъ онъ, проснулась сила.
Побѣждалъ. Увидѣть мило брату брата своего.

Свѣтлый мигъ развѣялъ дыми. Соскочилъ съ коня любимый.
Обнялися побратимы. Шея къ шеѣ нѣжно льнетъ.
Точно что-то ихъ сковало. Цѣль близка, слабѣетъ жало.
Роза розу цѣловала. Въ поцѣлуйномъ звукѣ медь.

Таріэль истаялъ въ стонахъ. Но, какъ лучъ сіяетъ въ кленахъ,
Онъ, въ словахъ рѣзныхъ, точеныхъ, сердцу далъ явить свой свѣтъ.
Возвѣщаетъ тополь стройный: «Ты со мной, — и муки знойной,
Восьмикратной, безпокойной, въ озаренной мысли нѣтъ.»

Отвѣчая сердцу эхомъ, Автандиль исполненъ смѣхомъ.
Манитъ друга онъ къ утѣхамъ. Зубы свѣтятся лучомъ.
Молвилъ: «Съ вѣстью я желанной. Роза, лучъ пріятни жданный,
Снова глянетъ осіянной. Не печалься ни о чемъ.»

Таріэль сказалъ: «Отрада — быть съ тобой. Ты радость взгляда.
Больше мнѣ усладъ не надо. А прольетъ Господь бальзамъ,
Будетъ Божье утѣшенье. Ты же знаешь изречение: —
Въ чемъ Небесное рѣшенье, предоставимъ Небесамъ.»

Видя это въ Таріэлѣ, что въ печали онъ какъ въ хмѣлѣ,
И что вѣсти въ немъ не пѣли, Автандиль спѣшить рѣшилъ.
Вынулъ онъ кайму покрова той, въ комъ вѣчно розы снова.
Таріэль глядитъ. Ни слова. Дрогнулъ. Вмигъ ее схватилъ.

Почерк онъ призналъ посланья. Въ лоскутѣ прочелъ признание.
И къ лицу онъ, безъ дыханья, прижимаетъ талисманъ.
Духъ ушелъ. И, онѣмѣлый, скошенъ, палъ онъ розой бѣлой.
Скорби той отяжелѣлой самъ не снесъ бы Саламанъ.

Вотъ лежитъ онъ бездыханный. Автандиль къ нему съ желанной
Рѣчью. Тщетно. Обаянный острой мыслью, онъ сраженъ.
Что слова тому, чье рдѣнье до черты дошло горѣнья?
Знакъ я былъ знакъ пронзенья. Весь онъ пламенемъ сояженъ.

Предъ бѣдою неминуемой Автандиль въ печали жгучей.
Слышенъ стонъ его пѣвучій. Рветъ онъ волосы свои.
Сжалъ персты — алмазный молотъ, имъ рубинъ лица расколотъ.
Въ сердцѣ страхъ и въ сердцѣ холодъ. Щекъ кораллы льютъ ручьи.

Самъ себѣ лицо онъ ранитъ. Кто же помощь здѣсь протянетъ?
Мыслить: «Развѣ мудрый станетъ такъ испытывать огонь?
Какъ безумный поступилъ я. Въ жаръ смолы горячей влилъ я.
Лишкомъ радости сразилъ я сердце. Сердце такъ не тронь.

Друга я убилъ и брата. Миѣ за то какая плата?
Торопливостью измята нѣянность тонкая души.
Развѣ можно безразсуднымъ позволять быть въ дѣлѣ трудномъ?
Медленъ будъ. Явись хоть скуднымъ, но и съ благомъ не спѣши».

Таріэль лежитъ какъ сонный непробудно, — какъ спаленный.
За водою, огорченный, витязъ шествуетъ, одинъ.
Видитъ льва, и видитъ, хмурный, лужу львиной крови бурной.
Грудь какъ камень онъ лазурный омочилъ — и сталъ рубинъ.

Таріэль отъ крови львиной, словно тронуть скользкой льдиной,
Дрогнулъ. Глянулъ взоръ орлиный. Онъ раскрылъ свои глаза.
Смогъ присѣсть. Но были сини эти пламени пустыни, —
Мѣсяцъ блѣдный на долинѣ, гдѣ взростаеъ бирюза.

Прежде чѣмъ придуть морозы, цвѣтъ роняя, вянуть розы.
Лѣто жжеть, въ нихъ гаснутъ грезы, — нѣтъ нѣлительныхъ дождей.
Жаръ сжигаетъ, холодъ студитъ. Тамъ и тутъ терзанье будетъ.
Но на вѣткахъ ночь пробудитъ звонкой пѣсней соловей.

Таріэль глядзіць ў посьланьне. Онъ чытаець начертанья.
Онъ безумѣеть. Рыданье жжеть. Не видитъ ничего.
Слезы глазъ въ завѣсу слиты. Свѣтъ какъ мрань сталъ ядовитый.
Авандиль встаетъ сердитый. Рѣзко сталъ бранить его.

Молвилъ словомъ осужденья: «Нѣтъ, такое поведење
Недостойно уваженья. Намъ — улыбки ткать для дней.
Встань. Идемъ искать златую, солнце сердца. Ту живую
Приведешъ ты къ поцѣлюю. Я тебя увижу съ ней.

Были въ мранѣ, нынѣ въ свѣтѣ. Счастье шлетъ намъ ласки эти.
И направимся къ Каджэти. Путь укажутъ намъ мечи.
Спины Каджи будутъ ножны. Духъ нашъ будетъ безтревожный.
Путь осилимъ невозможный. Встанеть врагъ, — его топчи.»

Таріэль ваглянулъ свѣтлѣе. Не страдаетъ больше, млтѣя.
Поднялъ онъ глаза. Въ нихъ, рдѣя, черно-бѣлыхъ молній свѣтъ.
Какъ цвѣты идутъ вдоль пашень, такъ улыбкой онъ украшенъ.
Счастливъ духъ, съ небесныхъ башень увидавъ любви привѣтъ.

Авандилу — восхваленья. Говоритъ благодаренья.
«Гдѣ подобное умѣнье и успѣхъ еще нашлись?
Ключъ былъ горный на вершинѣ, имъ поишь ты цвѣтъ въ долинѣ.
Слезный прудъ не нуженъ нынѣ, безъ него цвѣтеть нарциссъ».

Не смогу найти отплаты. Богъ заплатитъ, Онъ богатый.
Мощенъ тронъ Его подъятый. Дастъ съ высотъ тебѣ награду.»
На коней своихъ возсѣли. Къ дому. Радовались. Пѣли.
Наконецъ-то, въ самомъ дѣлѣ, нужно дать поѣсть Асмать.

А Асмать, полуодѣта, у пещеры. Въ дымкѣ свѣта
Таріэль, конечно, это? И на бѣломъ на конѣ
Витязъ тотъ съ осанкой львиной. Ёдутъ, близятся равниной.
Съ звонкой пѣсней соловьиной. Или это все во снѣ?

Возвращался онъ доселѣ не такимъ. Въ глазахъ блестяли
Капли слезъ. О чемъ запѣли? Отчего ихъ звонкій смѣхъ?
Головъ тутъ закружится. Встала, думаетъ, боится.
Точно пьяной, все ей снится. Вѣдь вѣстей не знаетъ тѣхъ.

Увидавъ Асмать, вскричали, зубы въ смѣхѣ показали: —
«Гей, Асмать! Прошли печали. Божья милость къ намъ сошла.
Знаемъ мы, гдѣ солнце скрылось, та луна, что намъ затмилась.
Что желали, совершилось. Грусти нѣтъ. Душа свѣтла.»

Автандиль съ коня спустился. Предъ Асмать онъ очутился.
Съ гибкой вѣткой вѣткой слился. Обнять онъ ее рукой.
А она лицо и шею цѣловала. «Что же съ нею?»
Вопрошаетъ. «Плачу, мѣлю. Въ чемъ разсказъ желанный твой?»

Показалъ онъ ей посланье, той красивой начертанья.
Словно въ нихъ луна сіянье блѣдно льетъ, увидѣвъ день.
«Вотъ взгляни. Была тревога. Но теперь ея немного.
Къ солнцу насъ ведетъ дорога. Мы легко содвинемъ тѣнь.»

На письмо Асмать смотрѣла. Задрожала, поблѣднѣла.
Говоритъ она несмѣло, навожденія страшась: —
«Я ушамъ своимъ не вѣрю. Что сказали ты? Ту потерю
Я съ находкой нашей мѣрю. Весь ли — правда твой разсказъ?»

Быль отвѣтъ ей Автандила: «Да, намъ радость засвѣтила
Тамъ, гдѣ тьма была какъ сила, а теперь горитъ заря.
Тѣни болѣе не тѣни. Ночь окончилась мученій.
Зло слабѣй въ игрѣ бореній. Благо шествуетъ, творя.»

Царь Индійскій улыбался, и съ Асмать онъ обнимался.
Всякъ и плакалъ, и смѣялся. Точно вороновъ хвостъ,
Росы свѣяли рѣсницы. Розы щекъ что свѣтъ денницы.
Отъ людской и деть станицы вплоть до Бога вѣрныи мость.

Вознесли Ему хваленья. «Благи, Богъ, Твои рѣшенья.
Не судилъ уничтоженья голосъ Твой рабамъ Твоимъ.
Мудръ и благъ Ты слыше мѣры.» И отъ солнца въ сумракъ сѣрый
Вѣсть пошли они въ пещеры, и Асмать служила имъ.

Таріаль промовилъ другу: «Окажу тебѣ услугу.
Не одну тебѣ кольчугу, и другое покажу.
Въ дни, когда въ жестокомъ гнѣвѣ здѣсь избилъ толпу я Дэви,
Предрѣшилъ я жатву въ сѣвѣ, — этимъ кладомъ дорожу.»

Тѣ волшебные чертоги, что въ утесы врыты, строги,
И сокровища въ нихъ многи. До сихъ поръ ихъ не взломалъ.
Тотъ доволенъ. Слово — дѣло. И Асмать ужъ не сидѣла.
Сорокъ входовъ вскрыли смѣло. За волшебнымъ заломъ заль.

Въ каждомъ залѣ кладъ богатый. Самоцвѣты, ароматы.
И такіе жемчуг-скаты какъ огромные мячи.
Истонченные узоры. Тутъ и тамъ рѣзба, уборы.
Золотые слитки — горы, груди злата льютъ лучи.

Тотъ дворець, отъ Духовъ взятый, былъ добычею богатой
Полонъ весь. Горѣли латы. Вѣрно, бились здѣсь и встарь.
Также вырубленъ былъ новый для оружья шкафъ кленовый.
Рядомъ съ нимъ стоялъ суровый, запечатанъ, тяжкій ларь.

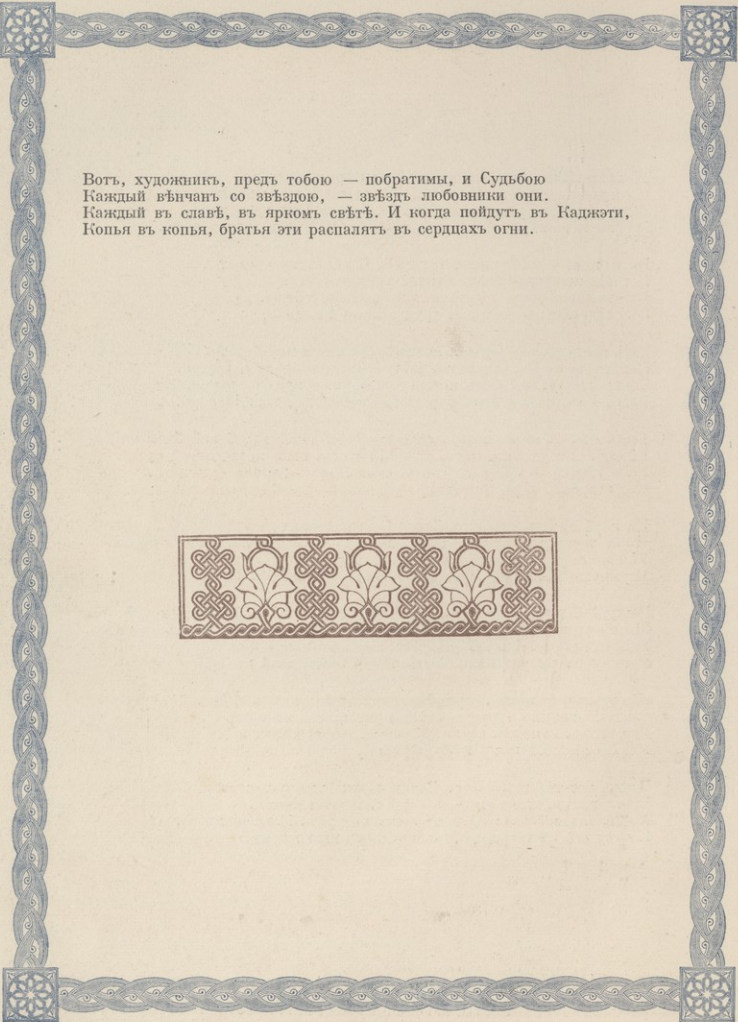
Быть онъ съ надписью гласящей: «Здѣсь доспѣхи. Строй блестящій.
Шлемъ, нагрудникъ, мечъ, разящій сталь, какъ мохъ, игрой своей.
Если Каджи — рой несмѣтный, сила Дави — громъ отвѣтный.
Кто откроетъ ларь запретный, убиватель онъ царей.»

На ларѣ печать сломили. Три убора находили,
Чтобъ тремъ витязямъ быть въ силѣ, полный былъ запасъ во всемъ.
Шлемы съ крѣпкими бронями, нарукавники съ мечами,
Изумрудами, какъ въ храмѣ, все горитъ живымъ огнемъ.

Каждый былъ въ своей кольчугѣ. Каждый видѣлъ брата въ другѣ.
Шлемъ съ цѣпочкой скрѣпленъ въ кругѣ. Мечъ желѣзо бьетъ въ ничто.
Ужъ они его цѣнили. Съ чѣмъ сравнить въ красѣ и силѣ?
Никому бъ не уступили. Мечъ такой найдеть-ли кто?

«Въ этомъ», молвили, «примѣта, что для боя мысль одѣта.
Глазъ Господень взоромъ свѣта намъ сияетъ на пути.
Два убора, каждый, взяли. И еще одинъ связали.
Улыбаяся, сказали: «Чтобъ Фридоу поднести.»

Взяли кое-что изъ злата. Взяли также жемчуг-ската.
Ново хранилище обято, запертое, тихимъ сномъ.
Автадиль сказалъ: «Отнынѣ мечъ въ рукѣ. И не пустынь,
Понесу его къ твердынь, не замедлясь ни на чемъ.»

Вотъ, художникъ, предъ тобою — побратимы, и Судьбою
Каждый вѣнчанъ со звѣздою, — звѣздъ любовники они.
Каждый въ славъ, въ ярномъ свѣтъ. И когда пойдутъ въ Каджэти,
Конья въ копя, братья эти распалять въ сердцахъ огни.

42. СКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ ОТПАВИЛИСЬ
ТАРІЭЛЬ И АВАНДИЛЪ КЪ ФРИДОНУ.

Ъ ПУТЬ отправились съ зарею. И Асмать берутъ
съ собою.
На конѣ за ихъ спиною — къ Нурадиновой страгѣ.
Тамъ еще коня купили. Цѣннымъ златомъ заплатили.
Имъ вожатый — въ Авандилѣ, знаетъ этотъ путь
вполнѣ.

Вотъ знакомая равнина. Видны кони Нурадина.
У Индуса - властелина мысль такая — онъ вѣдь юнъ: —
Говоритъ онъ Авандилу: «Ну-ка, явимъ нашу силу.
За кобылою кобылу, будемъ гнать его табунъ.»

Весь табунъ передъ собою мы погонимъ. Съ вѣстью тою
Пастухи — къ нему, онъ — къ бою, чтобы кровь пролить скорѣй.
Глянь налѣво и направо, это мы. Веселымъ — слава.
Если добрая забава, съ ней и гордый веселѣй.»

Хватъ они коней отборныхъ. Пастухи огней дозорныхъ
Свѣтъ зажгли, и до проворныхъ кличутъ: «Витязи, зачѣмъ
здѣсь разбоємъ заниматься? Есть хозяйнъ. Съ нимъ встрѣчаться,
И съ его мечомъ спознаться, не вздохнувши, будешь ибѣмъ.»

Вотъ взялись они за стрѣлы. Пастухи бѣгутъ, несмѣлы.
Кличетъ рой ихъ оробѣлый: «Убиваютъ, грабятъ насъ».
Зовъ за зовомъ, крикъ за крикомъ, и въ смятении великомъ
Предъ Фридономъ, съ блѣднымъ ликомъ, возвѣщаютъ свой рассказъ.

Вмигъ Фридонъ вооружился, въ строй онъ бранный нарядился,
На коня, и венокъ пустился. На поляхъ войска и крикъ.
Солдцеликихъ и морозомъ не спугнешь. Спѣшать къ угрозамъ.
Смѣхъ скользигъ по скрытымъ розамъ. Подъ забраломъ спрятанъ ликъ.

Вотъ на полѣ на зеленомъ Таріэль передъ Фридономъ.
«Да, готовъ онъ къ оборонамъ, это вижу», говоритъ.
Поднятъ шлемъ, а самъ хохочетъ. «Что Фридона сердце хочеть?
Битву онъ гостямъ пророчить. Ну, хозяйнъ. Добрый видъ».

Тутъ Фридонъ съ коня проворно. Также тѣ. И вмигъ, повторно
Обнимались. Не зазорно и лобзаніе друзей.
Цѣловались. Радость — въ Богѣ. И Ему хваленья многи.
И вельможи къ нимъ не строги, въ этой радости своей.

Говорилъ Фридонъ: «Скорѣ ждалъ я васъ. И въ чемъ затѣя
Будетъ ваша, не робѣя и не медля, весь я вашъ».
Съ солцнами двумя согласный, мнилосъ, мѣсягъ тамъ прекрасный.
Ликъ до лика — образъ ясный. Радость трехъ цвѣточныхъ чашъ.

Въ домъ нарядный ѣдутъ трое. Сѣли въ царственномъ покоѣ.
Таріэль на золотое сѣлъ покрытѣ, пышный тронъ.
Авандилъ садигъ рядомъ. Строй доспѣховъ, радость взглядамъ,
Браннымъ надобный отрадамъ, получилъ отъ нихъ Фридонъ.

Отвѣчали: «Мы дарами скудны здѣсь, и нѣтъ ихъ съ нами.
Но богатыми огнями засіяютъ въ должный часъ.»
Но Фридонъ къ землѣ склонился, въ благодарности излился: —
«Этотъ даръ мнѣ полюбилъ. Онъ вполне достоинъ васъ».

Въ эту ночь имъ отдыхъ жданный. Баней тѣшатся желанной.
Ткань съ красюю необманной — красотѣ ихъ молодой.
Имъ Фридонъ даетъ наряды. Ихъ глаза подаркамъ рады.
Крупный жемчугъ тѣшитъ взгляды. Яхонтъ въ чашѣ золотой.

Молвить: «Я не краснобаенъ. Буду я плохой хозяйнъ.
Но скажу: Не чрезвычайенъ долженъ быть вашъ отдыхъ здѣсь.
Медитъ — скудная затѣя. Если Каджи насъ скорѣ
Будутъ тамъ, и намъ труднѣе будетъ сбить съ нихъ эту спѣсь».

Что намъ людныя дружины? Малый строй съ душой единой
Будетъ выводокъ орлиный. Триста хватить намъ бойцовъ.
Каджи битъ — до рукоятки мечъ вонзаетъ въ горячей схваткѣ,
Ту найдемъ, чьи очи, сладки, превратятъ насъ въ мертвецовъ.

Быть однажды я въ Каджэти. Какъ придемъ, твердыни эти
Глянуть грозно въ вышнемъ свѣтѣ. Срывы горные кругомъ.
Невозможенъ бой открытый. Не съ полкомъ, а съ вѣрной свитой
Приходи дорогой скрытой. Проникай туда тайкомъ.»

Правда мудрой оказалась. Награжденная, прощалась
И одна Асматы осталась. Триста смѣлыхъ — на коняхъ.
Всѣ, боецъ къ бойцу, герои. Ужъ себя покажутъ въ боѣ.
Смѣлый въ силѣ — силенъ вдвое. Богъ имъ помощь. Съ ними страхъ.

Вотъ, съ побѣдою во взорѣ, пересѣкли сине море.
То молчать, то въ разговорѣ, ѣдутъ къ цѣли день и ночь.
Зналь Фридонъ всѣ нити сѣти. Скоро области Каджэти.
Ужъ теперь не ѣдутъ въ свѣтѣ. Долженъ мракъ ночной помочь.

Въ этомъ былъ совѣтъ Фридона. Да не видитъ оборона.
Мысль его — какъ звукъ закона. Днемъ конямъ ихъ отдыхъ есть.
Вонъ и городъ. Тамъ крутые входы скалы. Сторожевые
Въ переключкѣ часовые. Столько, столько ихъ — не счесть.

Десять тысячъ тамъ дозорныхъ у воротъ проходовъ горныхъ.
Видать львы. Зубцовъ узорныхъ свѣтъ касается луны.
Такъ рѣшаютъ, не робѣя: «Сотня — тысячи слабѣ.
Но, коль путь возьмутъ вѣрнѣе, сонми тысячи сражены.»

43. СКАЗЬ О ТОМЪ, КАКЪ СОВѢЩАЛИСЯ ФРИДОНЪ,
 АВТАНДИЛЬ И ТАРИЭЛЬ О НАПАДЕННІИ
 НА ТВЕРДЬНЮ КАДЖЭТИ.

ОВОРИТЬ Фридонъ: «Дорога здѣсь трудна, и насъ
 немного.
 Только хитрость здѣсь подмога. Впрямь на
 приступ здѣсь пойти
 Можетъ развѣ что громада. Чуть замкнуть, воротъ
 преграда
 И твердьню кругомъ ограда — крѣпки такъ, что
 нѣтъ пути.

Въ дни, которымъ нѣтъ возврата, въ дѣтствѣ, ловкость акробата
 Я развилъ въ себѣ. Со ската прямо прыгнуть я могу.
 Если будетъ здѣсь веревка, дасть возможность мнѣ сноровка
 Такъ по ней взобраться ловко, что сейчасъ приду къ врагу.

Кто, качнувши сильнымъ станомъ, ловко здѣсь мелькнетъ арканомъ,
 Дасть начало многимъ ранамъ, петлю къ вышкѣ прикрѣпивъ: —
 Какъ по чистому я полю тѣло къ бѣгу приневолю.
 Тамъ внутри враговъ похолю, будетъ видъ у нихъ спѣсивъ.

Въ полночѣ вооруженья, щитъ держа безъ затрудненья,
 Слово вѣтра дуновенья, ринусь прямо на солдатъ.
 И послѣпшою рукою я ворота вамъ открою.
 Вы же явитесь грозною — тамъ, гдѣ будутъ бить въ набатъ».

Автандиль сказалъ Фридону: «А! даешь ты оборону.
 Смѣло рушишь ты препону. Львиной хочешь бить рукою.
 Знаешь заговоръ на раны и совѣты-талисманы.
 Но не слышишь — кличутъ враны, кличетъ близко часовой.

Ты пойдешь, и звукъ доспѣха стукнетъ, звякнетъ, дрогнетъ эхо,
Вмигъ поднимется потѣха. Часовые прибѣгутъ.
Хоть бы ты взбирался ловко, и у нихъ вѣдь есть уловка,
Будеть сръзана веревка. Намъ не это нужно тутъ.

Все неладно въ этомъ ладѣ. Такъ не будешь въ крѣпкомъ градѣ.
Лучше вотъ что. Вы въ засадѣ въ ожиданьи бранныхъ съѣхъ.
Я жь отправлюсь безъ опаски, какъ купецъ. Сплету имъ сказки.
А на мулѣ будутъ въ связкѣ — шлемъ, броня и острый мечъ.

Не поидемъ туда мы трое. Заподозрять въ этомъ злое.
Незамѣченъ и въ покоѣ, какъ купецъ, пройду туда.
Богъ поможетъ мнѣ въ успѣхѣ. Облекусь тайкомъ въ доспѣхи.
И пойдутъ тогда потѣхи. Кровь польется какъ вода.

Вмигъ мечомъ сниму дозоры. Руки въ дѣлѣ будутъ споры.
Разломаю всѣ запоры. Вы ударите во-виѣ.
Какъ ворота вамъ открою, вдругъ ворветесь вы волною.
Если мыслю иною побѣдимъ, — скажите мнѣ.

Таріэль сказалъ: «Геройство — ваше истинное свойство.
Въ вашемъ сердцѣ безпокойство не вмѣстится никогда.
Зря ли вамъ махать мечами? Вы съ могучими сердцами.
Вы туда скорѣй бойцами, гдѣ всего грознѣй бѣда.

Но и мнѣ пусть выборъ будетъ. Ту, что умъ къ безумью нудить,
Свалки шумъ въ дворцѣ пробудить, — Солнце станетъ въ высотѣ.
Глянетъ внизъ, тамъ бой могучій. Нѣтъ меня въ грозѣ кипучей.
Спрячьте лести звукъ пѣвучій. Нѣтъ, слова напрасны тѣ.

Тутъ пятно есть. Лучше это намъ принять, какъ зовъ совѣта: —
Въ самый ранній часъ разсвѣта три отряда съ трехъ сторонъ,
Понесутъ наши кони. Будетъ мнѣ оборонѣ,
Въ вѣрномъ будемъ мы уронѣ. Что весь строй нашъ? Малый онъ.

Мы же, сильные, не кто-то. Не замкнуть они ворота.
Мы ужъ тамъ. Пойдетъ работа. Тѣ извнѣ, тѣ изнутри
Грянемъ мощнымъ мы тараномъ. Пусть идутъ, хоть цѣлымъ станомъ.
Счетъ потерянь будетъ ранамъ. Всѣхъ, кто тамъ, на мечъ бери.»

Говорить Фридонь: «Ясиѣ стало все. Какъ быть, виднѣе.
Конь, что былъ моимъ, быстрѣе, чѣмъ какой-либо другой.
Если бѣ зналъ, что можетъ статься, будемъ къ Каджи мы врываться,
Я бѣ не сталъ съ нимъ разставаться. Въ этомъ скупъ, — ужъ я такой».

Но словами онъ такими потѣшается лишь съ ними.
Вотъ рѣшеньями своими дѣло сдѣлали виднѣй.
Рады дружеской потѣхѣ. Облеклись они въ доспѣхи.
Наигравшись въ свѣтломъ смѣхѣ, вотъ садятся на коней.

Мысль, что встала въ Таріэлѣ, такъ они уразумѣли,
Приведеть вѣрнѣе къ цѣли. Духомъ всеѣ они легки.
Раздѣлилось три отряда. Въ каждомъ — сто, на радость взгляда.
Сердце конское имъ радо. Закрѣпляютъ шишаки.

Вижу ихъ въ сіяньи этомъ. По семи идетъ планетамъ
Лучъ, чтобъ ихъ овѣять свѣтомъ. Вкругъ героевъ столбъ огня.
Такъ рѣшенное свершая, ѣдетъ ихъ семья живая,
Всеѣхъ враговъ своихъ сражая, всеѣхъ же любящихъ пьяня.

Вотъ ихъ образъ, вотъ сравненье: Дождь, ниспавъ на возвышенья
Горь, струитъ свое теченье какъ разметанный потокъ, —
Но, когда натѣшась въ спорѣ и вдали увидя море,
Онъ расширится въ просторѣ, онъ спокоенъ и глубоко.

Авандиль — огонь стремленья. Смѣль Фридонъ, онъ — дерзновенье.
Съ Таріалемъ имъ сравненья все жѣ въ красѣ отваги нѣтъ.
Солнце свѣтитъ, — гдѣ планеты? И въ Плеядахъ гаснутъ свѣты.
Имъ теперь хвалы пропѣты. Гляньте въ бурный ходъ побѣдъ.

Трое вратъ, и смѣлыхъ трое. Съ ними войско небольшое.
Съ каждымъ сто. Но въ этомъ роѣ каждый витяземъ глядитъ.
Ночью спѣшныя развѣдки въ достиженьяхъ были мѣтки.
Лучъ зари скользянул до вѣтки. Въ путь. У каждого есть щитъ.

Раньше ѣхали нестройно, и какъ путники спокойно.
Страху быть тутъ непристойно. Замыкается кольцо.
Не тревожась, смотреть стражи. Кто они? Занятно даже.
Вдругъ помчались въ городъ вражій — и забрало на лицо.

Дрогнулъ каждый конь, прищоренъ. Этотъ бѣлъ, а этотъ черенъ.
Стукъ копытъ. Полетъ проворенъ. Веѣ въ ворота. Смѣло въ бой.
Заиграли барабаны. Звуки флейтъ и дудокъ пьяны.
Въ срывахъ дрогнули туманы, вдругъ прожженные трубой.

Тутъ излился на Каджэти Божій гнѣвъ. И въ солнцесвѣтѣ
Всталъ пожаръ. И были плети — раскаленные лучи.
Въ колесѣхъ Небесъ, въ ихъ кругѣ, зрѣлись огненные дуги.
Пали трупы другъ на другѣ. Смертный сѣютъ сѣвъ мечи.

Рубить острый мечъ, не цѣля. Какъ густого полный хмѣля,
Грозный голосъ Таріэля и пераненыхъ мертвить.
Прачь предъ смѣлымъ вражьей брони. Съ трехъ сторонъ ворвались кони.
Топчутъ въ бѣшеной погонѣ. Къ башнѣ быстрый бѣгъ ихъ мчить.

Левъ Фридонъ, по вражьимъ силамъ пролетѣвши быстрокрылымъ,
Повстрѣчался съ Автандиломъ. Шлютъ другъ другу звонкій кличъ.
Ихъ набѣгъ увѣнчанъ славой. Врагъ разбитъ. Потокъ кровавый.
«Таріэль гдѣ величавый?» Взоромъ гдѣ его настичъ?

Гдѣ онъ? Скрылся какъ видѣнье. Къ башнѣ замка ихъ стремление.
Тамъ мечей нагроможденъ и обломки лезвія.
Десять тысячъ обороны мертвы. Еле слышны стоны.
И стекаетъ, крася склоны горъ, кровавая струя.

Веѣ ранены, избиты, стражи замка съ прахомъ слиты.
И врата въ него раскрыты. Тутъ и тамъ, со всѣхъ сторонъ,
Гдѣ оплотъ былъ, были скрѣпы, нынѣ смотрятъ только щепы.
«Бурей доблестно-свирѣпой здѣсь прошелъ, конечно, онъ».

Вотъ идутъ готовымъ ходомъ. Гулъ шаговъ востлѣдъ по сводамъ.
Видятъ, ядъ смѣнился медомъ, и Лунѣ открылся путь.
Къ Солнцу. Змѣй сраженъ. Смѣются токи свѣта. Кудри выются.
Шлемъ откинуть. Нѣжно жмутся, шея къ шеѣ, къ груди грудь.

Двѣ звѣзды, предавшись чарамъ, поцѣлуйнымъ свѣтятъ жаромъ.
Скорбь, Зуаль, съ борцомъ, Муштхаромъ, сочетались въ красотѣ.
Если розы — въ окруженьѣ солнцесвѣта, вдвое рѣньше.
Имъ подъ Солнцемъ наслажденъ, бывшимъ долго въ темнотѣ.

Розы губь повторно слиты. Стебли пальцевь перевиты.
Туть и двое вѣрной свиты, Авандиль и съ нимъ Фридонъ
Вышли. Трое — побратимы. Вотъ онъ, солнца ликъ любимый.
Да пребудутъ же хранимы тѣ, предъ кѣмъ глубоко поклонъ.

Нэстанъ-Джаръ, друзей встрѣчая, свѣтлымъ ликомъ привѣчая,
Блещетъ солнцемъ, золотая. Гордый ихъ поцѣловать.
И съ нарядными словами, вотъ, стоятъ передъ бойцами,
Что окончили сердцами подвигъ тотъ, что быть не малъ.

Таріала восхваляютъ. Какъ побѣдный бился, знаютъ.
И себя не умаляютъ. Всѣмъ пристоевъ звукъ хвалы.
Имъ оружье послужило. Мечъ рубить, кинѣла сила.
Ихъ стремленья ливинымъ было. Были противъ львовъ козлы.

Триста было ихъ вначалѣ. Съ честью тамъ сто сорокъ пали.
Хоть Фридону въ томъ печали, все-жъ и радуется онъ.
Разметалась вражья сила. Всѣмъ имъ, злымъ, нашлась могила.
А ужъ что сокровищъ было, кладъ не можетъ быть сочтенъ. —

Все, что было быстрого, — мулъ, верблюды, и конь, — ихъ много,
Взято. Пышная дорога. Ихъ три тысячи головъ.
Грузъ оцѣнять властелины. Гіацинты и рубины.
И, чтобъ блескъ вернуть единый, паланкинъ уже готовъ.

Шестьдесятъ бойцовъ въ Каджэти, чтобъ хранить твердыни эти,
Оставляютъ. Въ яркомъ свѣтѣ ѣдутъ нынѣ въ Градъ Морей.
Путь туда не безконечный, хоть далекий, но безопасный.
Фатъму видѣть — долгъ сердечный. Нужно имъ предстать предъ ней.

44. СКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ ОТПРАВИЛСЯ ТАРИЭЛЬ
КЪ ЦАРЮ МОРЕЙ И КЪ ФРИДОНУ.

О ЦАРЯ Морей, для званья, Таріэль послалъ
посланье: —
 «Вражьей силы растопанье, Таріэль, съ огнемъ лица,
 Солнце я мое, въ расцвѣтѣ, приношу изъ тьмы
 Каджѣти.
 Ты прими привѣты эти — въ честь родного и отца.

Каджи край — ужь мой онъ нынѣ. Всѣ богатства
 и твердыни.

Отъ твоей лишь благодѣтели здѣсь заря моя жива: —
 Фатъма ей была сестрою, больше, матерью родною.
 Расплатись я какъ съ тобою? Ненавистны мнѣ — слова.

Приходи. Твоимъ здѣсь краемъ мы идемъ и поспѣшаемъ.
 Я поспѣшностью сжигаемъ, замедляться не могу.
 Каджи край и ихъ твердыни отъ меня прими ты нынѣ.
 Будешь грознымъ для гордыни, будешь страшень ты врагу.

Рѣчь моя — и до Усена. Ту, въ которой блесковъ смѣна,
 Фатъма вырвала изъ плѣна, — пусть же къ намъ придетъ, свѣтла.
 Кто желанный ей — желанной, яркимъ солнцемъ осіянной,
 Ярче звѣздъ, какъ перевозанный лучъ свѣтлѣе, чѣмъ смола.»

Получивши извѣщенье, Царь Морей пришелъ въ волнение, —
 Вѣсть нежданная смятенье пробуждаетъ въ тишинѣ.
 Воexвалилъ въ словахъ покорныхъ онъ Владыку высей горныхъ.
 И не ждалъ вѣстей повторныхъ. Вмигъ поѣхалъ на конѣ.

Взяль даровъ, и взяль не злата, а пригоршни двѣ агата.
Свадьба будетъ тамъ богата. И уходитъ караванъ.
Фатъма съ нимъ. Ихъ путь далекій. Прахъ взметался поволокой.
Въ день десятый — свѣтъ высокій: Левъ и солнце, свѣточъ странъ.

Царь Морей свой путь кончаетъ. Трое ихъ его встрѣчаетъ.
Каждый, спѣшась, привѣчаетъ. Кротко ихъ лобзаетъ онъ.
Таріэлю восхваленья. Съ нимъ она — какъ озаренье.
Ликъ, достойный удивленья, весь лучами окружень.

Фатъма въ пламени и таеть. Вотъ цѣлуетъ, обнимаетъ.
Пощелуи принимаетъ къ лицу, шеѣ, и рукѣ.
Таріэлю: «Боже — предъ зарею мракъ невластенъ надо мною.
Буду я Твоей слугою. Свѣтъ велитъ молчать тоскѣ».

Обнимаетъ Фатъму дѣва. Нѣжно, словно звукъ напѣва,
Говоритъ она безъ гнѣва: «Въ сердцѣ было много слезъ.
Въ сердцѣ ночь была бурунна. Но теперь я полнолуна.
Солнце свѣтитъ многострунно. Роза — вотъ, и гдѣ морозъ?»

Медлитъ Царь Морей недѣлю. Благодаренъ Таріэлю.
Свадьбѣ часъ, любви и хмѣлю. Счетъ даровъ — какъ росышь звѣздъ.
Влещетъ злато съ самоцвѣтомъ. По златымъ они монетамъ
Какъ по праху ходятъ свѣтомъ. Золотой до счастья мость.

Кучей тамъ парча съ шелками. Съ гіацинтами-камнями,
Таріэлю словно въ храмѣ, златъ-вѣнецъ даруетъ онъ.
Гіацинты золотисты, въ нихъ сіяетъ пламень чистый.
Также царственно-лучистый, вырѣзной даритъ онъ тронъ.

И покровъ, гдѣ все румяно, — свѣтъ - рубины Бадахшана,
Гіацинтовъ алыхъ рана, — онъ подносить Нэстанъ-Джаръ.
Дѣва съ юношей, сіяя, какъ гроза тамъ молодая.
Взглянеть кто на нихъ, — мечтая, новой страсти въ немъ пожаръ.

Авандилу даръ богатый, и Фридону жемчугъ - скаты,
И сѣдло съ красой несмятой, и отличный въ бѣгѣ конь.
И плащи горятъ огнями, небывальными камнями.
Молвятъ: «Ты восхваленъ нами. Будь богатымъ какъ огонь».

Таріэль благодаренье красить ласкою реченья: —
«Царь, полны мы наслажденья: Мы увидѣли царя.
Ты неложно царь всеисильный. И дары твои обильны.
И сюда дороги пыльны, но мы шли къ тебѣ не зря».

Царь Морей, отвѣтомъ яснымъ, молвитъ: «Левъ съ лицомъ прекраснымъ.
Смѣлый, жизнь твоимъ подвластнымъ, убиватель нѣжный тѣхъ,
Что съ тобой живутъ въ разлукѣ, — къ звуку счастья гдѣ есть звуки
Какъ отвѣтъ? Я буду въ мукѣ: Безъ тебя — и безъ утѣхъ.»

Таріэля къ Фатъмѣ слово — какъ отъ брата дорогого: —
«Долгъ великъ, сестра. Такого долга — что придетъ подстать?
Пышность Каджи, кладъ до клада, все твое, тебѣ для взгляда.
Ничего мнѣ здѣсь не надо, и не буду продавать.»

Фатъма кланяется низко. «Кто съ тобой, властитель, близко,
Хоть не ликъ твой василиска, но въ огнѣ онъ самъ не свой.
Я съ тобой во власти чуда. Но, когда уйдешь отсюда,
Что я буду? Пепла груды. Горе тѣмъ, кто не съ тобой.»

Губы жемчугъ расцвѣчали, — два лучистые въ печали
До Царя Морей сказали: «Безъ тебя намъ трудно быть.
Ужъ не будемъ забавляться, звукомъ арфы опьяняться,
Въ громкой музыкѣ встрѣчаться. Но дозволю теперь отплыть.»

Будь отецъ намъ, нашъ родитель. Дома нашего строитель.
И корабль намъ дай, властитель.» Царь отвѣтилъ: «Что не дамъ?
Сердце ваше успокою. Буду самъ для васъ землею.
Коль спѣшишь, сейчасъ устрою, сильный, путь - дорогу вамъ».

И корабль къ дорогѣ дальней снаряжаетъ царь печальный.
Наступаетъ мигъ прощальный. Таріэль — среди зыбей.
Тѣ, объятые скорбями, бьются о земь глубь морей,
Фатъма слезы льетъ ручьями, умножая глубь морей.

Побратимы, эти трое, поле все прошли морское.
Слово данное — живое. Клятва ихъ подтверждена.
Отдыхаютъ ихъ досѣхи. Имъ пристали — пѣсни, смѣхи.
Свѣты губъ горятъ въ утѣхѣ, и кристальность въ нихъ ясна.

Вѣсть Асмать идетъ благая. И въ дома вождей другая,
Тѣхъ, что, въ битвѣ выступая, за Фридономъ мчались въ бой.
«Онъ сюда приносить свѣты, да сияютъ всѣ планеты.
Будемъ нынѣ мы согрѣты, отдохнемъ отъ стужи злой».

Солнце въ свѣтломъ паланкинѣ. Путь проходитъ по равнинѣ.
Ужъ конецъ пришелъ кручинѣ. Въ нихъ веселіе дѣтей.
Въ край пришли они Фридона. Все цвѣтисто и зелено.
Ихъ родное манитъ лоно. Слово пѣсни — свѣтъ лучей.

Ихъ встрѣчаютъ дружнымъ хоромъ. И Асмать, блестя уборомъ,
Приковалась нѣжнымъ взоромъ къ солнцу, Нѣстанъ-Дараджанъ.
Утѣшенъ имъ другъ въ другѣ. Конченъ долгій путь услуги.
Два цвѣтка въ цвѣтистомъ кругѣ. Мигъ свиданья вѣрнымъ данъ.

И цѣлуетъ, обнимая, Нѣстанъ-Джаръ ее золотая.
Молвить: «Сколько тьмы и зла я принесла моей родной.
Скорбь была неравномѣрна. Но и благъ Господь безмѣрно.
Если сердце безпримѣрно, гдѣ награды взять такой?»

Говоритъ Асмать: «Хваленья Всеблагому. Разумѣне
Зритъ, что было въ тьмѣ стѣсненія. Роза тутъ и жемчуга.
Жизнь иль смерть — мнѣ все едино. Надъ картинами картина,
Если любить господина сердцемъ преданнымъ слуга.

Возглашаетъ строй сановныхъ: «Коль въ рѣшеніяхъ верховныхъ
Богъ даруетъ дней любовныхъ, такъ восхвалимъ же Его.
Мы въ кострахъ огней сгорали, — ликъ явилъ Онъ, нѣтъ печали.
Стали близь наши дали. Воскресилъ Онъ, что мертво.»

Цѣлованья и обьятья. Царь сказалъ имъ: «Ваши братья
Были жертвой. Восхвалять я буду смѣлыхъ каждый часъ.
Въ Вѣчномъ — жизнь за сновидѣньемъ. Съ Вышнимъ слитый единеньемъ,
Ликъ ихъ свѣтитъ озареньемъ, лучевымъ въ сто двадцать разъ.

И хоть смерть ихъ мнѣ страданье, ихъ безмертный даръ — сіянье.
Вѣкъ о нихъ воспоминанье. Принять ихъ Небесный Царь».
Онъ сказалъ и плачетъ нѣжно. И лицо благого снѣжно.
Стынуть розы, и мятежно вѣсть въ цвѣтъ — сѣдой Январь.

Видя слезы въ Таріалѣ, всѣ мгновенно возскорбѣли.
Словно стонъ прошелъ свирѣли. И внезапно стихли всѣ.
И промолвили съ почтеньемъ: «Если солнечнымъ ты зрѣньемъ
Стать для мудрыхъ, озареньемъ засвѣтись какъ лучъ въ росѣ.

Да пребудетъ всякъ спокоенъ. Кто же этихъ слезъ достоинъ?
За тебя сраженный воинъ — онъ счастливѣ живыхъ».
И кругомъ смягчились лики. И сказалъ Фридонъ къ владыкѣ: —
«Были скорби, и велики, — въ свѣтлыхъ дняхъ потопись ихъ».

Помоги намъ въ этомъ, Боже.» Автандилъ сраженныхъ, тоже,
Восхвалилъ. «Но для чего же», молвилъ, «плакать лишній разъ?
Грусти да въ быль часъ грустящій. Снова левъ съ зарей блестящей.
Такъ смѣяться будемъ чаще, а не слезы лить изъ глазъ.»

Весель градь Мульгазанзари. Бьютъ литавры какъ въ угарѣ.
Кличуть трубы. Къ нѣжной чарѣ много льнетъ различныхъ чаръ.
Чу, грохочутъ барабаны. Мѣдъ звучитъ. Всѣ точно пьяны.
И красавицы, румяны, всѣ сбѣжались, пусть базаръ.

И торговцы приходили. Ихъ ряды забыты были.
А порядокъ наводили стражи съ саблями въ рукахъ.
Челядь, дѣти, всѣ толпятся. Тѣмъ впередъ, а тѣмъ податься.
Только бь какъ-нибудь пробраться. «Посмотрѣть!» — у всѣхъ въ глазахъ.

У Фридона Нурадина весь дворецъ одна картина.
Всѣ рабы — до господина. И на каждомъ поясъ златъ.
Все парчой горитъ златою. И ковры тамъ подъ ногою.
И они надъ головою мечутъ золото какъ градь.

45. СКАЗЪ О ВЪНЧАНІИ ТАРИЭЛИ И НѢСТАНЪ-ДАРЭДЖАНЪ
ФРИДОНОМЪ.

ВАДЪБА справлена Фридономъ. Честью честь имъ,
съ бѣлымъ трономъ,
Словно въ брызгахъ окропленнымъ въ желто-
красный самоцвѣтъ,
Авандилу желто-черный также данъ престолъ
узорный.
Ждетъ толпа. Въ ней вздохъ повторный. Вижу,
туть терпѣнья нѣтъ.

И пѣвцы тамъ не молчали. Пѣсни льются безъ печали.
Свадьбу весело сыграли. Былъ шелковъ роскошный даръ.
Нѣжный блескъ необычаенъ. Добрый тотъ Фридонъ хозяинъ.
Лишь улыбки какъ изваянъ въ ворожащей Нѣстанъ-Джаръ.

Счетъ даровъ сполна-ли нуженъ? Даръ съ подаркомъ явно друженъ.
Девять царственныхъ жемчужинъ, какъ гусиное яйцо.
Яхонтъ также драгоцѣнный, въ солнцесвѣтѣ несравненный,
Ночью въ блескъ неизмѣнный, — хоть рисуй предъ нимъ лицо.

Также далъ имъ ожерелье, чтобы шеѣ быть въ весельѣ, —
Ужъ какое рукодѣлье: Гиацинты — нить кружковъ.
Авандилу льву далъ чудо, — и поднять-то трудно, — блюдо,
Не пустымъ унесъ оттуда это блюдо врагъ враговъ.

Все хозяинъ жемчугами уложилъ его съ краями,
И съ пристойными словами эта дань дана была.
Весь чертогъ обить парчю, тканью нѣжно-золотою.
Тариэль къ нему съ хвалою, стройно сложена хвала.

Восемь дней, съ усладой вѣрной, свадьбы праздникъ безпримѣрный.
Токъ даровъ, струей размѣрной, каждый день имъ какъ вѣнецъ.
И конца нѣтъ узорочью. Арфа съ плотней днемъ и ночьюю.
Глянь, увидишь ты воочью: Юный — съ дѣвой наконецъ.

Таріэль сказалъ, смягченный, до Фридоны: «Братъ рожденный
Ближе быть не могъ. Взметенный, раненъ на смерть, по волнамъ
Я бродилъ, — явилъ ты сушу. Клятву сердца не нарушу.
И какъ даръ отдамъ я душу — брату, давшему бальзамъ.

Самъ ты знаешь Автандила, какъ его служенье было.
Преисполненное пыла и готово до всего.
Я хочу служить вамъбну. Положилъ конецъ онъ плѣну.
Самъ пусть знаетъ перемѣну. Жжете костерь, — гаси его.

«Братъ», скажи ему, «милуя, какъ за службу заплачу я?
Богъ, дары Свои даруя, свѣта жизни дать твоей.
Коли я твое хотѣнье не явлю какъ исполненье,
Не хочу отдохновенья даже въ хижинѣ моей.

Будеть въ чемъ моя подмога? Пусть — намъ смѣло, съ волей Бога,
До Арабіи дорога. Ты мой вождь, а я твой другъ.
Нѣжныхъ мы смиримъ рѣчами, а воинственныхъ мечами.
Ты къ своей женѣ съ дарами, иль моей я не супругъ».

Чуть услыша Таріэля это слово, — словно хмѣля
Вдругъ сказалася недѣля, — Автандилъ въ веселый смѣхъ.
Миѣ помощникъ? Гдѣ жъ печали? Кадки въ плѣнъ мою не взяли.
Я не раненъ, не въ опалѣ. Розѣ сновъ — во всемъ успѣхъ.

Солнце свѣтитъ на престолѣ. И царить по Божьей волѣ.
Не въ Каджэти, не въ неволѣ, не во власти колдуновъ.
Всѣ къ ней съ лаской и привѣтомъ. Помогать ей, что-ли, въ этомъ?
Не дождешься тутъ, съ привѣтомъ, отъ меня ты лестныхъ словъ.

Если хочеть Провидѣнье, такъ небесныя видѣнья
Принесуть миѣ утѣшенье въ этой огненной печи.
И тогда по смерти буду льнуть я къ солнечному чуду.
Счастья здѣсь искать повсюду, — хоть нищи, хоть не нищи.

Передай отвѣтъ правдивый: «Чувства, царь, твои красивы.
Быть слуга я твой радивый — прежде, чѣмъ я былъ рождень.
Пусть же я передъ тобою буду только лишь землею,
До тѣхъ поръ, какъ ты, съ хвалою, не получишь царскій тронъ».

Ты сказалъ: «Хочу сліянья твоего съ звѣздой сіянья.»
Въ томъ благое пожеланье. Но не рубить здѣсь мой мечъ.
И не властно здѣсь реченье. Лучше буду ждать свершенья
Отъ Небесъ и Провидѣнья. Да узнаю радость встрѣть.

А чего теперь хочу я? Чтобъ ты въ Индіи, ликуя,
Власть на тронахъ знаменуя, воцарившись, поднялъ стягъ.
И чтобъ этотъ свѣтъ небесный, обликъ съ молніей чудесной,
Быть съ тобою въ отрадѣ тѣсной. И чтобъ былъ сраженъ твой врагъ.

Совершится, — жизнь возславлю, и тебя тогда оставлю,
Путь въ Арабію направлю. Ближе къ солнцу. И она
Миръ души моей упрочитъ. И загаситъ, коль захочетъ,
Тотъ пожаръ, что сердце точитъ. Рѣчь, какъ видишь, не длинна.»

Четко все въ словахъ отвѣта. Гаріэль, услышавъ это,
Говоритъ: «Зима не лѣто. Лѣта я ему хочу.
Онъ найдетъ зарю златую, чѣмъ живу и чѣмъ ликую.
Жизнь и онъ пускай живую встрѣтитъ, мной ведомъ къ лучу.

Той заботой мысль объята. Да явлено въ томъ доблестъ брата.
Вотъ, скажи: «Въ путяхъ возврата, до пріемнаго отца
Твоего — мнѣ возвращенье. Попроситъ хочу прощенья
За рабовъ, ихъ убіенье. Умягчитъ хочу сердца.»

Молви: «Завтра въ путь мнѣ нужно. Больше медлитъ недосужно.
Съ словомъ «Если» жить содружно — смерть для сердца моего.
Царь Арабскій — онъ уважитъ сватовство мое, и скажетъ
То, что умъ ему прикажетъ. Буду я молить его.»

Вѣсть пришла черезъ Фридона. Въ этой рѣчи звукъ закона.
Сердце вновь его спалено. Въ сердцѣ дымъ и головни.
«Въ путь, и тщетно промедленье». Въ сердцѣ витязя боренье.
Такъ, владыкамъ — уваженье. Да велятъ сердцамъ они. . .

Автандиль пришел смущенный. И колѣнопреклоненный
Таріэлю, какъ сраженный, обнимаетъ ноги оны.
Говоритъ оны: «Сердцу больно. Предъ Ростэномъ, хоть неволью,
Винъ моихъ уже довольно. Да не буду раздвоенъ.

Быть хочу односердечнымъ. Ты не сможешь передъ Вѣчнымъ
Въ этомъ мигѣ скоротечномъ — правосуднымъ быть съ плеча.
Въ сердцѣ старца-владетелина обо мнѣ теперь кручина.
Не могу на господина я, слуга, поднять меча.

Будетъ тутъ зерно раздора, между мной и милой сора,
Изъ разгнѣваннаго взора будетъ жженіе огня.
Безъ вѣстей мнѣ быть случится, отъ нея вдали томиться.
Кто прощенія добиться здѣсь сумѣетъ для меня!»

Солнцеликій смѣхомъ яснымъ, Таріэль, съ лицомъ прекраснымъ,
Руку взявъ движеньемъ властнымъ, Автандила поднять вдругъ.
«Ты мнѣ сдѣлалъ все благое. Черезъ тебя мой духъ въ покоѣ.
Дай же быть счастливымъ вдвое. Знать, что счастливъ братъ и другъ.

Ненавижу опасеня, въ другѣ чопорность, сомнѣнья,
Лишь оглядки, охлажденя. Тотъ, кто другъ сердечный мой,
Пусть меня къ себѣ оны тянетъ, предо мной открыто станеть.
Если жъ нѣтъ, разрывъ не ранить, оны съ собой, а я съ собой.

Сердце я твоей желанной знаю въ чарѣ необманной.
Мой приходъ не будетъ странный. Черезъ меня придетъ женихъ.
А царю скажу я разное то, что нужно и пріязно.
И желанью сообразно видъ желанный встрѣчу ихъ.

Сердце старое покоя, лишь скажу царю одно я, —
Чтобъ, чертогъ блаженства строя, доброй волей отдалъ дочь.
Если цѣль есть единенье, для чего жъ вамъ разлученье?
Вамъ другъ въ другѣ озаренье. Нужно вамъ цвѣсти помочь.»

Автандиль, увидѣвъ ясно, что препятствовать напрасно,
Поступилъ во всемъ согласно, съ Таріэлемъ отбылъ оны.
А Фридонъ отрядъ отборный выбралъ свитой имъ дозорной.
Самъ оны — съ ними. Другъ безспорный, съ ними долженъ быть Фридопы.

46. СКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ СНОВА ИДЕТЬ ТАРИЭЛЬ
КЪ ПЕЩЕРЪ И ВИДИТЬ СОКРОВИЩА.

УДРЫЙ Дивность сокровенъ намъ явить
въ словахъ реченя:—
«Въ Богѣ благо, возрожденье. Не изъ Бога дышетъ зло.
Злой Имъ въ мигѣ укорочень. Ходь благого Имъ
упрочень.
Въ совершенствѣ Вышній точень. Внѣ низинъ души
свѣтло.»

Эти львы, всегда живые, эти солнца золотыя,
Въ дали шествуютъ ныня. Съ ними дѣва, съ ликомъ зорь.
Крылья ворона сивѣютъ. Въ этихъ косахъ свѣты мльбють.
И рубины щекъ алѣютъ. Самошѣты съ ней не споръ.

Это солнце въ паланнинѣ нераздѣльно съ ними нынѣ.
Вотъ охота по долинѣ. Кровь течеть. Свиститъ стрѣла.
Гдѣ бь они ни проходили, той красѣ и этой силѣ
Взоры всѣхъ восторгъ струили, имъ дары и имъ хвала.

Словно это сводъ небесный. Между лунъ, въ семьѣ ихъ тѣсной,
Солнца ликъ горитъ чудесный. Дни пути — и ближе цѣль.
Между горъ, что въ мглѣ какъ въ дымахъ, для людей недостижимыхъ,
Строй туда идетъ любимыхъ, гдѣ томился Таріэль.

Молвить витязь: «Буду нынѣ вамъ хозяинъ. Тамъ въ стремнинѣ
Недостатка нѣтъ въ дичинѣ. И накормитъ насъ Асмать.
Поѣдимъ, повеселимся, а притомъ обогатимся.
Мы въ дарахъ здѣсь не скупились, многосвѣтель пышный кладъ.»

Спѣшась, вотъ идуть въ пещеры, въ тотъ чертогъ утесовъ сѣрый.
У Асматъ дичинъ безъ мѣры. Рѣжутъ вкусные куски.
Радость. Кончена дорога, гдѣ страданій было много.
Восхваляютъ сердцемъ Бога, — счастье вывелъ изъ тоски.

Вотъ въ скалахъ, черезъ пустоты, чрезъ изсѣченные гроты,
Гдѣ сокровища какъ соты, гдѣ печати по дверямъ,
Всей толпой они проходятъ. Забавляясь, въ залахъ бродятъ.
И богатствамъ счетъ не сводятъ. Не воскликнуть: «Мало намъ».

Есть для каждаго блестящій тамъ подарокъ подходящий.
Каждый былъ тамъ предстоящій Таріэлемъ награжденъ.
А потомъ изъ несчетенныхъ тѣхъ сокровищъ сгроможденныхъ,
Какъ изъ житницъ нагруженныхъ, каждый воинъ надѣленъ.

До Фридона молвить слово: «Хоть бери еще и снова,
Я должникъ твой, и такого долга — какъ покрыть объемъ?
Но, благое совершая, вѣрь, — награда ждетъ у края.
Этимъ кладомъ обладая, въ царствѣ имъ блистай своемъ.»

Воздастъ Фридонъ почтенье, и исполненный смиренья
Говоритъ благодаренья: «Царь, я твой, тебя любя.
Ты какъ въ бурю голосъ грома. Всякій врагъ твой лишь солома.
Счастье мнѣ тогда знакомо, какъ смотрю я на тебя.»

Повелѣлъ Фридонъ — верблюжій караванъ доставить дюжій,
Чтобъ богатства въ часъ досужій перевезъ къ себѣ домой.
И въ Арабію оттуда держать путь. Исполненъ чуда,
Вѣтеръ шепчетъ вѣсть про чудо. Къ солнцу мѣсяцъ молодой.

Долгодневное томлень. Вотъ изъ дымки отдаленья
Видны замки и селенья. То Арабія, она.
Послѣ дней тоски суровыхъ, для восторговъ встрѣчи новыхъ,
Въ голубыхъ толпа покровяхъ, къ Автандилу столь нѣжна.

Таріэль до Роставана шлетъ сказать: «Душа медвяна.
Роза въ цвѣтѣ и румяна. Не сорвалъ никто ее.
Царь Индійскій, духомъ ясный, до Арабіи прекрасной,
Я дерзнулъ придти, о, властный, предъ величество твое.

Видь мой, разъ, въ тебѣ волненье пробудилъ и раздраженье.
Наложить хотѣлъ плѣненье на меня, и на конѣ
Гнался. Было то неправо. Вспыхнулъ гнѣвъ во мнѣ какъ лава.
И налѣво и направо смерть рабы нашли во мнѣ.

Потому я предъ тобою нынѣ съ прошлою виною.
Грѣхъ свой бывший не укрою, — бывший гнѣвъ покрылъ его.
Я въ дарахъ не благодѣтель. Въ этомъ мнѣ Фридонъ свидѣтель.
Даръ одинъ принесъ радѣтель: Автандила твоего».

Словъ гдѣ взять мнѣ подходящихъ, чтобъ явить восторгъ горящихъ?
Въ блескѣ трехъ лучей блестящихъ млѣютъ щеки Тинатинъ.
Задрожавшія рѣсницы отгнѣняютъ свѣтъ зарницы.
Подъ бровями — огневицы. Алымъ свѣтится рубинъ.

Чу! литавры. Гулъ ихъ льется. Смѣхъ и говоръ раздается.
Воинъ съ воиномъ смѣется. Подъ уздцы берутъ коней.
Сѣдла всѣ въ огняхъ узорныхъ. Много витязей проворныхъ,
На коняхъ своихъ отборныхъ, жаждутъ встрѣчи, будутъ въ ней.

Вдѣтъ царь, съ нимъ властелины. И вокругъ владыкъ дружины
Словно дружный хоръ единый. Благодарны Богу всѣ.
«Нѣтъ у ала существованья. Для благого лишь дѣянья
Есть и жизнь, и ликованье. Свѣтъ въ готовой ядетъ красѣ».

Ужъ они не за горами. И нѣжнѣйшими словами
Говоритъ, горя глазами, къ Таріэлю Автандиль: —
«Видишь эту пыль равнины? Въ этомъ дымъ моей кручины.
Въ сердцѣ пламени лучины. Отъ огня лишаюсь силъ».

Это мой отецъ пріемный. Я же, точно вѣроломный,
И безродный, и бездомный, медлю встрѣтить, пристыженъ.
Я въ узоръ вступилъ нежданнй. Стыдь мой — слово сказки странной.
Но мечты моей желанной — вѣстникъ ты и другъ Фридонъ».

Тотъ отвѣтилъ: «Ликъ смиренья предъ владыкой — знакъ почтенья.
Здѣсь побудь въ отъединенѣ. Не предамъ тебя огню.
Коль рѣшеніе такое есть у Бога, будь въ покоѣ: —
Солнце съ обликомъ алоя я съ тобой соединю.»

Льву надежды эти сладки. Въ малой ждетъ онъ тамъ палаткѣ.
Радость взглядовъ и оглядки, ждетъ и Нэстанъ-Дарэджанъ.
Дрожь рѣсницъ волной урочной — вѣтеръ сѣверо-восточный.
Царь Индійскій полномочный ѣдетъ прямо, строенъ станъ.

И Фридонъ съ нимъ ѣдетъ вмѣстѣ. О прибытѣ были вѣсти.
Царь Арабскій этой чести ждетъ. И ѣдутъ наконецъ.
Таріэль лицомъ склонился. Прочь съ коня, и озарился.
Царь къ царю свѣтло явился, сынъ одинъ, другой отецъ.

Таріэля почитанье — Ростэвану знакъ вниманья.
Онъ даритъ ему лобзанье, удовольствуя свой ротъ.
Таріэлю — ласка слова: «Блескъ ты солнца золотого.
Безъ тебя не будетъ снова свѣтелъ день, какъ ночь пойдетъ».

Царь глядитъ на обаянье, онъ исполненъ чарованья.
Хвалитъ всѣ его дѣянья, достиженіе побѣдъ.
И Фридонъ явилъ почтенье, предъ владыкой преклоненье.
Царь исполненъ утомленья: Автандила съ ними нѣтъ.

Въ немъ смущеніе велико. Таріэль сказалъ: «Владыка,
Твоего достижши лика, сердце предать я Судьбѣ.
Я дивлюсь, какъ предо мною слово молвилъ ты съ хвалою.
Автандиль когда съ тобою, кто же будетъ любь тебѣ?»

Чую я въ тебѣ томлене и, конечно, удивленье,
Въ чемъ причина промедленья. Сядемъ здѣсь на этотъ лугъ.
Тайну я тебѣ открою, почему онъ не со мною.
Снизойди своей душою. Просьбу вымоплю я вдругъ.»

Вотъ садятся властелины. Сонмомъ ѣдутъ вокругъ — дружины.
Юный свѣтитъ какъ рубины, все лицо озарено.
Смѣхомъ, ликомъ, той игрою, онъ владѣетъ всей толпою.
Началъ рѣчью онъ такую, — какъ къ зерну кладя зерно: —

«Царь, хотѣлъ бы рѣчью стройной усладить твой слухъ достойный.
Но робѣю, безпокойный. Какъ молить тебя смогу?
И о свѣтломъ молвить мнѣ-ли? Самъ я темень, въ самомъ дѣлѣ.
Только имъ лучи зардѣли, чрезъ него свѣчу, не лу.»

Нынѣ оба мы дерзаемъ вблизи притти, и умоляемъ.
Я былъ мукою терзаемъ, Автандилъ мнѣ далъ бальзамъ.
Онъ забылъ, что въ боли равной, въ мукѣ тяжелой и отравной
Былъ со мной онъ подлправный. Но не часъ быть въ этотъ намъ.

Утомлять тебя не стану. Излѣчи же въ сердцѣ рану.
Длиться ты не дай изъязну. Онъ ее, она его,
Оба любить. Пламень ярый пусть не множить въ нихъ удары.
Дочь твоя, чьи сильны чары, будь супругой для него.

Сердце мраморъ, самъ гранитный, да пребудеть съ нею слитный.
Вотъ съ какой я челобитной.» Тутъ платокъ на шею онъ
Навязалъ, и преклонился, на колѣно становился.
Словно школьникомъ явился. Всякъ былъ сильно удивленъ.

Таріэля какъ сраженнымъ и колѣнопреклоненнымъ
Царь, увидя, былъ смущеннымъ, и далеко отступилъ.
И явивъ ему почтенье, на земь палъ: «Отъ огорченья,
Молвилъ, «скрылось наслажденье, что въ твоемъ я видѣ пилъ.

Въ комъ же было бь дерзновенье не свершить твое хотѣнье?
Ни на мигъ во мнѣ сомнѣнья. Дочь хоть въ рабство я отдамъ.
Да свершится тотчасъ слово. Гдѣ бы ей искать другого?
Гдѣ бы ей найти такого, хоть блуждай по небесамъ.

Видѣтъ зятемъ Автандила радость мнѣ, въ немъ свѣтъ и сила.
Дочь ужъ царство получила. Ей приличествуетъ тропь.
Цвѣтъ опалъ мой, цвѣтъ завялый. А она, съ красой немалой,
Дышетъ, свѣтитъ розой алой. Будь же съ нею счастливъ онъ.

Если бь ты раба супругомъ выбралъ, только бы другъ другомъ
Были счастливы, — къ услугамъ, я перечить бы не могъ.
Тщетно было бы борежье. Автандилъ же — внѣ сравненья.
Въ этомъ Богу восхваленье. Да войдетъ же онъ въ чертогъ.»

Слыша царскія признанья, Таріэль, храня молчанье,
Лишь являетъ почитанья, на земь палъ лицомъ своимъ.
Воздастъ и царь почтенье. Каждый въ сердцѣ полонъ рвенья.
Говорятъ благодаренья, и совѣмъ не скучно имъ.

На коня Фридонъ скорѣе. Мчится, свѣтлой вѣстью вѣя.
Авандиль заждался, млѣя. И къ царю опять, вдвоемъ.
Полонъ радости великой, но смущенъ передъ владыкой,
Преклонился луноликій, свѣтитъ дымчатымъ лучомъ.

Царь встаетъ, его встрѣчая. Витязь, ликъ платкомъ скрывая
И смущенно наклоняя, сталь, какъ вешній кустъ въ цвѣту.
Цвѣтъ, подернутый туманомъ, солнце въ гущѣ надъ курганомъ.
Но ничто, въ горѣнны рьяномъ, не сократитъ красоту.

Кроткій царь его лобзаетъ, лаской слезы осушаетъ.
Ноги старцу обнимаетъ умягченный Авандиль.
Молвить царь: «Возстань, смущенные подави. Ты удалъ рвеня
Лишь явилъ, и для служенья мнѣ всю вѣрность сохранилъ.»

Все лицо его лобзая, говоритъ: «Горячка злая
Жгла и жгла, меня терзая. Поздно ты пришелъ съ водой.
Все же ты залилъ горѣнье. Завтра, левъ, соединенье
Съ солнцемъ, ждущимъ расцвѣченья. Поспѣши къ зарѣ златой.»

Ласку всю явивъ герою, усадилъ его съ собою
Царь. Надъ бывшей раньше мглою разожглась лазурь свѣтло.
Юный съ царственнымъ во встрѣчѣ рады взорамъ, рады рѣчи.
Вонъ ужъ гдѣ оно, далече, то, что было и прошло.

Витязь молвить властелину: «Въ ожиданіи я стыну.
На пресвѣтлую картину нужно ль медлить намъ взглянуть?
Встрѣтимъ солнце, — въ утрѣ этомъ золотымъ засвѣтимъ свѣтомъ.
Кто идетъ зарей одѣтымъ, лучъ роняетъ онъ на путь.»

Вотъ и блещутъ въ солнцесвѣтѣ, съ Таріаземъ, двое эти.
Голіабы о привѣтѣ тосковали, — съ ними онъ.
Что хотѣли, повстрѣчали. Побѣдили всѣ печали.
Не играя, мечъ качали, вынимая изъ ножонъ.

Царь сошелъ съ коня. Рѣсницы чуть трепещутъ у царицы,
Нѣжныхъ щекъ ея зарницы свѣтять какъ заря сама.
Въ паланкинтѣ, изъ сѣня, отъ нея ему лобзанье.
Онъ роняетъ восклицанья. Впрямъ лишился онъ ума.

«Какъ хвалить мнѣ солнце это? Приносительница лѣта.
Мысль безуміемъ одѣта, посмотрѣвъ на этотъ свѣтъ.
Солнцелика, лунноясна, ты звѣздой горюшь прекрасно.
Мнѣ смотрѣть теперь напрасно на фіалки, розоцвѣтъ.»

Сладко мѣли въ самомъ дѣлѣ всѣ, которые глядѣли
На зарю въ златомъ апрѣлѣ. Этимъ видомъ взоръ пронзень.
Но еще, еще взирая, чуютъ — тихнетъ боль живая.
Гдѣ ни явится младая, къ ней толпы со всѣхъ сторонъ.

На коней они садятся, къ дому свѣтлому стремятся.
Семь планетъ, — ихъ блескъ сравнятся съ этимъ солнцемъ только могъ.
Красота безъ изъясненія. Тутъ ихъ меркнетъ разумѣнье.
Вотъ и въ мѣсто назначенія, въ царскій прибыли чертогъ.

Тинатинъ была на тронѣ, и со скиптромъ, и въ коронѣ,
Вся какъ въ свѣтлой оборонѣ въ ворожащемъ взорѣ огнѣ.
Отъ ея лучей горящихъ падалъ свѣтъ на предстоящихъ.
Царь Индійскій средь входящихъ смѣлымъ солнцемъ шель къ веснѣ.

И съ царицей молодою Таріэль съ своей женою
Рѣчь ведетъ, и къ ней волною — отъ обоихъ свѣтъ зарницъ.
Не уменьшилось горѣнье, а достигло удвоенія.
И рубинъ въ щекахъ и рдѣнье, — и дрожитъ агатъ рѣсеницъ.

Тинатинъ зоветъ ихъ окомъ на престолѣ съѣтъ высокомъ.
«Рѣшено Всевышнымъ Рокомъ», Таріэль промолвить ей,
«Что престолъ тебѣ, блестящій, нынѣ вдвое подходящий,
Здѣсь съ зарею зорь горячей посажу я льва царей.»

Ликованье въ этомъ звукѣ. И берутъ за обѣ руки
Свѣтлоликаго, и муки по желанной разошлись.
Двое ихъ какъ въ свѣтлыхъ дымахъ, лучше зримыхъ и незримыхъ.
Лучше всѣхъ въ любви любимыхъ. Лучше, чѣмъ Раминъ и Висъ.

Съ Автадиломъ такъ сидѣла дѣва робко и несмѣло,
И мгновенно поблѣднѣла, сердце ходитъ ходуномъ.
Молвитъ царь: «Зачѣмъ стыдлива? Слово мудрыхъ прозорливо: —
«Любить если кто правдиво, такъ конецъ горитъ вѣндомъ.»

Нынѣ Богъ да дасть вамъ, дѣти, десять дружно жить столѣтій,
Въ славѣ, въ счастіи, и въ свѣтѣ, и не знать болѣзни злой.
Быть не шаткими душою, въ вѣтрѣ дней пребыть скалою.
И чтобъ вашею рукою былъ засыпанъ я землей.»

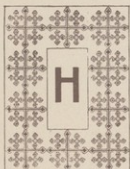
И наказъ дать дружинамъ: «Автандилъ вамъ властелиномъ,
Волей Бога, съ ликомъ львинымъ, нынѣ всходитъ на престолъ.
Я ужъ старъ, и мнѣ затѣнье. Такъ воздайте знакъ почтенья.
И чтобъ вѣрность онъ служенья въ смѣлыхъ васъ, какъ я, нашель.»

Воздавали честь дружины: «Тѣмъ, что наши властелины,
Черезъ кого нашъ свѣтъ единый, да пребудемъ мы землей.
Возвеличенъ ими вѣрный. Токъ враговъ рѣкой безмѣрной
Прочь отброшенъ. И примѣрной карой всякъ наказанъ злой.»

И хвалу и знаки чести Таріэль вознесъ невѣстѣ.
Молвилъ дѣвѣ: «Вотъ вы вмѣстѣ. Братъ мнѣ вѣрный твой супругъ.
Будь и ты моей сестрою. Я твой путь щитомъ покрою.
Если жъ есть кто съ мыслью злою, чрезъ меня исчезнетъ вдругъ.»

47. СКАЗЪ О СВАДЬБѢ АВТАНДИЛА И ТИНАТИНЪ,
ВОЛЕЮ ЦАРЯ АРАБСКАГО.

НИНЪ свѣтитъ огнеокій Автандилъ какъ царь
 высокій.
 Взоромъ чернымъ съ поволокой свѣтитъ рядомъ
 Таріэль.
 Нѣстанъ-Джаръ, прельщенье взглядамъ, съ Тинатинъ
 сіяетъ рядомъ.
 Міръ земли сталъ Райскимъ садомъ, двѣ зари —
 одинъ апрѣль.

Вотъ несутъ хлѣбъ-соль солдатамъ. Подъ ножомъ, стократъ поднятымъ,
 Быкъ, баранъ, числомъ богатымъ, пали. Счасть-ли? Мохъ сочни.
 Всѣмъ несутъ дары-даянья, по достоинству ихъ званья.
 И на лицахъ всѣхъ — сіянье, точно солнце на пути.

Гиацинтова чаша. Изъ рубина кубки, краше
 Зорь весной. Кто души наши усладитъ хвалой всего,
 И сосудами цвѣтными, и блюдами вырѣзными,
 Слѣвши строки, молвить ими: «Праздникъ — тутъ, гляди въ него.»

Въ пѣснопѣнѣхъ диво-дѣвы. И кимвалы льютъ напѣвы.
 Скорби здѣсь не сѣютъ сѣвы. Гулъ веселія кругомъ.
 Здѣсь даянье не утрата. Груды яхонтовъ и злата.
 Въ ста ключахъ виномъ богато брызжетъ пышный водоёмъ.

Никого, кто былъ безъ дара. Хромъ-ли, нищъ-ли, всѣмъ есть чара.
 Шелкъ и жемчугъ. Блесковъ жаръ, кто ни хочетъ, всякъ бери.
 Солнце трижды въ небѣ плыло. Дружкой былъ для Автандила
 Царь Индійскій. Въ смѣхѣ сила, отъ зари и до зари.

Чуть оставши постелю, снова къ играмъ, снова къ хмѣлю.
Царь Арабскій Таріэлю молвить: «Солнечно Настанъ.
Царь царей ты солнцеличный. Царь царей и царь царицы.
Мы предъ вами — прахъ темницы. Лишь отъ васъ намъ пламень данъ.

На одной чертѣ съ царями, не должны сидѣть мы съ вами.
Вотъ вашъ тронъ, а здѣсь мы сами.» Онъ престолы размѣстилъ.
Таріэль на мѣстѣ главномъ. Ниже, за самодержавнымъ,
Авандилъ съ сяньемъ равнымъ, Тинатинъ, огонь свѣтилъ.

Царь Арабскій самъ хозяинъ. Хлѣбосолень, краснобаень,
Всѣмъ приемъ здѣсь чрезвычайенъ. Для него никто не малъ.
Никого не спроситъ: «Кто ты?» Хвалитъ всѣ его щедроты.
Съ Авандиломъ, безъ заботы, съль Фридонъ, и съ нимъ блисталь.

Дочь Индійскую съ супругомъ царь даритъ. Надъ вешнимъ лугомъ
Солнце встанетъ пышнымъ кругомъ, изумрудный озаренъ.
Внѣ числа и описанья всѣ роскошныя даинья,
Скиптры, полныя сянья, блескъ пурпуровыхъ коронъ.

Въ рядъ съ удѣломъ вознесенныхъ тѣ дари: Камней зажженныхъ,
Римской курою снесенныхъ, даль онъ тысячу для нихъ.
И въ дарахъ не безоруженъ, даль онъ тысячу жемчужинъ,
Ликъ съ яйцомъ отъ горлицъ друженъ тѣхъ жемчужинъ отливныхъ.

Также тысячу отборныхъ, неподдѣльныхъ, непритворныхъ,
И какъ вѣтръ степей проворныхъ, тѣхъ Арабскихъ скакуновъ.
А Фридону — съ жемчугами девять блюдь, полны съ краями,
Съ десятию еще конями, сѣдла — блескъ, превыше словъ.

Царь Индійскій, въ знакъ почтенья, воздаетъ благодаренья,
Истовъ, нѣтъ въ немъ опьяненья, хотъ испилъ вина царя.
Длитъ ли мнѣ повѣствованье? Цѣлый мѣсяцъ ликование.
Самоцвѣты льютъ сянья, живъ рубинъ, огнемъ горя.

Грусть и радость порубежны. Таріэль, какъ роза, нѣжный,
Дождь свѣвая бѣлосѣжннй, Авандила съ вѣстью шлетъ
Къ Роставану: «Быть съ тобою было радостью большою.
Но страной моею родною врагъ владѣеть, грозенъ гнетъ.

Тѣ, чей умъ — освѣдомленье, кто знатокъ въ игрѣ боренья,
Принесутъ уничтоженье тѣмъ, кто въ знаньи скудно плохъ.
Пресѣку я путь къ прорѣхамъ, и вернусь къ твоимъ угѣхамъ.
Овлаждѣть бы лишь успѣхомъ. Да поможетъ въ этомъ Богъ».

Ростѣванъ сказалъ: «Владыка, для чего смущенье лика?
Съ звукомъ радостнаго клика, войско все поидеть толпой.
Автандиль поидеть съ тобою. И прочитесь вы грозною,
Тѣхъ разя, кто мыслью злою быть измѣнникъ предъ тобой.»

Автандилу отвѣчая, Таріэль сказалъ: «Отъ Рая
Кто жъ уходитъ? Сохраняя тѣ хрустальные плоды,
Ты ли, солнце, что съ луною лишь недавно порою
Слито, — въ путь пойдешь со мною, убѣгая отъ звѣзды?»

Автандиль сказалъ: «Лукавишь, говоря — меня оставишь.
Самъ уйдя, меня оставишь; «Онъ остался тамъ съ женой.
Онъ таковъ. Судьба супруга.» Чтобы кто оставилъ друга,
Будь онъ съ Сѣвера иль съ Юга, — стыдъ сказать, какой дрянной.»

Таріэль блеснулъ улыбкой. Точно роза влагой зыбкой
Иль серебряною рыбкой заигравшая волна.
Молвить: «Мнѣ съ тобой разлука, о тебѣ томленье, мука.
Такъ со мной же. Въ томъ порука, что судьба у насъ одна.»

Автандиль созвалъ дружины. Встали всѣ какъ строй единый.
Этій выводокъ орлиный. Тутъ сто тысячъ есть бойцовъ.
Съ Хваразмійскими бронями, и Арабскими конями,
Позвенѣли стременами, и къ войнѣ тотъ строй готовъ.

Двѣ сестры въ любви, блѣднѣя, разставаясь, пламенѣя,
Къ груди грудь, и къ шеѣ шея, плачутъ, сердце ихъ клялось.
И у тѣхъ, кто видитъ это, — что въ разлукѣ май и лѣто, —
Нѣтъ въ глазахъ скорбящихъ свѣта, въ арѣбни все въ душѣ сожглось.

Если съ Утренней Звѣздой Мѣсяцъ вровень надъ чертою
Горь, раскинутыхъ грядою, вмѣстѣ путь ухода имъ.
Если жъ Мѣсяцъ зачарованъ, не уходитъ, какъ бы скванъ,
И Денницѣ заколдованъ путь возврата къ золотымъ.

Тотъ, кто создалъ ихъ такими, Кто велѣлъ пребыть имъ — ими,
Повелѣньяи крутыми можетъ ихъ разъединить.
Вотъ совсѣмъ онѣ склонились. Роза съ розой нѣжной слились.
Тѣ, что были тамъ, дивились. Нити двѣ, одна нить.

Нэстанъ-Дарэджанъ сказала: «Если бъ я тебя не знала,
Я бы рано не вставала, разставаясь здѣсь съ зарей.
Напишу. Пиши мнѣ строки. Будемъ мы теперь далеки.
Я тобой — въ горячемъ токъ. Ты, вдали, зажжешься — мной».

Тинатинъ сказала: «Взгляда солнцесвѣтлая услада.
Правда ль намъ разстаться надо? Какъ оставлю жизнь мою?
Не о дняхъ молю я Бога. Лучше смерть пусть глянеть строго.
Дней тебѣ пусть дастъ Онъ много. Столько, сколько слезъ пролью.»

И опять одна другую предавая поцѣлую,
Дѣлять скорбь онѣ двойную. И оставшая здѣсь
Взоръ къ ушедшей устремляетъ. Оглянувшись, та сгораетъ,
Къ ней свой пламень посылаетъ. Кто разскажъ доскажетъ весь?

Роставанъ, средь вздоховъ шумныхъ, былъ безумиѣ безумныхъ.
Онъ въ сомнѣньяхъ многодумныхъ изливалъ кипѣнье слезъ.
Таріэль, грустя мечтою, былъ Ущербною Луною.
Нѣжной снѣжною волною лепестки струились розъ.

Таріэля обнимая, царь цѣлуетъ, цвѣтъ сжимая.
Говорить: «Виднѣемъ мая былъ ты здѣсь и сномъ весны.
Ты уйдешь — и вотъ терзанья. Въ двадцать разъ сильнѣе страданья.
Черезъ тебя существованье, и тобой мы сражены.»

Таріэль, при разставаньи, плетъ царю съ коня прощанье.
Отъ всеобщаго рыданья оросилися дуга.
Говорятъ ему солдаты: «Поспѣши къ зарѣ, когда ты
До зари идешь.» Трикратно грустны нѣжные снѣга.

Съ Автадилломъ и Фридономъ Таріэль снѣшитъ зеленымъ,
Ужъ впередъ идущимъ лономъ, съ ними людный караванъ.
Восемьдесятъ тысячъ смѣльныхъ — вороныхъ коней и бѣлыхъ
Устремляютъ до предѣловъ тѣхъ иныхъ далекихъ странъ.

И уходит путь-дорога. Хоть людей на свѣтѣ много,
Нѣтъ такихъ троихъ у Бога. Быть имъ разъ лишь суждено.
Всякъ, кто встрѣтится, въ мгновенье изъясляетъ подчиненье.
Въ вечеръ — ихъ отдохновенье. И не сливки пьютъ, вино.

Даръ блестящій, даръ веселій, Таріэль съ женой, какъ пчелы,
Медъ снискали, тѣ престолы, лучезарныхъ семь число.
Пышность этихъ утѣшеній — отдыхъ имъ отъ всѣхъ мученій.
Не пойметъ тотъ наслажденій, кто не вѣдалъ близко зло.

Глянь туда, гдѣ эти двое. Что здѣсь солнце золотое.
Весь народъ, въ великомъ роѣ, здѣсь привѣтствуетъ царя.
Бьютъ въ литавры, въ барабаны. Кличутъ трубы. Клики рьяны,
Всѣ на пиръ великій званы. Въ этихъ двухъ для всѣхъ зари.

Приготовили два трона. Автандила и Фридона
Усадили. Волны звона. Восхваленіе владыкъ.
Всѣ рассказы о нихъ узнали. Всѣ повѣданы печали.
Повѣсть дивную встрѣчали — одобреніе и кликъ.

Подъ играніе свирѣли веселились, пили, ѣли.
Свадьбу праздновать умѣли. Праздникъ свадьбы — свѣтъ сердцамъ.
Четверымъ — подарокъ равный, достовѣрный, достославный.
А еще рукой державной — даръ просыпанъ бѣднякамъ.

Автандила и Фридона хвалить. Честь для нихъ поклона.
«Вы, — имъ вторять, — оборона.» Всѣхъ Индійцевъ имъ почетъ.
Смотрятъ всѣ на нихъ съ почтеньемъ. Властнымъ слушать съ поклоненьемъ.
Всѣ просторы ихъ хотѣнья. Каждый къ нимъ съ любовью льнетъ.

До Асмать, сестрѣ въ неволѣ, раздѣлительницы доли,
Царь Индійскій молвитъ: «Богѣ, чѣмъ твоихъ свершеній кругъ,
Сынъ отцу и мать для сына не свершитъ. Такъ воедино
Съ нами правь, твоя — седьмина. Нѣжный съ нѣжнымъ, съ другомъ другъ.»

Такъ цари надъ той седьмою частью. Намъ же будь слугою
И кого своей душою мужемъ выберешь, возьми». —
Павъ къ ногамъ его, цѣлуетъ ихъ Асмать. «Тобой ликуетъ
Жизнь моя и торжествуетъ. Службу давь, не отними.»

Эти трое, побратимы, подчиненными любимы,
Веселятся. Но уж дьмы грусти знает Автандиль.
Къ Тинатинъ летить мечтами. Ужъ ни чудо - жемчугами,
Ни горячими конями больше рокъ ему не льститъ.

Тариэль его томленью и къ избранницѣ стремленью
Замѣчаетъ: «Омраченью вижу сердца твоего.
Тайныхъ семь твоихъ печалей мнѣ еще восьмую дали.
Счастье было, счастье взяли. Разлучимся, нѣтъ его.»

И Фридонъ для удаленья также проситъ позволенья.
«Я домой хочу. Но млѣнье сердца — къ этому двору.
Каждый разъ, какъ, старшій, будешь звать меня, слугу пробудишь,
Лань къ ручью придти понудишь, въ тѣнь, дабы унять жару.»

Автандилу для Ростана — малыхъ цѣнныхъ мантий смѣна,
И сосудъ, гдѣ емкость плѣна держитъ яхонты въ числѣ.
«Вотъ возьми, и въ послушанье отвези мои даянья».
Молвить тотъ: «Существованье безъ тебя — какъ жизнь во мглѣ».

Тинатинъ, какъ даръ священный, отъ Нэстанъ покровъ безцѣнный,
Также плащъ воздушно-плѣнный, лучезарнѣе зари.
Кто возьметъ, тотъ взялъ не даромъ. Ночью солнечнымъ пожаромъ
Свѣтитъ. Нѣтъ предѣла чарамъ. Огнь, откуда ни смотри.

Автандиль съ коня прощался, съ Тариэлемъ разставался.
Въ нихъ обоихъ разгорался пылъ разстаннаго огня.
И отъ слезъ Индійцевъ травы влажны, — жаль имъ этой славы.
Автандиль сказалъ: «Отравы міра — жалать, жгутъ меня.»

Вхалъ онъ съ Фридономъ рядомъ. И позднѣй, мѣняясь взглядомъ,
Разлучились. Всякъ — къ отрядамъ путь направить свой — къ своимъ.
Ждали каждаго утѣхи. Радость полная въ успѣхѣ.
Въ край Арабскій безъ помѣхи прибылъ тотъ, кто въ немъ любимъ.

Автандиль — въ красивой силѣ. И Арабы выходили.
Привѣчали. Тучки плыли и растаяли сполна.
Съ ней сидѣлъ онъ на престолѣ. Что желать имъ было болѣ?
Свѣтъ верховный въ этой долѣ. И корона имъ дана.

Три властителя друг друга навѣщали въ часъ досуга.
Ихъ желанья полность круга знали, свѣтлые, во всемя.
Устраняя все напасти, расширяли область власти.
Кто чужой захочетъ части, усмиряли тѣхъ мечомъ.

Ихъ дары — какъ хлопья снѣга, или рѣка, что грани берега
Запила. Повсюду — нѣга. Бѣднымъ — помощь, бичъ — надъ зломъ.
И вдова отъ нихъ богата. И овецъ сосутъ ягнята.
Свѣтомъ вся страна объята. Волкъ, кормясь, дружитъ съ козломъ.

Сказать о нихъ — какъ сновидѣнье. Мигъ въ ночи — его явленье.
Отошли, какъ блескъ мгновенья. Вѣкъ земной чрезмѣрно малъ.
Все жъ они сіяли въ яви. Я, пѣвецъ села Рустави,
Изъ Месхэти, пѣсню славъ здѣсь сложилъ и записалъ.

Для Грузинской я богини, лунноликой, чьей святынь
Царь Давидъ, во всей гордынь блесковъ солнечныхъ, слуга,
Ей, чимъ страхомъ все объято отъ Востока до Заката,
Пѣснь сложилъ, въ ней повѣсть сжата, для царицы — жемчуга.

Отъ издателя

Иллюстраціи, приложенныя къ настоящему русскому изданію, принадлежація извѣстному художнику, академику Зичи и бордюры, заглавныя буквы и концовки, изображающія образцы орнаментовъ старинной грузинской архитектуры, — взяты съ самаго роскошнаго грузинскаго изданія поэмы — 1888 года.

21/1

СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ:

« ДОМЪ КНИГИ »
MAISON DU LIVRE ETRANGER
9, RUE DE L'EPERON,
PARIS-VI

« ПЕТРОПОЛИСЪ »
PETROPOLIS-VERLAG A. G.
MEINECKESTRASSE, 19,
BERLIN W. 15